

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 26. № 1

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«История войн и военного искусства в России и мире». Памяти М.М. Загорулько (1924–2021) посвящается...

History of Wars and Military Art in Russia and the World. Dedicated to the Memory of M.M. Zagorulko (1924–2021)...

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 26. No. 1

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,*
N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina
Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Relayed to print Jan. 11, 2021.
Date of publication Mar. 12, 2021. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 24.6. Published pages 26.4.
Number of copies 500 (1st dublicate 1–62). Order 27. «С» 1.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*
Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина
Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 11.01.2021 г.
Дата выхода в свет 12.03.2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 24,6. Уч.-изд. л. 26,4.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–62 экз.). Заказ 27. «С» 1.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021

Том 26. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2021

Volume 26. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2021. Vol. 26. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

***Topic of the issue: History of Wars and Military Art in Russia and the World.
Dedicated to the Memory of M.M. Zagorulko (1924–2021)...***

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* – Issue Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Giryu* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O. Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

At the invitation of Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Dr. Sc., Prof. *V.P. Trut*
took the position of the Executive Editor
of the present issue (Rostov-on-Don)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021. Т. 26. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «История войн и военного искусства в России и мире».
Памяти М.М. Загорюлько (1924–2021) посвящается...

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* – редактор номера (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающим редактором номера является д-р ист. наук, проф. *В.П. Трут* (г. Ростов-на-Дону)

СОДЕРЖАНИЕ

Тюменцев И.О. Памяти Максима Матвеевича Загорулько	6
Трут В.П. Войны в истории человечества	10

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Мехмадиев Е.А. Пограничная армия поздней Римской империи в середине IV в. (на примере Исавии и рейнской границы): к вопросу о методах размещения войсковых подразделений	13
Козляков В.Н. Военные действия польско-литовского гарнизона в Москве против Первого земского ополчения в начале 1611 года	23
Славнитский Н.Р. Рекрутские наборы 1710–1711 гг. и распределение рекрутов в гарнизоны северо-запада России	33
Иванюк С.А. Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века	41
Кандаурова Т.Н. Подготовка армейских резервов в учебных структурах военных поселений в первой половине XIX века	53
Манойло А.В., Пономарева Е.Г., Трунов Ф.О. Перспективные модели строительства вооруженных сил стран-членов НАТО (на примере Германии и Норвегии)	67

СПЕЦСЛУЖБЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ниязов Н.С., Ниязова Г.Ю. Войны и региональные конфликты в донесениях советских спецслужб 1938 года	82
Левин Я.А. Деятельность спецслужб США в Китайской Республике в годы гражданской войны (1927–1950 гг.)	93
Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Глобальные изменения климата как угроза национальной безопасности: американская и российская политические практики	107

ДИПЛОМАТИЯ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Симоненко Е.С. Участие Канады в деятельности имперских военных органов в годы Первой мировой войны	123
--	-----

Рабуш Т.В. Процесс вовлечения Пакистана и Саудовской Аравии в события в Афганистане (конец 1970-х гг.) [На англ. яз.]	133
---	-----

Морозов В.М. Сетевая дипломатия: подходы к израильско-палестинскому конфликту [На англ. яз.]	145
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Магарамов Ш.А., <u>Иноземцева Е.И.</u> , Чекулаев Н.Д. Доходы российской казны на материалах дербентского гарнизона Низового корпуса	157
Циткилов П.Я. Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны	172

ВОЕННАЯ АТРИБУТИКА

Шуныаков Д.В. Наградное производство в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	182
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ

Белозёров В.К. Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России	190
Тюменцев И.О., Клейтман А.Л. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова)	201
Рыблова М.А., Архипова Е.В. Традиция в условиях военной экстремальности: народные способы осмысления и «преодоления» Великой Отечественной войны	216
Гоманенко О.А. К вопросу о пострадавших объектах хозяйства сталинградского участка Нижневожского речного пароходства в ходе Великой Отечественной войны	229
Литвинова И.Н., Карагодина О.А. Историко-архитектурное наследие г. Волгограда: знаковые объекты площади Павших Борцов довоенного и военного Сталинграда	238

ОБЗОРЫ

Сидоров С.Г. V Международная научная конференция «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (11–12 сентября 2020 г., г. Волгоград)	253
--	-----

CONTENTS

<i>Tyumentsev I.O.</i> In Memory of Maksim Matveevich Zagorulko	6
<i>Trut V.P.</i> Wars in Human History	10
ARMED FORCES AND MILITARY OPERATIONS	
<i>Mekhamadiev E.A.</i> Frontier Army of the Late Roman Empire in the Mid-4 th c. A.D. (Case of Isauria and the Rhine Frontier): on the Ways of Territorial Deployment of Military Units	13
<i>Kozlyakov V.N.</i> Military Operations of the Polish-Lithuanian Garrison in Moscow Against the First Zemstvo Militia in Early 1611	23
<i>Slavnitsky N.R.</i> Recruitment in 1710–1711 and Distribution of Recruits to the Garrisons of Northwestern Russia	33
<i>Ivanyuk S.A.</i> Features of Fortifications of the Tsaritsyn Defense Line in the 20s of the 18 th Century	41
<i>Kandaurova T.N.</i> Training of Army Reserves in the Educational Structures of Military Settlements in the First Half of the 19 th Century	53
<i>Manoilo A.V., Ponomareva E.G., Trunov P.O.</i> Creation of Armed Forces in NATO Member States: Promising Models of Germany and Norway	67
INTELLIGENCE AGENCIES AND NATIONAL SECURITY	
<i>Niyazov N.S., Niyazova G.Yu.</i> Wars and Regional Conflicts in Soviet Intelligence Reports of 1938	82
<i>Levin Ya.A.</i> Activities of the U.S. Special Services in the Republic of China During the Civil War (1927–1950)	93
<i>Nazarov V.P., Afinogenov D.A.</i> Global Climate Change as a National Security Threat: American and Russian Political Practices	107
DIPLOMACY AND MILITARY CONFLICTS	
<i>Simonenko E.S.</i> Canada's Participation in the Imperial Military Bodies in the First World War	123
<i>Rabush T.V.</i> Involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Events in Afghanistan in the Late 1970s	133
<i>Morozov V.M.</i> Network Diplomacy: Approaches to the Israeli-Palestinian Conflict	145
ECONOMIC ASPECTS OF MILITARY CONFLICTS AND ARMED FORCES	
<i>Magaramov Sh.A., Inozemtseva E.I., Chekulaev N.D.</i> Income of the Russian Treasury on Materials of the Lower Corps of the Derbent Garrison	157
<i>Tsitkilov P.Ya.</i> Situation of Families of Military Servants During the Great Patriotic War	172
MILITARY SYMBOLS	
<i>Shunyakov D.V.</i> Award Production in the Red Army During the Great Patriotic War (1941–1945)	182
HISTORICAL MEMORY OF MILITARY EVENTS	
<i>Belozarov V.K.</i> Genesis of the Study of War as a Political Phenomenon in Pre-Revolutionary Russia	190
<i>Tyumentsev I.O., Kleitman A.L.</i> Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20 th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)	201
<i>Ryblova M.A., Arkhipova E.V.</i> Tradition in Conditions of Military Extremeness: Folk Ways of Understanding and “Overcoming” the Great Patriotic War	216
<i>Gomanenko O.A.</i> On Damages Inflicted upon the Stalingrad Section of the Lower Volga Steamship Line in the Great Patriotic War	229
<i>Litvinova I.N., Karagodina O.A.</i> Historical and Architectural Heritage of Volgograd: Iconic Objects of the Square of Fallen Fighters of Pre-War and War Stalingrad	238
REVIEWS	
<i>Sidorov S.G.</i> V International Scientific Conference “Military History of Russia: Problems, Search, Decisions” Devoted to the 75 th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (September 11–12, 2020, Volgograd)	253

ПАМЯТИ МАКСИМА МАТВЕЕВИЧА ЗАГОРУЛЬКО IN MEMORY OF MAKSIM MATVEEVICH ZAGORULKO

2 февраля 2021 г. в 78-ю годовщину Великой Победы советского народа в Сталинградской битве ушел из жизни ветеран Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы, Первый ректор Волгоградского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин города-героя Волгограда и Волгоградской области Максим Матвеевич Загорулько.

Максим Матвеевич родился 23 августа 1924 г. в станице Старонижестеблиевской Краснодарского края. В Волгограде свой день рождения он публично не отмечал, так как его дата совпала с первой самой страшной бомбардировкой нашего города и началом Сталинградской битвы. Но в 1924 г. это был большой праздник – рождение первенца в семье кубанского казака Матвея Степановича Загорулько и его жены Мелании Исаевны.

Детство Максима закончилось в 1930 году. Его отец был обвинен в контрреволюционном заговоре и отправлен в ссылку в село Дивное Ставропольского края. Брат отца Алексей Степанович воевал в белых армиях и вместе с Врангелем ушел в эмиграцию на остров Лемнос. Видимо, по этой причине М.С. Загорулько, по окончании срока ссылки, домой не вернулся и забрал из родной станицы семью. Родители работали от зари до зари в колхозе, а М.М. Загорулько «оттачивал свои управленческие способности», организуя работу младших брата и сестер, в свободное от учебы время, на домашнем огороде и подворье. Родители сделали все, чтобы дети не ожесточились на власть и выросли патриотами Родины. В 1941 г. М.М. Загорулько вступил в комсомол.

В первый год войны школьники занимались урывками, так как их постоянно использовали на строительстве оборонительных рубежей. В 1942 г., накануне призыва, директор школы выписал выпускникам аттестаты до окончания учебного года и без всяких экзаменов. Он был мудрым человеком. Из всех мальчиков класса домой вернулся только старший сержант Максим Загорулько, и если бы не этот аттестат... В составе маршевой роты он был брошен в бой под Сталинградом. Был контужен. Попал в госпиталь, а мать получила первую похоронку. Затем были снайперская и танковая школы, освободительный поход от Волги до Праги, четыре сгоревшие машины и еще одна похоронка матери в 1944 году. Празднование Победы 6 мая 1945 г. сменилось новой войной с Японией, которая также была победоносно завершена 2 сентября 1945 года. Грудь Максима Матвеевича украсили боевые награды, среди которых орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», которыми он особенно гордился.

После демобилизации, с 1947 г. трудовая деятельность Максима Матвеевича непрерывно была связана с высшей школой. Он экстерном закончил Ставропольский пединститут и защитил кандидатскую диссертацию, заведовал кафедрой политэкономии и был деканом историко-филологического факультета Смоленского пединститута. Получил звание доцента.

Старая контузия заставила уехать из Смоленска в Волгоград, который только-только поднялся из руин, и где в начале 60-х гг. полным ходом шло возрождение высшей школы. В 1962 г. доцент М.М. Загорулько был избран заведующим кафедрой политической экономии Волгоградского политехнического института и проработал в этой должности десять лет. Научная работа помогла Максиму Матвеевичу определить тему докторской диссертации – исследование экономики фашистского оккупационного режима на территории СССР. Исследование этой проблемы нашло отражение в монографии, которая выдержала несколько изданий и не потеряла научного значения до сих пор¹.

В 1971 г. М.М. Загорулько был назначен ректором Волгоградского педагогического института и проработал в этой должности девять лет. Несмотря на колоссальную загруженность, в

1975 г. в диссертационном совете Ленинградского государственного университета им была защищена докторская диссертация «Экономическая политика фашистской Германии на оккупированной территории СССР и ее крах», а в 1976 г. М.М. Загорюлько получил аттестат профессора.

Главным достижением ректора ВГПИ М.М. Загорюлько было то, что он первым среди руководителей педагогических вузов страны организовал целевую подготовку учителей для села. Модернизировался учебно-научный комплекс института: было построено общежитие, реконструированы столовая и зоологический музей, заложен современный учебный корпус. Был создан факультет учителей начальных классов. В число студентов ВГПИ влилось много юношей и девушек из зарубежных стран. Широко развивался обмен преподавателями и аспирантами, проводились международные и всесоюзные научные конференции. Сам Максим Матвеевич возглавил общество чехословацко-советской дружбы. Ученый совет Остравского педагогического университета высоко оценил его вклад в развитие образования ЧССР, избрав в 1975 г. почетным профессором и наградив памятной медалью Я.А. Каменского. На Родине его вклад в развитие международных связей был отмечен новой правительственной наградой – орденом Дружбы народов. В 1972 г. Максим Матвеевич был избран членом Волгоградского горкома КПСС, а в 1973 г. – депутатом Волгоградского горсовета.

В феврале 1980 г. М.М. Загорюлько решением Волгоградского обкома КПСС был назначен руководителем ректорской группы создаваемого в Волгограде государственного университета из 6 человек, а 1 сентября 1980 г. первые 250 студентов единственного факультета естественных и гуманитарных наук приступили к занятиям по пяти специальностям в только что сданном учебном корпусе университета. По данным, собранным С.Г. Сидоровым, учебно-научный комплекс университета в 1995 г. перед уходом М.М. Загорюлько с должности ректора состоял из 5 учебных корпусов, общежития, столовой. Строился спортивный корпус и было заложено здание библиотеки. На 6 факультетах, по 19 специальностям на 34 кафедрах обучалось 6 423 студента, 97 аспирантов. В университете работало 372 преподавателя, из них 18 докторов, 145 кандидатов наук. Успешно функционировали 4 совета по защитах кандидатских диссертаций. Книжный фонд библиотеки достиг 509 тыс. томов, а парк ПЭВМ – 444 станций. Объем госбюджетных и хоздоговорных НИР достиг 510 тыс. рублей. Университет успешно сотрудничал с вузами и научными учреждениями Чехословакии, Германии, США, Буркина Фасо, Бельгии и т. д.

С 1983 по 1995 г. М.М. Загорюлько возглавлял совет ректоров вузов Волгограда. С 1984 по 1991 г. являлся членом обкома КПСС. Работал членом экспертного совета ВАК РФ. В 1994 г. избран почетным профессором Волгоградского государственного университета. В 1995 г. вошел в состав Научно-технического совета Госкомвуза РФ. В 1994 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», в 1995 г. – «Почетный работник высшего образования». В 1996 г. Указом Президента РФ за особые заслуги в деле развития российского образования ему была назначена персональная пенсия Президента России. В конце 90-х гг. Максим Матвеевич стал почетным гражданином г. Волгограда, а позднее и Волгоградской области.

В 1995 г. М.М. Загорюлько взялся за создание НИИ Проблем экономической истории России XX в. ВолГУ. В Волгограде Максимом Матвеевичем был создан минимальный по численности коллектив, который взял на себя организацию, изыскание средств на финансирование, информационную и издательскую поддержку научных исследований. Конкретные научные разработки выполнялись учеными из разных городов страны по трудовому соглашению. Под руководством М.М. Загорюлько была разработана и успешно реализована межвузовская научно-исследовательская программа «Актуальные проблемы экономической истории России XX в.» и отдельные проекты, поддержанные фондами РГНФ, РФФИ, Администрацией Волгоградской области. Под редакцией М.М. Загорюлько стал выходить российский научный ежегодник «Экономическая история России: проблемы, поиски, решения» (Волгоград, 1999–2010. Вып. 1–10). Институт выступал одним из организаторов ежегодной международной научной конференции «Вековой поиск путей хозяйственного развития России». Несколько лет спустя успешный опыт историко-экономических разработок был перенесен на регион. Под руководством Максима Матвеевича были разработаны региональные научно-исследовательские программы «Геополитические и этнокуль-

турные особенности экономической истории Приазовья и Прикаспия», «Изучение и использование историко-культурного и природно-ландшафтного наследия Волгоградской области». Институт стал выпускать под редакцией М.М. Загорюлько региональный научный ежегодник «Стрежень» (Волгоград, 2000–2014. Вып. 1–12) и выступать одним из организаторов Волгоградских областных краеведческих чтений. Был подготовлен полный «Библиографический указатель Трудов Вольного экономического общества» (М., 2000. Т. 1–3), выполнено исследование по экономической истории казачества на Волге и Дону, изучена история религиозных организаций в Нижнем Поволжье в первой половине XX в. и пр. По инициативе Максима Матвеевича институт совместно с историческими факультетами Санкт-Петербургского и Волгоградского университетов организовал Волгоградские областные юношеские чтения по истории, по итогам которых выходит сборник «Сталинградская битва в истории России» (СПб.; Волгоград, с 1997 г. – издание продолжается). Была предложена новая модель патриотического воспитания молодежи через приобщение к исследовательскому труду.

Главным направлением работы института стало издание источников по экономической истории СССР, таких как многотомные издания документов «Военнопленные в СССР в 1939–1956 гг.», «Отечественный опыт концессий», «Царицын-Сталинград-Волгоград. Документы и материалы», тематические сборники «Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX в.» (Волгоград, 1998), «Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX в.» и др.

В 2010 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев своим указом поручил местным властям и М.М. Загорюлько создать научно-исследовательский центр «Сталинград». Выдающийся ученый и организатор науки во главе своих учеников и единомышленников вновь «пошел в бой», бросив на новое дело все силы своей научной школы. В 2015 г. возглавляемый им коллектив энтузиастов получил мощную поддержку губернатора Волгоградской области А.И. Бочарова и смог в полной мере воплотить проект нового научного центра в жизнь. Главной темой центра стало «энциклопедическое изучение главного сражения Второй мировой войны Сталинградской битвы», которая должна была стать подведением итогов ее 70-летнему изучению и фундаментом дальнейших научных разработок. Энциклопедия выдержала 8 изданий на нескольких языках и стала явлением в научной и культурной жизни России и других стран. От издания к изданию энциклопедия разрасталась, фундировалась публикациями источников, которые постепенно складывались в самостоятельные серийные издания. Значительную часть этих публикаций М.М. Загорюлько и его единомышленникам удалось осуществить. Еще восемь томов готовы к печати, еще несколько находятся в стадии завершения, а еще больше задумок Максима Матвеевича ждут своего часа².

Символично, что дата рождения Максима Матвеевича совпала с днем начала Сталинградской битвы, и ушел он в 78-ю годовщину со дня ее окончания! Он честно отработал в этой жизни за всех мальчишек из своего класса, навеки связав себя с Сталинградом!

Как он обычно говаривал:

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Загорюлько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. – 3-е изд. – М. : Экономика, 1980. – 376 с.

² Подробнее о работе центра «Сталинград» мы планировали рассказать в последующих номерах.

*Главный редактор – доктор исторических наук, профессор
И.О. Тюменцев*

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА WARS IN HUMAN HISTORY

ВОЙНА... Это, пожалуй, самое страшное явление в истории человечества. Это жуткое явление, олицетворяющее собой смерть, кровь, страдания, разрушения... Она стала постоянным спутником человеческой цивилизации. К огромному сожалению, несмотря на всю истребительную и разрушительную сущность, войны и военные конфликты прочно вошли в историю человечества. Они фиксируются начиная от первых известных так называемых доисторических войн по объединению Верхнего и Нижнего Египта, происходивших еще около III тысячелетия до н. э., войн городов-государств Месопотамии и легендарной Троянской войны XIII–XII вв. до н. э. и заканчивая самой масштабной и разрушительной Второй мировой войной и военными конфликтами современности.

Согласно данным исследователей швейцарского статистического центра, опубликованным еще в середине 1970-х гг., за 5 000 лет человеческой истории только 292 года на Земле не было войн. В произошедших 15 513 больших и малых войнах погибло порядка 3 миллиардов 640 миллионов человек [2, с. 117]. При этом учитывались, естественно, только известные историкам военные конфликты, имевшие значительные масштабы, протяженность, численность участников и последствия.

По сути дела, войны были и, увы, остаются неотъемлемой частью жизни и деятельности людей практически всех регионов. Даже в настоящее время, после пережитых военных катаклизмов и их крайне негативных последствий, они продолжают полыхать на планете. Так, уже в современном XXI в. произошло 46 войн и значительных вооруженных конфликтов разного масштаба и различной интенсивности, включая 11 военно-политических конфликтов, «унаследованных» от предыдущего XX в., два из которых продолжаются вплоть до настоящего времени, и 35 военных конфликтов, возникших уже непосредственно в XXI в., 10 из которых продолжаются до сегодняшнего дня. Их география обширна. В Европе это албано-македонский конфликт 2001 г. и военные действия на территории Юго-Востока Украины; в Закавказье армяно-азербайджанский конфликт (1992 г. – настоящее время), в Южной Осетии 2008 г.; в Северной Африке вооруженные действия в Алжире (1991–2020 гг.) и в Ливии (2001 г. – настоящее время); в Африке южнее Сахары произошло 16 вооруженных конфликтов, некоторые из которых идут и в настоящее время; на Ближнем Востоке 13 конфликтов; на Среднем Востоке 2 конфликта; в Южной Азии 6 военных конфликтов, включая очень опасный по своим возможным последствиям индо-пакистанский конфликт 2019 г. между двумя странами, обладающими ядерным оружием; 1 конфликт в Юго-Восточной Азии [1]. Причем в данный скорбный мартиролог современных войн и военных конфликтов не включены продолжающиеся, то затихающие, то вспыхивающие вновь, многолетние и весьма ожесточенные вооруженные боестолкновения местных противоборствующих сторон на территориях Анголы, Нигера, Колумбии, Мексики, Филиппин.

Неужели человечество не осознавало и не осознает всей алогичности и пагубности явления, когда люди с колоссальной жестокостью уничтожают себе подобных, особенно, если при этом преследуются конкретные корыстные цели. Безусловно, войны бывают захватнические, несправедливые и, наоборот, оборонительные, ведущиеся за свободу и независимость своей Родины и своего народа. Но в любом случае война остается войной, то есть сознательным уничтожением людей людьми. Античеловеческая по своей сути природа войны очевидна.

Историографическая традиция рассмотрения войн и военных конфликтов имеет без преувеличения тысячелетнюю историю и в общей сложности насчитывает огромное количество исследовательских работ самого разного уровня. При этом их авторами изучены самые разнообразные аспекты войн, начиная с анализа причин и поводов того или иного конкретного военного конфликта, выяснения его масштабов и вовлеченных сторон, имевшихся целей, хода и результатов военных действий, отдельных битв и сражений и заканчивая исследованиями военного искусства, деятельности полководцев, политиков и дипломатов, работы органов военной разведки и контрразведки, тыловых и снабженческих структур, а также общих итогов и конкретных военно-политических, международных, социально-экономических, демографических и иных последствий военных событий.

Очевидно, что приоритетное внимание имеют наиболее важные военно-политические международные конфликты, отличающиеся большой масштабностью, напряженностью, жертвами и разрушительными последствиями для участвовавших в них государств, а зачастую и всего мирового сообщества. Многие войны вообще стали эпохальными, рубежными событиями в истории стран, народов и мира в целом. Они разделили историю на периоды «до» и «после» войны. Примерами могут служить завоевания Кира Великого (VI в. до н. э.), войны Александра Македонского (334–323 гг. до н. э.) и Рима (III в. до н. э. – V в. н. э.), монгольское завоевание Азии и части Европы (XIII – начало XV в.), Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), войны эпохи Великой французской революции (1792–1815 гг.) и, конечно, Первая (1914–1918 гг.) и Вторая мировые войны (1939–1945 гг.).

Большую роль войны сыграли и в истории России. Переломными событиями российской истории стали войны Руси и Византии, борьба со степными кочевниками X–XI вв., с Золотой Ордой и татарскими ханствами после ее распада, русско-шведские столкновения от Невской битвы до Северной войны, русско-польско-литовские войны и конфликты с конца XV в. и до Второй мировой войны, русско-турецкие войны XVII–XIX вв., Отечественная война 1812 г., Первая мировая война, Гражданская война 1917–1922 гг. (при этом вопрос о периодизации Гражданской войны вплоть до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионным, в историографии наиболее известными хронологическими рамками данной войны также являются периоды 1917–1920 гг. и 1918–1920 гг.), Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

История войн и военных конфликтов является и будет постоянно оставаться одним из приоритетных предметов исторических исследований.

Данный тематический номер задумывался как широкоформатный, предполагалось взглянуть на проблемы мировой истории через призму времени, не имея территориальных границ и заданных хронологических рамок.

Так, в рубрике «Вооруженные силы и военные действия» представлены статьи, посвященные рассмотрению методов размещения войсковых подразделений пограничной армии поздней Римской империи в середине IV в. (на примере Исаврии и рейнской границы), рекрутских наборов 1710–1711 гг. и распределения рекрутов в гарнизоны Северо-Запада России, фортификационных особенностей оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века. В статьях раздела «Спецслужбы в XX веке» затрагиваются такие интересные вопросы, как войны и региональные конфликты в донесениях советских спецслужб 1938 г. и отношения американских спецслужб с Чан Кайши и их роль в период Гражданской войны в Китае. В рубрике «Дипломатия и военные конфликты» отражены вопросы участия Канады в деятельности имперских военных органов в годы Первой мировой войны, рассмотрен израильско-палестинский конфликт исходя из подходов сетевой дипломатии, процесс вовлечения Пакистана и Саудовской Аравии в события в Афганистане в конце 1970-х годов. Раздел «Экономические аспекты военных конфликтов и вооруженных сил» содержит статьи о доходах российской казны от Дербентского гарнизона низового корпуса и положении семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Статья рубрики «Военная атрибутика» характеризует наградное производство в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Раздел «Историческая память о военных событиях» включает в себя статьи о генезисе исследования войны как политического феномена в доре-

волюционной России, о военно-техническом сотрудничестве СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова), о традициях в условиях военной экстремальности на примере рассмотрения народных способов осмысления и «преодоления» Великой Отечественной войны, о пострадавших объектах хозяйства Сталинградского участка Нижневолжского речного пароходства в ходе Великой Отечественной войны, о знаковых объектах площади Павших борцов довоенного и военного Сталинграда в историко-архитектурном наследии города Волгограда.

Приоритетным, конечно, является изучение и анализ дискуссионных и недостаточно исследованных вопросов той или иной войны или значимого военно-политического конфликта. Однако при этом не следует упускать из вида и очень большое общественно-политическое значение их изучения. В данном плане достаточно обратить внимание на ведущиеся в настоящее время жаркие дискуссии политиков и общественных деятелей многих стран, перерастающие зачастую в настоящие «исторические войны» относительно причин, инициаторов, хода и последствий Второй мировой войны. Это является зримым примером того, как история становится инструментом современной международной политики. Актуальность дальнейшего глубокого и всестороннего исследования различных аспектов войн и военных конфликтов имеет несомненную научную, а в ряде случаев и общественно-политическую актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Густерин, П. Географическая статистика войн и вооруженных конфликтов XXI века / П. Густерин // Военное обозрение. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://topwar.ru/160166-geograficheskaja-statistika-vojn-ivooruzhennyh-konfliktov-xxi-veka.html> (дата обращения: 17.07.2019). – Загл. с экрана.
2. Слово о науке / сост., авт. предисл. и введений к главам Е. С. Лихтенштейн. – М. : Знание, 1976. – [Кн. 1]. – 302 с.

REFERENCES

1. Gusterin P. Geograficheskaja statistika vojn i vooruzhjonnyh konfliktov XXI veka [Geographical Statistics of Wars and Armed Conflicts of the XXI Century]. *Voennoe obozrenie*. URL: <https://topwar.ru/160166-geograficheskaja-statistika-vojn-ivooruzhennyh-konfliktov-xxi-veka.html> (accessed 17 July 2019).
2. Lihtenshtejn E.S., ed. *Slovo o nauke* [A Word About the Science]. Moscow, Znanie Publ., 1976, book 1. 302 p.

Выпускающий редактор номера
В.П. Трут

Information About the Author

Vladimir P. Trut, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, trut.vladimir@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-629X>

Информация об авторе

Владимир Петрович Трут, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственной технической университет, площадь Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, trut.vladimir@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-629X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.2>

UDC 94(37).08
LBC 63.3(0)32

Submitted: 04.07.2019
Accepted: 23.01.2020

**FRONTIER ARMY OF THE LATE ROMAN EMPIRE
IN THE MID-4th c. A.D. (CASE OF ISAURIA AND THE RHINE FRONTIER):
ON THE WAYS OF TERRITORIAL DEPLOYMENT OF MILITARY UNITS**

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the whole 4th c. the Late Roman frontier military units constantly took part in military campaigns against different enemies of the Empire, however the author of this paper asks the question how precisely frontier military units managed their service, i.e. which functions they exercised and how they interacted to local civilian population of the province where they stood in. The author believes that a set of functions depended foremost on the location landscape. *Methods and materials.* The author applies the comparison approach, i.e. compares the peculiarities of two regions where the frontier armies stood: Isauria at the southeast of Asia Minor (mountain landscape) and Upper Germany at the Rhine frontier (mainly plain territory). The source accounts are “The Life of St. Conon of Isauria” (hagiography), an important inscription of Julian the Caesar (future Emperor Julian the Apostate) from Upper Germany (epigraphy) and the work of Ammianus Marcellinus “The Deeds” (*Res gestae*). *Analysis.* The author compares evidence on the military arrangement of two provinces and considers how their frontier units defended these lands from external and internal enemies, how they interacted to local population and how precisely they located in its forts. *Conclusions.* As a result the author concludes that the Roman administration could not place a large number of regular military units in Isauria, because this province had not enough fertile plain lands, this region suffered from the lack of food supply. The hard and cruel mountain landscape enforced to make the bands of irregular city militia – in the case of Isaurian assaults citizens formed military detachments, which were temporarily attached to regular units called vexillations. In contrast, at the Rhine frontier, where there were enough fertile flat lands, the Roman administration might place many regular units and, moreover, this region received detachments from expeditionary troops. In other words, the Roman administration had enough food supply to maintain a high number of regular frontier garrisons.

Key words: flat landscape, mountains, Isauria, Rhine, Upper Germany, frontier garrisons, city militia.

Citation. Mekhamadiev E. A. Frontier Army of the Late Roman Empire in the Mid-4th c. A.D. (Case of Isauria and the Rhine Frontier): On the Ways of Territorial Deployment of Military Units. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 13-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.2>

**ПОГРАНИЧНАЯ АРМИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В СЕРЕДИНЕ IV в. (НА ПРИМЕРЕ ИСАВРИИ И РЕЙНСКОЙ ГРАНИЦЫ):
К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ РАЗМЕЩЕНИЯ ВОЙСКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ**

Евгений Александрович Мехмадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В течение всего IV в. пограничные войсковые подразделения позднеримской армии постоянно участвовали в военных кампаниях против внешних врагов империи, но возникает закономерный вопрос, как именно пограничные гарнизоны выполняли свою службу, то есть какие функции они выполняли и как взаимодействовали с местным гражданским населением той провинции, где они размещались. По мнению автора статьи, набор функций пограничных подразделений в первую очередь зависел от географических особенностей той территории, где они выполняли свою службу. *Методы.* Автор обратился к сравнительному методу, то есть сопоставил особенности военной организации двух провинций империи, где размещались пограничные армии – Исаврии на юго-востоке Малой Азии (горная местность) и Верхней Германии на рейнском фронте (преимущественно равнинные земли). В качестве источников автор обратился к трем текстам – «Жизнь св. Конона из Исаврии» (агиография), надпись Цезаря Юлиана из Верхней Германии (эпиграфика) и труд Аммиана Марцеллина «Деяния» (*Res gestae*). *Анализ.* Автор сопоставил сведения по военной организации двух провинций и рассмотрел, как пограничные подразделения отражали набеги внешних врагов, как они взаимодействовали с местным населением и как именно они размещались в своих крепостях. *Выводы.* По результатам сравнения автор заключил, что римская администрация не могла разместить в Исаврии, где было мало плодородных равнинных территорий, большое количество регулярных войсковых подразделений. Тяжелые условия горной местности заставляли местную администрацию создавать отряды гражданского городского ополчения – в случае нападения исавров горожане формировали боевые отряды, которые временно присоединялись к регулярным подразделениям (вексилляциям) региона. Наоборот, на рейнском фронте, где было достаточно плодородных равнинных территорий, римская администрация не только разместила множество регулярных пограничных соединений, но и перевела туда подразделения галльской экспедиционной армии. Другими словами, у римской администрации были продовольственные ресурсы, чтобы содержать такое количество регулярных подразделений.

Ключевые слова: равнинные земли, горы, Исаврия, Рейн, Верхняя Германия, пограничные гарнизоны, городское ополчение.

Цитирование. Мехмадиев Е. А. Пограничная армия поздней Римской империи в середине IV в. (на примере Исаврии и рейнской границы): к вопросу о методах размещения войсковых подразделений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 13–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.2>

Введение. В течение IV в. различные участки границы поздней Римской империи постоянно подвергались нападениям самых разных внешних врагов, главным образом персов на востоке и германских племен – на западе. Естественно, в этой ситуации значительную роль играли пограничные войсковые подразделения, охранявшие внешние рубежи империи – в силу своего географического положения именно эти подразделения первыми встречали нападения врагов и выдерживали их натиск до подхода основных войск экспедиционных армий. Тем не менее важным ас-

пектом военной службы пограничных подразделений было не только их участие в боевых действиях, но и территориальное расположение в пределах того или иного региона империи. Особенности территориального расположения, на наш взгляд, непосредственно влияли на характер военной службы подразделений – какие функции они выполняли и как взаимодействовали с местным гражданским населением той или иной провинции. Соответственно, цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить, как именно особенности территориального месторасположения погра-

ничных войсковых подразделений влияли на особенности и методы их военной службы.

Методы. Мы хотели бы рассмотреть данный вопрос на основе сопоставления и сравнения сведений по двум регионам империи – Исаврии (горная провинция на юго-востоке Малой Азии) и рейнского фронта (провинция Верхняя Германия, преимущественно равнинная территория). Материалы по этим провинциям позволяют проследить, как пограничные подразделения выполняли свою службу, когда они отражали набеги внешних противников (германцы на рейнском фронте) или когда они воевали против внутренних врагов, проживавших непосредственно внутри империи, а не за ее пределами (исавры). Мы полагаем, что сравнение особенностей военной организации Исаврии и Верхней Германии позволит более четко проследить различия в территориальном расположении пограничных войсковых подразделений, поскольку эти регионы обладали совершенно противоположными географическими условиями – равнинная и горная территории.

Для сопоставления условий военной службы в Верхней Германии и в Исаврии мы обратились к сведениям трех источников, из которых в первую очередь необходимо назвать «Жизнь св. Конона из Исаврии» (ВНГ³ 2077) – агиографический текст, который ранее совершенно не рассматривался и не привлекался для изучения именно военной организации позднеримской Исаврии. Исследователи традиционно обращаются к сведениям этого жития для изучения либо племенной организации горных исавров в середине IV в., либо для изучения истории культуры самого св. Конона. В привлечении сведений этого источника во многом заключается и новизна нашей работы. Два других текста – надпись из Верхней Германии, опубликованная сравнительно недавно, в 2012 г., упоминает о военных мероприятиях Цезаря Юлиана (будущего императора Юлиана Отступника) на рейнской границе в 357–359 гг., а также монументальный труд римского историка Аммиана Марцеллина *Res gestae* («Деяния»).

Анализ 1. «Жизнь св. Конона из Исаврии» и военная кампания против исавров в 354 г.: функции пограничных гарнизонов. «Жизнь св. Конона из Исав-

рии» – текст, редко привлекающий внимание исследователей, изучающих проблемы позднеримской военной организации в IV в., несмотря на тот факт, что этот текст содержит ценные сведения о войсковых гарнизонах, располагавшихся на территории Исаврии как раз в данный период. Традиционно исследователи обращаются к труду Аммиана Марцеллина *Res gestae* («Деяния») – основному источнику по военной истории империи в IV в., тем не менее, сведения Аммиана об Исаврии не позволяют установить, как именно войсковые гарнизоны этой провинции размещались на ее территории, как они выполняли свою военную службу и как взаимодействовали с местным гражданским населением Исаврии, проживавшим в городах.

Рукопись, содержащая текст жития св. Конона, датируется X в. [9, р. 370] (она хранится в Ватиканской библиотеке), тем не менее, сам текст был написан намного раньше – в современной исследовательской литературе доминирует мнение, что, скорее всего, житие св. Конона было составлено в период правления византийского императора Зенона (474–475 и 476–491 гг.), Б. Поттье называет в качестве условной даты, после которой было создано житие, 447 г. [19, р. 137; 13, р. 466]. Судя по всему, автором жития был уроженец Исаврии и монах монастыря, построенного в Исаврии в честь св. Конона [19, р. 134; 13, р. 452]. Герой же этого жития, Конон Исаврийский, был жителем сельской общины Бидана, находившейся вблизи городов Иконий (Конья в современной Турции) и Исаврополь (современный город Зенгибар Калеси (Zengibar Kalesi) возле Коньи в Турции). Сюжетная основа жития состоит в том, что Конон, ранее придерживавшийся языческих верований, был обращен в христианство и крещен самим архангелом Михаилом во времена апостола Павла, то есть, следуя легенде, в I в. н. э. После своего обращения Конон развернул активную миссионерскую деятельность в регионе гор Тавра, в результате некий император-язычник, не названный в тексте по имени, отправил в Бидану специального чиновника с целью арестовать и судить Конона. Суд состоялся в Бидане, но жители Исаврополя освободили Конона и изгнали данного чиновника, тем не менее, через два года Конон умер от ран и увечий, кото-

рые он получил в результате пыток еще во время судебного процесса. После этого через какое-то время односельчане Конона, в свое время принявшие от него крещение, превратили его жилище в церковь¹.

Согласно сведениям жития, для ареста Конона и его последователей в Исаврию был отправлен Магн – «некий начальник, который обладал властью в соответствии с царским указом и распоряжениями» (Μάγνος τις ἡγεμὼν ἔχων ἐξουσίαν ἐκ βασιλικῆς ἀντιγραφῆς καὶ προσταγμάτων) [17, S. 315, l. 9–11]. Б. Поттге идентифицировал «начальника» (ἡγεμὼν) Магна с викарием диоцеза Азия Флавием Магном, который занимал свою должность в 352–354 гг., по мнению исследователя, именно Флавий Магн был отправлен в Исаврию в 354 г. для подавления мятежей исавров. Соответственно Б. Поттге пришел к выводу, что история о «начальнике» Магне, рассказанная в житии, в реальности отражает события 354 года. Исследователь заключил, что благодаря истории о «начальнике» Магне автор жития превратил карательную экспедицию против грабительских банд исавров в гонения на христиан, живших в Исаврии, при этом поместив данные события в I в. н. э. [13, p. 453–454].

Мы согласны с позицией исследователя, она кажется нам аргументированной, поскольку эпиграфические документы из городов Траллы и Эфес подтверждают присутствие чиновника по имени Флавий Магн в пределах диоцеза Азия в 352–354 гг., в тот период он действительно занимал должность викария [8, p. 95, n. 30]. С учетом позиции М. Кристоля и Т. Дрю-Бира, предположивших, что административным центром диоцеза Азия был город Лаодикея на юго-западе Малой Азии (вопреки предшествующей историографии, полагавшей, что резиденция викария находилась в Эфесе) [4, p. 41], мы можем заключить, что, скорее всего, Флавий Магн (= «начальник» Магн из жития св. Конона) прибыл в Исаврию из Лаодикеи (как известно, сама Лаодикея в римский период находилась в провинции Фригия Пакатиана и по совместительству была административным центром этой провинции [12, p. 1177, sv. Laodikeia]).

Судя по всему, пребывание Флавия Магна на территории Исаврии было временным – как проследила М. Кастелло, уже в 356–358 гг.

этот чиновник получил должность проконсула Азии [3, p. 171]², следовательно, в 356–358 гг. Флавий Магн вновь должен был размещаться в Лаодикее. Вместе с тем временное пребывание Флавия Магна в Исаврии довольно подробно отразилось в сведениях «Жизни св. Конона» – эти сведения проливают свет на вопрос о функциях и территориальном размещении местных пограничных гарнизонов Исаврии.

Согласно тексту жития, незадолго до военной экспедиции Флавия Магна вблизи города Исаврополь проводились празднества в честь дня рождения бога Аполлона, в празднике участвовали «жители Исаврополя и окрестной земли» (τοῖς τὴν Ἰσαυρόπολιν [καὶ τὴν περὶ αὐτὴν χώραν] οἰκοῦσιν). Когда к месту проведения праздника прибыл св. Конон, чтобы начать проповедь среди язычников и обратить их в христианскую веру, он «увидел их вооруженными» (θεασάμενος αὐτοὺς ἐνόπλους) и спросил, почему они почитают Аполлона, а также уточнил у них, «не призывает ли вас какая-либо необходимость войны» (μή τις ὑμᾶς ἀνάγκη πολέμου καλεῖ). Те же ответили, что «он (то есть Аполлон. – Е. М.) вооружает нас и усиливает в войнах (так же), как и наших предков. Ведь они передали нам этот обычай» (αὐτὸς ἡμᾶς καθοπλίζει καὶ κατισχύει ἐν πολέμοις ὡς καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν· ἐκεῖνοι γὰρ παρέδωκαν ἡμῖν τοῦτο τὸ ἔθος) [17, S. 301, l. 20–21, 27, 31 – 302, l. 2–3].

Св. Конон успешно провел свою миссию и обратил в христианство многих местных язычников. В результате, когда через некоторое время в Бидану, где жил Конон, прибыл «начальник» (ὁ ἡγεμὼν) Магн и арестовал святого, об этом «услышали жители главного города Исаврии» (ἀκούσαντες οἱ τῆς Ἰσαύρων μητροπόλεως), то есть Исаврополя, поскольку именно о нем идет речь во всем тексте жития³. По словам автора жития, «многочисленные толпы вооруженных людей в спешке собрались (вместе) и устремились против него (то есть Магна. – Е. М.)» (μετὰ σπουδῆς συναχθέντες ὄχλοι πολλοὶ ἐνόπλοι κατέδραμον πρὸς αὐτόν) с целью «оказать помощь святому Конону» (εἰς βοήθειαν τοῦ ἁγίου Κώνωνος) [17, S. 318, l. 27–31]. Вооруженным жителям Исаврополя удалось освободить Конона из тюрьмы, в которую его бросил Магн, сам же

Магн бежал в город Иконий (Конья), где он укрылся от преследовавшей его разгневанной толпы.

Автор жития называет жителей Исаврополя «мужами и женщинами исаврийскими» (ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν Ἰσαύρων), подчеркивая, что они собирались для праздничных церемоний в честь Аполлона «в некоей пещере» (ἐν σπηλαίῳ τινί), сама же пещера, по словам автора, «находится в диких и огромных горах» (ἐν ἀγροῖς καὶ ἀνυπερβάτοις ὄρεσιν κεῖμενος) [17, S. 301, l. 18–23]. Но этот же факт позволяет предположить, что автор четко разделял местное гражданское население Исаврии, которое проживало в городах и подчинялось римской администрации, и дикие горные племена исавров, которые постоянно грабили равнинные территории провинции. В самом деле, согласно сведениям текста, «весь Тавр (горная цепь в юго-восточной Малой Азии, в римский период она пролегла как раз через территорию Исаврии и сопредельных провинций. – Е. М.), находящийся поблизости, заполнен многонаселенными деревнями, расположенными в горах и заросшими лесом, там власть принадлежит тиранам, которые живут по своим законам» (πᾶς ὁ προσπαρακεῖμενος Ταῦρος ἐπετύκνωτο τῆς τῶν κομῶν πολυανδρίας ἐπ’ ὄρεσι κεμένων ἀλσῶδῶν, ὅθεν τύραννοι καὶ αὐτόνομοι ὑπῆρχον) [17, S. 300, l. 10–12].

Сама деревня (община) Биданы, где родился Конон, по словам автора жития, располагалась вблизи некоей горы Лиграмм (τὸ Λίγραμμον ὄρος), которая в тексте даже названа «разбойной» (ληστρικὸν ὄν) – конечно же, здесь идет речь о диких исаврах, которые спускались с горы и грабили окрестных жителей, более того, агиограф упоминает и «предводителя разбойников» (ἀρχιληστήν), некоего Котиса (Κότιν) [17, S. 309, l. 14, 20]. Сами же горные исавры получают от автора только негативные характеристики – «самые негодные исавры, имеющие логово в горах, страшные на вид и живущие в диких деревнях» (πονηροτάτους Ἰσαύρους ἐν ὄρεσιν ἐμφωλεύοντας, φοβηράς τὰς ὄψεις καὶ ἀγρίας τὰς κόμας ἔχοντας) [17, S. 311, l. 30–31].

Следовательно, мы можем предположить, что в реальности вооруженные жители Исаврополя отправились в горные ущелья не для того, чтобы провести праздничные цере-

монии в честь бога Аполлона, а чтобы отразить очередной набег горных исавров, точнее – чтобы провести карательную экспедицию против грабителей, укrywшихся в горах. На наш взгляд, совершенно не случайно жители Исаврополя названы в тексте «вооруженными» (ἔνοπλοι) – судя по всему, они представляли собой не профессиональный войсковой гарнизон, а отряд гражданского (городского) ополчения, который должен был отразить нападения исавров на окрестную сельскую территорию.

И в этом смысле необходимо обратить внимание на сообщение Аммиана Марцеллина – по его словам, в 354 г., то есть в том же году, когда состоялась экспедиция Флавия Магна, исавры совершили вторжение даже в соседние провинции, в частности, в Ликаонию, соответственно, как отмечает Аммиан, дерзость исавров «раздражала воинов, размещенных по многочисленным городам... и крепостям» (*milites per municipia plurima... dispositos et castella* – [2, p. 5 = Amm. XIV. 2. 5]). Следовательно, фраза Аммиана недвусмысленно свидетельствует, что в Исаврии размещались и профессиональные (регулярные) войсковые гарнизоны, существовавшие на постоянной основе. Ранее, в одной из наших прошлых статей, мы предположили, что вплоть до середины 370-х гг. единственными регулярными войсковыми подразделениями Исаврии были три легиона – I, II и III Исаврийские (*Isaurica*), которые в реальности представляли собой всего лишь вексилляции (отряды численностью до 500 человек⁴) I Понтийского легиона (*legio I Pontica*), располагавшегося в Трапезунде, на берегу Черного моря (провинция Понт). На наш взгляд, в 288 г. три эти вексилляции были выделены из состава I Понтийского легиона и отправлены в Исаврию для усиления защиты ее равнинных территорий от набегов горных исавров [1, с. 19–20].

Сопоставив сведения Аммиана Марцеллина и «Жизни св. Конона», мы можем прийти к выводу, что малочисленные профессиональные войсковые гарнизоны Исаврии не могли своими силами справиться с набегами исавров, поэтому в случае начала карательной экспедиции против горных племен эти подразделения пополнялись отрядами городских ополчений, собранных на время участия в во-

енной кампании. Другими словами, регулярные войсковые подразделения, располагавшиеся в крепостях, отправлялись в боевую экспедицию против исавров только тогда, когда они получали подкрепления в виде отрядов городской милиции, эти вооруженные отряды временно присоединялись к регулярным подразделениям и уже вместе с ними участвовали в военных действиях. Не исключено, что отряды городского ополчения временно даже вливались в кадровый состав регулярных подразделений, становились их внутренней составной частью, но после завершения боевых действий отряды городской милиции, конечно же, распускались по домам.

В таком случае совершенно не вызывает удивления тот факт, что набеги исавров затрагивали не только земли Исаврии, но и территории сопредельных провинций – малочисленные регулярные гарнизоны просто не успевали вовремя отразить или сдержать эти набеги, поскольку, во-первых, перед отправкой в горы им приходилось ждать подхода отрядов городских ополчений, а во-вторых, сбор самих ополчений в городах тоже занимал определенное время. Пока отряды ополчений перемещались к пункту назначения, где их ждали регулярные подразделения, исавры уже давно могли выйти за пределы провинции и вторгнуться в соседние регионы.

К примеру, как проследил Б. Поттге, в 370-х гг. участвовавшие набеги исавров угрожали нарушить систему дорожных коммуникаций между Константинополем и Антиохией в Сирии, поскольку наиболее удобные дороги пролегали как раз через земли Исаврии и соседней Киликии [14, р. 143]. Более того, уже в начале V в., в период между 404 и 406 гг., согласно письмам Иоанна Златоуста, исавры грабили путников на дорогах, пролегавших через города Комана, Арабисс (Arabissos) и Цезарея в Каппадокии, а также город Селевкия в самой Исаврии⁵. На наш взгляд, подобная ситуация была связана именно с недостатками военной организации Исаврии – плохое взаимодействие регулярных гарнизонов и гражданских городских ополчений замедляло перемещение войсковых масс к театру боевых действий, а это, в свою очередь, давало исаврам возможность практически беспрепятственно грабить обширную территорию,

охватывавшую земли не только самой Исаврии, но и соседних провинций.

2. Цезарь Юлиан и его военные кампании против аламаннов: новая надпись из Верхней Германии. В 2012 г. П. Ротенхефер и Ю. Голлэндер опубликовали латинскую строительную надпись, обнаруженную в окрестностях города Бад-Нойенар-Арвайлер на юго-западе Германии (земля Райнланд-Пфальц, в римский период – территория провинции Верхняя (Вторая) Германия, то есть по верхнему течению Рейна), эта надпись уникальна тем, что упоминает Цезаря Юлиана (будущего императора Юлиана Отступника), который размещался на рейнском фронте с 355 по 361 г. и провел там несколько успешных кампаний против аламаннов. Соответственно цитируем текст по чтению П. Ротенхефера и Ю. Голлэндера [15, S. 157]:

*D(ominus) n(oster) Fl(avius) Cl(audius) Iulianus
n(obilissimus) Caes(ar)
restitutor orb(is) adque
fel(icitatis) tempor{a}(um) reparator
CAES V co(n)s(ul) III*
«Наш повелитель Флавий Клавдий Юлиан,
самый благородный Цезарь,
восстановитель мира и благополучия времен,
восстановитель
CAES V, в третий раз – консул»

Издатели датировали надпись 360 г., когда Цезарь Юлиан действительно в третий раз получил титул консула, по их мнению, своим содержанием надпись отражает активную строительную деятельность Юлиана по восстановлению крепостей и городов на рейнской границе, эта деятельность, по их мнению, особенно интенсивно развернулась в 357–359 гг. [15, S. 156, 158].

Мы полностью согласны с позицией исследователей, более того, на наш взгляд, последнюю строку надписи можно прочитать как *Caes(ar) V* – «Пятый год – Цезарь», то есть пять лет, в течение которых Юлиан обладал титулом Цезаря, а пятый год, как известно, соответствовал 360 г., поскольку Юлиан получил данный титул в 355 году. В связи с этим текст надписи называет Юлиана восстановителем и тем самым действительно подразумевает, что он восстанавливал многие сторожевые укрепления, оборонительные сооруже-

ния и города на рейнской границе. На наш взгляд, содержание надписи в значительной мере дополняет сведения Аммиана Марцеллина, который сообщает о методах территориального размещения войсковых подразделений армии Юлиана на рейнской границе.

Согласно Аммиану, через некоторое время после битвы при Аргенторате (август 357 г.), когда аламанны потерпели тяжелое поражение, Цезарь Юлиан начал работы по усилению обороны рейнской границы: «и пока никто не оказывал сопротивления, в спешном порядке было восстановлено укрепление, основанное в земле Аламаннов, которое Траян повелел назвать своим именем, ранее оно подверглось еще более тяжелому нападению; там своевременно были размещены защитники, а из варварских земель туда было доставлено продовольствие» (*et dum nullus obsisteret, munimentum, quod in Alamannorum solo conditum Traianus suo nomine voluit appellari, dudum violentius oppugnatum, tumultuario studio reparatum est; locatisque ibi pro tempore defensoribus, ex barbarorum visceribus alimenta congesta sunt* – [2, p. 104 = Amm. XVII. 1. 11]).

Современные исследователи высказывают разные оценки сведений Аммиана – Э. Шалльмайер полагал, что под словом *munimentum* («укрепление») необходимо понимать не отдельную крепость, но целую систему оборонительных сооружений, выстроенных в единую и последовательную линию, друг за другом. По мнению исследователя, Юлиан стремился восстановить старую систему защиты рейнской границы (по верхнему течению Рейна), созданную еще императором Траяном (правил в 98–117 гг.) [16, S. 152]. Д. Геннинг, наоборот, полагал, что в пассаже Аммиана речь идет только об одной крепости, более того, Юлиан не планировал восстанавливать всю систему обороны, действовавшую когда-то при Траяне, – по мнению исследователя, Юлиан всего лишь намеревался укрепить отдельные участки границы, через которые наиболее часто прорывались германцы, и тем самым остановить их дальнейшее продвижение в галльские провинции империи [10, S. 222].

Если исходить строго из текста Аммиана, тогда, конечно же, ясно, что римский ис-

торик говорит о восстановлении только одной крепости, возможно, в течение всего времени боевых действий Юлиан последовательно перестраивал и отстраивал заново многие крепости на различных участках рейнской границы. Тем не менее мы хотели бы обратить внимание на другой факт – по словам Аммиана, когда крепость была восстановлена, Юлиан сразу же разместил в ней войсковое подразделение (гарнизон) и снабдил воинов необходимым продовольствием. Мы полагаем, что сведения Аммиана, во-первых, отражают особенности территориального размещения и функций пограничных подразделений рейнской границы, а во-вторых (что самое важное!), позволяют установить различия между военной организацией двух пограничных регионов империи – Исаврии на юго-востоке Малой Азии и верхней Германии на рейнском фронте. На наш взгляд, эти различия зависели от географических и стратегических условий расположения самих регионов.

В самом деле, как проследил М. Коломбо, войска, которые находились под командованием Юлиана летом 357 г., в основном состояли из подразделений галльской экспедиционной армии *comitatenses*, они представляли собой мобильные вексилляции, оперативно перемещавшиеся с одного участка фронта на другой [5, p. 107–108]. Следовательно, на наш взгляд, под «защитниками» (*defensores*), о которых говорит Аммиан Марцеллин, вполне можно понимать отряды экспедиционной (мобильной, полевой) армии, вместе с которой Юлиан воевал против аламаннов. Судя по всему, Юлиан активно размещал в пограничных крепостях подразделения своей экспедиционной армии, поскольку он непосредственно командовал ими во время боевых действий, на тот момент именно отряды экспедиционной армии находились у него под рукой. В свою очередь, этот факт подводит к выводу, что после перемещения на рейнский фронт подразделения галльской экспедиционной армии⁶ приобрели статус пограничных гарнизонов, они стали частью рейнской пограничной армии и более уже не возвращались во внутренние галльские провинции.

Выводы. Следовательно, на наш взгляд, рассмотренные выше материалы демонстрируют два метода размещения пограничных

войсковых подразделений: гарнизоны, располагавшиеся на внешней границе империи (рейнский фронт), и гарнизоны, выполнявшие свою службу во внутренних землях провинции (Исаврия). Различия в методах размещения, конечно же, влияли и на особенности функций пограничных гарнизонов – в случае с рейнским фронтом можно подчеркнуть, что в 357–359 гг. пограничная армия Верхней Германии получала подкрепление в виде войск галльской экспедиционной армии. Другими словами, Цезарь Юлиан интенсивно переводил на рейнскую границу и размещал в крепостях подразделения той экспедиционной армии, вместе с которой он воевал против аламаннов. Следовательно, местные пограничные гарнизоны рейнского фронта пополнялись экспедиционными войсками, то есть мобильными, профессиональными, регулярными и хорошо обученными подразделениями.

Но в Исаврии сложилась совершенно иная ситуация – значительную часть территории этой провинции занимали горы, а плодородной равнинной земли было недостаточно для содержания и продовольственного обеспечения большого количества профессиональных и регулярных войсковых подразделений. Регулярные боевые отряды, существующие на постоянной основе, требуют наличия значительных продовольственных и финансовых ресурсов, таких ресурсов у Исаврии, судя по всему, не было просто в силу географических условий самого региона. Очевидно, к 354 г., когда состоялась экспедиция Флавия Магна, администрация Исаврии могла содержать не более трех регулярных подразделений (вексилляций), которые, соответственно, получали подкрепление уже не из войск какой-либо экспедиционной армии, а только из местного гражданского населения провинции, точнее – из жителей крупных городов. Эти жители формировали отряды городского ополчения, которые временно присоединялись к регулярным подразделениям для участия в карательных военных экспедициях против исавров, после же завершения боевых действий отряды городского ополчения распускались по домам и прекращали свое существование.

И, конечно же, следует обратить внимание на еще одну важную особенность – рассказывая о восстановлении крепости на рейн-

ской границе, Аммиан Марцеллин упомянул о доставке в крепость продовольствия, собранного в землях германцев. Конечно же, эти германцы жили вблизи расположения римских войск, более того, предварительно римляне одержали над германскими племенами победу и подчинили их своей власти (очевидно, временно). Соответственно, у Юлиана и его армии была возможность собрать урожай с земель подвластных германцев, в Исаврии же у местной римской администрации такой возможности не было. В самом деле, дикие исавры жили в труднодоступных и труднопроходимых горах и практически не подчинялись римской власти, горные исавры представляли собой внутренних варваров, а пограничные гарнизоны были внутренним фронтом, поскольку они располагались не на внешней границе империи, а внутри провинции. Следовательно, продовольственное снабжение пограничных гарнизонов Исаврии зависело исключительно и только от местного гражданского населения равнинных территорий, которые и сами страдали от постоянных и разорительных нашествий горных исавров. На наш взгляд, сопоставление военной организации Исаврии и рейнского фронта в ситуации боевых действий позволило нам более четко выделить особенности функций пограничных гарнизонов в условиях двух совершенно разных видов географической территории – равнинной и горной местности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткий обзор сведений и структуры жития см.: [9, р. 370–371].

² Авторы знаменитой «Реальной энциклопедии» полагали, что в период империи слово «проконсул» подразумевало скорее титул наместника провинции, а не реальную административную должность, в таком случае вполне возможно, что в 356–358 гг. Флавий Магн продолжал занимать должность викария диоцеза (но не провинции) Азия, но уже с почетным титулом «проконсул». См.: [18, р. 1233].

³ Вплоть до начала IV в. столицей Исаврии был город Исавра (Ἰσαυρα), вполне возможно, что другим вариантом его названия как раз и было слово «Исаврополь». В начале IV в., при императоре Диоклетиане (284–305 гг.), столица Исаврии была перенесена в город Селевкия. Скорее всего, автор ошибочно помещает столицу провинции в Исав-

рополе – к 354 г., когда состоялась экспедиция Флавия Магна, административным центром региона уже давно была Селевкия. См.: [12, p. 1014, sv. Isaura, Isauria].

⁴ О численности позднеримских вексиляций см.: [7, p. 547–549, 551, 553–554].

⁵ См. об этом более подробно: [6, p. 221, 225].

⁶ Тем не менее Я. Ле Бок отверг идею о существовании в Галлии отдельной и обособленной экспедиционной армии, которая размещалась во внутренних землях этого региона – по мнению исследователя, под командованием Цезаря Юлиана в 357 г. находились исключительно пограничные войска, которые перемещались вдоль всего рейнского фронта вместе с Юлианом. Я. Ле Бок полагает, что они получали почетное наименование *comitatenses* («сопровождающие императора») только временно, на период военных кампаний, когда они сопровождали Юлиана и участвовали вместе с ним в боевых действиях. См.: [11, p. 61, 64].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ – Византийский временник. Новая серия. М., 1946.

BJ – Bonner Jahrbücher. Bonn, 1842.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мехмадиев, Е. А. Исаврийские части восточноримской армии в IV – первой половине V в.: к вопросу об истории войскового подразделения *Felices Theodosiani Isauri* / Е. А. Мехмадиев // ВВ. – 2015. – Т. 74 (99). – С. 15–30.

2. *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt* / ed. W. Seyfarth. Vol. I: XIV–XXV. – Lipsiae: Teubner, 1978. – 380 p.

3. Castello, M. *Il quaestor Montius e il vicarius Fl. Magnus: alcune riflessioni sul reclutamento del funzionariato sotto Costanzo II* / M. Castello // *Historiká*. – 2011. – Vol. 1. – P. 145–185.

4. Christol, M. *Antioche de Pisidie: capital provinciale et l'œuvre de M. Valerius Diogenes* / M. Christol, Th. Drew-Bear // *Antiquité Tardive*. – 1999. – Vol. 7. – P. 39–71.

5. Colombo, M. *La campagna estiva del 357 in Germania I, la spedizione del magister peditum praesentalis Barbatio contro gli Alamanni Iuthungi in Raetia II e le manipolazioni narrative di Ammiano Marcellino* / M. Colombo // *Tyche*. – 2016. – Bd. 31. – P. 103–125.

6. Delmaire, R. *Jean Chrysostome et les brigands Isauriens* / R. Delmaire // *Consuetudinis amor. Fragments d'Histoire romain (IIe – VIe siècles) offerts*

à Jean-Pierre Callu / Éd. par F. Chausson, E. Wolff. – Roma: L'Erma di Bretschneider, 2003. – P. 217–230.

7. Duncan-Jones, R. *Pay and Numbers in Diocletian's Army* / R. P. Duncan-Jones // *Chiron*. – 1978. – Bd. 8. – P. 541–560.

8. Feissel, D. *Vicaires et proconsuls d'Asie du IVe au VIe siècle: remarques sur l'administration du diocèse Asianique au Bas-Empire* / D. Feissel // *Antiquité Tardive*. – 1998. – Vol. 6. – P. 91–104.

9. Halkin, F. *Publications récentes de textes hagiographiques grecs* / F. Halkin // *Analecta Bollandiana*. – 1935. – Vol. 53. – P. 366–381.

10. Henning, D. *Das "munimentum Traiani" und Julians Alamannen-Feldzug vom Herbst 357 n. Chr* / D. Henning // *Historia*. – 2017. – Bd. 66/2. – S. 216–227.

11. Le Bohec, Y. *La "petite stratégie" de Rome en Gaule au temps du César Julien (355–361)* / Y. Le Bohec // *Rivista di Studi Militari*. – 2012. – Vol. 1. – P. 47–67.

12. *Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazhdan. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – Vol. 2. – 746 p.

13. Pottier, B. *Banditisme et révolte en Isaurie au IVe et Ve siècles vus par les Isauriens eux-mêmes. La Vie de saint Conon* / B. Pottier // *Mediterraneo antico. Economie, società, culture*. – 2005. – Vol. 8/2. – P. 443–474.

14. Pottier, B. *Les dangers du voyage: banditisme et insécurité sur les routes au IVe siècle et au début du Ve siècle* / B. Pottier // *Antiquité Tardive*. – 2016. – Vol. 24. – P. 137–147.

15. Rothenhöfer, P. *Eine Inschrift Kaiser Julians aus der Germania secunda* / P. Rothenhöfer, J. Hollaender // BJ. – 2012. – Bd. 212. – S. 153–160.

16. Schallmayer, E. *Germanen in der spätantike im Hessischen Ried mit Blick auf die Überlieferung bei Ammianus Marcellinus* / E. Schallmayer // *Saalburg-Jahrbuch*. – 1998. – Jg. 49. – S. 139–154.

17. Trautmann, R. *Drei griechische Texte zum Codex Suprasliensis. II. Das Martyrium von Konon dem Isaurier* / R. Trautmann, Klostermann // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. – 1934. – Bd. 11. – Hft. 3/4. – S. 299–324.

18. Wesenberg, G. *Pro consule (Proconsul)* / G. Wesenberg // *Paulys Realencyclopädie der classischen altertumswissenschaft* / Hrsg. von K. Ziegler. Hbbd. 45. – Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1957. – Col. 1232–1234.

19. Wood, Ph. *The Invention of History in the Later Roman World. The Conversion of Isauria in "The Life of Conon"* / Ph. Wood // *Anatolian Studies*. – 2009. – Vol. 59. – P. 129–138.

REFERENCES

1. Mekhamadiev E.A. *Isavriyskie chasti vostochnorimskoy armii v IV – pervoy polovine V v.: k*

voprosu ob istorii voyskovogo podrazdeleniya Felices Theodosiani Isauri [The Isaurian Military Units of East Roman Army During the 4th – the First Half of the 5th c. A.D.: on the History of the Military Unit of the Felices Theodosiani Isauri]. *Vizantiyskiy Vremennik*, 2015, vol. 74 (99), pp. 15-30.

2. Seyfarth W., ed. *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt*. Vol. I: XIV–XXV. Lipsiae, Teubner, 1978. 380 p.

3. Castello M. Il *quaestor* Montius e il *vicarius* Fl. Magnus: alcune riflessioni sul reclutamento del funzionariato sotto Costanzo II. *Historiká*, 2011, vol. 1, pp. 145-185.

4. Christol M., Drew-Bear Th. Antioche de Pisidie: capital provinciale et l'œuvre de M. Valerius Diogenes. *Antiquité Tardive*, 1999, vol. 7, pp. 39-71.

5. Colombo M. La campagna estiva del 357 in *Germania I*, la spedizione del magister peditum praesentalis Barbatio contro gli Alamanni Iuthungi in Raetia II e le manipolazioni narrative di Ammiano Marcellino. *Tyche*, 2016, Bd. 31, pp. 103-125.

6. Delmaire R. Jean Chrysostome et les brigands Isauriens. Chausson F., Wolff E., eds. *Consuetudinis amor. Fragments d'Histoire romain (IIe – VIe siècles) offerts à Jean-Pierre Callu*. Roma, L'Erma di Bretschneider, 2003, pp. 217-230.

7. Duncan-Jones R.P. Pay and Numbers in Diocletian's Army. *Chiron*, 1978, Bd. 8, pp. 541-560.

8. Feissel D. Vicaires et proconsuls d'Asie du IVe au VIe siècle: remarques sur l'administration du diocèse Asianique au Bas-Empire. *Antiquité Tardive*, 1998, vol. 6, pp. 91-104.

9. Halkin F. Publications récentes de textes hagiographiques grecs. *Analecta Bollandiana*, 1935, vol. 53, pp. 366-381.

10. Henning D. Das "munimentum Traiani" und Julians Alamannen-Feldzug vom Herbst 357 n. Chr. *Historia*, 2017, Bd. 66/2, S. 216-227.

11. Le Bohec Y. La "petite stratégie" de Rome en Gaule au temps du César Julien (355–361). *Rivista di Studi Militari*, 2012, vol. 1, pp. 47-67.

12. Kazhdan A.P., ed. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Oxford, Oxford University Press, 1991, vol. 2. 746 p.

13. Pottier B. Banditisme et révolte en Isaurie au IVe et Ve siècles vus par les Isauriens eux-mêmes. La Vie de saint Conon. *Mediterraneo antico. Economie, società, culture*, 2005, vol. 8/2, pp. 443-474.

14. Pottier B. Les dangers du voyage: banditisme et insécurité sur les routes au IVe siècle et au début du Ve siècle. *Antiquité Tardive*, 2016, vol. 24, pp. 137-147.

15. Rothenhöfer P., Hollaender J. Eine Inschrift Kaiser Julians aus der Germania secunda. *Bonner Jahrbücher*, 2012, Bd. 212, S. 153-160.

16. Schallmayer E. Germanen in der spätantike im Hessischen Ried mit Blick auf die Überlieferung bei Ammianus Marcellinus. *Saalburg-Jahrbuch*, 1998, Jg. 49, S. 139-154.

17. Trautmann R., Klostermann Drei griechische Texte zum Codex Suprasliensis. II. Das Martyrium von Konon dem Isaurier. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1934, Bd. 11, Hft. 3/4, S. 299-324.

18. Wesenberg G. Pro consule (Proconsul). Ziegler K., ed. *Paulys Realencyclopädie der classischen altertumswissenschaft*. Hbbd. 45. Stuttgart, Alfred Druckenmüller Verlag, 1957, Col. 1232-1234.

19. Wood Ph. The Invention of History in the Later Roman World. The Conversion of Isauria in "The Life of Conon". *Anatolian Studies*, 2009, vol. 59, pp. 129-138.

Information About the Author

Evgeniy A. Mekhamadiev, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Medieval History Department, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, e.mekhamadiev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

Информация об авторе

Евгений Александрович Мехамадиев, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Университетская набережная, 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e.mekhamadiev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.3>

UDC 947.045.6
LBC 63.3(2)44-3

Submitted: 17.06.2020
Accepted: 30.09.2020

MILITARY OPERATIONS OF THE POLISH-LITHUANIAN GARRISON IN MOSCOW AGAINST THE FIRST ZEMSTVO MILITIA IN EARLY 1611¹

Vyacheslav N. Kozlyakov

Ryazan State University named after S.A. Esenin, Ryazan, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the military confrontation between the Polish-Lithuanian garrison and the Zemstvo forces to counter the organization of the First Zemstvo Militia led by P.P. Lyapunov in early 1611. **Methods and materials.** Information is analyzed from the previously unknown manuscript of the Diary of the Campaign of King Sigismund III recently introduced into the scientific circulation of materials from the “Russian Archive of Jan Sapieha”, the translation of “The Diary of Jan Peter Sapieha”, royal messenger Jan Komorowski’s report on the uprising in Moscow on March 19, 1611 and the Embassy book on relations between Russia and Poland 1615–1616. **Analysis.** The ways and goals of the Zemstvo self-organization, begun by Ryazan voyevoda P.P. Lyapunov, are shown and the centers of gathering forces are described. The article reveals the activities of head of the Moscow garrison A. Gosevsky in disrupting the unification movement of the former supporters of Tsar Vasily Shuisky and False Dmitry II, and suppressing the uprising in Moscow to gain a military advantage during the siege of Moscow by militias. Among the measures taken by the Polish-Lithuanian side there was the weakening of the streltsy troops in the Moscow garrison, and the disarmament of the townspeople; an attempt to make a coalition with the impostor hetman Jan Peter Sapiega; blocking the main roads along which the militia could move to Moscow. By the order of A. Gosevsky, a campaign was organized for the joint ratification of boyar Prince I.S. Kurakin and the Polish-Lithuanian forces to Vladimir. A well-known role was played by the “Cherkasy” (Cossacks) detachments, who committed a punitive expedition to “Ukrainian cities”, which explains the absence of individual military units from this part of the Moscow State in the First Zemstvo Militia. **Results.** The main military attack was in Moscow on March 19, 1611, which led to the uprising of the inhabitants of Moscow supported by partisans of the First Zemstvo Militia, who at that moment found themselves in Moscow. The consequence of these events was the beginning of the liberation war in Russia.

Key words: First Zemstvo militia, Polish-Lithuanian garrison in Moscow, A. Gosevsky, J.P. Sapiega, P.P. Lyapunov, uprising in Moscow on March 19, 1611, negotiations with Polish-Lithuanian ambassadors in 1615.

Citation. Kozlyakov V.N. Military Operations of the Polish-Lithuanian Garrison in Moscow Against the First Zemstvo Militia in Early 1611. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 23-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.3>

УДК 947.045.6
ББК 63.3(2)44-3

Дата поступления статьи: 17.06.2020
Дата принятия статьи: 30.09.2020

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ГАРНИЗОНА В МОСКВЕ ПРОТИВ ПЕРВОГО ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1611 ГОДА¹

Вячеслав Николаевич Козляков

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению военного противостояния польско-литовского гарнизона с земскими силами для противодействия организации Первого ополчения во главе с П.П. Ляпуновым в начале 1611 года. Анализируются сведения из ранее неизвестной рукописи «Дневник похода короля Сигизмунда III», недавно введенных в научный оборот материалов из «Русского архива Яна Сапеги» и перевода «Дневника

Яна Петра Сапеги», реляции королевского гонца Яна Коморовского о восстании в Москве 19 марта 1611 г., посольской книги по связям России и Польши 1615–1616 годов. Показаны пути и цели земской самоорганизации, начатой рязанским воеводой П.П. Ляпуновым, охарактеризованы центры сбора сил. В статье раскрывается деятельность главы московского гарнизона А. Госевского по срыву начавшегося объединительного движения бывших сторонников царя Василия Шуйского и Лжедмитрия II и подавлению восстания в Москве для получения военного преимущества при осаде Москвы силами Первого земского ополчения. Среди предпринимаемых польско-литовской стороной мер было ослабление стрелецких отрядов в составе московского гарнизона и разоружение посадских людей, попытка создания коалиции с гетманом самозванца Яном Петром Сапегой, перекрытие основных дорог, по которым Первое земское ополчение могло двигаться к Москве. По приказу А. Госевского был организован поход совместной рати боярина кн. И.С. Куракина и польско-литовских сил на Владимир. Известную роль сыграли отряды «черкас» – запорожских казаков, совершивших карательный поход в «украинные города», что объясняет отсутствие в Первом ополчении отдельных ратных отрядов из этой части Московского государства. Главный военный удар был нанесен в Москве 19 марта 1611 г., что привело к восстанию жителей московского посада, поддержанному сторонниками Первого земского ополчения, оказавшимися в этот момент в Москве. Следствием этих событий стало начало освободительной войны в России.

Ключевые слова: Первое земское ополчение, польско-литовский гарнизон в Москве, А. Госевский, Я.П. Сапега, П.П. Ляпунов, восстание в Москве 19 марта 1611 г., переговоры с польско-литовскими послами 1615 года.

Цитирование. Козляков В. Н. Военные действия польско-литовского гарнизона в Москве против Первого земского ополчения в начале 1611 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 23–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.3>

Введение. История Первого ополчения изучена достаточно подробно в отечественной историографии в работах С.Ф. Платонова, И.С. Шепелева, Н.П. Долинина, А.Л. Станиславского, а в американской историографии – в книге по истории Смуты Ч. Даннинга. 11–12 апреля 2011 г. в Рязани была проведена Всероссийская научная конференция «Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова», по ее итогам выпущен сборник трудов, где были подведены итоги изучения темы. Существует проблема исчерпанности русских источников по истории земских ополчений, поэтому одним из перспективных направлений стало исследование польских документов по истории русской Смуты, существенно восполняющих пробелы русских документов (см. работы Б.Н. Флори). В настоящей работе используются введенные в недавнее время в научный оборот коллективом исследователей во главе с И.О. Тюменцевым новые материалы, связанные с архивом Яна Петра Сапеги, реляция королевского гонца Яна Коморовского о восстании в Москве 19 марта 1611 г., опубликованная Т. Бохуном, а также неизвестное продолжение «Дневника королевского похода

под Смоленск в 1609–1611 гг.». Целью статьи является изучение военных действий, развернувшихся в столице и разных частях Московского государства, после начала организации Первого земского ополчения во главе с П.П. Ляпуновым в январе 1611 года.

Первые обращения организатора земского ополчения П.П. Ляпунова к боярам в Москву с требованием подтвердить, будут ли исполнены условия избрания королевича Владислава на московский престол, датируются концом декабря 1610 года. Бояре из Москвы написали королю Сигизмунду III под Смоленск, что Прокофий Ляпунов, «со всею Рязанью... отложился», и «города и места заседают», а «денежные доходы и хлеб всякой збирает к себе». Они также упоминали о совместных действиях П.П. Ляпунова с бывшими сторонниками Лжедмитрия II во главе с И.М. Заруцким в Туле [18, № 223, с. 489–490; 21, с. 331–332].

Полноценный земский союз стал складываться после начала переговоров П.П. Ляпунова с нижегородским воеводою кн. А.А. Репниным. Грамота из Рязани в Нижний Новгород была перехвачена в Муроме 11 января и отослана в Москву воеводою окольничим кн. В.Ф. Мосальским. Получив сведения о

грамоте рязанского воеводы, А. Госевский переслал «ядовитый универсал» Ляпунова королю Сигизмунду III под Смоленск. П.П. Ляпунов обращался из Рязани ко всем чинам в Нижнем Новгороде – воеводам и приказным людям, дворянам и детям боярским, стрельцам, казакам, пушкарям и «купцам». С самого начала острейшей борьбы было направлено против членов Боярской думы, отдавших власть в руки иноземцев и забывших свою «правдивую веру», отступивших от патриарха и других церковных пастырей ради «славы света» и «сладких роскошей». Из Рязани шел призыв: «станем крепко за землю нашу, пойдем против тех, которые пустошат правдивую веру». В грамоте П.П. Ляпунова перечислены основные задачи земского объединения, связанные с общими действиями «всей земли» по организации похода на Москву и выборами царя: «раду зделаем, кому быт на Московском государстве государем» (цит. по: [11, с. 526–527; 21, с. 333–334]). Представители городов, участвовавших в движении, согласно крестоцеловальной записи, обещали «за Московское государство на полских и литовских людей стоять заодин», «очищать» столицу от врагов [2, № 176, с. 301; № 179, с. 307–308].

Методы. Используются проверенные историографической традицией методы работы с источниками, основанные на принципах историзма. Образно говоря, такой подход можно назвать следованием принципам «школы» Степана Борисовича Веселовского (1876–1952), внесшего самый большой вклад в изучение истории России XVI–XVII веков. Его труды, основанные на тщательном изучении источников и персоналий, отрицавшие диктатуру методологии классового подхода, лучше всего помогают приблизиться к содержанию исторических событий, не сбиваясь на следование преходящей моде исторических исследований. Привычный метод нарративного описания продолжает служить исторической науке и используется в настоящей работе. С одним важным уточнением об отсутствии у автора позитивистской уверенности, что его реконструкция «как это было на самом деле» является единственно верной. Предлагая свой вариант описания событий, историк может отвечать лишь за создание непротиворечивой картины, отвечающей содержанию историчес-

ких источников. В такой парадигме исследования введение в научный оборот новых материалов позволяет уточнять и совершенствовать устоявшуюся историографическую традицию изучения истории русской Смуты начала XVII века.

Анализ. Глава польско-литовского гарнизона в Москве Александр Госевский, получивший к началу 1611 г. боярский чин и стоявший во главе Стрелецкого приказа [14, л. 185 об.], хорошо понимал, чем грозила столице такая земская самоорганизация. «Московский староста» пытался не допустить появления под столицей сил, враждебных королю. Сторонники короля Сигизмунда III контролировали прямую дорогу от Смоленска к Москве – Дорогобуж, Вязьму, Можайск и Волок и старались укрепиться на других путях, откуда могли ожидать прихода собиравшегося П.П. Ляпуновым ополчения. Отчитываясь в письме королю Сигизмунду III 21 января 1611 г., А. Госевский писал о направлении на восставших полка М. Струся, «чтобы перерезать дорогу этому обманщику, которая ведет от Рязани к Москве». Хотя А. Госевскому и приходилось признавать, что силы отряда, посланного против П.П. Ляпунова, были «малы». Призыв идти «на рязанские места» был отправлен также бывшему гетману самозванца Я.П. Сапеге и его войску, квартировавшему в Перемышле, Мещовске и других калужских городах. Однако сапежинцы не откликнулись на просьбы А. Госевского и Боярской думы. Войско Я.П. Сапеги, ранее поддерживавшее Лжедмитрия II, одновременно вело переговоры с московским гарнизоном, королем Сигизмундом III и воеводами в Калуге и Туле об уплате им жалованья за прежние службы. Поэтому сапежинцы не вмешивались в события, выжидая более выгодных условий. Они даже готовы были действовать сообща со сторонниками начинавшегося земского движения, когда писали в Калугу: «а мы свои горла за вас дадим, покаместа вам Бог пошлет государя на Московское государство» [16, с. 150]. Предложение Я. Сапеги было серьезно воспринято П.П. Ляпуновым, 11 февраля 1611 г. он отослал в Калугу своего племянника Ф.Г. Ляпунова для возможного договора о соединении с сапежинцами, правда, на определенных условиях, поручив этому войску

быть «в Можайске на дороге»: «а с нами ему в одних полках не быти» [2, № 182, с. 310–312]. В Дневнике Яна Сапеги секретари гетмана записали 14 (24) февраля: «пришли письма из Калуги от Ляпунова и Заруцкого». В тот момент войско гетмана Сапеги обсуждало возможность «идти за леса», но гетман убеждал их еще потерпеть и дожидаться результатов своих переговоров с королем Сгизмундом III под Смоленском [7, с. 277–285].

Боярская дума в Москве тоже пыталась противодействовать начинавшемуся земскому движению. Грамота в Тулу, где говорилось о посылке «на Резань... войною пана Сапегу да Струса со многими людьми литовскими» не достигла цели, «туленя» отказались поддерживать бояр и переслали их обращение П.П. Ляпунову [2, № 176, с. 301]. В сторону Владимира, через который должно было идти к столице нижегородское ополчение, послали объединенное войско «русских и литовских людей» во главе с боярином кн. И.С. Куракиным. Королевский секретарь Якуб Задзик сообщал в своей переписке: «ротмистр Руцкий с несколькими сотнями кавалерии вышел из столицы и, соединившись с Куракиным, который также имел несколько сотен москвитян, разгромил под Владимиром людей князя Просовецкого (с которыми тот шел к Ляпунову), и почти весь Владимир отложился» [22, с. 278; 9]. Однако отряд кн. И.С. Куракина не смог выполнить своей главной задачи и установить контроль над Владимиром, а казаки атамана А.З. Просовецкого (ошибочно названного в процитированной переписке князем) смогли соединиться с силами ополчения. Отойдя от Владимира в сторону Александровой слободы, рать боярина кн. И.С. Куракина и отряд ротмистра М. Косаковского снова встретили отпор местных жителей, и вынуждены были вернуться в Москву.

Гусарские роты и казачьи полки, подчинявшиеся «пану Руцкому», пытались перекрыть «коломенскую дорогу» «в 10 милях» (примерно, 50 км) от Москвы и даже выбили «неприятеля» из «двух слободок» (возможно, это были сторонники П.П. Ляпунова, отправленные вперед для разведки и подготовки пути к столице от Коломны). Из переписки Рязани и Нижнего Новгорода известно о противодействии сбору ополчения коломенского воево-

ды В.Б. Сукина, получившего от короля Коломну «в путь» (кормление) [1, № 176, с. 302; № 179, с. 306–307; 10; 24, р. 360]. По свидетельству Н. Мархоцкого, несколько хоругвей были посланы «на разгром Серпухова» [12, с. 88]. Попытка А. Госевского взять под свой контроль главные дороги, по которым собиралось идти ополчение в Москву, в целом не удалась. Но воеводы в ближайших к Москве городах должны были сделать выбор, поддерживать или нет сбор земских сил. В ополчении, например, не оказалось суздальского воеводы окольничего И.П. Головина, ярославских воевод В.П. Головина и Т.Г. Корсакова, вологодского воеводы Г.Г. Пушкина, не сразу примкнули к движению воеводы в Юрьеве-Польском и Переславле-Залесском [20, с. 322].

Несмотря на противодействие, Первое ополчение сумело объединиться в очень короткое время в январе – феврале 1611 года. Опорой движения стали Переяславль-Рязанский, Тула и Калуга. Говоря об объединении с Тулой и Калугой, воевода П.П. Ляпунов упоминал также союз Рязани «с северскими и украинными городами» [18, № 228, с. 497–498]. Дорога в Северскую землю через Тулу и Орел была перекрыта в начале февраля 1611 г., когда Орел, Кромы, Карачев и Болхов были захвачены и разорены в результате похода запорожских казаков. «Черкасы» расправились с местным населением и отослали воевод под Смоленск к королю Сигизмунду III. Королевский секретарь Якуб Задзик сообщал о действиях казаков, ожидавших дальнейшего приказа от короля: «Великое кровопролитие от такого своеволия, которое весьма отвращает от нас рвение этих людей, тем более, что [казаки] делают сие только ради грабежа и [даже] с теми городами, которые присягали его милости королевичу» [21, с. 321, 360–361; 22, с. 275–276; 24, р. 361]. Оставался один путь установления союза украинских и северских городов – через Брянск и Калугу. В Брянске находился бывший воевода Лжедмитрия II стольник В.П. Шереметев, там же оказались многие смоленские дворяне и дети боярские, отказавшиеся подчиниться королю Сигизмунду III и потерявшие свои поместья. Разоренные войной служилые люди из Смоленска и «северских городов» собирались в Рославле и Брянске, и вели переписку с главным воево-

дою осажденного Смоленска боярином М.Б. Шеиным. В апреле – мае 1611 г. Северская земля приняла участие в восстании против короля во главе с И.Н. Салтыковым [21, с. 357–358]. Следовательно, П.П. Ляпунов не случайно упоминал «северские города» как своих союзников, а присоединение Северской земли к земскому движению, действительно, состоялось. Однако дворяне Брянска, Новгород-Северского, Путивля во главе с воеводами В.П. Шереметевым, Ф.П. Барятинским и Ю. Беззубцевым изначально не ставили цели похода на Москву. Они стремились оказать поддержку осажденному королем Сигизмундом III Смоленску, и только неудача восстания привела позже к отъезду ратных людей из «северских городов» в подмосковные полки.

Другими важными центрами сбора Первого ополчения стали города Замосковского края, откуда поддержка земских сил распространилась на Север и в Нижнее Поволжье. Основным центром объединения сил в Замосковном крае стал Нижний Новгород. Обращения из Нижнего Новгорода шли во Владимир, Суздаль, Муром, Кострому, Галич, Ярославль и Вологду. Далее письма переправлялись в Солигалич и Тотьму, Великий Устюг и другие «Поморские городы», достигая Перми и Соликамска. Традиционной была связь Нижнего Новгорода и Ярославля по Волге с Казанью и «Низом». Присоединение к движению по созданию ополчения Ярославля помогло организации союзных действий с Великим Новгородом и близлежащими уездами и городами, включая Тверь, Торжок, Устюжну и Углич [2, № 182, с. 310; № 183, с. 314].

Города от «Немецкой укайны» на северо-западе страны в это время были вовлечены в сложную войну со сторонниками польского короля и нового самозванца Лжедмитрия III, объявившегося в Ивангороде. Вокруг Пскова на стороне короля Сигизмунда III воевал полковник А. Лисовский, поэтому псковичи, ранее поддерживавшие Лжедмитрия II, скорее готовы были принять нового самозванца, чем присоединиться к заключенному в Москве договору о призвании на престол польского королевича. Традиционной была рознь Пскова и Великого Новгорода, где, напротив, присягнули королевичу Владиславу, и куда из Москвы на воеводство был прислан боярин И.М. Сал-

тыков [15, с. 144–150]. Новгородцы вели свою войну со шведским войском Я. Делагарди, наступавшим на Корелу и Ладугу. Как писал А. Госевский королю Сигизмунду III, из Москвы, под предлогом помощи Великому Новгороду против шведов, выслали 600 стрельцов и 300 казаков, «к которым было недоверие» [22, с. 208–210]. Однако после получения известий о сборе земского ополчения, в Новгороде Великом произошел переворот против воеводы боярина И.М. Салтыкова, и город вступил в переговоры как с Я. Делагарди, так и с организаторами земского движения [19, с. 347–350].

Сбор земских сил был назначен на Пасху 24 марта 1611 года. За неделю до этого срока, во время празднования Вербного воскресения, в Москве случился очередной конфликт стрельцов, пушкарей и посадских людей с офицерами и солдатами польско-литовского гарнизона, ставший прологом к московской катастрофе 19 марта 1611 года. В составленной «по горячим следам» реляции королевского гонца Яна Коморовского говорилось, что «в Вербное воскресенье, без всякого на то повода, взбунтовавшись, пошло несколько тысяч людей московских, мира и стрельцов в поле». Все это напоминало события, связанные со сведением с престола царя Василия Шуйского, и для такой «демонстрации» необходим был важный предлог, которым стал подход к Москве сил Первого ополчения. Жители Москвы обсуждали «в поле» свои «обиды и притеснения» от солдат польско-литовского гарнизона и требовали защиты, для чего «к Ляпунову за помощью послали» (Ян Коморовский был отослан из-под Смоленска в гонцах 26 марта 1611 г.) [4, с. 294; 17, с. 265]. Только получив уверения А. Госевского в безопасности, москвичи вернулись в город. Но противостояние уже началось, в Москве, как писал Я. Коморовский, появилось 500 стрельцов, высланных вперед воеводами ополчения. В «Страстной вторник», то есть 19 марта, случился конфликт, вызванный отказом посадских людей исполнять приказ А. Госевского о размещении пушек на башнях и воротах Китай-города и Кремля. Тогда, по свидетельству ротмистра Н. Мархоцкого, из Кремля вышли немецкие роты и вместе с польско-литовским «рыцарством» стали расправляться с жите-

лями Москвы: «в Китай-городе в тот день погибло шесть или семь тысяч москвитян. В лавках, называемых клетями и устроенных наподобие краковских суконных рядов, тела убитых были навалены друг на друга. Люди бежали к воротам, показывая знаками, что они ни в чем не виноваты. Я не разрешил их трогать и пропустил через свои ворота до полутора тысяч человек» [12, с. 89]. В реляции Я. Коморовского действия польско-литовского гарнизона оправдывались сопротивлением, начатым самими жителями Москвы: «измену так начали: улицы все бревнами забросали, бочками, санями, досками перегородили, дабы ни конные, ни пешие пройти не могли; стрелков в клетях, из коих товары самые лучшие несколькими днями ранее повывозили, с ружьями, копьями да рогатинами засадили» [4, с. 295]. В ответ началось ожесточенное наступление на укрепления, находившиеся под контролем польско-литовского гарнизона.

На переговорах с польско-литовскими послами 1615 г. московская сторона обвиняла А. Гусевского в начатой им войне против мирных и безоружных людей: «а торговых людей секли, заперши в Китай город, в четвертом да в пятом часу дни, как все люди в торг сошлись, и лавки отперли и сели. А московским всяким людем и битца было им нечем, не токмо сабли или сомопалы, и ножа на бедре, и старому и немношному костыля было не сметь носить». Гусевский, напротив, пытался представить свои действия как ответ на сборы сторонников П.П. Ляпунова: «а в московских людях в посольству учала быть смута, и на польских и на литовских людей и на них бояр ненависть болши прежнего и хотели над полскими и над литовскими людьми и над ними бояры учинити измену, учали в Болшом в Каменном и в Деревянном городе збиратца многие люди со всяким боем и в колокола бить почасту» [14, л. 197 об.–198, 201–201 об.].

Первые вооруженные столкновения «черных людей и стрельцов» с силами польско-литовского гарнизона во многом были вызваны необходимостью самообороны. В боях около своего двора на Сретенке был ранен кн. Д.М. Пожарский (Л.М. Сухотин писал о «непричастности» кн. Д.М. Пожарского к делу ополчения) [20, с. 342–346]. Кроме кн. Пожарского, как свидетельствовал «Но-

вый летописец», у Яузских ворот «на Кулишках» бился И.М. Бутурлин, а за Москвой-рекой – И. Колтовский. Впрочем, по предположению Ю.М. Эскина, в этот момент вожди дворянской части земского движения, включая кн. Д.М. Пожарского, возможно, «попытались упредить события и установить контроль над городом до прихода основных сил Ополчения» [23, с. 51–52, 338]. Бои оказались безуспешными, хотя они и свидетельствовали о прямой поддержке земского движения населением столицы. Для А. Гусевского начавшаяся война стала предлогом для уничтожения московского посада, сожженного по его приказу до подхода основных отрядов Первого ополчения [5, ст. 229–230; 6, с. 64]. Одновременно расправились с недовольными действиями короля Сигизмунда III членами Боярской думы. Погиб находившийся под арестом боярин кн. А.В. Голицын, были убиты думный дворянин И.М. Пушкин, кн. А.М. Лобанов-Ростовский, «и иных многих княжат и боярских детей великих родов оплоша многих побили» (в суматохе бежал от приставов В.И. Бутурлин) [14, л. 201; 4, с. 295].

Новые изменения произошли в положении патриарха Гермогена. Он оставался во главе «освященного собора», и к нему по-прежнему обращались с официальными посланиями из-под Смоленска (например, при отсылке посольства А. Жолкевского 29 марта 1611 г.) [17, с. 264], но после московского восстания его перевели с патриаршего двора на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле [3, с. 625–626]. Вспоминая об этом на переговорах 1615 г., польско-литовские дипломаты снова обвиняли патриарха Гермогена в призыве ополчения к Москве: «што смута всчалася и кровь христианская пролилася от него, и из городов люди пришли и города отложилися по его ж зсылке: што есьмо вам письмом показали, да и сами ведаете то подлинно» [1, № 209, с. 486]. Волнения в Москве утихли только в Великий четверг – 21 марта, когда началась повторная присяга на имя королевича Владислава, а остававшихся в столице людей, в знак покорности, обязали перепоясываться «рушниками». Однако уже на следующий день стало известно о подходе к Москве одного из отрядов Первого ополчения во главе с А. Просовецким [4, с. 282–285].

С военной точки зрения уничтожение посадов и стрелецкой слободы в Замоскворечье означало подготовку к осаде столицы. Иноземный гарнизон, затворившийся в московских укреплениях, получал ощутимое преимущество, так как подходившие к столице ополченцы лишались необходимого им крова и продуктов. Ротмистр Н. Мархоцкий вспоминал в «Истории Московской войны»: «Деревянные стены выгорели дотла, люди уходили из города в окрестные слободы и монастыри. Был оставлен и Белый город: все люди ушли в поле, так что наши, не встретив сопротивления, выжгли и его до основания. Этот пожар все разорил, погубил великое множество людей. Великие и неопределимые потери понесла в тот час Москва» [12, с. 90–91].

Московский пожар 19 марта и подавление первых выступлений стали рубежом, после которого были уже невозможны прежние договоренности с представителями короля Сигизмунда III о династическом союзе с Речью Посполитой. В новой крестоцеловальной записи участников движения по созданию Первого ополчения полностью отказывались от поддержки кандидатур короля Сигизмунда III и королевича Владислава: «королю и королевичу полскому и литовскому креста не целовати, и не служити и не прямити ни в чем некоторыми делы» [2, № 188, с. 319–320; 8, с. 31; 17, с. 262–263]. Трагедия Москвы названа в источниках «конечным разорением». Она мобилизовала людей на отпор врагу, что с особой силой было выражено в «Новой повести о преславном Российском царстве». Ее безымянный автор обращался с призывом к своим современникам: «Что стали, что оплошали? Чего ожидаете и врагов своих на себя попускаете...». Он звал всех к «делу-подвигу» спасения Москвы: «Время, время пришло» [13, с. 170, 172].

Результаты. Таким образом, главный представитель короля Сигизмунда III в Москве А. Госевский предпринимал целенаправленные усилия по противодействию сбору сил земского ополчения во главе с рязанским воеводой Прокофием Ляпуновым. Он ослабил стрелецкие отряды в составе московского гарнизона, разоружил посадских людей. Когда были получены первые известия о готовившемся в уездах походе на Москву, А. Госевский стал координировать свои действия

с королевской ставкой, и пытался организовать коалицию с гетманом самозванца Яном Петром Сапегой (впрочем, неудачно, все, что ему удалось добиться на том этапе – нейтралитета сапежинского «товарищества»). Верно были выбраны направления действий, связанные с перекрытием основных дорог, по которым ополчение могло двигаться к Москве. Однако известный поход под Владимир рати боярина кн. И.С. Куракина оказался неудачным, и ему не удалось остановить земское объединение, хотя и затруднило организацию движения в близлежащих городах. Участие в этом походе принимали также польские роты, что отчасти повторяло конфигурацию действий русских воевод под присмотром «панов», как в тушинские времена. Заметной в это время была и роль отрядов «черкас» – запорожских казаков, совершивших, как выясняется из неизвестного продолжения «Дневника королевского похода под Смоленск» и других источников, карательный поход в «украинные города» (Орел, Кромы, Карачев и Болхов). Эти сведения объясняют отсутствие в Первом ополчении отдельных ратных отрядов из этой части Московского государства.

Главный военный удар был нанесен в Москве 19 марта 1611 г., что привело к восстанию жителей московского посада, поддержанному сторонниками Первого ополчения, оказавшимися в этот момент в Москве. Даже его непосредственный повод – отказ от участия в работах по размещению пушек на стенах Кремля и Китай-города – показывает подготовку к осаде столицы. А. Госевский не скрывал на переговорах с русской стороной в 1615 г., что действовал превентивно, усмиряя начавшийся бунт московских посадских людей. Следствием этих событий стало уничтожение укреплений московского посада и гибель многих служилых и посадских людей, означавшие настоящее начало освободительной войны в России.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

The article was prepared within the project of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences on writing "History of Russia from ancient times to our days" multi-volume academic work. Published for testing purposes.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. – Т. 4 : 1588–1632. – 584 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. – СПб. : Тип. П Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – Т. 2. – 413 с.

3. Белокуров, С. А. О месте заключения патриарха Гермогена в 1611–1612 гг. / С. А. Белокуров // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. – Пг. ; [Тип. Б. Д. Брукера], 1917. – С. 621–626.

4. Бохун, Т. Пацификация и пожар Москвы 29 марта – 5 апреля 1611 года / Т. Бохун // Мининские чтения : сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. – Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – С. 280–303.

5. Будило Иосиф. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем истории ложного Димитрия // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – СПб. : Печатня В.И. Головина, 1872. – Т. 1. – Ст. 81–364.

6. Дневник Маскевича. 1594–1621 // Сказания современников о Димитрии Самозванце / [с предисл. Н. Г. Устрялова]. – Изд. 3-е, испр. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1859. – Ч. 2. – С. 7–124.

7. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / сост. И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупикова, А. Б. Плотников ; под ред. И. Грали, И. О. Тюменцева. – М. ; Варшава : Древлехранилище, – 2012. – (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. IX). – 455 с.

8. Долинин, Н. П. Подмосковные полки (казачьи «таборь») в национальном движении 1611–1612 гг. / Н. П. Долинин. – Харьков : Изд-во Харьков. гос. ун-та им. А.М. Горького, 1958. – 130 с.

9. Кабанов, А. Ю. Казачий атаман Андрей Захарович Просовецкий – один из организаторов Первого ополчения / А. Ю. Кабанов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова : сб. тр. Всерос. науч. конф., г. Рязань, 11–12 апр. 2011 г. – Рязань : Рязан. ист.-архит. музей-заповедник, 2011. – С. 143–149.

10. Козляков, В. Н. «Дневник похода короля Сигизмунда III под Смоленск» как источник по истории Первого ополчения / В. Н. Козляков // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXII Междунар. науч. конф., г. Москва, 11–12 апр. 2019 года. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2019. – С. 203–206.

11. Костомаров, Н. И. Собрание сочинений / Н. И. Костомаров. – СПб. : О-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Лит. фонд»), 1904. – Кн. 2. – Т. 4–6. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. – 672 с.

12. Мархоцкий, Н. История Московской войны / Н. Мархоцкий ; подгот. публ., пер., введ. ст., коммент. Е. Куксиной. – М. : РОССПЭН, 2000. – 222 с.

13. Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. Конец XVI – начало XVII века. – СПб. : Наука, 2006. – 758 с.

14. Посольская книга по связям России и Польши 1615–1616 гг. // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 79 : Сношения России с Польшей. – Оп. 1. – Д. 30. – 1054 л.

15. Рабинович, Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / Я. Н. Рабинович. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. – 433 с.

16. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / под ред. И. О. Тюменцева. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2012. – 687 с.

17. Сборник имп. Русского исторического общества. – СПб. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1867–1916. – 148 т. – 1913. – Т. 142. – 804 с.

18. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М. : Тип. Селивановского, 1819. – Ч. 2. – 610 с.

19. Селин, А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты / А. А. Селин. – СПб. : Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2008. – 752 с.

20. Сухотин, Л. М. К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения / Л. М. Сухотин // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. – Пг. : [Тип. Б. Д. Брукера], 1917. – С. 318–346.

21. Флоря, Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б. Н. Флоря. – М. : Индрик, 2005. – 415 с.

22. Эйльбарт, Н. В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ / Н. В. Эйльбарт. – Новосибирск : Изд-во Сибир. отд-ния Рос. акад. наук, 2013. – 399 с.

23. Эскин, Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский / Ю. М. Эскин. – М. : Квадрига, 2018. – 379 с.

24. Diariusz drogi króla polskiego Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusti i fortunego powodzenia [...] do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E8597. P. 308–372 rev. – Electronic text data. – Mode of access: http://repcyf.pl/dlibra/doccontent?id=207&from=&dirids=1&ver_id=221&lp=155&QI=!91C388AC14EB18F5AF864C9FF3399475-3 (date of access: 05.06.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy Komissiyey* [Acts Related to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 1851, vol. 4: 1588–1632. 584 p.
2. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiyey imp. Akademii nauk* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1836, vol. 2. 413 p.
3. Belokurov S.A. O meste zaklyucheniya patriarkha Germogena v 1611–1612 gg. [On the Place of Imprisonment of the Patriarch Germogen in 1611–1612]. *Sbornik statey v chest' Matveya Kuz'micha Lyubavskogo* [Collection of Articles in Honor of Matvey Kuzmich Lubavsky]. Petrograd, Tipografiya B.D. Brukera, 1917, pp. 621–626.
4. Bohun T. Patsifikatsiya i pozhar Moskvyy 29 marta – 5 aprelya 1611 goda [Pacification and Fire of Moscow March 29 – April 5, 1611]. *Mininskiye chteniya: sb. nauch. tr. po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v. V pamyat' 400-letiya Nizhegorodskogo Podviga* [Minin Readings: Collection of Scientific Works on the History of the Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century. In Memory of the 400th Anniversary of the Nizhny Novgorod Zemstvo Militia]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2012, pp. 280–303.
5. Budilo Joseph. Dnevnik sobytii, odnosyashchikhsya k Smutnomu vremeni (1603–1613 gg.), izvestnyy pod imenem istorii lozhnogo Dimitriya [A Diary of Events Related to the Time of Troubles (1603–1613), Known as the History of False Demetrius]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, Pechatnya V.I. Golovina, 1872, vol. 1, pp. 81–364.
6. Dnevnik Maskevicha. 1594–1621 [Diary of Maskevich. 1594–1621]. Ustryalov N.G., ed. *Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvantse* [Tales of Contemporaries About Demetrius the Imposter]. 3rd edition. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1859, pt. 2, pp. 7–124.
7. Tyumentsev I.O., Yanitsky M., Tupikova N.A., Plotnikov A.B., comp., Grali I., Tyumentsev I.O., eds. *Dnevnik Yana Petra Sapegi (1608–1611)* [Diary of Jan Peter Sapieha (1608–1611)]. Moscow, Warsaw, Drevlekhranilishche Publ., 2012. (Pamjatniki istorii Vostochnoy Evropy. Istochniki XV–XVII vv. Centuries. T. IX [Monuments of the History of Eastern Europe. Sources of the XV – XVII Centuries. Vol. IX.]). 455 p.
8. Dolinin N.P. *Podmoskovnye polki (kazackie «tabory») v nacional'nom dvizhenii 1611–1612 gg.* [Regiments Near Moscow (Cossack “Camps”) in the National Movement of 1611–1612]. Kharkiv, Izd-vo Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo, 1958. 130 p.
9. Kabanov A.Yu. Kazachiy ataman Andrey Zakharovich Prosovetskiy – odin iz organizatorov Pervogo opolcheniya [Kazachiy Ataman Andrei Zakharovich Prosovetskiy – One of the Organizers of the First Militia]. *Smutnoye vremya i zemskiy opolcheniya v nachale XVII veka. K 400-letiyu sozdaniya Pervogo opolcheniya pod predvoditel'stvom P.P. Lyapunova: sb. tr. Vseros. nauch. konf., g. Rjazan', 11–12 apr. 2011 g.* [Time of Troubles and Zemstvo Militias at the Beginning of the 17th Century. On the 400th Anniversary of the First Militia, Led by P.P. Lyapunov. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Rjazan', April 11–12, 2011]. Ryazan, Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, 2011, pp. 143–149.
10. Kozlyakov V.N. «Dnevnik pokhoda korolya Sigizmunda III pod Smolensk» kak istochnik po istorii Pervogo opolcheniya [“Diary of the Campaign of King Sigismund III Near Smolensk” as a Source on the History of the First Militia]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXXII Mezhdunar. nauch. konf., g. Moskva, 11–12 apr. 2019 goda* [Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge. Materials of the XXXII International Scientific Conference. Moscow, April 11–12, 2019]. Moscow, Izd-vo Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2019, pp. 203–206.
11. Kostomarov N.I. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Saint Petersburg, O-vo dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym («Lit. fond»), 1904, book 2, vol. 4–6. Smutnoye vremya

Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya [The Time of Troubles of the Moscow State at the Beginning of the 17th Century]. 672 p.

12. Marhotsky N., Kuksina Ye., eds. *Istoriya Moskovskoy voyny* [History of the Moscow War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 222 p.

13. Novaya povest' o preslavnom Rossiyskom tsarstve [A New Story About the Glorious Russian Kingdom]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 14. Konets XVI – nachalo XVII veka* [Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 14. The End of the XVI – the Beginning of the XVII Century]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2006. 758 p.

14. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii i Pol'shi 1615–1616 gg. [The Ambassadorial Book on the Relations of Russia and Poland 1615–1616]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 79: Snosheniya Rossii s Polshey [Relations of Russia with Poland], inv. 1, d. 30, 10541.

15. Rabinovich Ya.N. *Malyye goroda Novgorodskoy zemli v Smutnoye vremya* [Small Towns of Novgorod Land in the Time of Troubles]. Veliky Novgorod, Izd-vo NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2013. 433 p.

16. Tyumentsev I.O., ed. *Russkiy arkhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov. Teksty, perevody, kommentarii* [The Russian Archive of Jan Sapiaha 1608–1611. Texts, Translations, Comments]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2012. 687 p.

17. *Sbornik imp. Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1867–1916. 148 vols. 1913, vol. 142. 804 p.

18. *Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [A Collection of State Letters and Treaties Held by the State College of

Foreign Affairs]. Moscow, Tipografiya Selivanovskogo, 1819, pt. 2. 610 p.

19. Selin A.A. *Novgorodskoye obshchestvo v epokhu Smuty* [Novgorod Society in the Time of Troubles]. Saint Petersburg, Izd-vo «Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “BLITS”», 2008. 752 p.

20. Sukhotin L.M. K voprosu o prichastnosti patriarkha Germogena i knyazya Pozharskogo k delu pervogo opolcheniya [On the Issue of the Involvement of Patriarch Germogen and Prince Pozharsky in the Case of the First Militia]. *Sbornik statey v chest' Matveya Kuz'micha Lyubavskogo* [Collection of Articles in Honor of Matvey Kuzmich Lyubavsky]. Petrograd, Tipografiya B.D. Brukera, 1917, pp. 318–346.

21. Florya B.N. *Pol'sko-litovskaya interventsiiya v Rossii i russkoye obshchestvo* [Polish-Lithuanian Intervention in Russia and Russian Society]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 415 p.

22. Eilbart N.V. *Smutnoye vremya v pol'skikh dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. Kommentirovannyy perevod i istoricheskiy analiz* [The Time of Troubles in the Polish Documents of the State Archive of Sweden. Commented Translation and Historical Analysis]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2013. 399 p.

23. Eskin Yu.M. *Dmitriy Mikhaylovich Pozharskiy* [Dmitry Pozharsky]. Moscow, Kvadriga Publ., 2018. 379 p.

24. Diariusz drogi króla polskiego Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusti i fortunnego powodzenia [...] do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 [The Diary of the Campaign of King Sigismund III Near Smolensk in 1609–1611]. *Riksarkivet. Skoklostersamlingen*. E8597, pp. 308–372 rev. URL: http://repcyfr.pl/dlibra/doccontent?id=207&from=&dirids=1&ver_id=221&lp=155&QI=91C388AC14EB18F5AF864C9FF3399475-3 (accessed 5 June 2020).

Information About the Author

Vyacheslav N. Kozlyakov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Esenin, Svobody St, 46, 390000 Ryazan, Russian Federation, v.kozliakov@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2840-9767>

Информация об авторе

Вячеслав Николаевич Козляков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, ул. Свободы, 46, 390000 г. Рязань, Российская Федерация, v.kozliakov@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2840-9767>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.4>

UDC 94(47)

LBC 63.3.2(46)

Submitted: 29.05.2020

Accepted: 16.06.2020

RECRUITMENT IN 1710–1711 AND DISTRIBUTION OF RECRUITS TO THE GARRISONS OF NORTHWESTERN RUSSIA

Nikolai R. Slavnitsky

State Museum of the History of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the issues related to the distribution of recruits among garrison regiments in the fortresses of northwestern Russia in 1711–1712. In Russian historiography, the history of recruitment has been repeatedly considered, although, researchers did not pay attention to the distribution of recruits among the regiments. *Methods and materials.* In the archives of various departments documents have been preserved that make it possible to identify some details of the direction of recruitment in 1710–1711. Most of the documents on the issue of interest to us are stored in the fund of the Office of A.D. Menshikov; important documents were also found in the archives of the Artillery and Naval Departments. *Analysis.* According to the data at our disposal, it was from 1711 that the practice of sending recruits to the garrison regiments began, where they underwent initial military training, and then were sent to units of the field army (and new recruits were sent to their places). The recruitments of 1711 were officially announced in connection with the war against Turkey and the Prut campaign of the Russian army. However, at the same time, there was a need to replenish garrison regiments of fortresses in the northwest of Russia, and the recruits began to be sent there. Apparently, the recruits of 1710 and the first recruitment of 1711 were used for this. At the same time, the garrisons of the Baltic fortresses (Riga and Revel) were formed from regiments fully staffed with recruits. *Results.* Initially, the principle of recruiting garrison regiments was established spontaneously, but later it was used, and documents found in the archives of the Artillery and Naval Departments, as well as in the fund of the Office of A.D. Menshikov, allow us to trace this.

Key words: Northern War, Peter I, recruitment, Senate, garrisons, R.V. Bruce.

Citation. Slavnitsky N.R. Recruitment in 1710–1711 and Distribution of Recruits to the Garrisons of Northwestern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 33–40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.4>

УДК 94(47)

ББК 63.3.2(46)

Дата поступления статьи: 29.05.2020

Дата принятия статьи: 16.06.2020

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ 1710–1711 ГГ. И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕКРУТОВ В ГАРНИЗОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Николай Равильевич Славнитский

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы, связанные с распределением рекрут по гарнизонным полкам в крепостях северо-запада России в 1711–1712 годах. В отечественной историографии неоднократно рассматривалась история рекрутских наборов, однако распределению рекрут по полкам внимания исследователи не уделяли. *Методы и материалы.* В архивах различных ведомств сохранились документы, позволяющие выявить некоторые подробности направления рекрут при наборах 1710–1711 годов. Большая часть документов по интересующему нас вопросу хранится в фонде Походной канцелярии А.Д. Меншикова, интересные документы удалось также обнаружить в архивах артиллерийского и военно-морского ведомств. *Анализ.* По имеющимся в нашем распоряжении данным, именно с 1711 г. ведет начало практика направления рекрут в гарнизонные полки, где они проходили начальную военную подготовку, а затем направлялись в части полевой армии, а на их места присылали новых рекрут. Рекрутские наборы 1711 г. официально были объявлены в связи

с войной против Турции и Прутским походом российской армии. Однако в это же время возникла необходимость пополнения гарнизонных полков крепостей северо-запада России, и рекрут стали направлять именно туда. Использовались для этого, по всей видимости, рекруты набора 1710 г. и первого набора 1711 года. *Результаты*. Первоначально принцип комплектования гарнизонных полков рекрутами сложился стихийно. Документы, обнаруженные в архивах артиллерийского и военно-морского ведомств, а также в фонде Походной канцелярии А.Д. Меншикова, позволили выяснить, что большую часть рекрут направили в гарнизоны Риги и Ревеля, а также в Санкт-Петербург и другие крепости Ингерманландии. В последующие годы пополнение гарнизонных полков за счет рекрут стало правилом.

Ключевые слова: Северная война, Петр I, рекрутские наборы, Сенат, гарнизоны, Р.В. Брюс.

Цитирование. Славнитский Н. Р. Рекрутские наборы 1710–1711 гг. и распределение рекрутов в гарнизоны северо-запада России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 33–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.4>

Введение. Указом Петра I от 20 февраля 1705 г. был объявлен первый массовый рекрутский набор и тем самым окончательно утвердились новые принципы комплектования войск, просуществовавшие до 1870-х годов. История рекрутских наборов неоднократно рассматривалась исследователями. Еще в XIX в. очерк рекрутских наборов составил К.М. Поливанов [20], во второй половине XX столетия рекрутские наборы были затронуты в работах Л.Г. Бескровного [4] и Е.В. Анисимова [1], а из современных исследователей следует выделить В.А. Тихонова [24; 25]. Однако вопросы, связанные с распределением рекрут по воинским частям, в отечественной историографии практически не рассматривались.

Цель работы – установить, в какие именно части, расположенные в крепостях северо-запада, направляли рекрут в рассматриваемый период, с чем это было связано и с какими трудностями сталкивались коменданты и другие должностные лица.

Методы и материалы. Основная задача исследования – выяснить на основе документальных материалов, когда и каким образом рекрут стали направлять в гарнизонные полки. Материалов о распределении рекрут в первом десятилетии Северной войны нам пока обнаружить не удалось. В архивах различных ведомств сохранились документы, позволяющие выявить некоторые подробности направления рекрут при наборах 1710–1711 годов. Большая часть документов по интересующему нас вопросу хранится в фонде Походной канцелярии А.Д. Меншикова в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Ин-

ститута Истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Это донесения губернатору от комендантов крепостей, в которых содержатся сведения, в какие именно гарнизоны направляли рекрут. Именно из этих донесений и становится ясно, каким образом проходило распределение и с какими трудностями сталкивались при этом. Некоторые важные и интересные сведения удалось также обнаружить в архиве Приказа артиллерии (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), а также в архиве адмиралтейского ведомства (в Российском государственном архиве военно-морского флота). Данный комплекс документов при использовании системного подхода позволяет проследить, как распределяли рекрут в 1710–1711 годах.

Хронологические рамки статьи обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, реформированием самой рекрутской системы – в марте 1711 г. был создан Сенат, и именно этот орган власти с того времени стал заниматься рекрутскими наборами. Во-вторых, именно в 1711–1712 гг. в крепостях северо-запада появились постоянные полки, которые можно называть гарнизонными. В предыдущее десятилетие там находились полки, назначенные к обороне конкретного укрепленного пункта, и они, в принципе, могли меняться – эти части нередко перебрасывали с одного участка на другой, вместо них присылали другие полки. Это было вполне естественно в обстановке боевых действий, а вот после кампании 1710 г. уже появилась возможность более планомерно распределить гарнизонные полки по крепостям, и установить для них постоянные штаты (вообще именно в то

время занялись серьезной разработкой полковых штатов).

Анализ. Рекрутским набором 1710 г. предусматривалось собрать в Ингерманландской губернии 2 624 рекрута, в Казанской – 1 722, в Сибирской – 738 и в Московской – 3 649 человек. Примечательно, что план этот Петр I составил лично. В.А.Тихонов справедливо считает, что данный факт является показателем того, что рекрутская система в то время находилась в полном беспорядке. Кроме того, царским распоряжением 18 августа 1710 г. предусматривалось набрать 1 200 рекрут в гарнизоны Риги, Дюнаминда и Пернова [25, с. 34–35].

Это первый известный нам документ о направлении рекрут в гарнизонные части. И связан он был, очевидно, с чрезвычайной ситуацией – в Прибалтике в 1710 г. свирепствовала эпидемия, которая нанесла урон не только местному населению, но и российским частям, действовавшим там, и выделить необходимое число солдат и офицеров из действующей армии было проблематично.

В 1711 г. было объявлено два рекрутских набора, и оба были официально связаны с Прутским походом. Указом Сената 16 марта 1711 г. повелевалось: «для нынешнего настоящего воинского случая собрать со всех губерний в запас рекрутов вновь 25 000 человек, да 7 000 лошадей в драгунскую службу годных бессрочно» [21, с. 649]. А в соответствии с сенатским указом от 30 июня 1711 г. требовалось набрать со всех губерний, кроме Санкт-Петербургской, 20 000 человек и 7 000 лошадей [21, с. 707].

Санкт-Петербургская губерния была освобождена от набора по донесению А.Д. Меншикова, который сообщил, что область обезлюдела из-за эпидемии предыдущего года и, кроме того, ее постоянно тревожили неприятельские отряды [21, с. 707]. И то, и другое соответствовало действительности. Окрестности Санкт-Петербурга тревожили шведские «партизаны» [3], а эпидемия 1710–1711 гг. затронула не только жителей, но и те воинские части, которые находились в Ингерманландии. По данным М.В. Бабич и И.В. Бабич, в этот период в полках умерло 6 535 человек [2].

В.А. Тихонов в одной из своих работ обратил внимание на рекрутский набор 1711 г.,

проводившийся в Санкт-Петербургской губернии специально для формирования местной ланд-милиции [24]. Кроме того, он же выяснил, что 31 августа А.Д. Меншиков запросил у Сената 200 рекрут для пополнения Адмиралтейского батальона. Это подтверждается документальными материалами в фонде Адмиралтейств-коллегии. В октябре 1712 г. среди получивших жалованье мастеров, подмастерьев, мастеровых и иных чинов из разных губерний переведенцев за работы в Санкт-Петербурге указаны 26 человек «из рекрут». Еще 5 рекрут в то время находились «у шляпочного дела» и 12 человек – у «досочного дела» [5, л. 30, 55, 57]. Скорее всего, эти рекруты первоначально были определены в Адмиралтейский батальон, а затем их стали использовать в качестве рабочих.

Но такая форма использования рекрут являлась все же исключением, большинство оказывалось в полках. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют уточнить, каким образом распределяли тех рекрут, что были набраны в те годы.

В первую очередь приведем донесение А.Д. Меншикову Санкт-петербургского оберкоманданта Р.В. Брюса, который 21 февраля 1711 г. сообщил губернатору: «По отъезде вашего светлешейства рекрут для дополнения полков к нам ни единого человека не бывало. А которые 204 человека в бытность вашу от господина архитектора приняты и отданы в полки, тех ныне при походах учат стрельбою...» [10, л. 1]. 5 марта он же сообщил, что рекрут по-прежнему не имеется, «также о новых полках, которых сюды ожидаем, ведомости никакой не имеем» [11, л. 1]. В приведенных документах речь, по всей видимости, шла о рекрутах, которых П.С. Салтыков 1 декабря 1710 г. отправил из Смоленска, сообщивший на следующий день А.Д. Меншикову, что в Санкт-Петербург он снарядил «из гварнизонных полков... 1 000 человек солдат без ружья да рекрут 514 человек» [9, л. 308]. Первый из процитированных документов, на наш взгляд, очень важный – в нем впервые зафиксировано, что рекруты были отправлены в один из гарнизонов, где проходили обучение стрельбе.

В феврале 1711 г. полки, находившиеся в Риге и Лифляндии, были на случай диверсии

шведов усилены 5 459 рекрутами, а в Ригу было послано, кроме того, 8 513 человек [22, с. 51–55]. Царским указом предыдущего года предписывалось набрать для гарнизона Риги 1 200 человек, но, видимо, посчитали, что этого недостаточно, поэтому и направили рекрут, набранных в ходе «общего» набора. И вполне возможно, что в Риге оказались как раз те рекруты, которых первоначально предполагалось направить в Санкт-Петербург и которых ожидал Р.В. Брюс.

Очевидно, что рекруты в полки в первую очередь были необходимы для пополнения, но в то же время именно с этого года стала складываться практика, когда полки действующей армии пополнялись солдатами гарнизонных полков, а вместо них в крепости присылали рекрут.

Надо сказать, что такой подход был очень разумным – в гарнизонном полку рекрут не оказывался сразу в пекле боевых действий, а проходил первоначальную подготовку: учился солдатскому строю, навыкам обращения с оружием, караульной службе и многим другим вещам, необходимым воину. Все эти навыки рекруты, разумеется, получали и в полевых полках, и там этот процесс мог даже быть более быстрым, поскольку зачастую приходилось учиться непосредственно в боевых условиях, но это же могло приводить и к тому, что необученные солдаты порой оказывались в частях, вступавших в бой с неприятелем. В гарнизонах же обстановка была более спокойной.

Однако с распределением рекрут по гарнизонам в тот период постоянно возникали сложности. Хотя в целом обстановка на северо-западе была спокойной, у Петра I, возможно, имелись определенные опасения за оборону «новозавоеванных» территорий. Сложности были связаны с тем, что в результате кампании 1710 г. территория, занятая российскими войсками, увеличилась, поэтому количество частей, необходимых для их прикрытия, полков резко увеличилось. Кроме того, численность полков в тех частях, что действовала в Прибалтике, тоже сильно сократилась из-за эпидемии, поэтому пополнение требовалось всем. Это приводило к различным трениям.

Рижский обер-комендант Я.В. Полонский 25 июля 1711 г. сообщил из Риги, что новые

полки он еще в полный комплект «ненарекрутовал» [13, л. 1]. Он же через два дня написал А.Д. Меншикову: «Указ вашей высококняжеской светлости сего июля от 20 дня из Санкт-Петербурга писанный получил, в котором мне предложено о даче господину генерал-лейтенанту Боуру во обретающиеся команды его полки рекрут и лошадей и прочего, что он будет требовать. И на оное вашей высококняжеской светлости всепокорнейше доношу. Прислал ко мне он господин генерал-лейтенант ведомость, что команды его драгунские и пехотные полки надобно в дополнку 4 168 человек, а у меня толикого числа рекрут нет, понеже из губерний еще в указное число в присылке рекрут не сполна, а колико из которой губернии в привозе, из того числа учинено три полка, и что дано в Невский и в пехотные старые полки, отправлено в Пернов...» [14, л. 1].

То есть к июлю 1711 г. в Ригу еще не прибыли все те рекруты, которые были назначены туда, и у коменданта не было возможности укомплектовать полки в должной мере. При этом значительную часть людей ему необходимо было отпустить в полки действующей армии. И конфликт между Р.Х. Боуром и Я.В. Полонским продолжался. Рижский комендант выделил в полки Р.Х. Боура людей, однако генерал остался недоволен пополнением, посчитав, что в гарнизон комендант определил тех, кто лучше: «якобы из рекрут я выбрал в рижский гварнизон лутчих людей в новые полки, а его команды будто отдаю, выбрав плохих, о чем не знаю, кто ему сказал неправду...» [15, л. 1 об.]. Здесь также обратим внимание на словосочетание «в новые полки». Очевидно, что из рекрут в Риге формировали новые полки, которые и должны были составлять гарнизон крепости.

То же самое делали и в других крепостях Прибалтики. В июне 1711 г. в Ревель было определено два «рекрутских» полка, но прибыл только один [7, л. 1], а 27 августа ревельский комендант В.Н. Зотов доложил А.Д. Меншикову, что «рекрутскому полку, которой обретается при Ревеле, денежного оклада не учинено» [8, л. 2].

В Ингерманландии необходимости формирования новых полков не было, поэтому там стали пополнять те части, которые уже находились на той территории. Обер-комен-

дант Р.В. Брюс 29 октября 1711 г. сообщил А.Д. Меншикову: «Московской губернии привозу подполковника Грузинцова рекрут принято у него по списку налицо 974 чел., и оные рекруты раскомандированы по полкам и к другим делам, так же после приема бежало и померло октября по 29 число сего 1711 г.:

Вяцкой драгунской полк – 644

в Тулицов – 71 чел.

В Толбугин – 27 чел.

В Островской – 23 чел.

В Санкт-Петербурге и на Ижоре отдано в каменщики – 145 чел.

Умре – 40 чел.

Бежало – 24 чел.» [12, л. 1].

Здесь необходимо отметить, что наибольшее число рекрут было направлено в Вятский драгунский полк, который не являлся гарнизонным. В 1710 г. он находился в Прибалтике (соответственно, понес значительные потери, отсюда и необходимость пополнения), осенью того года оставался в Ревеле [6, л. 1], а позже был назначен для похода в Финляндию. Еще часть людей направили не в полки, а на работы, связанные со строительством Санкт-Петербурга.

Кроме того, часть рекрут из наборов 1711 г. была отдана в артиллерию. 3 мая Е. Зыбин сообщил генерал-фельдцейхместеру Я.В. Брюсу, что 1 000 человек рекрут взяты из полков и посланы в полевую армию к артиллерии [16, л. 339], а через месяц он же доложил, что «во артиллерии принято рекрут 2 000 человек и в армию в посылке – 971 человек, да за болезнию не послано и бежало 29 человек» [16, л. 346]. Возможно, это были рекруты, которые прошли первоначальную подготовку именно в гарнизонных полках, после чего были направлены в артиллерию действующей армии.

Такой способ периодически использовали и позднее. В частности, в 1720 г., когда в Риге потребовалось пополнить комплект артиллеристов, для этого определили солдат из рижского гарнизона, которых, в свою очередь, заменили рекрутами [19, л. 125].

Также утвердился принцип, в соответствии с которым из рижского гарнизона солдат отправляли для пополнения полевой армии, а на их место Сенат присылал рекрут. К примеру, именно такое указание в августе

1715 г. получил рижский губернатор П.А. Голицын [23, с. 504].

Аналогичным путем в том же 1715 г. происходил процесс пополнения в корпусе, который действовал в Финляндии под командованием Ф.М. Апраксина. Правда, там был сильный некомплект, поэтому туда направили «рекрут и гарнизонных солдат» 1 330 человек, из них «от камиссарства 420, из адмиралтейства 407, да по ведомости из Санкт-Петербурхской канцелярии в положенные на тое губернию армейские полки в тот корпус послано 303». А в губернии был послан указ о дополнительном наборе рекрут, которых тоже предполагалось сразу отправить в Финляндию [17, л. 23].

Отметим в связи с этим, что и рекруты, набранные в ходе наборов, объявленных в 1711 г., порой тоже сразу направлялись на пополнение армейских полков, в частности, 1 000 человек были посланы для этого в Смоленск в марте 1712 г. [18, л. 26].

Результаты. Рекрутские наборы 1711 г. официально были объявлены в связи с войной против Турции и Прутским походом российской армии. Однако в это же время возникла необходимость пополнения гарнизонных полков крепостей северо-запада России, и рекрут стали направлять именно туда. Использовались для этого, по всей видимости, рекруты набора 1710 г. и первого набора 1711 года. Ис с этого времени стал складываться принцип, в соответствии с которым рекрута старались отправлять в гарнизонные полки, а затем, когда он осваивал азы военной службы, уже переводили в полевую армию или в артиллерию. Правда, нередко обстановка вынуждала направлять рекрут сразу в полки действующей армии. Основные трудности при распределении рекрут были связаны с тем, что пополнение в то время было необходимо буквально везде, и на этой почве между генералами и комендантами порой возникали трения.

Те документы, которые удалось обнаружить в архивах и которые впервые вводятся в научный оборот, позволяют сделать вывод, что гарнизоны Риги и Ревеля были в 1711 г. сформированы из полков, полностью укомплектованных рекрутами (естественно, кроме офицеров). Гарнизонные части крепостей Ингерманландии тоже пополняли рекрутами, и из донесений Р.В. Брюса к генерал-губернатору,

выявленных в фонде Походной канцелярии А.Д. Меншикова, видно, как это происходило.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 498 с.
2. Бабич, М. В. Потерявши... помним: к истории небоевых потерь частей, дислоцированных в Ингерманландии в 1711 году / М. В. Бабич, И. В. Бабич // Война и оружие. – СПб. : ВИМАИВиВС, 2012. – Ч. 1. – С. 47–55.
3. Базарова, Т. А. «За кивиковую станицею лесами и болотами...». Первый русский комендант Выборга Г.П. Чернышев и борьба с «кивиками» / Т. А. Базарова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы шестнадцатой ежегод. науч. конф. / ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2015. – С. 12–19.
4. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. / Л. Г. Бескровный. – М. : Воениздат, 1958. – 646 с.
5. Ведомости о выдаче жалованья и кормовых денег за работы у Адмиралтейства, октябрь 1712 г. // Российский государственный исторический архив военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 176. – Оп. 1. – Д. 70. – Ч. 1. – Л. 21–69.
6. Донесение В. Н. Зотова А. Д. Меншикову 29 октября 1710 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 3909. – 1 л.
7. Донесение В. Н. Зотова А. Д. Меншикову 30 июня 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4429. – 1 л.
8. Донесение В. Н. Зотова А. Д. Меншикову 30 июня 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4577. – 3 л.
9. Донесение П. С. Салтыкова А. Д. Меншикову 2 декабря 1710 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 2. – Д. 7. – 340 л.
10. Донесение Р. В. Брюса А. Д. Меншикову 21 февраля 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4206. – 1 л.
11. Донесение Р. В. Брюса А. Д. Меншикову 5 марта 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4245. – 1 л.
12. Донесение Р. В. Брюса А. Д. Меншикову 29 октября 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4705. – 1 л.
13. Донесение Я. В. Полонского А. Д. Меншикову 25 июля 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4246. – 1 л.
14. Донесение Я. В. Полонского А. Д. Меншикову 27 июля 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4248. – 1 л.

15. Донесение Я. В. Полонского А. Д. Меншикову 31 июля 1711 г. // Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 4231. – 1 л.
16. Записная книга канцелярии генерал-фельдцейхмейстера, 1711 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 131. – 388 л.
17. Письмо И. Мусин-Пушкина Ф. М. Апраксину 18 августа 1715 г. // РГА ВМФ. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 92. – 374 л.
18. Письмо П. Толстого Ф. М. Апраксину 7 марта 1712 г. // РГА ВМФ. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 34. – 286 л.
19. Письмо Сената в канцелярию генерал-фельдцейхмейстера 23 мая 1720 г. // Архив ВИМАИВиВС. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 8. – 148 л.
20. Поливанов, К. М. Исторический очерк законов о рекрутской повинности от Петра I до 1810 г. / К. М. Поливанов. – СПб. : Тип. Фишера, 1850. – 94 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 4. – 890 с.
22. Резолюция Петра I на табели о солдатах и рекрутах, отправляемых в армию и в Ригу // Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. XI. – Вып. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 609 с.
23. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига : Тип. А.И. Липинского, 1876. – Т. II. – 592 с.
24. Тихонов, В. А. Санкт-Петербургская ландмилиция: 1711–1719 гг. / В. А. Тихонов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2008. – Вып. 1. – С. 14–21.
25. Тихонов, В. А. Рекрутская система комплектования русской армии в 1705–1710 гг. / В. А. Тихонов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 4. – С. 28–36.

REFERENCES

1. Anisimov E.V. *Vremya petrovskih reform* [The Time of Peter’s Reforms]. Leningrad, Lenizdat, 1989. 498 p.
2. Babich M.V., Babich I.V. *Poteryavshi... pomnim: k istorii neboevykh poter’ chastej, dislocirovannyh v Ingermanlandii v 1711 godu* [Having Lost... Remember: The History of Non-Combat Losses of Units Stationed in Ingermanland in 1711]. *Vojna i oruzhie* [War and Weapons]. Saint Petersburg, VIMAIViVS, 2012, pt. 1, pp. 47-55.
3. Bazarova T.A. «*Za kivikovoyu stаницeyu lesami i bolotami...*». *Pervyj russkij komendant Vyborga*

G.P. Chernyshev i bor'ba s «kivikami» [“Behind the Civic Village, Forests and Swamps... The First Russian Commandant of Vyborg G.P. Chernyshev and the Fight Against “Kiviks”]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: materialy shestnadcatoj ezhegod. nauch. konf.* [Saint Petersburg and the Nordic Countries: Materials of the Sixteenth Annual Scientific Conference]. Saint Petersburg, Izd-vo RKhGA, 2015, pp. 12-19.

4. Beskrovnyj L.G. *Russkaya armiya i flot v XVIII v.* [The Russian Army and Navy in the XVIII Century]. Moscow, Voenizdat, 1958. 646 p.

5. Vedomosti o vydache zhalovan'ya i kormovoyh deneg za raboty u Admiralteystva, oktyabr' 1712 g. [On the Payment of Salaries and Feed Money for Work with the Admiralty, October 1712]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv voennomorskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Archive of the Navy], f. 176, inv. 1, d. 70, pt. 1, l. 21-69.

6. Donesenie V.N. Zotova A.D. Menshikovu 29 oktyabrya 1710 g. [Report of V.N. Zotov to A.D. Menshikov of October 29, 1710]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN (Arkhiv SPb II RAN)* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 3909. 11.

7. Donesenie V.N. Zotova A.D. Menshikovu 30 iyunya 1711 g. [Report of V.N. Zotov to A.D. Menshikov of June 30, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 4429. 11.

8. Donesenie V.N. Zotova A.D. Menshikovu 30 iyunya 1711 g. [Report of V.N. Zotov to A.D. Menshikov of June 30, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 4577. 3 l.

9. Donesenie P.S. Saltykova A.D. Menshikovu 2 dekabrya 1710 g. [Report of P.S. Saltykov to A.D. Menshikov of December 2, 1710]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 2, d. 7. 340 l.

10. Donesenie R.V. Bryusa A.D. Menshikovu 21 fevralya 1711 g. [Report of R.V. Bruce to A.D. Menshikov of February 21, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 4206. 11.

11. Donesenie R.V. Bryusa A.D. Menshikovu 5 marta 1711 g. [Report R.V. Bruce A.D. Menshikov of March 5, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, Inv. 1, d. 4245. 11.

12. Donesenie R.V. Bryusa A.D. Menshikovu 29 oktyabrya 1711 g. [Report of R.V. Bruce to A.D. Menshikov of October 29, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 4705. 11.

13. Donesenie Ya.V. Polonskogo A.D. Menshikovu 25 iyulya 1711 g. [Report of Ya.V. Polonsky to

A.D. Menshikov of July 25, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 4246. 11.

14. Donesenie Ya.V. Polonskogo A.D. Menshikovu 27 iyulya 1711 g. [Report of Ya.V. Polonsky to A.D. Menshikov of July 27, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, D. 4248. 11.

15. Donesenie Ya.V. Polonskogo A.D. Menshikovu 31 iyulya 1711 g. [Report of Ya.V. Polonsky to A.D. Menshikov of July 31, 1711]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History RAS], f. 83, inv. 1, d. 4231. 11.

16. Zapisnaya kniga kancelyarii general-fel'dcejhmejstera, 1711 g. [Notebook of the Chancellery of the Field-General of the Army, 1711]. *Arhiv Voенно-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi (Arkhiv VIMAIViVS)* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], f. 2, inv. 1, d. 131. 388 l.

17. Pis'mo I. Musin-Pushkina F.M. Apraksinu 18 avgusta 1715 g. [Letter from I. Musin-Pushkin to F.M. Apraksin of August 18, 1715]. *Arkhiv VIMAIViVS* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], f. 233, inv. 1, d. 92. 374 l.

18. Pis'mo P. Tolstogo F.M. Apraksinu 7 marta 1712 g. [Letter of P. Tolstoy to F.M. Apraksin of March 7, 1712]. *Arkhiv VIMAIViVS* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], f. 233, inv. 1, d. 34. 286 l.

19. Pis'mo Senata v kancelyariyu general-fel'dcejhmejstera 23 maya 1720 g. [Letter from the Senate to the Office of the Field-General-Major of May 23, 1720]. *Arkhiv VIMAIViVS* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], f. 2, inv. 2, d. 8. 148 l.

20. Polivanov K.M. *Istoricheskij ocherk zakonov o rekrutskoj povinnosti ot Petra I do 1810 g.* [The Historical Outline of the Laws on Recruitment Service from Peter I to 1810]. Saint Petersburg, Tipografiya Fishera, 1850. 94 p.

21. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830, vol. 4. 890 p.

22. Rezolyuciya Petra I na tabeli o soldatah i rekrutah, otpravlyaemyh v armiyu i v Rigu [The Resolution of Peter I on the Table of Soldiers and Recruits Sent to the Army and to Riga]. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great], vol. XI, iss. 1. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 609 p.

23. *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja* [A Collection of Materials and Articles on the History of the Baltic Region]. Riga, Tipografiya A.I. Lipinskogo, 1876, vol. II. 592 p.

24. Tihonov V.A. Sankt-Peterburgskaya landmiliciya: 1711–1719 gg. [Petersburg Land Police: 1711–1719]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State

Regional University. Series: History and Political Science], 2008, iss. 1, pp. 14–21.

25. Tihonov V.A. Rekrutskaya sistema komplektovaniya russoj armii v 1705–1710 gg. [Recruitment System for the Acquisition of the Russian Army in 1705–1710]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2012, no. 4, pp. 28–36.

Information About the Author

Nikolai R. Slavnitsky, Candidate of Sciences (History), Chief Researcher, State Museum of the History of Saint Petersburg, Peter and Paul Fortress, 3, 197046 Saint Petersburg, Russian Federation, slavnitski@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Информация об авторе

Николай Равильевич Славнитский, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Петропавловская крепость, 3, 197046 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, slavnitski@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.5>

UDC 94(47).05
LBC 63.3(2)511

Submitted: 06.07.2020
Accepted: 05.08.2020

FEATURES OF FORTIFICATIONS OF THE TSARITSYN DEFENSE LINE IN THE 20s OF THE 18th CENTURY¹

Sergey A. Ivanyuk

The State Historical and Memorial Museum "Battle of Stalingrad", Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Extending from the walls of the fortress of Tsaritsyn to the Don river, the Tsaritsyn defense line reliably protected this area from the systematic raids of nomads, gave an impetus to the active settlement of the region and its economic development. A number of research papers are devoted to the history of the Tsaritsyn line, but some aspects are still insufficiently studied. This article reveals the features of fortification and military engineering characteristics of the Tsaritsyn defense line defensive structures, its technical condition during the reign of Peter I. *Methods and materials.* The research is based on both published documents and ones stored in archives, which allow us to understand the principles that formed the fortified Tsaritsyn defense line, which fortifications were part of its complex in the 20s of the 18th century. *Methods of the study:* the principles of historicism and objectivity, analysis, synthesis, systematic approach. *Analysis.* The comparison of the evidence of participants in the construction of the Tsaritsyn defense line (1719–1720) and cartographic plans of its fortifications made it possible to determine the main characteristics of military engineering facilities located at it. Additionally, the analysis of cartographic sources, the manuscript division of the Library of the Academy of Sciences and the documents of the Main Office of Artillery and Fortification helped to determine the time frame and the author of the map "of the defensive line between the Volga and the Don" of 1723, which has not previously been used by researchers when working on the issue of fortification of the Tsaritsyn defense line in the first years of its operation. *Results.* As a result of the conducted research, it was found that since the beginning of commissioning in 1720, the main fortification objects were formed at the Tsaritsyn defense line, which were part of the complex of its defensive structures, which remained the main fortifications during the entire time of its operation until the abolition of service on it.

Key words: Peter I, Tsaritsyn, fortress, fortification, defense line.

Citation. Ivanyuk S.A. Features of Fortifications of the Tsaritsyn Defense Line in the 20s of the 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 41-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.5>

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 06.07.2020
Дата принятия статьи: 05.08.2020

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ В 20-х гг. XVIII ВЕКА¹

Сергей Александрович Иванюк

Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Протянувшаяся от стен Царицына до излучины Дона Царицынская сторожевая линия надежно защитила эту местность от систематических набегов кочевников, дала толчок к активному заселению края и его экономическому развитию. Истории Царицынской линии посвящен ряд исследовательских работ, но некоторые аспекты до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В данной статье раскрываются особенности фортификации и военно-инженерные характеристики оборонительных сооружений линии, ее техническое состояние в период царствования Петра I. *Методы, материалы.* В осно-

ве исследования лежат как опубликованные документы, так и хранящиеся в архивах, которые позволяют нам понять, по каким принципам формировалась укрепленная линия, какие фортификационные сооружения входили в ее комплекс в 20-х гг. XVIII века. Методы проведенного исследования: принципы историзма и объективности, анализ, синтез, системный подход. *Анализ.* Сопоставление свидетельств участников строительства Царицынской линии (1719–1720 гг.) и картографических планов ее укреплений дало возможность определить основные характеристики военно-инженерных объектов, расположенных на ней. Дополнительно анализ картографических источников Отдела рукописей Библиотеки Академии наук и документов Главной канцелярии артиллерии и фортификации позволил определить временные рамки и исполнителя карты-плана «оборонительной линии между Волгой и Доном» 1723 г., который ранее не использовался исследователями при работе по теме фортификации Царицынской линии в первые годы ее эксплуатации. *Результаты.* В результате проведенного исследования удалось установить, что с начала введения в эксплуатацию в 1720 г. на Царицынской линии были сформированы основные фортификационные объекты, входящие в комплекс ее оборонительных сооружений, которые оставались главными укреплениями в течение всего времени ее эксплуатации, вплоть до упразднения службы на ней.

Ключевые слова: Петр I, Царицын, крепость, фортификация, сторожевая линия.

Цитирование. Иванюк С. А. Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 41–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.5>

Введение. В августе 1720 г. в между-речье Волги и Дона, где русла двух рек максимально приближались друг к другу, было возведено уникальное фортификационное сооружение – Царицынская сторожевая линия [5, л. 202]. Это стало знаменательным событием не только для будущего региона, но и страны в целом. Протянувшаяся от стен Царицына до излучины Дона оборонительная линия надежно защитила эту местность от систематических набегов кочевников, дала толчок к активному заселению края и его экономическому развитию.

История Царицынской линии изучалась в рамках нескольких общих и специальных работ, посвященных истории фортификации, предпосылок к созданию линии, истории ее строительства и эксплуатации, истории казачества [14, с. 487–488; 12; 10; 11, с. 16–46; 13; 22, с. 178–220; 7, с. 241–242]. Несмотря на широкий спектр исследовательских работ по данной теме, некоторые аспекты до настоящего времени остаются недостаточно изученными. Так, несмотря на обращения ряда исследователей к вопросам, связанным с характеристикой фортификационных сооружений Царицынской линии, на начальном этапе ее эксплуатации эта тема остается изученной поверхностно и до конца не раскрытой [14, с. 487–488; 13, с. 44–49].

В данной статье с привлечением источников (письменных и картографических) по

истории строительства и ремонта Царицынской линии в 20-х гг. XVIII в., которые до настоящего времени не были введены в научный оборот, подробно раскрываются особенности и военно-инженерные характеристики оборонительных сооружений линии, ее техническое состояние в период царствования Петра I.

Методы и материалы. Данное исследование ориентировано на сопоставление отдельных свидетельств о строительстве и восстановительных работах на Царицынской линии, сравнение документального описания с ее графическими изображениями и поиск ответов на вопрос: какими были фортификационные сооружения на ней в 20-х гг. XVIII века?

Среди источников, использованных в данной работе, выделим документы из фонда 248 «Сенат и его учреждения» Российского государственного архива древних актов, связанных со строительством Царицынской линии (1719–1720 гг.). Путем просмотра отдельных единиц фонда и сопоставления их с уже опубликованными источниками по истории Царицынской линии восстановлен общий ход строительства и характерные особенности военно-инженерных объектов на линии. Особо необходимо выделить ценные картографические материалы, обнаруженные в фондах Отдела рукописей Библиотеки академии наук, которые стали важным дополнением к письменным источникам. Сопоставление

письменных и картографических источников сформировало общую картину и особенности фортификационных сооружений, включенных в оборонительную систему Царицынской линии. Важным дополнением стали документы фонда 2 «Канцелярия главной артиллерии и фортификаций» Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи о восстановительных работах на Царицынской линии и отправке к ней инженеров.

Анализ. Уникальность Царицынской линии как военно-инженерного объекта заключалась в том, что для XVIII в. это было самое продолжительное фортификационное сооружение в Европе, построенное по бастионной системе укреплений. При этом строительство линии было произведено в кратчайшие сроки, как сообщал 13 сентября 1720 г. руководитель работ по ее возведению в 1718–1720 гг. генерал-майор Г.С. Кропотов: «Чего ради в три года оной работы было только з девять месяцев, однакож чрез многой и неусыпной труд ныне уже окончалась» [5, л. 202].

Закономерно, что скорость строительных работ повлияла на качество их выполнения. Но ставить это в вину Г.С. Кропотову и его команде было бы в корне не верно. На результат влиял ряд независимых от них причин, помешавших полноценному выполнению инженерных работ, а это: жаркий летний климат, глинистый и песчаный степной грунт, отсутствие достаточного количества строителей, леса и воды, моровое поветрие и атаки со стороны кочевников [3, л. 37]. К тому же указы царя и Сената требовали от исполнителей скорейшего введения Царицынской линии в эксплуатацию, что они добросовестно и выполнили в августе 1720 года.

Возводимые на скорую руку и в тяжелых условиях укрепления Царицынской линии очень быстро пришли в упадок. Посетивший ее с инспекцией в июне 1721 г., то есть через год после ввода в эксплуатацию, астраханский губернатор А.П. Волынский сообщал царю о неудовлетворительном состоянии военно-инженерных объектов линии. В частности, он писал: «во многих местах рвы песком занесло, и вал осыпался <...> свободно можно местах в 10 проехать», и если не принимать мер, она вскоре совсем «развалится» [7,

с. 242]. Еще через год, в конце 1722 г., возвращаясь из Персидского похода, изучить состояние укреплений Царицынской линии смог и Петр I. После короткой остановки в Царицыне царь проследовал по дороге вдоль ее укреплений к Донской переволоке. Следом за ним выехала и его супруга императрица Екатерина. Следуя вдоль линии, она даже посетила крепость в урочище Грачи: «В 7-й день (декабря. – С. И.), ее величество изволила путь восприять из Царицына и прибыла в Грачевскую крепость, и по указу куплено для солдат и драгунов у маркитанта вина простого три ведра» [25, с. 146; 26, с. 499; 7, с. 240].

Возможно, именно с критической оценкой состояния Царицынской линии было связано то, что в 1723 г. царем были инициированы процессы по ремонту ее фортификационных сооружений [19]. Для исследования укреплений, составления графического плана и осуществления восстановительных работ в Царицын в том же году были направлены военные инженеры. Одним из таких планов стала «Карта-план оборонительной линии между Волгой и Доном (от города Царицына до Донского пролива четыре крепостцы), профилями крепостей» [8]. Уникальность этого документа заключается в том, что на нем достаточно подробно изображены все фортификационные сооружения линии: Царицынская крепость на берегу Волги, сама линия до излучины Дона, укрепленные точки (крепости) на ней и дополнительные инженерные объекты, усиливавшие оборонительный эффект. К тому же план содержит обозначение и легенду для основных объектов плана, а также профиль крепостей на линии и масштаб. Эти сведения дают возможность подробно разобрать особенности всех фортификационных сооружений, расположенных на Царицынской линии в 20-х гг. XVIII в., определить их местоположение и технические характеристики.

К сожалению, данный документ не имеет точной датировки и авторской подписи. Тем не менее его сопроводительный текст (легенда) дает возможность определить примерные рамки его оформления. В частности, буквой «S» на нем обозначены «попорченные обрубцы в 1721-м году и вместо их надолбы» [8]. Это указывает на то, что карта-план была состав-

лена после 1721 года. Кроме этого, как указывалось выше, в 1723 г. по указанию царя начались восстановительные работы на Царицынской линии, а ряд военных инженеров составили планы ее оборонительных сооружений. Так, в 1723 г. по указу Военной коллегии из Астрахани в Царицын для составления на месте проекта («плана с масштабом») по окончанию и усилению линии был направлен инженер-полковник Иван Бреклин, который с конца XVII в. привлекался к фортификационным работам в ряде российских крепостей (Троицком, Киеве, Полтаве, Астрахани) [18; 14, с. 488; 23, с. 515]. В фондах Отдела рукописей Библиотеки Академии наук хранится план за авторством И. Бреклина «цитадели при впадении реки Царицынки в Волгу», составленный примерно в тот же временной отрезок [21]. Можно допустить, что именно им была составлена и рассматриваемая нами карта-план укреплений Царицынской линии.

Описание плана Царицынской линии стоит начать с ее левого фланга, где отправной точкой считалось самое крупное оборонительное сооружение на ней – крепость города Царицын (литера «А» в легенде карты-плана). Эта крепость имела форму неправильного четырехугольника, который прикрывался с южного и западного фронта естественными преградами, рекой Волгой и ее притоком небольшой речкой Царицынкой. Оборонительная ограда крепости состояла из вала, деревянного палисада, 11 башен (1 круглая, 4 шестиугольных, 1 пятиугольная, 5 четырехугольных) и двух «раскатов», которые были окружены сухим рвом. На изготовление ограды и башен использовались сосновые бревна [15, с. 44]. В период строительства основных укреплений Царицынской линии в 1719–1720 гг. были восстановлены и фортификационные сооружения Царицына, пострадавшие в период пожаров и военных событий, происходивших у крепости в начале XVIII века. В частности: «около Царицына ров со всех сторон отмытые водою крутости очищены и углублены, и для худой природы земли от дождей, и от внешней воды те рвы оставлены крепкими палисады, и связаны крепкими бревнами» [5, л. 202].

На линии крепостной ограды западного фронта крепости, смотрящей на речку Царицынку, располагались пять башен: по углам

две шестиугольные башни («кругом города нугольные башни, а другого названия оным башням нет»), две четырехугольные проезжие башни с деревянными мостами, переброшенными через ров и воротами – Предтечинскими (в южной башне) и Царицынскими (в северной башне), между ними в центре круглая башня, которая на плане Царицынской крепости 1731 г. называлась «раскат» [20]. От круглой башни «в поле» в сторону речки Царицынки было выдвинуто дополнительное фортификационное сооружение теналь («клещи»). Оно было возведено во время строительства основных укреплений Царицынской линии рабочей командой генерал-майора Г.С. Кропотова. Об этом он сообщал в своем донесении в Сенат 13 сентября 1720 г.: «к стороне неприятельской построена теналия» [5, л. 202].

На северном фронте оборонительной ограды Царицынской крепости, между двумя угловыми, шестиугольной и пятиугольной башнями, располагались две четырехугольные башни. Функции рва на этом участке крепости выполнял глубокий овраг, который проходил вдоль оборонительной ограды. Вал крепости был дополнительно усилен вбитыми в него надолбами. Они представляли собой заостренные деревянные колья, вкопанные в землю вертикально. Именно от северной «наугольной» башни этого участка крепости, сразу от оврага начиналась Царицынская линия.

На защитной ограде южного фронта крепости, смотрящей на Волгу между двумя «наугольными» башнями, располагался «раскат», который «зделаны из дасок в заборы и насыпаны землею» [20]. Справа от этого укрепления в крепостной ограде находились ворота («калитка») с деревянным мостом через ров, которые назывались Волжскими. Они вели за территорию крепости из подворья Иоанна-Предтеченского женского монастыря. Еще одни ворота с мостом располагались слева от «раската» и вели в предместье, раскинувшееся на высоком берегу Волги.

На крепостной ограде восточного фронта Царицынской крепости между угловыми башнями располагались один «раскат» и две башни – четырехугольная и пятиугольная. От пятиугольной башни через ров был переброшен мост. На карте-плане пятиугольная башня была показана как глухая, но на плане Ца-

рицынской крепости 1731 г. она изображена с воротами, которые назывались Донскими [20]. Деревянный мост вел в примыкавший к Царицынской крепости форштадт (литера «В» в легенде карты-плана). В описании, прилагаемом к плану Царицынской линии, он называется «Новой при том (Царицыне. – С. И.) город», а на планах Царицына 1729 и 1731 гг. – «Салдацкия слободы» [20; 15, с. 61].

Уже в первые годы XVIII в. форштадт Царицынской крепости имел свои укрепления, которые в случае нападения на город могли стать дополнительным укрытием (цитаделью) для атакованного гарнизона. Именно так произошло в мае 1708 г. во время нападения на Царицын бунтующих казаков «булавиццев», когда после потери «старого» города гарнизону удалось каким-то образом продолжить сопротивление под защитой укреплений форштадта [2, с. 437]. Для безопасности форштадт был окружен земляным ретраншементом с деревянной обшивкой, который начинался сразу от рва, у пятиугольной проезжей башни Царицынской крепости, и, делая поворот почти под прямым углом, примыкал вплотную к крутому обрыву на берегу Волги. На линии ретраншемента находились ворота, от которых начинался проезжий тракт вдоль всей Царицынской линии до излучины Дона. В восточной части ретраншемента на оборонительной линии находился «раскат».

Перед форштадтом, справа от угловой башни Царицынской крепости перед обрывом находился редут правильной четырехугольной формы с сухим рвом, который назывался «батарея». Он был построен рабочей командой Г.С. Кропотова тогда же, когда и теналь на южном фронте крепости [5, л. 202]. Можно предположить, что «батарея» у Царицына имела типичные характеристики, для такого типа фортификационных сооружений и на внутренней ее части был сделан деревянный настил из досок, чтобы в случае использования ее для артиллерийской стрельбы колеса пушек не увязали в грунте [16, с. 524].

На плане Царицына кроме его укреплений были обозначены границы жилых построек внутри крепости, в его форштадте и предместье, а также места расположения церковных сооружений. В Царицыне в это время в пределах крепостной ограды находились:

Иоанна-Предтечинский девичий монастырь (около проезжей башни с Предтечинскими воротами), Соборная церковь Воскресения Христова (у «раската» восточного фронта крепости), приходской храм Николая Чудотворца (у «раската» на южном фронте крепости), Троицкий мужской монастырь (между Иоанна-Предтечинским монастырем и храмом Николая Чудотворца), на форштадте у «раската» находилась приходская церковь Покрова Богородицы [1, с. 171].

Кроме этого, за ретраншементом форштадта на плане обозначено расположение калмыцких кибиток при Царицыне (литера «W» в легенде карты-плана). Присутствие этих кочевников в такой близости от стен Царицынской крепости вполне объяснимо, о чем достаточно подробно рассказывается в монографии Т.И. Лавриновой. Именно в 20-х гг. XVIII в. происходили процессы по сдерживанию калмыков в союзе с Россией и предотвращению переходов их кочевий в Крым. Поэтому Сенатом было разрешено калмыцким семьям расселение на территориях за Царицынской линией, которая выступала в качестве сдерживающего фактора [13, с. 62–66]. К тому же нахождение калмыцких кибиток в пределах видимости царицынского гарнизона давало возможность контроля за склонными к грабежам и насилию кочевниками, о которых Г.С. Кропотков писал: «Калмыки повсегда дорогами в степях от Царицына к Дмитриевску к Саратову и к Петровску всякого чина людей розбивают и побивают до смерти и в полон берут» [5, л. 204 об.].

Царицынская линия начиналась сразу от крепостных сооружений города и протянулась примерно на 55 км от стен Царицына до излучины Дона. Линия пролегла через открытую степную территорию, поэтому сообразно свойствам местности ее основными составляющими были земляной вал с сухим рвом. В сентябре 1719 г. в Сенат сообщалось, что «ров и вал зделан везде немалой, чрез которой неприятелю проехать невозможно» [3, л. 37 об.]. По утверждению Т.И. Лавриновой, высота вала линии колебалась от 1,7–2,1 м до 4,5 м, при этом глубина и ширина рва, по сообщению инженера де Кофенанта, руководившего инженерными работами на линии в 1719–1720 гг., составляла 1 сажень – 2,13 м [3, л. 37;

13, с. 45]. В целом вал Царицынской линии был реданного расположения (линия состояла из 31 реданного фронта, а вал имел берму и бруствер), с пятью опорными точками – крепостями (Мечетная, Грачевская, Осакорская, Донская), расположенными на нем [14, с. 487; 13, с. 49].

Первый участок был протяженностью около 10,5 км и вел от Царицынской крепости до следующего укрепленного пункта линии на реке Мечетке [9, с. 28]. На этом отрезке Царицынской линии для усиления ее обороны в направлении «Кубанской степи» смотрели острые углы шести реданов. Последний из них был равелином неправильной формы, который прикрывал разрыв вала в месте пересечения оврага. В четырех местах, где линия пересекала овраги («бояраки») на валу делались специальные инженерные сооружения «обрубы для проходу вешней воды» («через линию на оврагах построены с трубами обрубы, чтоб вешнюю вадою вал не промывало» [5, л. 202]). В этих же местах за линией рва устанавливались надолбы в форме засеки из уложенных крест-накрест деревьев (положенных клетками), с заостренными вершинами, направленными в сторону противника. То есть с возможностью пропуска воды, но служащие препятствием для прохода коннице противника [14, с. 487]. На этом же участке Царицынской линии в нескольких местах вал был усилен палисадом.

Перед тем как перейти к описанию крепостей (опорных пунктов), расположенных непосредственно на линии, следует отметить, что все они имели общие инженерные характеристики и строились по одной схеме. Это видно из «профиля к тем крепостям», изображенного на рассматриваемом плане Царицынской линии. Согласно с ним укрепления включали в себя вал, состоящий из валганга 2,5 м в ширину, банкета 0,6 м и бруствера 2,5 м (внутренняя крутость бруствера – 1,5 м, скат, передняя отлогость и защитная толщина бруствера – 2,15 м).

Перед бруствером на берме в 2,5 м располагались колья палисада длиной в 1,5 м. В отличие от кольев ограды колья палисада укрепленных пунктов Царицынской линии вкапывали не вплотную один к другому, а с промежутками. Такие сооружения должны были

воспрепятствовать или замедлить движение противника и сделать его мишенью для гарнизонных стрелков. Перед бруствером и бермой крепости находился ров. Его ширина составляла 5 м, а глубина – почти 3 м. Эскарп и контрэскарп рва были равны 3,35 м, а ширина его дна – 1 м. На строительстве этих укреплений рабочей командой Г.С. Кроптова использовались дубовые и сосновые бревна, которые завозились из Нижегородской, Азовской и Казанской губерний («к линейной работе соснового лесу на палисады и на другие потребности х крепостям тритцать тысяч дерев, да на рогатки брусья дубового пятсот» [4, л. 1]).

Первым таким укрепленным пунктом на линии было оборонительное сооружение на реке Мечетке (Мечетне). Крепость Мечетная (литера «С» в легенде карты-плана) представляла собой четырехугольный полубастионный шанец, каждый фронт которого состоял из куртины и одного полубастиона. Исследователь истории строительства Царицынской линии Т.И. Лавринова в своей монографии указывала, что Мечетная крепость составляла в периметре 136,5 м, а в высоту – 3,3 м [13, с. 48]. Укрепление располагалось непосредственно на линии вала и рва Царицынской линии, между пересекавших ее двух рукавов реки Мечетки, которая таким образом прикрывала ее левый и правый фланги. На куртине северного фронта крепости, которая находилась на «за линейной» (прикрытой основным валом и рвом) территории между двумя полубастионами, через крепостной ров был переброшен деревянный мост, который вел внутрь укрепления. Тыльные фасы Мечетной крепости были дополнительно усилены рогатками. Согласно учебникам по теории фортификации они должны были представлять собой шестигранный брус, к которому крепились колья (спицы) длиной около 1,8 м с заостренными или железными наконечниками («шпилями»). Между собой рогатки соединялись цепями, чтобы создать единую систему укреплений [24, с. 252–253; 16, с. 525].

Укрепление на реке Мечетке было рассчитано на гарнизон в 300 человек [6, л. 66; 14, с. 487]. Рядом с крепостью находился деревянный острог «с стенами для лошадей», где в случае необходимости могли размес-

тяться силы гарнизона (литера «К» в легенде карты-плана). Здесь же находилась трехуровневая сигнальная вышка «караульня» (литера «L» в легенде карты-плана). Указом Военной коллегии от 24 февраля 1723 г. такие сооружения были устроены по всей территории от Царицына до Тамбовского уезда и далее до Днепра. «Караульни» представляли собой «огни на высоких пирамидах <...> дабы во время набегов татарских, на оных пирамидах огни зажигали <...> почему бы могли жители всегда в осторожности быть» [17, с. 26]. Кроме передачи сигналов такие вышки использовались для освещения пространства, атакуемого противником в ночное время. Пылающие маяки позволяли вести прицельный огонь по противнику в ночной темноте.

Второй отрезок Царицынской линии от полубастионного шанца Мечетная до следующего укрепленного пункта в урочище Грачи в длину составлял около 18 км [9, с. 28]. На этом участке линии для ее усиления размещалось самое большое количество реданов – 16. Между 11-м и 12-м реданами на возвышенности за линией вала и рва между двумя оврагами находилась трехъярусная вышка «караульня». В шести местах, где Царицынская линия пересекалась с оврагами («бояраками»), участки рва были усилены надолбами, вбитыми крест-накрест, а в пяти местах на валу были установлены обруббы «для проходу вешней воды». К тому же, во рву шестого от крепости Мечетной редана находились вертикально вбитые в землю острые колья палисада.

Следующим опорным пунктом на Царицынской линии была Грачевская крепость – пятибастионное укрепление («штерн-шанец»). Эта крепость (литера «D» в легенде карты-плана) в виде звезды правильной формы была самым крупным фортификационным сооружением, расположенным непосредственно на линии. По утверждению Т.И. Лавриновой, периметр ее укреплений составлял 297 м, высота вала достигала 4,6 м [13, с. 47]. Грачевская крепость была главным опорным пунктом войск, принимавших участие в сторожевой службе на Царицынской линии. Она единственная имела постоянный гарнизон (до 500 человек) и некоторое число артиллерии (в 1720 г. 8 чугунных пушек) [5, л. 203; 14, с. 487].

Три бастиона из пяти Грачевской крепости располагались за основной линией вала и рва, условно «в поле». Для усиления обороны эта часть крепости была дополнена аванфорсом в виде непрерывного рва со смотрящими «в поле» тремя острыми углами, примыкавшего, в свою очередь, к основному рву Царицынской линии. Этот ров располагался на небольшом удалении от крепостного рва и частично повторял контуры внешней части Грачевского укрепления.

На куртине северного фронта крепости, располагавшегося на внутренней части Царицынской линии между двумя бастионами, находился деревянный мост через ров и ворота, ведущие внутрь Грачевской крепости. Эта часть укрепления дополнительно была усилена рогатками, установленными сразу за линией крепостного рва. Недалеко от крепостных укреплений размещались трехъярусная сигнальная «караульня» и гарнизонный «острог», который с тыла прикрывался руслом речки Паншинки. Слева от Грачевской крепости на линии вала и рва Царицынской линии находился деревянный мост для перехода на внешнюю «за линейную» территорию в случае выступления гарнизонных войск «в поле» для вступления в открытое сражение с нападающими.

Третий отрезок Царицынской линии протяженностью до 15 км пролегал от Грачевской крепости до следующей укрепленной точки в урочище Осокарка [9, с. 28]. На этом участке линии с ее внутренней стороны параллельно валу протекала речка Паншинка, которая в случае прорыва противника за оборонительные сооружения могла создать дополнительное препятствие для дальнейшего продвижения. На линии располагалось 9 реданов, а примерно посередине этого отрезка в районе урочища Котлубань за основным валом на возвышенности была установлена трехуровневая вышка «караульня». В трех местах Паншинка своими рукавами пересекала Царицынскую линию, где для усиления этих участков, как и в других таких же местах на линии, были размещены надолбы и обруббы, которые, в свою очередь, усиливались брустверами.

Третий укрепленный опорный пункт Царицынской линии располагался в урочище

Осакарка на возвышенности правого берега речки, носящей такое же имя и являвшейся притоком Дона. Это был редут, в виде правильного четырехугольника, установленный непосредственно на линии (литера «Е» в легенде карты-плана). По мнению Т.И. Лавриновой, периметр редута составлял 136,1 м с высотой вала 2,7 м. В северном фасе Осакорской крепости через крепостной ров был установлен деревянный мост, который вел внутрь укрепления. Эта часть редута была дополнительно усилена рогатками. Здесь же недалеко от Осакорского укрепления находилась вышка «караульня» и деревянные постройки («острог»), выделенные для несения службы на форпостах отрядов. Удобное расположение этого небольшого укрепления давало возможность отражения нападения даже превосходящих сил противника.

Следующий отрезок Царицынской линии протянулся от Осакорского редута до следующего укрепления, называемого Донской крепостью на расстоянии чуть более 7 км [9, с. 28]. Этот участок был короче предыдущих и состоял лишь из вала и рва, без реданов.

Крепость Донская располагалась на возвышенности в полукольце оврагов близ Донского пролива. Т.И. Лавринова в своей работе указывала следующие размеры этого укрепления – общая длина 136,5 м, с высотой вала 3,3 м и шириной 2,6 м в основании [13, с. 45]. Это был четырехугольный «полубастионный шанец», по своим характеристикам полностью повторяющий укрепление на реке Мечетке (литера «F» в легенде карты-плана). Единственным отличием Донской крепости было то, что она одна не располагалась непосредственно на линии, а находилась на небольшом удалении от нее на внутренней защищенной линией территории. При этом в части Царицынской линии, параллельной переднему южному фронту Донской крепости (ее одного полубастиона и куртины), отсутствовал вал, и она прикрывалась только рвом. Все фронты Донского укрепления, кроме южного, смотрящего «в поле», были усилены рогатками, которые соединялись с основным рвом Царицынской линии и создавали таким образом единое оборонительное сооружение с крепостью.

Слева от крепости на внутренней «за линейной» территории находилась сигнальная

«караульня». На противоположной стороне укрепления располагались деревянные постройки для гарнизонных войск, вместительность которых для Донской крепости была до 300 человек [14, с. 487]. Недалеко от гарнизонного «острога» на основной линии вала и рва Царицынской линии находился деревянный мост для перехода на внешнюю территорию в случае необходимости выступления гарнизонных войск «в поле».

От Донской крепости Царицынская линия продолжалась примерно 5 км вплоть до Донского пролива. На этом участке линии тоже не было реданов, а располагался только один «раскат», состоящий из фронтального бруствера с прикрытыми фланками. У «раската» за линией вала и рва располагалась «караульня».

Донской пролив обрывал непрерывную Царицынскую линию, но на острове между ним и основным руслом Дона линия продолжалась возведенными здесь специальными оборонительными сооружениями. Несмотря на то что на рассматриваемом плане в этом месте обозначены лишь укрепления в виде «дубовых клетей» (бревна, сложенные друг на друга), сохранились сведения о том, что после ввода в эксплуатацию Царицынской линии в августе 1720 г. здесь была не только засека, но и вал со рвом: «от протоку Донского чрез остров до Дону на три версты (3,2 км. – С. И.) вал и ров зделать чтоб и чрез то место не мог неприятель перейти» [6, л. 66].

На берегу Дона Царицынская линия замыкала цепь оборонительных сооружений, очерченных берегом Волги и Дона, и таким образом создавала единый фортификационный комплекс в Волго-Донском междуречье.

Результаты. Таким образом, сопоставление свидетельств участников строительства Царицынской линии и картографических планов ее укреплений дало возможность определить основные характеристики военно-инженерных объектов, расположенных на ней. К этому стоит добавить, что анализ картографических источников Отдела рукописей Библиотеки Академии наук и документов Главной канцелярии артиллерии и фортификации позволил определить временные рамки и исполнителя карты-плана «оборонительной линии между Волгой и Доном» 1723 года.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что с начала введения в эксплуатацию в 1720 г. на Царицынской линии были сформированы основные фортификационные объекты, входящие в комплекс ее оборонительных сооружений. Это Царицынская крепость, сухой ров и вал с реданами, а также четыре опорных пункта – крепости непосредственно на линии. Дополнительными объектами стали гарнизонные «остроги», сигнальные башни «караульни», «обрубы» и «надолбы».

В заключение стоит отметить, что указанные выше фортификационные сооружения оставались основными укреплениями Царицынской линии в течение всего времени ее эксплуатации, вплоть до упразднения в 1776 г. службы на ней [10, с. 17].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42009 «Памятник фортификации Петровской эпохи “Царицынская сторожевая линия”: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования».

The reported study was funded by RFBR according to research project no. 20-09-42009 “The monument of the fortification of the Petrine era “The Tsaritsyn defense line”: the history of construction and operation, current status, prospects for museumification and tourist use”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотина, Н. Ю. Царицын времен Петра Великого на страницах архивных документов : (По материалам РГАДА) / Н. Ю. Болотина // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : Междунар. науч.-практ. конф. (2019, г. Волгоград). – Волгоград : Сфера, 2019. – С. 168–173.
2. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института Академии наук СССР / отв. ред. И. И. Кириевский. – М. : Изд-во Всеююз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – Т. XII. – 528 с.
3. Доношение в Сенат о линейной работе, 5 сентября 1719 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 3. – Кн. 101. – Д. 1. – Л. 37–37 об.
4. Доношение в Сенат о линейном деле, 23 июля 1719 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 3. – Кн. 101. – Д. 1. – Л. 1–1 об.
5. Доношение генерал-майора Г.С. Кропотова в Сенат, 13 сентября 1720 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 3. – Кн. 101. – Д. 1. – Л. 202–205.
6. Доношение инженера де Кофенанта генерал-майору Г.С. Кропотову, сентябрь 1719 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 3. – Кн. 101. – Д. 1. – Л. 66–66 об.
7. Иванюк, С. А. Памятники военной истории Петровской эпохи на территории Волгограда и области / С. А. Иванюк // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : Междунар. науч.-практ. конф. (2019, г. Волгоград). – Волгоград : Сфера, 2019. – С. 238–245.
8. Карта-план оборонительной линии между Волгой и Доном (от города Царицына до Донского пролива четыре крепостцы), профилями крепостей // Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН). – Ф. 266. – Т. 3. – Л. 44.
9. Кириллов, И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кириллов // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928) / под ред. М. М. Загорулько, И. О. Тюменцева. – Волгоград : Издатель, 2010. – С. 28–29.
10. Комолов, Н. А. Царицынская линия во второй – третьей четверти XVIII века / Н. А. Комолов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. – 2009. – № 1, янв. – июнь. – С. 11–19.
11. Курышев, А. В. Волжское казачье войско (1730–1840): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки / А. В. Курышев. – Волгоград : Издатель, 2011. – 352 с.
12. Лавринова, Т. И. Татарский набег 1717 г. на юго-восток России / Т. И. Лавринова // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Вып. 1. – Волгоград : Ротапринт Волгоградского ЦНТИ, 1991. – С. 35–37.
13. Лавринова, Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования / Т. И. Лавринова. – Волгоград : Издатель, 2012. – 96 с.
14. Ласковский, Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России / Ф. Ф. Ласковский. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1861. – Ч. II. – 642 с.
15. Материкин, А. В. Храм Иоанна Предтечи. Страницы истории города Царицына и его первой церкви / А. В. Материкин. – Волгоград : Ком. по печати и информации, 1999. – 176 с.

16. Мегорский, Б. В. Осады и штурмы Северной войны 1700–1721 гг. / Б. В. Мегорский. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2017. – 544 с.

17. О построении во всей Украине, для опасности от набегов татарских, сигнальных маяков и об определении к ним для караула людей, 24 февраля 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. – Т. VII. – 933 с.

18. О посылке инженера-полковника Бреклина из Астрахани в Царицын для учинения плана с масштабом, 1723 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 681–681 об.

19. О починке Царицынской линии. Копия указа Его Императорского Величества, 1723 г. // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 154–155.

20. План города Царицына с проектом перестройки крепости. «Послан из канцелярии Главной артиллерии и фортификации при мемориале в государственную Военную коллегию марта 4 дня 1731 г.» // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 160. – № 34. – Л. 1.

21. План цитадели при впадении реки Царицынки в Волгу // Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН). – Ф. Собрание рукописных карт (основная часть). – Оп. 35. – № 833. – Л. 1.

22. Присяги донских казаков, 1718: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. – Волгоград : Панорама, 2012. – 224 с.

23. Протокол Верховного тайного совета о выдаче инженер-полковнику Бреклину заслуженного жалованья, 21 июня 1728 г. // Сборник Русского исторического общества. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1891. – Т. 79. – С. 514–516.

24. Руже, М. Ручной словарь для инженеров, заключающий в себе все части фортификации и иных наук, принадлежащих сему искусству, расположенный по алфавитному порядку русских букв / М. Руже ; пер. К. Красовский. – СПб. : Тип. Главного Штаба, 1829. – 367 с.

25. 1721–1722. Расходы императрицы Екатерины I // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. – М. : Тип. Университетская (Катков и К°), 1872. – Т. 2. – С. 127–173.

26. 4 ноября 1722. О заготовлении подвод по тракту от Царицына до Москвы по случаю возвращения Государя из похода // Сборник Русского исторического общества. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. – Т. 11. – № CCCLXXX. – С. 499–500.

1. Bolotina N.Yu. Tsaritsyn vremen Petra Velikogo na stranitsakh arkhivnykh dokumentov: (Po materialam RGADA) [Tsaritsyn from the Time of Peter the Great on the Pages of Archival Documents (Based on Materials from the Russian State Archive of Ancient Acts)]. *Voyenno-istoricheskiye aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeyefikatsii: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (2019, g. Volgograd)* [Military-Historical Aspects of Life in the South of Russia of the 17th – 21st Centuries: Questions of Study and Museumification: International Scientific and Practical Conference (2019, Volgograd)]. Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 168–173.

2. Bulavinskoye vosstaniye (1707–1708 gg.) [Bulavinsky Uprising (1707–1708)]. *Trudy istoriko-arkheograficheskogo instituta Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Historical and Archaeographic Institute of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Izd-vo Vsezoюз. o-va politkatarzhan i ssylno-poselentsev, 1935, vol. XII. 528 p.

3. Donosheniye v Senat o lineynoy rabote, 5 sentyabrya 1719 g. [Report to the Senate on Linear Work, September 5, 1719]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 3, book 101, d. 1, l. 37–37 rev.

4. Donoshenie v Senat o lineynom dele, 23 iyulya 1719 g. [Report to the Senate on Linear Case, July 23, 1719]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 3, book 101, d. 1, l. 1–1 rev.

5. Donosheniye general-mayora G.S. Kropotova v Senat, 13 sentyabrya 1720 g. [Report of Major General G.S. Kropotov to the Senate, September 13, 1720]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 3, book 101, d. 1, l. 202–205.

6. Donosheniye inzhenera de Kofenanta general-mayoru G.S. Kropotovu, sentyabr 1719 g. [Report of Engineer de Cofenant to Major General G.S. Kropotov, September 1719]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 3, book 101, d. 1, l. 66–66 rev.

7. Ivanyuk S.A. Pamyatniki voyennoy istorii Petrovskoy epokhi na territorii Volgograda i oblasti [Monuments of the Military History of the Petrine Era on the Territory of Volgograd and the Region]. *Voyenno-istoricheskiye aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeyefikatsii: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (2019, g. Volgograd)* [Military-Historical Aspects of Life in the South of Russia of the 17th – 21st Centuries: Questions of Study and Museumification: International Scientific and

Practical Conference (2019, g. Volgograd)]. Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 238-245.

8. Karta-plan oboronitelnoy linii mezhdru Volgoy i Donom (ot goroda Tsaritsyna do Donskogo proliva chetyre krepostsy), profilyami krepostey [Map-Plan of the Defensive line Between the Volga and the Don (Four Fortresses from the City of Tsaritsyn to the Don Strait), Fortress Profiles]. *Otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk (OR BAN)* [Manuscript Division of the Library of the Academy of Sciences], f. 266, vol. 3, l. 44.

9. Kirillov I.K. Tsvetushcheye sostoyaniye Vserossiyskogo gosudarstva [Excellent Condition of the All-Russian State]. Zagorulko M.M., Tyumentsev I.O., eds. *Tsaritsynskiy i Kamyshinskiy uyezdy v opisaniyakh kravevedov (1727–1928)* [Tsaritsyn and Kamyshin Districts in the Descriptions of Local Historians (1727–1928)]. Volgograd, Izdatel Publ., 2010, pp. 28-29.

10. Komolov N.A. Tsaritsynskaya liniya vo vtoroy – tretsey chetverti XVIII veka [Tsaritsyn Line in the Second – Third Quarter of the XVIII Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya* [Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Series: History, Political Science, Sociology], 2009, no. 1, January – June, pp. 11-19.

11. Kuryshv A.V. *Volzhskoye kazachye voysko (1730–1840): sozdaniye, razvitiye i preobrazovaniye v lineynyye kazachi polki* [Volga Cossack Army (1730–1840): Creation, Development and Transformation into Linear Cossack Regiments]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 352 p.

12. Lavrinova T.I. Tatarskiy nabeg 1717 g. na yugo-vostok Rossii [Tatar Raid of 1717 on the South-East of Russia]. *Voprosy kravevedeniya: materialy kravevedcheskikh chteniy. Vyp. 1* [Questions of Local History: Materials of Local History Readings. Iss. 1]. Volgograd, Rotaprint Volgogradskogo TsNTI, 1991, pp. 35-37.

13. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitelstva v 1718–1720 i pervyye gody sushchestvovaniya* [Tsaritsyn Defence Line: The History of Construction in 1718–1720 and the First Years of Its Existence]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 96 p.

14. Laskovskiy F.F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Materials for the History of Engineering Art in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1861, pt. II. 642 p.

15. Materikin A.V. *Khram Ioanna Predtechi. Stranitsy istorii goroda Tsaritsyna i ego pervoy tserkvi* [Church of John the Baptist. Pages of the History of the City of Tsaritsyn and Its First Church]. Volgograd, Komitet po pečati i informatsii, 1999. 176 p.

16. Megorskiy B.V. *Osady i shturmy Severnoy vojny 1700–1721 gg.* [Sieges and Assaults of the Great

Northern War of 1700–1721]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2017. 544 p.

17. O postroyeni vo vsej Ukraine, dlya opasnosti ot nabegov tatarskikh, signalnykh mayakov i ob opredelenii k nim dlya karaula lyudey, 24 fevralya 1723 g. [On the Construction of Signal Beacons Throughout Ukraine, for the Danger of Tatar Raids, and on the Determination of Men to Guard Them, February 24, 1723]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. VII. 933 p.

18. O posylke inzhenera-polkovnika Breklina iz Astrakhani v Tsaritsyn dlya uchineniya plana s mashtabom, 1723 g. [About Sending Engineer-Colonel Breckling from Astrakhan to Tsaritsyn to Make a Plan with a Scale, 1723]. *Arkhiv Voennno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi (AVIMAIIVS)* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], f. 2, inv. 2, d. 261, l. 681-681 rev.

19. O pochinke Tsaritsynskoy linii. Kopiya ukaza Ego Imperatorskogo Velichestva, 1723 g. [About Repairing the Tsaritsyn line. A Copy of the Decree of His Imperial Majesty, 1723]. *Arkhiv Voennno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi (AVIMAIIVS)* [Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps], f. 2, inv. 2, d. 261, l. 154-155.

20. Plan goroda Tsaritsyna s proyektom perestroyki kreposti. «Poslan iz kantselyarii Glavnoy artillerii i fortifikatsii pri memoriale v gosudarstvennuyu Voyennuyu kollegiyu marta 4 dnya 1731 g.» [Plan of the City of Tsaritsyn with the Project of Rebuilding the Fortress. “Sent from the Office of the Main Artillery and Fortification at the Memorial to the State Military College on March 4, 1731”]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 248, inv. 160, no. 34, l. 1.

21. Plan tsitadeli pri vpadenii reki Tsaritsynki v Volgu [Plan of the Citadel at the Confluence of the Tsaritsynka River with the Volga]. *Otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk (OR BAN)* [Manuscript Division of the Library of the Academy of Sciences], f. Sobraniye rukopisnykh kart (osnovnaya chast) [Collection of Handwritten Maps (Main Part)], inv. 35, no. 833, l. 1.

22. Gusev V.A. *Prisyagi donskikh kazakov, 1718: materialy po istorii i genealogii kazachestva* [Oaths of the Don Cossacks, 1718: Materials on the History and Genealogy of the Cossacks]. Volgograd, Panorama Publ., 2012. 224 p.

23. Protokol Verkhovnogo taynogo soveta o vydache inzhener-polkovniku Breklinu zasluzhennogo

zhalovania, 21 iyunya 1728 g. [Protocol of the Supreme Privy Council on the Issue of Engineer-Colonel Breckling's Well-Deserved Salary, June 21, 1728]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society]. Saint Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1891, vol. 79, pp. 514-516.

24. Ruzhe M. *Ruchnoy slovar dlya inzhenerov, zaklyuchayushchiy v sebe vse chasti fortifikatsii i inykh nauk, prinadlezhashchikh semu iskusstvu, raspolozhenny po alfavitnomu poryadku russkikh bukv* [Manual Dictionary for Engineers, Which Includes All Parts of Fortification and Other Sciences Belonging to This Art, Arranged in Alphabetical Order of Russian Letters]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo Shtaba, 1829. 367 p.

25. 1721–1722. Raskhody imperatritsy Ekateriny I [1721–1722. Costs of Empress Catherine I]. *Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom* [Collection of Extracts from Archival Papers About Peter the Great]. Moscow, Tipografiya Universitetskaya (Katkovi K^o), 1872, vol. 2, pp. 127-173.

26. 4 noyabrya 1722. O zagotovlenii podvod po traktu ot Tsaritsyna do Moskvy po sluchayu vozvrashcheniya Gosudarya iz pokhoda [November 4, 1722. On the Procurement of a Supply Route from Tsaritsyn to Moscow on the Occasion of the Return of the Tsar from the Campaign]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society]. Saint Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1873, vol. 11, no. CCCLXXX, pp. 499-500.

Information About the Author

Sergey A. Ivanyuk, Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research, Museum and Educational Activities, The State Historical and Memorial Museum “Battle of Stalingrad”, Marshala Chuykova St, 47, 400005 Volgograd, Russian Federation, mim-volgograd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

Информация об авторе

Сергей Александрович Иванюк, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-музейной и образовательной деятельности, Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», ул. им. маршала Чуйкова, 47, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, mim-volgograd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.6>

UDC 94(47).073(093)
LBC 63.3(2)5

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 03.09.2020

TRAINING OF ARMY RESERVES IN THE EDUCATIONAL STRUCTURES OF MILITARY SETTLEMENTS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Tatiana N. Kandaurova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the development of military educational structures of the Russian military settlement organization at various stages of their activity. In the 1810s and 1850s, training battalions, squadrons, batteries, and combat reserve units trained children of Cantonese military settlers to serve in the army as Junior and non-commissioned officers. Specialized educational institutions taught topographers, builders, doctors, veterinarians, agronomists and other training specialists to serve in the settlement districts. *Methods and materials.* The author explores models of developing military educational institutions on the basis of materials of complexes of legislative, statistical and reporting documents applying methods of quantitative analysis (trend models, grouping method), comparative analysis using source-oriented, problem-oriented, and system-structural approaches. *Analysis.* All this made it possible to trace the evolution of government policy aimed at training army personnel and non-commissioned officers based on changing historical realities (the army's needs for trained personnel, the reform of the military settlement organization), and the results of its implementation, as well as to show the numerical corps of graduates of training units of military settlements and its growth in time and space. *Results.* The main stages of the development of military educational structures of settlements and periods of their quantitative growth are also defined, which resulted in the multiplication of the number of graduates for the army service. The formation and expansion of the entire educational system of settlements was carried out as the need for special-profile personnel arose in the settled regiments. In the 1820s – 1850s, new special educational institutions were integrated into it, and primary education developed along a transformed vector.

Key words: military settlements, Cantonese, Lancaster School, non-commissioned officer training, school squadrons, battalions and batteries, Military Teacher Training Institute.

Citation. Kandaurova T.N. Training of Army Reserves in the Educational Structures of Military Settlements in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 53-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.6>

УДК 94(47).073(093)
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 03.09.2020

ПОДГОТОВКА АРМЕЙСКИХ РЕЗЕРВОВ В УЧЕБНЫХ СТРУКТУРАХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Татьяна Николаевна Кандаурова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие военно-учебных структур российской военно-поселенной организации на различных этапах их деятельности. В 1810–1850-х гг. учебные батальоны, эскадроны, батареи и строевые резервные части осуществляли подготовку детей военных поселян – кантонистов к службе в армии в качестве младшего и унтер-офицерского состава. Профильные учебные заведения выпускали на службу в поселенные округа специалистов топографов, строителей, медиков, ветеринаров, агрономов и других направлений подготовки. Автор исследует модели развития военно-учебных заведений на основе материалов комплексов законодательных, статистических и отчетных документов с применением методов количественного анализа (трендовые модели, метод структурной группировки), компаративного анализа,

используя источник-ориентированный, проблемно-ориентированный, системно-структурный подходы. Все это позволило проследить эволюцию правительственной политики в вопросе подготовки армейских кадров и унтер-офицерского состава исходя из менявшихся исторических реалий (потребности армии в подготовленных кадрах, реформы военно-поселенной организации), и итоги ее реализации, а также показать численный корпус выпускников учебных подразделений военных поселений и его рост во временном и пространственном отношении. Определены основные этапы развития военно-учебных структур поселений и периоды их количественного роста, что вело и к умножению численности выпускников на армейскую службу. Формирование и расширение всей образовательной системы поселений осуществлялось по мере возникновения потребности поселенных полков в кадрах специального профиля. В 1820–1850-х гг. в нее были интегрированы новые специальные учебные заведения, начальное образование развивалось по изменявшемуся вектору.

Ключевые слова: военные поселения, кантонисты, ланкастерская школа, подготовка унтер-офицеров, учебные эскадроны, батальоны и батареи, Военно-учительский институт.

Цитирование. Кандаурова Т. Н. Подготовка армейских резервов в учебных структурах военных поселений в первой половине XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 53–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.6>

Введение. Успех любой военной кампании напрямую зависит от степени боевой подготовки армейских структур и подразделений. Немаловажную роль в этом играет и фактор наличия, и уровень подготовки офицерского корпуса армии, включая его младшее унтер-офицерское звено, на которое возлагалось решение задач по работе с новобранцами, их боевой подготовке и по выполнению коммуникативных функций. В начале XIX в., в период активных военных кампаний, император Александр I принял ряд мер по расширению и совершенствованию системы подготовки младшего командного корпуса армии [31; 32; 34–36]. Одной из таких мер было создание образовательных учреждений для приготовления унтер-офицеров и военных специалистов в российских военных поселениях в 1810–1850-х годов. В учебных структурах поселенных округов из числа кантонистов – детей военных поселян – готовились младшие армейские кадры и унтер-офицеры для действующих и резервных частей. Вопросу военной подготовки резерва из числа кантонистов здесь уделялось особое внимание.

Кантонисты из военных поселян проходили подготовку, социализацию и службу практически по месту нахождения их семейств, не отрываясь от дома, как это было с солдатскими детьми, обучавшимися в батальонах и полубатальонах военных кантонистов, находившихся порой далеко от родных мест. Учитывая намерение императора со временем перевести всю армию на положение поселенных

войск, образовательные структуры поселений в перспективе должны были стать основными базовыми учебными учреждениями по подготовке кадров младших офицеров.

Целью статьи является анализ опыта и результатов развития военно-учебных структур поселений на различных этапах их деятельности, что пока не нашло отражения в исследовательской практике. Актуальность темы также обусловлена расширением проблемного поля военной и культурной истории и активизацией исследований по истории образования, в том числе военного, в современной отечественной историографии.

Методы. При разработке проблематики автор использует проблемно-хронологический, источник-ориентированный и проблемно-ориентированный подходы. В процессе анализа статистических материалов применены количественные методы (анализ динамических рядов), что позволило в частности построить трендовую модель динамики начальных образовательных структур на первом этапе развития округов кавалерии. Использование метода группировки данных сделало возможным определение структурного состава военно-учебной системы поселенных округов в 1830–1850-х годах. На основе анализа законодательных материалов также решалась задача проведения компаративного (сравнительного) анализа подходов государства к вопросу формирования образовательных моделей, реализуемых в рамках развития военных поселений. Это позволило проследить эволюцию правитель-

ственной политики в вопросе подготовки армейских кадров и унтер-офицерского состава исходя из менявшихся исторических реалий и выявить итоги ее реализации, а также показать численный корпус выпускников учебных подразделений поселений. Определение образовательных моделей, используемых государством для социализации и подготовки к службе кантонистов поселенных полковых округов и смежных губерний, стало возможным при использовании системно-структурного подхода.

Источники. Источниками аналитического рассмотрения темы стали основополагающие законодательные документы по военным поселениям, законодательные материалы по развитию учебных учреждений поселенных округов [24; 25]. Они определяли построение и функционирование образовательной системы округов, включая специальные учебные подразделения для подготовки младших офицеров. Другие законодательные материалы регулировали развитие и учебный процесс военно-образовательных заведений поселений в конкретные периоды. Вторую группу источников представляют статистические материалы – статистические описания и таблицы по военным поселениям кавалерии за 1830–1850-е годы. Обобщающую информацию содержат также отчеты Департамента военных поселений [11–16]. Данные источники позволяют определить: количественный состав учащихся и выпускников учебных эскадронов и батарей, распределение их на службу по частям поселений и иным армейским структурам, динамику развития этих учебных подразделений, численный состав выпущенных в армию военных специалистов, а также провести сравнительный анализ по отдельным этапам развития образовательных структур.

История развития системы подготовки младшего офицерского состава нашла отражение в ряде обобщающих работ по истории армии, а также в справочно-энциклопедических изданиях [2, с. 15–56; 34, с. 2], в работах по истории военно-учебных заведений и по формированию кадрового состава армии [2, с. 101–185; 9; 34, с. 2], в некоторых диссертационных исследованиях советского и постсоветского периода, включая «общие вопросы обучения и воспитания унтер-офицеров» [2; 34, с. 5]. Имеется и ряд работ по истории подготовки унтер-

офицерских кадров русской армии в XIX в. [6; 26; 29, с. 314–322, 334–341; 34, с. 2–5; 35; 36].

В работах дореволюционных исследователей рассматривались отдельные вопросы истории подготовки унтер-офицерского корпуса российской армии: порядок и система комплектования российских войск подготовленными кадрами, процесс комплектования армии унтер-офицерскими кадрами [26], оформление и развитие системы подготовки унтер-офицеров в карабинерных полках и специальных военно-учебных заведениях [29], проблемы организации подготовки и воспитания младших офицеров [34, с. 4]. В работе А.Ф. Редигера был осуществлен сравнительный анализ подготовки унтер-офицерского корпуса в России и отдельных европейских государствах [26]. В дореволюционный период исследователи накопили и представили определенный корпус фактографии по вопросам формирования и развития системы подготовки и комплектования унтер-офицерского корпуса армии. Но не все аспекты темы были рассмотрены в дореволюционных исследованиях общего и специального порядка. В частности, не нашла тогда полного отражения в историографии проблематика деятельности органов государственной власти и военного управления по подготовке и «по обеспечению войск унтер-офицерским кадром» [34, с. 4, 6]. Она представлена в работах современного историка Э.М. Шакирзянова по истории подготовки унтер-офицерских кадров русской армии в первой половине XIX в. [34; 35]. Здесь также выявлены ее характерные черты, тенденции и особенности, показано «содержание образовательной системы подготовки унтер-офицерских кадров» [34, с. 6–7].

Вне поля зрения историков также оставались вопросы комплектования поселенных войск, составлявших от четверти до трети армейского состава, младшим офицерским корпусом и другими военными специалистами в первой половине XIX века. Данная проблематика пока не разработана в полном объеме, что закономерно способствует ее актуализации в контексте развития современной историографии по проблемам формирования резервов и комплектования российской армии. Тема подготовки младших офицеров и военных специалистов в поселенной системе пред-

ставлена лишь некоторыми сюжетами, ограниченными и в плане хронологии, в общих работах по истории военных поселений и по истории российских кантонистов (законодательство по формированию образовательных структур военных поселений; социальный статус и положение кантонистов поселений; формирование и трансформация системы начального образования кантонистов поселенных округов в 1810–1820-х гг.; изменение образовательной политики правительства в поселенных округах в 1820-х гг.) [4–6; 7, с. 99–100; 8, с. 92; 17, с. 109–111; 36].

Анализ. При организации военных поселений во всех округах пехоты и кавалерии получили развитие новые образовательные структуры. Вводилось обязательное начальное образование для всех детей военных поселенцев, а часть из них продолжала образование в учебных батальонах и эскадронах для подготовки к службе в качестве младших офицеров. При переходе коренных жителей в военное поселение дети их становились кантонистами, «принадлежащими на укомплектование поселенного полка», и все дети среднего и «большого» возраста «записывались в военную школу» после устройства полкового управления [23, с. 230]. Кантонисты разделялись на три возраста: «малой» – до 7 лет, средний – от 7 до 12 лет, «большой» – от 12 до 18 лет [25, с. 28]. До 12–15 лет они находились при своих родителях или воспитателях. С 7 лет они уже носили форму и посещали ротные или эскадронные школы в селениях полковых округов [4, с. 73–76]. Начальное образование в школах строилось по ланкастерской системе. В свободное от школы время кантонисты помогали родителям в хозяйстве, усваивая навыки и «познание о земледелии».

Школьный учитель (унтер-офицер) должен был соответствовать определенным требованиям, должен быть «человек честный, беспорочного поведения, соединяющий ласковость с твердостью и знающий, как методу Ланкастера, так и разные рукоделия» для обучения кантонистов. Учитель выбирал себе помощника (старшего кантониста) «из отличнейших способностями кантонистов», одного на 20 учеников [25, с. 75; 28; 36, с. 61]. Старшие кантонисты имели должностные льготы в учебных эскадронах, возможность учиться

в Военно-учительском институте (далее – ВУИ) и «выпускались из него в унтер-офицеры (учители)». Имея 12 лет педагогического стажа, они могли поступать «к производству в офицеры» [25, с. 65–67, 76].

В школах кантонисты занимались строевой подготовкой, рукоделием, осваивали плетение корзин и других вещей из соломы, изготовление щеток, простых моделей, ящиков, переплет книг. Для подготовки учителей-мастеровых в Москву направляли кантонистов, неспособных к строевой службе, и готовили мастеров-ремесленников в своих округах [30, л. 249 об., 293 об.–294]. По отчетам 1825 г. в Москве обучалось мастерствам 344 человека, в округах – 226 человек [15, л. 806 об., 858, 926]. Старшие кантонисты обучались портному, сапожному, башмачному; седельному, каретному, столярному, резному, токарному, колесному, ложечному; малярному, красильному, лакировальному и басонному (позументному) ремеслам.

Динамика численности учащихся начальных школ в период с 1821 по 1832 г. Новороссийского военного поселения отражается на трендовой модели рисунка 1. Сокращение численности кантонистов в школах округов к началу 1830-х гг. было обусловлено сменой политики в отношении всех военных поселений в правление Николая I. Им был взят курс на их приоритетное развитие как хозяйственной базы армии, хотя подготовка армейских резервов не прекращалась, менялись механизмы ее реализации на базе резервных эскадронов и батальонов.

Начальные школы являлись первой ступенью приготовления кантонистов к службе в армии. Дальнейшая подготовка их проходила в специально организованных учебных батальонах и эскадронах, формировавшихся из «способных к строевой службе» кантонистов большого возраста с 12 лет. В 1821 г. изменились возрастные границы градации кантонистов, и зачисляли их в учебные эскадроны с 14 лет, с 1826 г. – с 15 лет [27, л. 475–479]. Учебный эскадрон включал 200 кантонистов и разделялся на четыре взвода (по 50 человек). В эскадроне состояли 8 унтер-офицеров учителей – выпускников ВУИ [25, с. 36–38]. При отборе кантонистов в учебные эскадроны и батальоны учитывались такие факторы, как здоровье

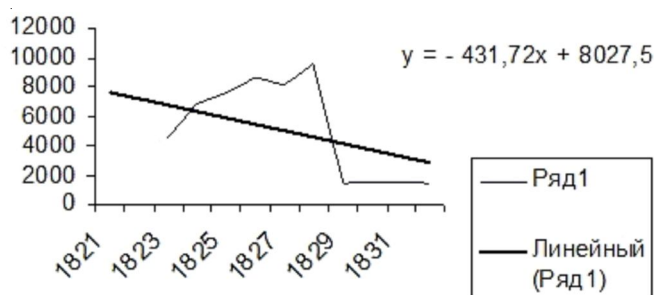

Рис. 1. Динамика численности учащихся в школах Новороссийского военного поселения 1821–1832 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of primary school children of the Novorossiysk military settlement in 1821–1832

Примечание. На графике представлено линейное уравнение тренда динамического ряда; среднестатистический годовой показатель сокращения численности учащихся начальных школ составляет 431 человек.

Note. The graph shows a linear equation of the trend of the dynamic series; the average annual decline in the number of primary school children is 431.

кантониста – «крепкое сложение», наличие в семье нескольких сыновей и состоятельность поселянских хозяйств. Единственных наследников и сыновей из зажиточных хозяйств оставляли для хозяйственной деятельности, что способствовало сохранению экономического потенциала этих производственных звеньев и преемственности их развития [4, с. 77]. Часть способных кантонистов уже из школ определяли к «переводу в ВУИ». По отчету 1827 г. в Новороссийском военном поселении было выбрано к обучению в институте 12 человек [14, л. 146 об.]. Кантонисты учебных эскадронов находились на полном государственном довольствии, получали жалованье в сумме 7 руб. 50 коп. в год. На каникулы и праздники их отпускали к родителям [25, с. 41–43].

«Неспособные к строевой службе» кантонисты учебного эскадрона при выпуске отдавались «для обучения ремеслам» у мастеров, как и остальные старшие кантонисты. Пройдя трудовое обучение, они зачислялись в действующие эскадроны «в число штатных мастеровых», при отсутствии таких вакансий самостоятельно занимались ремеслом в родных селениях [25, с. 47–48]. Таким образом, все «нестроевые» кантонисты «большого» возраста (15–18 лет) в поселениях имели возможность социализации и получения профессии, позволявшей им и в дальнейшем иметь гарантированную занятость и средства к существованию. Подобная система была характерна и для учебных батальонов в поселениях пехоты. Однако здесь формирование этих образовательных структур в 1820-х гг. шло

не так активно, как в поселениях кавалерии. По отчету 1824 г. существовал «один только Учебный баталион в округе Гренадерского графа Аракчеева полка, образованный во всем на правилах Высочайше конфирмованного в 7-й день июня 1823 года Положения», тогда как учебные дивизионы (объединенные эскадроны) были тогда уже во всех округах поселения кавалерии [16, с. 22].

Образование кантонистов в специальных учебных подразделениях включало три составляющие и имело комплексный характер: военная подготовка, общеобразовательное обучение, трудовая деятельность [22]. Воспитание разделялось «на воспитание физическое, имеющее целью сбережение и подкрепление здоровья», и физическое развитие, и на воспитание нравственное, которое должно было образовывать их к добродетели и благочестию и пеклось о душе, отвращало от зла, «наклоняло к добру» и поселяло «чувства, содействующие их полезными обществу» [25, с. 54–55, 60–62]. Курс военной подготовки строился на основе курса рекрутской школы. На все занятия кантонистов отводилось по 11 часов в день. Военные занятия продолжались по 3 часа в день, занятия ремеслами или обработка сада и огорода – 4 часа [25, с. 56–58, 59]. Общий курс изначально составляли предметы: закон Божий, русский язык, арифметика, первоначальные понятия о геометрии, черчение, рисование и пение [25, с. 69, 73]. По положению 1826 г. были прибавлены новые учебные курсы – чистописание, судопроизводство, бухгалтерский учет [4, с. 77]. Осваивая эти курсы, кантонисты по-

ступали на службу в структуры поселенного управления. В процессе обучения они осваивали практический опыт и навыки, необходимые по службе [25, с. 70–71].

По окончании обучения в 18 лет кантонисты поступали на службу в полки поселений и служили практически дома или рядом с домом. Показатели (естественная выборка) по выпускам кантонистов на службу в Новороссийском военном поселении представлены в таблице 1. В 1823 г. на службу в целом в действующие батальоны и эскадроны поступило 1 160 человек [16, с. 22–23]. Распределение выпускников по подразделениям поселений определялось их потребностями в служащих.

В 1826 г. было принято новое «Положение об учебном эскадроне...» [22]. Основные принципы его формирования и развития были сохранены: состав – 200 кантонистов, 4 взвода, полное казенное содержание, проживание в казарме эскадрона, три основных составляющих образовательного процесса, деление на три класса «по наукам». В документ добавили план учебных предметов по классам, состав руководства эскадрона увеличивался, вводилась должность инспектора классов. Прием в эскадрон осуществлялся теперь с 15 лет. Военная подготовка включала обучение пешему и конному строю, верховой езде, фехтование, рубку саблями и фланкирование пиками [22, л. 276–280]. Летом 1826 г. была подготовлена записка генерала графа И.О. Витта об учреждении юнкерской школы в поселенном корпусе кавалерии. Отмечая не-

достаток образованных офицеров в армейских полках, который «более еще ощущается в военном поселении», так как оно требует значительного числа чиновников с познаниями по различным частям – строительной, экономической, управлению дежурствами и командиров, которые должны иметь «основательные сведения» потому, что им подчинялись и эскадронные школы, он предлагал учредить школу для «образования молодых дворян, поступающих на службу без соответствующих знаний», и кантонистов. В комплект школе предполагалось: 40 портупей юнкеров и юнкеров и 60 кантонистов. Кантонисты после окончания выпускались бы в полковые и дивизионные штабы кондукторами или в полковые школы учителями [1, л. 392–393 об.]. Позднее проект был реализован с некоторыми изменениями.

Первый этап развития поселений был завершен в 1826–1827 гг., когда была проведена реформа. Менялся подход к организации поселенной системы и, как следствие, к построению образовательных структур [19; 20; 31, с. 524–525, 530–531; 36, с. 64]. Учебные подразделения упразднялись, обучение кантонистов переходило в строевые резервные батальоны и дивизионы поселений. Новая учебная система вводилась с начала 1827 г. [18, л. 204–206]. В резервном батальоне пешего полка состояли по штату 552 кантониста, в резервном эскадроне – по 70 кантонистов, а в трех эскадронах – 210 [31, с. XX, LIII–LIV]. Обучение начиналось с 16 лет, и учились они 4 года, проживая в домах родителей. Курс общего обучения ограничивался те-

Таблица 1. Распределение выпускников учебных эскадронов Новороссийского (Херсонского) военного поселения 1821–1826 гг.

Table 1. Distribution of graduates of training squadrons of the Novorossiysk (Kherson) military settlement in 1821–1826

Год выпуска кантонистов большого возраста	На службу в поселенные эскадроны	На службу в резервные эскадроны	На службу в действующие эскадроны	В инвалидные команды своего полка / в нестроевые полка
1821 г.	65 (11,28 %)	346 (60,06 %)	154 (26,73 %)	11 (1,9 %) / –
1823 г.	нет данных	нет данных	466	– / –
1825 г.	122 (11,41 %)	834 (78,02 %)	78 (7,29 %)	34 / 1 (3,18 %) / (0,09 %)
1826 г.	137 (12,49 %)	918 (83,68 %)	28 (2,55 %)	13 / 1 (1,18 %) / (0,09 %)
<i>Всего</i>	324 (10,13 %)	2 098 (65,62 %)	726 (22,7 %)	47 / 2 (1,47 %) / (0,06 %)

Примечание. Составлено по: [13; 15; 16; 30].

перь такими предметами, как чтение, письмо, арифметика. При проведении реформы были ликвидированы 14 учебных батальонов и 20 эскадронов [36, с. 64].

В 1836 г. в связи с потребностью «для доставления полкам и артиллерийским батареям, постоянно квартирующим в округах военного поселения, более способов к укомплектованию унтер-офицерами и фейерверкерами» было принято решение о формировании учебных эскадронов, по два на округ (дивизион), и батарей, по одной на поселенную дивизию [21, с. 871–875; 32, с. 291, 301; 33, док. № 1, с. 45]. Они готовили для резервной кавалерии образованных рядовых «для назначения впоследствии по способности в унтер-офицеры и фейерверкеры». В 1849 г. насчитывалось 24 учебных дивизиона или 48 эскадронов и 6 батарей [10, с. 357]. Эскадроны и батареи формировались из кантонистов эскадронных школ поселений, кантонистов – детей военных поселенцев, кроме усыновленных, и кантонистов Екатеринославского и Херсонского батальонов и Дмитриевского полубатальона, в том числе находящихся при родителях [21, с. 872]. Зачисляли кантонистов с 14 лет и старше. По шта-

ту в эскадроне обучалось по 120 кантонистов, в батарее – по 136 человек, реально численность их была больше. В учебном дивизионе могло обучаться до 270–290 кантонистов, а в батареях – от 167 до 292 кантонистов. Численность кантонистов в 1830–1850-х гг. в учебных эскадронах и батареях почти в 1,5 превышала таковую в 1810–1820-х гг. [33, док. № 1, с. 46, док. № 27, с. 199, док. № 28, с. 246, док. № 30, с. 280]. Отмечались случаи подготовки артиллеристов при батареях резервных корпусов. В 1847 г. при легких № 11 и 17 батареях Украинского военного поселения обучались 2 кантониста [33, док. № 2, с. 70].

Помимо учебных эскадронов и батарей в поселениях были учреждены школы: топографов, кондукторские, фельдшерские, коновальские (ветеринарные), сельскохозяйственные, берейторские, где обучали кантонистов правилам выездки лошадей. Группировка кантонистов по профилям подготовки представлена на диаграмме рисунка 2 и в пояснениях. Большая часть кантонистов (79 %) готовилась к армейской службе в учебных эскадронах и батареях. Общее число детей и кантонистов учебных возрастов в Украинских поселениях

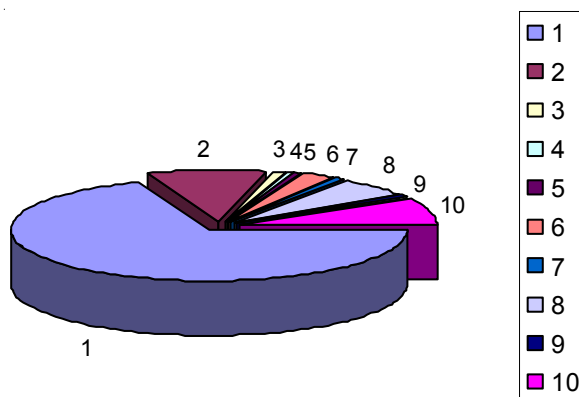

Рис. 2. Распределение учащихся кантонистов по образовательным программам в Украинском военном поселении. 1847 г.:

- 1 – в учебных эскадронах – 1 823 чел. (69 %); 2 – в учебных батареях – 259 чел. (10 %);
 3 – в рабочем батальоне – 27 чел. (1,02 %); 4 – в школе «топографских учеников» – 10 чел. (0,4 %);
 5 – в кондукторской школе – 15 чел. (1 %); 6 – готовятся в писаря – 80 чел. (3 %);
 7 – готовятся в учителя – 21 чел. (0,8 %); 8 – в фельдшерских школах – 152 (6 %);
 9 – в коновальских школах – 31 чел. (1,17 %); 10 – обучаются мастерствам – 217 чел. (8 %)

Fig. 2. Distribution of Cantonese students by educational programs in the Ukrainian military settlement in 1847:

- 1 – in training squadrons – 1,823 people (69%); 2 – in training batteries – 259 people (10%);
 3 – in a working battalion – 27 people (1.02%); 4 – in the school of “topographical students” – 10 people (0.4%);
 5 – in the conductor’s school – 15 people (1%); 6 – preparing to become a clerk (copyist) – 80 people (3%);
 7 – preparing to become a teacher – 21 people (0.8%); 8 – in medical assistant (feldsher) schools – 152 (6%);
 9 – in horse doctor (konoval) schools – 31 people (1.17%); 10 – training in masteries – 217 people (8%)

в 1847 г. составляло 3 959 человек. Обучались в учебных заведениях округов 2 695 кантонистов (68,08 %) и 1 264 человека (31,92 %) не были включены в процесс образования, а были заняты в хозяйствах. Выпускники 1847 г. и другие кантонисты были отправлены к местам службы: в действующие полки – 174 человека (41,92 %), в иные полки и команды – 92 (22,16 %), в рабочий батальон – 4 (0,96 %), в нестроевые должности – 25 (6,02 %), в инвалиды округов – 36 человек (8,67 %). На обучение в учебные эскадроны и батареи определялись 52 кантониста (12,53 %), в школьники военных госпиталей – 21 (5,06 %), в приказы общественного призрения – 1 кантонист (0,24 %). Для призрения родственников были направлены 10 кантонистов (2,4 %), что предусматривалось правилами опеки в поселениях [33, док. № 2, с. 70–71].

Учебный курс 1836 г. состоял из занятий по фронту и образования в классах. При каждом эскадроне позволялось обучать мастеров не более 15 человек и при батарее не более 10 из не способных к службе старших кантонистов. Их обучали портному, сапожному, седельному, столярному, колесному, ложечному, кузнечному, малярному и оружейному мастерствам. По фронту кантонистов учили правильной выправке, маршировке, знанию рекрутской школы, фланкированию и рубке саблями, аванпостной службе, сигналам, верховой езде, «а также учению пешему – по конному, эскадронному и полковому»; а в батареях – и действию при орудиях [21, с. 873; 33, док. № 2, с. 46]. Они определялись на службу рядовыми в свои полки и батареи, а через три года могли производиться в унтер-офицеры и фейерверкеры. Отличников разрешалось производить в младшие офицеры через полгода службы. Кантонисты-мастеровые определялись в полки и батареи [21, с. 874]. В 1841 г. учебные эскадроны сформировали и в Киевско-Подольском военном поселении [3, с. 75].

С основания и до 1856–1857 гг. из 40 учебных эскадронов и 5 учебных батарей было выпущено значительное количество подготовленных служащих в резервные кавалерийские корпуса. Группировки распределения выпусков представлены в таблице 2 и на рисунках 3–6. Первый выпуск в резервные корпуса про-

шел в 1840 г. и составлял 755 готовых к службе кантонистов [12, л. 44]. Ранее, в 1838 г. было «выбрано 200 чел. из батарей на укомплектование Донской конной артиллерии» [11, л. 74 об.]. По данным таблицы 2, среднегодовой выпуск в полки и батареи составлял 934 человека, подготовленных к службе и в перспективе к переходу в унтер-офицерское звание (16 выпусков, 1840–1856/57 гг.).

Результаты. На основе анализа развития образовательных структур поселенных округов в период 1810–1850-х гг. определяется положение о смене подходов правительства к вопросу обучения и воспитания кантонистов военных поселений и механизмов их систематизации и реализации в это время. В периодизации развития системы военного образования поселений и подготовки унтер-офицерских кадров четко выделяются три этапа: 1) с 1816–1817 по 1826 г.; 2) с 1827 по 1836 г. и 3) с 1836 по 1857 год. В этом заключалось ее отличие от периодизации развития общеармейской системы подготовки унтер-офицерского корпуса, где исследователями выделены два этапа: 1) 1808–1825 гг.; 2) 1825–1855 гг. [34, с. 15–18]. Системная подготовка армейских резервов на базе специально сформированных образовательных структур – учебных эскадронов, батарей и батальонов (до 1826 г.) оказалась более эффективной, чем подготовка их в строевых резервных частях (1827–1836 гг.), о чем свидетельствует отказ от данной образовательной модели в 1836 г. и возврат (с определенными трансформациями) к первоначальной модели 1810-х годов. Одновременно происходило увеличение числа учебных эскадронов и батарей для подготовки младшего армейского и унтер-офицерского состава более чем в 2 раза и соответственно умножение численности обучаемого в них кантонистского корпуса и выпускников. При этом сохранялось двуединство или два уровня образовательной системы поселенных округов для подготовки армейских специалистов: начальные школы – учебные эскадроны (дивизионы) и батареи или специальные учебные заведения (кондукторские, топографические, фельдшерские, ветеринарные, берейторские и другие школы) и обучение мастерам. В общеармейской системе подготовки унтер-офицеров на данном этапе предусматривалось три уровня [34, с. 17–18].

Таблица 2. Распределение выпускников учебных эскадронов и батарей военных поселений кавалерии в 1836–1857 гг. и количественный состав учащихся в 1856–1857 гг.

Table 2. Distribution of graduates of training squadrons and batteries of the cavalry military settlement in 1836–1857 and the quantitative composition of students in 1856–1857

Региональное военное поселение	Выпущено в полки и батареи на службу	Произведено в унтер-офицеры	Произведено в фейерверкеры	Поступило в нестроевые и писари	Состоит в 1856–1857 гг. в эскадронах		Состоит в 1856–1857 гг. в батареях	
					нижних чинов	кантонистов	нижних чинов	кантонистов
Украинское военное поселение 1856 г.	6 659 (44,52 %)	527 (36,34 %)	96 (53,0 %)	608 (32,27 %)	278	2 165	25	291
Киевско-Подольское военное поселение 1856 г.	1270 (8,49 %)	108 (7,44 %)	Нет	В писари 242 (12,84 %)	138	1 080	Нет	Нет
Новороссийское военное поселение 1–8 округа 1857 г.	4 468 (29,87 %)	489 (33,51 %)	51 (28,17 %)	627 (33,28 %)	298	2 215	27	314
Новороссийское военное поселение 9–12 округа 1857 г.	2 561 (17,12 %)	326 (22,48 %)	34 (18,78 %)	407 (21,6 %)	150	1 080	29	292
<i>Всего по Новороссийскому военному поселению 1857 г.</i>	<i>7 029 (46,99 %)</i>	<i>815 (56,20 %)</i>	<i>85 (46,96 %)</i>	<i>1 034 (54,88 %)</i>	<i>448</i>	<i>3 295</i>	<i>56</i>	<i>606</i>
<i>Всего по военным поселениям кавалерии</i>	<i>14 958</i>	<i>1450</i>	<i>181</i>	<i>1 884</i>				

Примечание. Составлено по: [33, док. № 2, с. 46, док. № 27, с. 172–173, док. № 28, с. 223, док. № 30, с. 280].

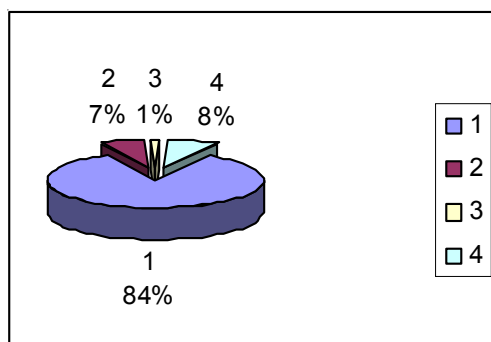

Рис. 3. Распределение выпускников учебных эскадронов и батарей по Украинскому военному поселению 1836–1856 гг.:

1 – выпущено в полки и батареи на службу; 2 – произведено в унтер-офицеры; 3 – произведено в фейерверкеры; 4 – поступило в нестроевые и писари

Fig. 3. Distribution of graduates of training squadrons and batteries in the Ukrainian military settlement in 1836–1856:

1 – released into regiments and batteries for service; 2 – promoted to non-commissioned officers; 3 – promoted to non-commissioned officers in the artillery; 4 – entered the service of non-combatants and clerks (copyists)

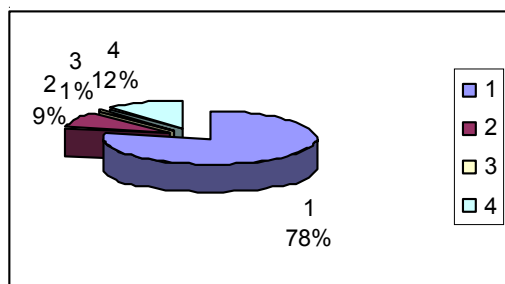

Рис. 4. Распределение выпускников учебных эскадронов и батарей по Новороссийскому военному поселению 1836–1857 гг.:

1 – выпущено в полки и батареи на службу; 2 – произведено в унтер-офицеры; 3 – произведено в фейерверкеры; 4 – поступило в нестроевые и писари

Fig. 4. Distribution of graduates of training squadrons and batteries in the Novorossiysk military settlement in 1836–1857:

1 – released into regiments and batteries for service; 2 – promoted to non-commissioned officers; 3 – promoted to non-commissioned officers in the artillery; 4 – entered the service of non-combatants and clerks (copyists)

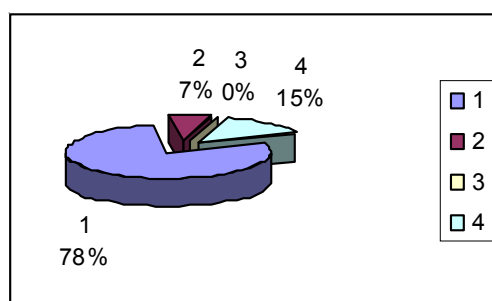

Рис. 5. Распределение выпускников учебных эскадронов по Киевско-Подольскому военному поселению 1841–1856 гг.:

1 – выпущено в полки и батареи на службу; 2 – произведено в унтер-офицеры; 3 – произведено в фейерверкеры; 4 – поступило в нестроевые и писари

Fig. 5. Distribution of graduates of training squadrons in the Kiev-Podolsk military settlement in 1841–1856:

1 – released into regiments and batteries for service; 2 – promoted to non-commissioned officers; 3 – promoted to non-commissioned officers in the artillery; 4 – entered the service of non-combatants and clerks (copyists)

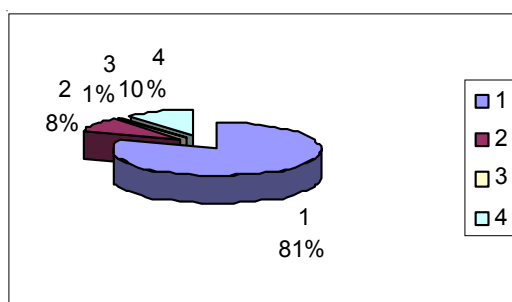

Рис. 6. Распределение выпускников учебных эскадронов и батарей по военным поселениям кавалерии 1836–1857 гг.:

1 – выпущено в полки и батареи на службу; 2 – произведено в унтер-офицеры; 3 – произведено в фейерверкеры; 4 – поступило в нестроевые и писари

Fig. 6. Distribution of graduates of training squadrons and batteries in military settlements of the cavalry in 1836–1857:

1 – released into regiments and batteries for service; 2 – promoted to non-commissioned officers; 3 – promoted to non-commissioned officers in the artillery; 4 – entered the service of non-combatants and clerks (copyists)

Соотношение среднегодовых показателей выпусков унтер-офицеров из учебных эскадронов и батарей военных поселений (таблица 2; 102 унтер-офицера) и общеармейских учебных подразделений (531 унтер-офицер) [34, с. 20] в период правления Николая I составляло 1 (16,11 %) : 5,2 (83,88 %). Практически $\frac{1}{6}$ часть унтер-офицеров российской армии обучалась и готовилась для армейской службы в поселенных полковых округах, и они пополняли младший офицерский штат поселенных частей (6 кавалерийских дивизий и конно-артиллерийская бригада) и других структур, включая рабочие батальоны, трех резервных армейских корпусов.

Расширение и структурное обновление образовательной системы военных поселений осуществлялось по мере возникновения потребности поселенных полков и резервных частей в специалистах. В конце 1820–1850-х гг., как показано в таблице 2 и диаграммах, в нее были интегрированы новые специальные учебные заведения. При подготовке кантонистов использовались европейские методики и образовательные практики – система Белла-Ланкастера, И.Г. Пестолоцци [25, с. 70–71] и комплексный подход в построении учебных курсов (общее, специальное и трудовое обучение). Развитие образовательных структур поселений способствовало также расширению подготовки педагогических кадров как военного, так и гражданского профиля и появлению Военно-учительского института, выпускавшего преподавателей для округов военных поселений. Действующие и резервные части поселений, пополняемые в том числе и выпускниками учебных эскадронов и батальонов, хорошо зарекомендовали себя в военных кампаниях 1820–1830-х гг. (русско-турецкая война 1828–1829 гг., Бугская уланская дивизия; польская кампания 1830–1831 гг., Гренадерский корпус и 3-й Резервный кавалерийский корпус графа И.О. Витта).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Записка генерал-лейтенанта графа Витта об учреждении юнкерской школы в поселенном кавалерийском корпусе // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 408. – Л. 392–398.
2. Ионов, В. В. Подготовка военных кадров в России: XIX – начало XX в. : дис. ... д-ра ист. наук / Ионов Виктор Владимирович. – СПб., 1998. – 755 с.
3. Именной указ о сформировании в округах Киевской и Подольской губерний эскадронов кантонистов // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ-2). – Т. XVI. – № 15069. – Спб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. канцелярии, 1842.
4. Кандаурова, Т. Н. Система образования в военных поселениях России в XIX в. / Т. Н. Кандаурова // Педагогика. – 2000. – № 7. – С. 73–78.
5. Кандаурова, Т. Н. Система подготовки кадров для военных поселений в России: военно-учительские институты первой половины XIX века / Т. Н. Кандаурова // Наука и техника: вопросы истории и теории : материалы XXIV годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург и мировая наука» (23–27 июня 2003 г.). – СПб. : С.-Петерб. науч. центр РАН, 2003. – Вып. XIX. – С. 306–309.
6. Кандаурова, Т. Н. Подготовка армейских кадров в системе учебных заведений кантонистов: по материалам Департамента военных поселений / Т. Н. Кандаурова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – Вып. 19. – С. 346–365.
7. Карцов, П. О военных поселениях при графе Аракчееве / П. Карцов // Русский вестник. – 1890. – Кн. 3. – № 3. – С. 82–113.
8. Лыкошин, А. С. Военные поселения / А. С. Лыкошин // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – М. : Т-во И. Д. Сыгина, 1911. – Т. 2. – С. 86–106.
9. Невзоров, Е. Ю. Солдатские дети как успешный проект формирования резерва комплектования русской армии в первой половине XIX века / Е. Ю. Невзоров // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 24, № 180. – С. 133–141.
10. Обзор учебных заведений военных кантонистов и учебных карабинерных полков // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – Вып. 19. – С. 356–359.
11. Отчет Департамента военных поселений за 1838 г. // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 155. – 156 л.
12. Отчет Департамента военных поселений за 1840 г. // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 251. – 119 л.
13. Отчет по 3-й и Бугской поселенным уланским дивизиям за минувший 1821 год // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 620–643.
14. Отчет по 3-й Уланской поселенной дивизии за 1827 г. // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 771. – Л. 140–158.

15. Отчеты по Бугской и 3-й уланским и 3-й Кирасирской дивизиям за 1825 г. // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 790–961.

16. Отчет по военным поселениям за 1824 год. – Спб. : Тип. Штаба военных поселений, 1825. – 153 с.

17. Петров, А. Н. Устройство и управление военными поселениями в России / А. Н. Петров // Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. – Спб. : Русская старина, 1871. – С. 87–193.

18. Положение и приказ о учебном дивизионе в округе военного поселения кавалерийского полка // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 204–206.

19. Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях. – Спб. : Тип. Гл. штаба Е. И. В. по военному поселению, 1826. – 39 с.

20. Положение о военном поселении регулярной кавалерии. – Спб. : Тип. Гл. штаба Е. И. В. по военному поселению, 1827. – 77 с.

21. Положение о сформировании из военных кантонистов кавалерийских эскадронов и артиллерийских батарей в округах военного поселения кавалерии // ПСЗ РИ-2. – Спб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. канцелярии, 1837. – Т. XI. – № 9466. – С. 871–878.

22. Положение об учебном эскадроне в округе поселенного кавалерийского полка // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 245–320.

23. Правила о переходе коренных жителей в военное поселение округа военного поселения кавалерии // Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. – Спб. : Русская старина, 1871. – С. 228–232.

24. Проект Учреждения о военном поселении пехоты. Ч. 1–3. – Спб. : Тип. К. Крайя, 1817. – 261 с.

25. Проект Учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 2. – Спб. : Тип. К. Крайя, 1817. – 96 с.

26. Редигер, А. Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях / А. Редигер. – Спб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1880. – 188 с.

27. Рескрипты Александра I Аракчееву и конфирмованные доклады и предложения его за 1821 г. // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – 909 л.

28. Руководство к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методе взаимного обучения и к управлению оными. – Спб. : б. и., 1819. – 94 с.

29. Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени / под ред. А. Н. Петрова. – М. : Типо-Литография И. Н. Кушнерова и Ко, 1892. – Т. 2. – 569 с.

30. Сведения к отчету по военным поселениям за 1826 год // РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 155. – 336 л.

31. Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению. Ч. IV. – Спб. : Военная типография, 1852. – 611 с.

32. Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению. Ч. V. – Спб. : Военная типография, 1852. – 533 с.

33. Цубенко, В. Л. Документи из історії військових поселень в Україні / В. Л. Цубенко. – Харків : Видавництво САГА, 2008. – 374 с.

34. Шакирзянов, Э. М. Подготовка унтер-офицерских кадров русской армии в первой половине XIX в.: историческое исследование : автореф. ... дис. канд. ист. наук / Шакирзянов Эдуард Мансурович. – М., 2011. – 24 с.

35. Шакирзянов, Э. М. Становление системы подготовки унтер-офицерских кадров русской армии в первой половине XIX в. / Э. М. Шакирзянов // Вестн. Воен. ун-та. – 2010. – № 1 (21). – С. 46–56.

36. Ячменихин, В. К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии / В. К. Ячменихин // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 8, История. – 2000. – № 1. – С. 55–68.

REFERENCES

1. Zapiska general-leytenanta grafa Vitta ob uchrezhdenii yunkerskoy shkoly v poselennom kavaleriyskom korpuse [Note by Lieutenant General Count Witt on the Establishment of the Junker School in the Settled Cavalry Corps]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 1, d. 408, l. 392–398.

2. Izonov V.V. *Podgotovka voennykh kadrov v Rossii: XIX – nachalo XX v.: dis. d-ra ist. nauk* [Training of Military Personnel in Russia: XIX – Early XX Centuries. Dr. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 1998. 755 p.

3. Imennoy ukaz o sformirovani v okrugakh Kiyevskoy i Podol'skoy guberniy eskadronov kantonistov [A Personal Decree on the Formation of Cantonese Squadrons in the Districts of Kiev and Podolsk Provinces]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ RI-2)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI-2)]. Vol. XVI. No. 15069. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya S. E. I. V. kantselyarii, 1842.

4. Kandaurova T.N. Sistema obrazovaniya v voennykh poseleniyakh Rossii v XIX v. [Educational System in Military Settlements of Russia in the XIX Century]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2000, no. 7, pp. 73–78.

5. Kandaurova T.N. Sistema podgotovki kadrov dlya voennykh poselenii v Rossii: voenno-uchitel'skie instituty pervoi poloviny XIX veka [Personnel Training System for Military Settlements in Russia: Military Teaching Institutes of the First Half of the XIX Century]. *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i*

teorii: materialy XXIV godichnoi konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiiskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki «Sankt-Peterburg i mirovaya nauka» (23–27 iyunya 2003 g.) [Science and Technology: Questions of History and Theory. Proceedings of the 24th Annual Conference of the Saint Petersburg Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology “Saint Petersburg and World Science” (June 23–27, 2003)]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy nauchnyy tsentr RAN, 2003, iss. XIX, pp. 306-309.

6. Kandaurova T.N. Podgotovka armeiskikh kadrov v sisteme uchebnykh zavedenii kantonistov: po materialam Departamenta voennykh poselenii [Training of Army Personnel in the System of Cantonese Educational Institutions: Based on the Materials of the Department of Military Settlements]. Mazur L.N., ed. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: sb. nauch. tr.* [Document. Archive. History. Modernity: Collection of Proceedings]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, 2019, iss. 19, pp. 346-365.

7. Kartsov P. O voennykh poseleniyakh pri grafe Arakcheeve [On the Military Colonies Under Count Arakcheev]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1890, book 3, no. 3, pp. 82-113.

8. Lykoshin A.S. Voennye poseleniya [Military Settlement]. *Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem* [Great Reform. Russian Society and the Peasant Question in the Past and Present]. Moscow, Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1911, vol. 2, pp. 86-106.

9. Nevzorov E.Yu. Soldatskie deti kak uspeshnyi proekt formirovaniya rezerva komplektovaniya russkoi armii v pervoi polovine XIX veka [Soldiers' Children as a Successful Project of Forming the Reserve of the Russian Army in the First Half of the XIX Century]. *Vestnik Tambovskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University], 2019, vol. 24, no. 180, pp. 133-141.

10. Obzor uchebnykh zavedeniy voyennykh kantonistov i uchebnykh karabinnykh polkov [Review of Educational Institutions of the Military Cantonists and Training Carabinier Regiments]. Mazur L.N., ed. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: sb. nauch. tr.* [Document. Archive. History. Modernity: Collection of Proceedings]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2019, iss. 19, pp. 356-359.

11. Otchet Departamenta voyennykh poseleniy za 1838 g. [Report of the Department of Military Settlements for 1838]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 10, d. 155. 156l.

12. Otchet Departamenta voyennykh poseleniy za 1840 g. [Report of the Department of Military Settlements for 1840]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 10, d. 251. 119l.

13. Otchet po 3-y i Bugskoy poselennym ulanskim diviziyam za minuvshiy 1821 god [Report on the 3rd and Bug Settlement Ulan Divisions for the Past 1821]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 1, d. 140, l. 620-643.

14. Otchet po 3-y Ulanckoy poselennoy divizii za 1827 g. [Report on the 3rd Ulan Settlement Division for 1827]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 2, d. 771, l. 140-158.

15. Otchety po Bugskoy i 3-y ulanskim i 3-y Kirasirskoy diviziyam za 1825 g. [Reports on the Bug and 3rd Ulan and 3rd Cuirassier Divisions for 1825]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 1, d. 407, l. 790-961.

16. *Otchet po voyennym poseleniyam za 1824 god* [Report on Military Settlements for 1824]. Saint Petersburg, Tipografiya Shtaba voennykh poseleniy, 1825. 153 p.

17. Petrov A.N. Ustroistvo i upravlenie voennymi poseleniyami v Rossii [Organization and Management of Military Settlements in Russia]. *Graf Arakcheev i voennye poseleniya. 1809–1831* [Count Arakcheev and Military Settlements. 1809–1831]. Saint Petersburg, Russkaya starina Publ., 1871, pp. 87-193.

18. Polozheniye i prikaz o uchebnom divizione v okruge voyennogo poseleniya kavaleriyskogo polka [Regulations and Order on the Training Division in the District of the Military Settlement of the Cavalry Regiment]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 1, d. 407, l. 204-206.

19. *Polozheniye o polnom sostave poselennogo peshego polka i yego obyazannostyakh* [Regulations on the Full Composition of the Settlement Infantry Regiment and Its Duties]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo shtaba E. I. V. po voennomu poseleniyu, 1826. 39 p.

20. *Polozheniye o voyennom poselenii regulyarnoy kavalerii* [Regulations on the Military Settlement of the Regular Cavalry]. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo shtaba E. I. V. po voennomu poseleniyu, 1827. 77 p.

21. Polozheniye o sformirovanii iz voyennykh kantonistov kavaleriyskikh eskadronov i artilleriyskikh batarey v okrugakh voyennogo poseleniya kavalerii [Regulation on the Formation of Cavalry Squadrons and Artillery Batteries from Military Cantonists in the Districts of a Military Cavalry Settlement]. *PSZ RI-2* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya S. E. I. V. kantselyarii, 1837, vol. XI, no. 9466, pp. 871-878.

22. Polozheniye ob uchebnom eskadronе v okruge poselennogo kavaleriyskogo polka [Regulations on the Training Squadron in the District of the Settlement Cavalry Regiment]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 1, d. 382, l. 245-320.

23. Pravila o perekhode korennykh zhitelei v voennoe poselenie okruga voennogo poseleniya kavalerii [Rules on the Transfer of Indigenous Residents to a Military Settlement of the District of a Military Settlement of the Cavalry]. *Graf Arakcheev i voennye poseleniya. 1809–1831* [Count Arakcheev and Military Settlements. 1809–1831]. Saint Petersburg, Russkaya starina Publ., 1871, pp. 228-232.

24. *Proekt Uchrezhdeniya o voennom poselenii pekhoty. Ch. 1–3* [Draft of the Institution on the Military Settlement of the Infantry. Pts. 1–3]. Saint Petersburg, Tipografiya K. Kraya, 1817. 261 p.

25. *Proekt Uchrezhdeniya o voennom poselenii regulyarnoi kavalerii. Ch. 2* [Draft of the Institution on the Military Settlement of the Regular Cavalry. Pt. 2]. Saint Petersburg, Tipografiya K. Kraya, 1817. 96 p.

26. Rediger A. *Unter-ofiterskii vopros v glavnykh evropeiskikh armiyakh* [The Non-Commissioned Officer Question in the Main European Armies]. Saint Petersburg, Tipografiya Trenke i Fusno, 1880. 188 p.

27. Reskripty Aleksandra I Arakcheyevu i konfirmovannyye doklady i predlozheniya yego za 1821 g. [Rescripts of Alexander I to Arakcheev and Confirmed Reports and His Proposals for 1821]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 1, d. 88. 909 l.

28. *Rukovodstvo k uchrezhdeniyu shkol dlya kantonistov srednego vozrasta po metode vzaimnogo obucheniya i k upravleniyu onymi* [A Guide to the Establishment of Schools for Middle-Aged Cantonese on the Method of Mutual Learning and Management There Of]. Saint Petersburg, [s. n.], 1819. 94 p.

29. Petrov A.N., ed. *Russkaya voennaya sila. Istoriya razvitiya voennogo dela ot nachala Rusi do nashego vremeni* [Russian Military Force. History of the Development of Military Affairs from the Beginning of Russia to Our Time]. Moscow, Tipo-Litografiya I.N. Kushnereva i Ko, 1892, vol. 2. 569 p.

30. Svedeniya k otchetu po voyennym poseleniyam za 1826 god [Information on the Report on Military Settlements for 1826]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 405, inv. 2, d. 155. 336 l.

31. *Khronika rossiiskoi imperatorskoi armii, sostavlenaya po vysochaishemu poveleniyu. Ch. IV* [Chronicle of the Russian Imperial Army Compiled by the Highest Order. Pt. IV]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya, 1852. 611 p.

32. *Khronika rossiiskoi imperatorskoi armii, sostavlenaya po vysochaishemu poveleniyu. Ch. 5* [Chronicle of the Russian Imperial Army, Compiled by the Highest Order. Pt. 5]. Saint Petersburg, Voennaya tipografiya, 1852. 533 p.

33. Tsubenko V.L. *Dokumenti iz istorii viyskovikh poselen' v Ukraini* [Documents on the History of Military Settlements in Ukraine]. Kharkiv, Vidavnistvo SAGA, 2008. 374 p.

34. Shakirzyanov Eh.M. *Podgotovka unter-ofiterskikh kadrov russkoi armii v pervoi polovine XIX v.: istoricheskoe issledovanie: avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Training of Non-Commissioned Officers in the Russian Army in the First Half of the XIX Century: A Historical Study. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2011. 24 p.

35. Shakirzyanov Eh.M. Stanovlenie sistemy podgotovki unter-ofiterskikh kadrov russkoi armii v pervoi polovine XIX v. [Formation of the System of Training Non-Commissioned Officers of the Russian Army in the First Half of the XIX Century]. *Vestn. Voen. un-ta* [Bulletin of the Military University], 2010, no. 1 (21), pp. 46-56.

36. Yachmenikhin V.K. Institut voennykh kantonistov v strukture russkoi armii [Institute of Military Cantonists in the Structure of the Russian Army]. *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 8, Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Seriya 8. History], 2000, no. 1, pp. 55-68.

Information About the Author

Tatiana N. Kandaurova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993, GSP-3 Moscow, Russian Federation, tanikand@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-1188>

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Кандаурова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993, ГСП-3 г. Москва, Российская Федерация, tanikand@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-1188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.7>

UDC 321
LBC 355.1

Submitted: 01.06.2020
Accepted: 17.08.2020

CREATION OF ARMED FORCES IN NATO MEMBER STATES: PROMISING MODELS OF GERMANY AND NORWAY

Andrey V. Manoilo

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Moscow, Russian Federation

Elena G. Ponomareva

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* One of the key tendencies of modern international development is the growing importance of the “factor of power”. In this context, the initiated long process of the potential growth of the armed forces of the countries participating in NATO, which is of particular importance in the growth of new unconventional threats (one of the triggers of the Alliance transformation including through the strengthening of national units has become a global pandemic) is important from scientific and practical points of view. *Methods and materials.* The theoretical and methodological basis of the research is the theory of building armed forces. The basic sources for the analysis are official documents of military departments, as well as materials from related information centers, which reveal the parameters of the prospective appearance of the armed forces of the countries under study. NATO’s statistical and summit reports also occupy a special place. *Analysis.* The goal of the article is the research of the armed forces building processes in Germany and Norway for the future until the mid-2030s. These case countries can show the tendencies of military development of NATO European member states in the whole taking into account the differences between Germany and Norway in terms of the geographical location, the population as the main human resource of the armed forces, as well as the transformation of leadership and dynamics of relations between the “historical West” and the Russian Federation, which allows us to characterize the overall trends in the military and political development of European NATO member states. *Results.* It is proved that the growth of military potential is based on two main groups of reasons. The first is due to the strategic deterioration of relations between the West and Russia since the mid-2010s. The second is that the armed forces of the European member States of NATO have reached the “bottom” position in terms of almost all quantitative parameters. The continuing trend of decreasing numerical indicators (people and technology) threatens to reduce the role of the state on the world stage. Therefore, it is natural to see Germany’s desire to become a “framework nation” in the recruitment of NATO rotation groups in Europe, as well as in the deployment of peacebuilding and peacekeeping missions outside the area of responsibility of the Alliance, which inevitably leads to a large-scale increase in the number of armed forces and the cost of their modernization. In the case of Norway the transformation of the armed forces occurs in the conditions of refusal to increase included human resources and enhance the value of the military presence of NATO partners (primarily the US) first of all in the process of reorganizing the national system of territorial defense. In both cases, there are still tendencies to transform the role of the US in Europe and to consolidate the confrontation with the Russian Federation.

Key words: military development, NATO, armed forces, Germany, Norway, perspective models.

Citation. Manoilo A.V., Ponomareva E.G., Trunov P.O. Creation of Armed Forces in NATO Member States: Promising Models of Germany and Norway. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 67-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.7>

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СТРАН-ЧЛЕНОВ НАТО (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И НОРВЕГИИ)

Андрей Викторович Манойло

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Елена Георгиевна Пономарева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Филипп Олегович Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Одной из тенденций современного мирополитического развития является увеличение фактора силы. В этой связи важным с научной и практической точек зрения является начавшийся длительный процесс роста потенциала вооруженных сил, относящихся к разным зонам ответственности стран-членов НАТО, приобретающий особое значение в условиях роста новых нетрадиционных угроз (одним из триггеров трансформации Альянса в том числе через усиление национальных единиц стала глобальная пандемия). *Методы и материалы.* Теоретико-методологической основой исследования стала теория строительства вооруженных сил, исследующая проблемы обоснования модернизации боевого состава, структуры, организации и комплектования армейских подразделений. Базовыми для анализа источниками стали официальные документы военных ведомств, а также материалы связанных с ними информационных центров, в которых раскрываются параметры перспективного облика вооруженных сил исследуемых стран. Особое место занимают также статистические отчеты и материалы программных для заявленной проблематики саммитов НАТО. *Анализ.* Задача статьи – исследование вопросов строительства вооруженных сил Германии и Норвегии на перспективу до середины 2030-х годов. Выбор кейсов определен географическим положением указанных стран, численностью населения как главного человеческого ресурса вооруженных сил, а также трансформацией лидерства внутри блока и динамикой отношений данных стран «исторического Запада» с РФ, что позволяет на их примере охарактеризовать в целом тенденции военно-политического развития европейских стран-членов НАТО. *Результаты.* Доказано, что в основе роста военного потенциала лежат две основные группы причин. Первая обусловлена стратегическим ухудшением отношений Запада и России с середины 2010-х гг., что является обоснованием выбора странами Альянса конкретных моделей строительства армий и флотов. Вторая заключается в достижении вооруженными силами европейских стран-членов НАТО положения «дна» с точки зрения практически всех количественных параметров. Сохранение тенденции сокращения численных (люди и техника) показателей грозит уменьшением роли государства на мировой арене. Поэтому закономерным видится стремление Германии к превращению в «рамочную нацию» при комплектовании ротационных группировок НАТО в Европе, равно и в развертывании миссий по миротворчеству и поддержанию мира за пределами зоны ответственности Альянса, что неизбежно ведет к масштабному увеличению численности вооруженных сил и затрат на их модернизацию. В случае Норвегии трансформация вооруженных сил происходит в условиях отказа от роста включенных людских ресурсов и усиления значения военного присутствия партнеров по НАТО (в первую очередь США), прежде всего, в процессе реорганизации национальной системы территориальной обороны. В том и другом случае сохраняются тенденции на трансформацию роли США в Европе и на закрепление конфронтации с РФ. *Вклад авторов.* А.В. Манойло обобщил и проанализировал информацию по развитию ВВС и сил специального назначения изучаемых стран на ближне- и среднесрочную перспективу, участвовал в оценке влияния фактора роботизации на развитие «военных машин» данных кейсов. Е.Г. Пономарева обосновала выбор методологии, а также Германии и Норвегии как фокусных стран для изучения, показав их значимость в системе обеспечения обороны и безопасности евро-атлантического сообщества. Ф.О. Трунов исследовал информацию по перспективам развития сухопутных войск и военно-морского флота ФРГ и королевства Норвегии, выделил критерии для сопоставления параметров их перспективного развития, а также выстроил модели последних.

Ключевые слова: военное развитие, НАТО, вооруженные силы, Германия, Норвегия, перспективные модели.

Цитирование. Манойло А. В., Пономарева Е. Г., Трунов Ф. О. Перспективные модели строительства вооруженных сил стран-членов НАТО (на примере Германии и Норвегии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 67–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.7>

Введение. В условиях кризиса «существующего (или прежнего) миропорядка» [4, с. 32] и формирования «новой биполярности (США – КНР)» [2, с. 207] вновь возрастает значение фактора силы. При этом все большее практическое значение приобретают формы не непосредственного ее боевого использования, а демонстрации самой способности и готовности использования силового фактора. Параллельно увеличивается практическая ценность широкого спектра операций несилового характера, особенно по урегулированию вооруженных конфликтов и участия в преодолении вызовов нового порядка (пандемии, организация перемещения больших масс людей в критических ситуациях).

Показателен начавшийся во второй половине 2010-х гг. рост практически всех количественных характеристик вооруженных сил стран-участниц НАТО – причем в данном случае речь идет не только и не столько о США, сколько о европейском крыле блока. Уместно дать следующую периодизацию этого процесса. На первом этапе (2014 – первая половина 2015 г.) государства «исторического Запада» – в первую очередь входящие в Североатлантический альянс – достигли широкого консенсуса в вопросе принципиальной готовности наращивать свои военные потенциалы, что было закреплено на Уэльском саммите [31]. На следующем этапе (вторая половина 2015 – 2016 г.) обозначился ряд более конкретных характеристик данного процесса, особенно на ближайшую и среднесрочную перспективу, что нашло отражение в коммюнике Варшавского саммита (8–9 июля 2016 г.) [32; 34]. Наконец, на третьем этапе – с конца 2017 г. – на уровне национальных государств-членов блока стали приниматься документы по планированию строительства вооруженных сил с горизонтом до 15–20 лет. В этой связи данная статья представляет собой попытку выстроить модели перспективного военного строительства европейских стран-участниц НАТО на примере Германии и Норвегии.

Методы и материалы. Выбор конкретных кейсов для сравнительного анализа обусловлен их человеческим ресурсом (крупное и малое государство с точки зрения численности населения) и возможностями по развитию вооруженных сил, а также региональной принадлежностью (Центральная и Северная Европа), значимой геополитической ролью и де-факто возможностями влияния на принятие решений на уровне НАТО в целом. Так, Норвегия выступает «стержневым» государством-членом с точки зрения дислокации и наращивания потенциала группировки войск Альянса на его северном крыле – учитывая растущее внимание самого широкого круга государств к Арктике, значимость этого направления к началу 2020-х гг. резко возросла. Соответственно Королевство призвано контролировать границы зоны ответственности НАТО в северной части Европы. Показательно, что именно на территории Норвегии и ее прибрежных вод были проведены крупнейшие (с использованием свыше 50 тыс. личного состава) во второй половине 2010-х гг. учения НАТО “Trident Jucnture 18” [28].

В свою очередь, Германия находится в глубине зоны ответственности НАТО, что делает интересным сопоставление подходов выбранных стран к строительству своих вооруженных сил. Эта характеристика резко отличает положение ФРГ в реалиях новой «холодной войны» от ситуации «классического» вида данного конфликта, когда Боннская республика располагалась на «передовой» противостояния Запада и Востока. Такая трансформация становится предпосылкой для широкого маневрирования официального Берлина в вопросах определения развития НАТО в целом и национальной «военной машины», глубоко интегрированной в Альянс [6, с. 87]. В частности, наиболее яркой иллюстрацией тому являются длительные существенные и притом носящие открытую форму при администрации Д. Трампа разночтения между США и ФРГ по определению объемов военных расходов, в том числе непосредственных ассиг-

нований в бюджет Североатлантического альянса, а также по масштабу перспективного военного присутствия Соединенных Штатов в Германии [6, с. 90].

В данной связи следует подчеркнуть, что на рубеже 2010-х – начале 2020-х гг. политико-военным руководством ФРГ не вносилось существенных корректив в те планы по развитию вооруженных сил, которые созданы в 2017–2018 годах. Чем это обусловлено? Во-первых, высокой степенью преемственности внешней политики Германии, в том числе ее стратегической линии в области обеспечения обороны и безопасности. Планы по модернизации вооруженных сил являлись продуктом многолетней скрупулезной работы большой группы военных и гражданских экспертов – соответственно, они не стали «эластичными» под давлением администрации Д. Трампа. Внесение существенных поправок в планы военного строительства, созданные в Норвегии и Германии в середине 2010-х гг., возможно к середине 2020-х гг. (2023–2024 гг.), когда хронологически закончится первый (в случае ФРГ) и основной (в случае Норвегии) этап модернизации и станет ясна полнота его выполнения, что позволит скорректировать дальнейшие планы.

Общим совпадающим знаменателем для планов ФРГ и требований 45-го президента США являлась приверженность росту военного потенциала Германии. Однако промежуточные и итоговые масштабы, скорость и целеполагание оказывались совершенно различны. Д. Трамп стремился к «разгрузке» США в военном отношении за счет ФРГ в Европе (прежде всего на различных направлениях в рамках деятельности НАТО). Обладая бизнес-мышлением, он стремился достичь лишь краткосрочной тактической выгоды (прежде всего в финансовом выражении, а также с точки зрения резервирования личного состава и техники), не осознавая, что «разгрузка» Германией Соединенных Штатов существенно укрепляет ее позиции на уровне евро-атлантической региональной подсистемы и в мире в целом во многом в ущерб самому Белому дому.

В этой связи, с точки зрения авторов, срез планов развития вооруженных сил является достаточно объективной характеристикой перспективного видения Германией и Норвегией

своей политико-военной роли в Европе и мире. Соответственно, предпринятый на основе теории строительства вооруженных сил анализ моделей модернизации армий и флотов данных стран позволяет продолжить традиции отечественной школы [5] и существенно расширить ее эмпирическую базу.

Базовыми для анализа источниками стали официальные документы военных ведомств (вооруженных сил и министерств обороны Германии и Норвегии), а также материалы связанных с ними информационных центров, в которых раскрываются параметры перспективного облика вооруженных сил исследуемых стран. Преимуществом данных источников следует признать периодизацию этапов модернизации войск, а также определение части их конечных параметров (прежде всего применительно к сухопутным войскам) – однако, лишь с рубежа 2017–2018 гг. [10; 17]. Так, в Белой книге по политике в области безопасности и будущему бундесвера (опубликована в июле 2016 г.) даны лишь самые общие цели и наметки в области модернизации вооруженных сил Германии без их конкретизации [33] – к тому моменту определение окончательных параметров еще находилось на стадии, не подошедшей к завершению. Среди недостатков данной группы документов – слабое освещение эволюции организации внутренней структуры как имеющихся, как вновь формируемых соединений и частей с учетом факторов роботизации и отводимой им роли компонента многонациональных объединений и соединений. Отдельную группу источников представляют документы саммитов и статистические отчеты НАТО, в которых показана динамика военных расходов исследуемых кейсов. Традиционным недостатком данных материалов является изложение в них информации строго до момента опубликования, то есть отсутствуют прогнозы, что существенно облегчило конструирование перспективного облика вооруженных сил стран-участниц Североатлантического альянса.

Обзор литературы. Исследователями, в первую очередь на Западе, создан значительный задел в изучении широкого комплекса вопросов, включая военно-политические, взаимоотношений США как с европейскими партнерами в целом, так и отдельно взятыми

странами, в том числе с ФРГ и в меньшей степени с Норвегией. Ряд авторов данных публикаций считают, что «шоковые» и во многом непредсказуемые с их точки зрения действия администрации Д. Трампа привели к возникновению состояния нестабильности внутри евро-атлантического сообщества, а не только вовне его: не случайным стало заявление Э. Макрона о «смерти мозга» Альянса [9, р. 18]. В связи с внутренней разбалансировкой блока видные германские исследователи К. Майор и П. Рудольф отмечают, что механизм саммитов НАТО (что показал пример подготовки проведенного в Брюсселе в 2018 г.) во многом теряет свою роль как площадки для выражения трансатлантической солидарности [18; 20; 25]. При этом на фоне неоднократно объявленного сокращения военного присутствия США в Европе наблюдается его возвратный рост, причем эта тенденция просматривается еще со времени президентства Б. Обамы. Параллельно европейские страны-участницы НАТО реализуют шаги, направленные на существенный рост потенциала Альянса (в том числе предоставляя новые войсковые контингенты в состав вновь создаваемых под его эгидой группировок). Интересен вопрос о мотивации этих действий. Официальный Берлин, подчеркивая свою инициативность, стремится увеличить собственную роль в решении вопросов обеспечения безопасности евро-атлантической региональной подсистемы в целом [19, S. 3], а отнюдь не только и не столько продемонстрировать лояльность США.

Одновременно осуществляется осмысление концептуальных документов национального и общего (НАТО и ЕС) уровней, посвященных вопросам перспективного военного строительства. Особое внимание в этой связи уделяется платформе PESCO, которая мыслится основой для существенного углубления и наращивания объемов военно-технической кооперации между странами-участницами Европейского союза. Эти исследования своим продолжением имеют проблематику обретения ЕС «стратегической автономии» в военно-политической сфере [8].

Нельзя не отметить, что заметное влияние на тенденции военного развития стран и институтов Запада оказывает динамика его

отношений с Россией в условиях вступления их в фазу стратегического ухудшения. Среди массы работ, освещающих данную тематику, следует выделить коллективные монографии под руководством А. Торкунова, Н. Нунана, Т. Шаклеиной [27], а также под редакцией М. Александрова и О. Родионова [3].

Однако на этом фоне остаются существенные «белые пятна». Так, практически во всех исследованиях наблюдается отсутствие увязывания воедино более общих военно-политических сюжетов и конкретных планов по перспективному развитию различных родов войск и национальных «военных машин» в целом. Иными словами, в научном дискурсе отсутствует основополагающий вопрос: как запланированный перспективный облик вооруженных сил вписывается в политическую конъюнктуру евро-атлантического сообщества эпохи пост-Трампа? Попытку найти ответ на данный вопрос представляет собой данная статья. Для прогнозирования трендов военно-политического развития на перспективу целесообразно дать их краткую оценку в ретроспективном (со времени окончания «классической» холодной войны) и современном преломлении.

Анализ. Германия. В условиях реактуализации задач по обеспечению территориальной обороны, а также «усиления курса политико-экономической и военно-политической экспансии Запада (ЕС/США/НАТО) в ответ на кризис отношений с Россией» [1, с. 19] перед ФРГ в военно-политической сфере возникли две тесно связанные стратегические дилеммы. Первая – как распределить достаточно ограниченные численно ударные силы бундесвера для выполнения сразу двух крупномасштабных задач: стабилизации ситуации в конфликтогенных государствах вне зоны ответственности НАТО и обеспечения территориальной обороны вдоль ее периметра в Центральной и Северной Европе? Вторая – как найти выход из противоречия необходимости наращивания военных усилий и длительной тенденции сокращения количественных параметров бундесвера?

Уместно дать более объемную картинку второй дилеммы. С одной стороны, бундесвер сумел создать «платформу» перспективных вооруженных сил, способных доста-

точно успешно решать задачи как за пределами зоны ответственности Альянса, так и вдоль их периметра. Данная основа была создана в ходе первого, весьма продолжительного (1990-е – середина 2010-х гг.) этапа военной реформы. К числу войск «платформы» относятся в первую очередь 1-я танковая дивизия (1 тд) бундесвера (в составе 9-й учебной танковой, 21-й танковой и 41-й мотопехотной бригад, а также интегрированной в состав 1 тд 43-й нидерландской механизированной бригады) [23], дивизия сил быстрого реагирования (в составе 1-й аэромобильной бригады, полков транспортной авиации и 11-й нидерландской бригады) в сухопутных войсках [12] и 2-я оперативная флотилия бундесмарине [13]. Люфтваффе в данном отношении находится в отстающем положении. С другой стороны, как уже отмечалось, это достижение бундесвером «дна» с точки зрения количественных параметров.

В 2017–2018 гг. Министерство обороны ФРГ определило контуры путей выхода из данных дилемм. С 2019 г. начался второй этап военной реформы – он должен проходить по формуле «+ + +» (то есть параллельный рост общего назначения, кризисного реагирования и общий) и состоять, согласно замыслу германского политико-военного руководства, из трех основных фаз.

В ходе *первой* (2019–2023 гг.) повышенное внимание уделяется росту возможностей ФРГ в деле комплектования бригады сверхповышенной боевой готовности (Very High Readiness Joint Task Force brigade, VJTF) [10]. Бундесвер должен обрести возможность комплектовать не только штаб и сухопутную (как это было, в частности, в ходе учений НАТО «Trident Juncture 18» в Норвегии [28]) компоненту VJTF, но и остальные – военно-морскую, военно-воздушную, сил специальных операций [10]. Тем самым Германия стремится продемонстрировать практическую возможность полностью комплектовать «острие копья» (соединение VJTF) ударной группировки войск НАТО (силы быстрого реагирования Альянса), расположенной во втором стратегическом эшелоне.

Кроме того, уже в ходе первой фазы люфтваффе должна обрести способность самостоятельно полностью обеспечивать с воз-

духа развертывание и действия группировок с ведущим участием наземных войск ФРГ [10]. Из соединений бундесмарине основное внимание будет уделено повышению возможностей 2-й оперативной флотилии, предназначенной для обеспечения военного присутствия в Мировом океане.

В ходе *второй* фазы (2024–2027 гг.) бундесвер должен достичь возможности играть роль «рамочной нации» в деле комплектования группировок сил общего назначения, то есть предназначенных для обеспечения территориальной обороны в Европе. Это означает способность комплектовать «ядро» сил не только быстрого реагирования, но и передового развертывания (СПР) НАТО. Для этого в составе сухопутных войск к 2026 г. должна быть создана новая дивизия в составе трех «тяжелых» (то есть танковых и мотопехотных) бригад численностью до 20 тыс. военнослужащих [10]. Она будет формироваться на базе 1-й танковой дивизии. Наиболее вероятен следующий сценарий: каждая часть 1 тд (на уровне бригады и ниже) выделит до 50 % своего личного состава для вновь формируемых частей новой дивизии, взамен получая новобранцев. Таким образом созданное соединение должно стать «осевым» в процессе развертывания СПР, позволяя на ротационной основе держать в их составе в Восточной Европе не менее одной «тяжелой» бригады – то есть, как минимум, столько же войск, сколько имеют США в регионе в реалиях второй половины 2010-х годов. С нашей точки зрения, это является иллюстрацией стремления ФРГ играть сопоставимую с Соединенными Штатами военную роль в НАТО в Европе, хотя мы прекрасно понимаем, что путь от поставленной цели до ее практической реализации может быть долгим и трудным.

График роста численности бундесвера определен лишь до 2025 г. – к этому времени он должен иметь в своем составе 203 тыс. военнослужащих (+ 25 тыс. к минимальному уровню середины 2010-х гг. – табл. 2) [29]. По мнению авторов, Министерство обороны ФРГ не стремится «заглядывать за этот горизонт», желая сначала удостовериться в эффективности мер по увеличению жалования в бундесвере (особенно на рядовых и унтер-офицерских должностях). С одной стороны, на

фоне последствий мирового экономического кризиса (помноженного на существенные проблемы в ЕС и зоне евро), обострившихся в результате пандемии коронавируса 2020 г., приток добровольцев-контрактников может усилиться (военное ведомство гарантирует не только регулярный доход, но и целый ряд социальных преференций). С другой – после столь длительной нисходящей динамики численности бундесвера и резкого уменьшения положительного восприятия военной службы со стороны общества представленные выше аргументы могут «не сработать». В этом случае возможны два сценария: более «мягкий» (дальнейший, существенно опережающий средний по ФРГ рост жалования военнослужащих) и «жесткий» – возвращение к всеобщей воинской повинности, которая снижает финансовые издержки бундесвера и обеспечивает частичную занятость. Последний сценарий нам кажется маловероятным, поскольку даже его декларация может привести к «торпедированию» планов военного ведомства со стороны оппозиции и общественности. Поэтому, если подобное решение и будет принято, то оно станет отложенным.

Сложность прогнозирования роста численности бундесвера на долгосрочную перспективу обусловлена неопределенностью и теми параметрами, на которые он должен выйти в ходе *третьей* фазы (2028–2031). Так, в составе сухопутных войск будут созданы еще две дивизии и пять – семь новых бригад. С высокой долей вероятности, одна из вновь созданных дивизий станет «тяжелой» (также будет формироваться на базе 1 тд) и будет выполнять задачи в составе сил быстрого реагирования (СБР) и сил передового развертывания (СПР) НАТО в Европе. Другая станет развертываться на базе дивизии СБР, предназначенной для выполнения задач за пределами зоны ответственности Альянса. При этом следует учитывать, что дивизия СБР образца 2019 г. имеет всего одну (11-ю аэромобильную, не считая 1-й нидерландской) бригаду [12]. Скорее всего, ей будет передана еще одна. Соответственно, это обеспечит возможность для ФРГ играть роль «рамочной нации» при комплектовании группировок под эгидой Альянса и ЕС широкого функционального спектра как внутри зоны ответственности НАТО,

так и за ее пределами, что подчеркивается в качестве целеполагания планируемых военных преобразований [10].

В случае нехватки личного состава «тяжелые» дивизии (суммарно четыре соединения, в том числе два вновь созданных), предназначенные для использования под эгидой НАТО в Европе, останутся трехбригадного состава, а «легкие», предназначенные для использования вне зоны ответственности блока, – одно- или двухбригадными. В ходе третьей фазы бундесмарине (в первую очередь 2-я оперативная флотилия) должна обладать возможностью постоянно держать в море группировку в 15 надводных кораблей и ПЛ.

Таким образом, если в ходе первых двух фаз (до 2027 г. включительно) основное внимание будет сосредоточено на воссоздании войск для территориальной обороны (при сохранении имеющихся СКР), то на третьей планируется уже параллельное развитие обеих составляющих бундесвера.

Отличительной чертой всех соединений и частей бундесвера – как вновь создаваемых, так и реорганизуемых – является превращение их в межвидовые [21], то есть происходит увеличение доли непрофильных войск. Так, в составе танковых и мотопехотных войск будут увеличены парки армейской авиации (особенно численность и состав команд разведывательных БПЛА), силы специальных операций; будут созданы подразделения киберзащиты и при необходимости – морская компонента. Это существенно повысит боевые возможности одной отдельно взятой части (соединения). Главное целеполагание этого – стремление придать соединениям и частям возможность стать «ядром» многонациональных группировок под эгидой НАТО и ЕС как в пределах зоны ответственности Альянса, так и вне ее, то есть опять же речь идет о потенциальном закреплении за ФРГ роли «рамочной нации».

Из всех родов войск наиболее детализованные и масштабные планы усиления составлены для *сухопутных сил*. Чем это обусловлено? С одной стороны, именно наземные войска – бундесхеер – подверглись наиболее масштабным сокращениям с 1990-х гг. исходя из того, что именно эти формирования (с учетом продолжительности и затратности

подготовки одного отдельно взятого военнослужащего) будет проще и быстрее наращивать, чем люфтваффе или кригсмарине. С другой – именно наземные подразделения составляли основную массу (до 80 % и более) контингентов практически во всех заграничных миссиях бундесвера [26]. Соответственно они не только накопили богатый опыт, но доказали свою роль как «станового хребта» вооруженных сил ФРГ. Общее количество бригад в сухопутных войсках возрастет с семи в 2019 г. (не считая компоненты германо-французской бригады) до 15–17, а дивизий – с трех до шести. Особое внимание в планах военного ведомства отводится формированию артиллерийских батальонов с крупнокалиберной артиллерией (особенно в интересах «тяжелых» дивизий) [10].

Согласно расчетам авторского коллектива, увеличится не только численность сухопутных войск (с отметки в 60 тыс. в 2018 г. до 110–125 тыс. к 2032 г.), но и их удельный вес (до 40–45 %) в составе вооруженных сил в целом. Бундесхеер ждет не только количественный рост парка вооружений и военной техники, особенно тяжелой, но и ее качественное обновление. Во-первых, планируются закупки больших партий пилотируемой тяжелой бронетехники (различных модификаций «Leopard 2», БТР «Вохег», БМП «Рума»), а также разрабатываемых совместно с Францией новых видов тяжелых артиллерийских систем. Так, количество танков, согласно расчетам авторов, должно увеличиться с 900 (2019 г.) [14] до 2–2,5 тыс. единиц. Это будет происходить как за счет закупок новых машин, так и путем расконсервации поставленных на хранение в 1990-е – начале 2000-х годов.

Во-вторых, ожидаются высокие темпы роста насыщения сухопутных сил ФРГ автоматизированными системами. Интересно, что по данным официального сайта Бундесвера (<http://www.deutschesheer.de>) к 2019 г. при общей численности парка беспилотных летательных аппаратов более чем в 700 единиц, свыше 95 % из них было сосредоточено в сухопутных войсках (!), а отнюдь не ВВС.

Чем обуславливалась эта парадоксальная на первый взгляд ситуация? Как уже отмечалось, именно сухопутные войска (части 1 тд и дивизии СБР) составляли основу загра-

ничных миссий бундесвера. С учетом характера выполняемых ими задач (преимущественно небоевых) этим войскам в целом не требовалась поддержка собственно боевой авиации, при этом ощущалась острая и постоянная нужда в транспортной и разведывательной авиации. В этой связи вариант временных переподчинений последней из состава люфтваффе отпадал. Был избран другой путь – создания мощной разведывательной и транспортной (во втором случае – пилотируемой) армейской авиации.

На этом фоне особое значение приобретает вопрос финансирования. Германия во второй половине 2010-х гг. тратила на военные цели лишь порядка 1,2 % от своего ВВП, что администрация Д. Трампа последовательно ставит в вину ФРГ [16]. Однако попытки монетаризации отношений не принесли ожидаемого эффекта – Германия не собирается менять заложенной скорости наращивания своего военного потенциала. К середине 2020-х гг. доля военных затрат от ВВП составит лишь 1,5 % и продолжит медленно увеличиваться в дальнейшем. В абсолютном выражении к 2025 г. этот показатель составит 58–60 млрд евро [21], что вполне позволит обеспечить глубокую модернизацию бундесвера. Германия обладает мощной развитой военной промышленностью, переходящей к технологическому укладу «Индустрия 4.0» (основана на роботизации производственных цепочек). Это позволит существенно удешевить выпуск военной продукции. В этой связи следует отметить и существенный научно-технологический задел ФРГ в области разработки собственных беспилотников (особенно малогабаритных). В 2017 г. в составе бундесвера было создано новое межвидовое киберкомандование, ответственное за стабильную работу автоматических систем управления, навигации, связи и разведки.

Согласно расчетам авторов, общая численность бундесвера к началу 2030-х гг. будет колебаться в диапазоне от 240 до 280 тыс. военнослужащих (то есть быть в 1,3–1,7 раза больше нынешней). В количественном плане это уровень середины 2000-х гг., однако в качественном, особенно с учетом используемого опыта, реорганизации и технологических инноваций – существенно больше. Соответ-

ственно к 2032 г. ФРГ должна обладать полноценными возможностями играть роль «рабочей нации» (то есть предоставлять не менее 40 % от общей численности личного состава и единиц техники и управлять) в комплектовании группировок стран-участниц НАТО и ЕС как в Европе, так и при развертывании миссий за пределами континента. Де-факто это должно привести к серьезному усилению конкуренции между ФРГ и США, особенно в военно-политической сфере. Де-факто шаги администрации Д. Трампа, настаивающего на росте всех военных (и особенно финансовых) усилий ФРГ для «разгрузки» США в Европе, дадут неожиданный для официального Вашингтона эффект – идя по этому пути, Германия может поставить под сомнение лидерство Соединенных Штатов на континенте в столь чувствительной сфере, как военно-политическая. Примечательно, что в отличие от 1-й, 10-й танковой дивизии, чьи войска должны образовывать совместную с контингентами США на территории ФРГ группировку, отводится в перспективном военном планировании вспомогательная роль. При этом Белый дом, вопреки более ранним выступлениям Трампа, заявил об увеличении своего военного присутствия в Германии на 1,5 тыс. военнослужащих к 2020 г., то есть до 35 тыс. [30], хотя ФРГ не демонстрировала заинтересованности в этом.

В *Норвегии* качественно новый этап строительства вооруженных сил стартовал в 2015 г. и был направлен на реализацию двух основных задач в средне- и долгосрочной перспективе:

1) наращивание возможностей по обеспечению территориальной обороны, в том числе северных губерний страны (Финнмарк, Тромс, Нурланд);

2) увеличение сил кризисного реагирования (СКР), способных оперировать не только в прибрежных, но и отдаленных акваториях и на островах Северного Ледовитого океана (СЛО) [7, с. 22].

Для Норвегии, безусловно, более перспективной является вторая задача. Это обусловлено как экономическими выгодами – расширение доступа к ресурсам бассейна СЛО, в том числе энергетическим и биологическим, так и политическими – в первую очередь ук-

реплением позиций как арктической державы на фоне небольшого удельного веса в международной системе в целом. При этом, в отличие от Германии, для которой направления использования войск в интересах территориальной обороны (в Европе) и СКР (в основном в Азии и Африке) весьма различаются, Норвегия обладает возможностью комплексного решения обеих задач вследствие своего географического положения. Именно в северных губерниях сосредоточены основные пункты базирования и материально-технического снабжения войск, предназначенных к использованию в СЛО.

Основная нагрузка в деле обеспечения территориальной обороны ложится на сухопутные войска и ВМС, а по присутствию в СЛО – ВМС, ВВС и ССО. К середине 2020-х гг. в случае *военно-морских сил* основное внимание будет сфокусировано:

– на использовании фрегатов (с вертолетами на борту) как наиболее приспособленных военных судов для обеспечения присутствия в удаленных акваториях СЛО. Предполагается постепенное обновление парка фрегатов (три новых вместо такого же числа списываемых к 2021 г.), а также укомплектование всех их личным составом на 100 % [22, р. 13];

– силах охраны побережья, особенно кораблей внешней береговой стражи (в том числе как возможной поддержки фрегатов в случае необходимости) и морской пехоты, то есть войск многопрофильного назначения (см. табл. 1–2).

Однако в целом число боевых единиц ВМС Норвегии не только не увеличится, но, напротив, уменьшится за счет списания целых «нефокусных» классов кораблей (корветов) и нулевого роста количества большинства остальных. Для дизельных ПЛ предусмотрено два сценария: как полного списания (!), так и продления срока службы [22, р. 22].

Аналогичные тенденции наблюдаются и при формировании перспективного облика *военно-воздушных сил*. Так, число истребителей F-35 сократится к середине 2020-х гг. на 25 % (с 52 до 42 самолетов), но при условии обновления их парка самолетами V поколения. Планируется, что именно эта статья станет основной в военном бюджете Норвегии в 2019–2023 годах. Развитие вертолетного пар-

Таблица 1. Изменение состава ВМС для оперирования в удаленных акваториях

Table 1. Changes in the composition of the Navy for operating in remote waters

Класс кораблей	Фрегаты (+ вертолеты на борту)	Корветы	Дизельные ПЛ	Контрминные группы	Вспомогательные суда (в том числе транспорты)
2015	5 (+ 6)	6	4	3	3 (1)
2024	5 (+ 6)	–	– (4)	5	3 (1)

Примечание. Составлено по: [22, р. 15; 25].

Таблица 2. Изменение состава ВМС прибрежной обороны

Table 2. Changes in the composition of the Coastal Defense Navy

Категория	Корабли внешней береговой стражи (+ вертолеты поддержки)	Команды береговой охраны	Корабли внутренней береговой стражи	Команды морской пехоты
2015	4 (–)	4	5	2
2024	8 (+ 8)	4	5	4

Примечание. Составлено по: [22, р. 15; 25].

ка ВС страны характеризуется в основном нулевым (в частности, для спасательных) или отрицательным ростом [22, р. 15; 25].

Сухопутные войска Норвегии подвергнутся глубокой реорганизации, также сопровождаемой сокращениями. Во-первых, будет упразднено управление бригады «Север» (в нее входили все регулярные части, сосредоточенные в северных провинциях, или $\frac{2}{3}$ от всей сухопутной армии). Вкупе с сокращением числа «тяжелых» батальонов («2 + 1» (разведывательный) к 2025 г. вместо «4 + 1» в 2015 г.) [22, р. 15; 25] в армии это повысит самостоятельность и тактико-оперативную нагрузку каждого из них. Роста возможностей каждого батальона планируется достичь за счет увеличения числа единиц тяжелой техники (особенно ОБТ) и особенно парка полевой артиллерии (в том числе дальнобойной), а также более тесного интегрирования с другими родами войск Королевства и контингентов государств-партнеров [22, р. 12–22]. Редукциям подвергнется и королевская гвардия – вместо батальона будет оставлена лишь его «рамочная основа» [22, р. 13]. В составе сил специальных операций (ССО) должен быть увеличен каждый из трех имеющихся отрядов, а также вновь созданы два резервных [22, р. 14]. Де-факто ССО продолжат играть роль мобильного резерва (располагая собственной транспортной авиацией – в первую очередь вертолетами), которые могут одновременно поддерживать как силы территориальной обороны, так и кризисного реагирования.

Чем обусловлены данные долгосрочные тенденции, особенно редукции внутри родов вооруженных сил? Королевство вплотную подошло к «потолку» роста всех ключевых военных показателей при условии сохранения имеющейся модели развития. Так, суммарно от всей численности населения страны (5,28 млн) действующие вооруженные силы (20–21 тыс.) составляют 0,4 %, а с учетом резервистов (30 тыс.) – примерно 1 %, что является высоким показателем для евро-атлантического сообщества. Норвегия занимает в НАТО второе место после США (!) по объему военных расходов на одного жителя – почти 1,5 тыс. долларов (см. табл. 3).

Имея столь высокие показатели, Норвегии намного сложнее, чем Германии, наращивать как численность вооруженных сил, так и расходы на оборону. Пересмотр этого положения будет означать отказ (как минимум частичный) от модели государства «всеобщего благоденствия», к чему, как показывает направленность планов долгосрочного военного строительства, норвежское военно-политическое руководство не готово. Единственная возможность реализации данного сценария – это возникновение мощного «стратегического шока» для безопасности Норвегии.

В этой связи Королевство выбрало путь реализации нелинейных решений по существенному увеличению собственного военного потенциала:

– выстраивание системы «всеобщей обороны» (Total Defence), концепция которой основывается на активной поддержке граждан-

Таблица 3. Ключевые военные показатели Норвегии

Table 3. Key military indicators of Norway

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Общие военные расходы (в текущих ценах), млн долл.	7,232	7,143	7,407	7,337	5,816	6,064	6,463	7,266
Общие военные расходы (в ценах 2010 г.), млн долл.	6,530	6,556	6,659	6,947	6,833	7,281	7,458	7,890
Доля расходов на оборону, %	1,51	1,47	1,48	1,51	1,46	1,54	1,55	1,61
Прирост расходов на оборону, %	+0,47	+0,40	+1,57	+4,32	-1,63	+6,55	+2,43	+5,79
Военные расходы на душу населения, долл.	1 318	1 306	1 311	1 352	1 316	1 391	1 413	1 483
Численность личного состава	21	21	20	21	21	20	20	20
<i>Структура военных расходов (100 %)</i>								
Разработка и закупка ВиВТ, %	17,04	17,76	18,89	21,17	22,49	24,05	24,70	26,77
Содержание личного состава, %	43,43	42,38	41,02	39,36	38,70	37,28	36,10	34,32
Развитие военной инфраструктуры, %	4,22	4,86	5,64	6,00	5,60	6,96	7,35	7,97
Другие статьи, %	35,31	35,00	34,45	33,46	33,21	31,71	31,84	30,94

Примечание. Составлено по: [11, р. 5–11].

ским обществом и институциями вооруженных сил, особенно в случае возникновения военно-политического кризиса;

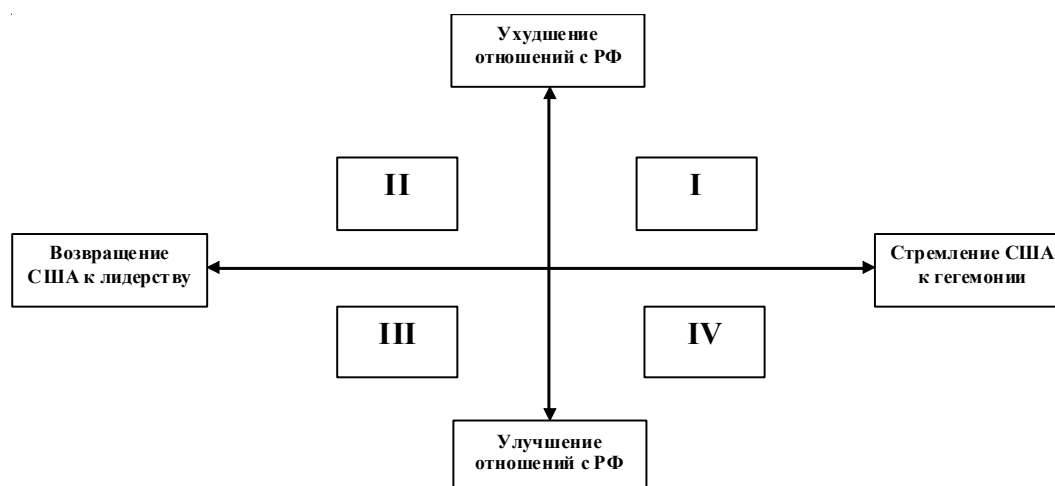
– обеспечение развертывания военного присутствия государств-партнеров в следующих основных формах: ротационном (с трансформацией в постоянное на перспективу) и оперативного получения масштабной помощи посредством использования отлаженных военно-логистических цепочек. Первая форма реализуется США, вторая – ФРГ. Так, на территории Финнмарка дислоцированы подразделения Корпуса морской пехоты США, численность которых в 2018 г. была увеличена с 330 до 700 военнослужащих [15]. В ходе учений «Trident Juncture 2018» была отработана переброска крупной группировки бундесвера (8,8 тыс. военнослужащих и четыре тысячи (!) единиц боевой и вспомогательной техники) на территорию Королевства [7, с. 21–22; 28], то есть выстроена двусторонняя военно-логистическая цепочка. В период «классической» холодной войны в Норвегии отсутствовали контингенты государств-партнеров по НАТО, что указывает на растущую значимость Королевства в системе военного планирования евроатлантического сообщества в целом.

Результаты. Специфика развития Альянса, «сохраняющего потенциал нестабильности» [24, р. 159], показывает, что из трех обозначенных в начале статьи факторов – достижение «дна» количественных параметров вооруженными силами европейских стран-уча-

стниц НАТО; стратегического ухудшения отношений Запада с РФ и глубокой трансформации роли США (от лидерства – к гегемонии) в евроатлантическом сообществе – первый является константой при любом развитии событий. Два других расположим по осям координат, что формирует четыре сценария (см. рисунок).

Трансформация вооруженных сил *Германии* соответствует координатам полей II и III (последнего – особенно после 2027 г.). Менее выгодны для ФРГ сценарии IV и особенно I – переход США к гегемонии станет серьезным препятствием на пути реализации лидерских амбиций Германии внутри евроатлантической региональной подсистемы (в том числе как «рамочной нации» группировок НАТО в Европе), равно как и на мировом уровне. При этом бундесвер являет собой пример единственных (из всех рассмотренных) вооруженных сил, способных к 2030-м гг. успешно использоваться при любом из сценариев без изменения заданного вектора перспективного строительства.

Исходя из заложенной схемы развития вооруженных сил *Норвегии*, ей наиболее выгодны сценарии II, I, а также IV. При любом из них королевство получает возможность опираться на помощь партнеров по НАТО для решения актуальных задач внешней политики в акватории СЛО. Менее выгоден официальному Осло сценарий III, ибо он потребует резкого наращивания собственных усилий

Сценарии развития отношений Запад – Россия
Scenarios for the development of West-Russia relations

(вследствие уменьшения поддержки по линии партнеров НАТО) и перенаправления части усилий на географически весьма удаленные направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов, Д. А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор / Д. А. Данилов // Современная Европа. – 2017. – № 1 (73). – С. 10–21. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120171021>.

2. Дегтярёв, Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира / Д. А. Дегтярёв. – М. : РУСАЙНС, 2020. – 214 с.

3. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / под ред. М. В. Александрова, О. Е. Родионова. – М. : МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.

4. Никитин, А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы / А. И. Никитин // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 32–46. – DOI: [10.17967/jpps/2018.06.03](https://doi.org/10.17967/jpps/2018.06.03).

5. Останков, В. И. Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности / В. И. Останков // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке : сб. науч. ст. / ред. генерал-полковника Ю. Н. Балувеского. – М. : ЦВСИ, 2004. – С. 210–226.

6. Трунов, Ф. О. Изменение роли ФРГ в Европе и мире в реалиях новой холодной войны: политико-военное измерение / Ф. О. Трунов // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1 (105). – С. 85–109. – DOI: [10.31249/ape/2020.01.05](https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.05).

7. Трунов, Ф. О. Роль Норвегии в военном планировании НАТО на современном этапе / Ф. О. Трунов // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2020. – № 56 (72). – С. 20–23.

8. Beer, J. Machen 34 Projekte die EU verteidigungsfähig? – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/pesco-machen-34-projekte-die-eu-verteidigungsfähig-16083341.html> (date of access: 25.05.2020). – Title from screen.

9. Briefing Macron’s view of the world // The Economist. – 2019. – 9 Nov. – P. 17–20.

10. Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

11. Defence Expenditures of NATO Countries (2011–2018). – Electronic text data. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180709_180710-pr2018-91-en-pdf (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

12. Division Schnelle Kräfte. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnellekraefte> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

13. Einsatzflottille 2. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

14. German military strength. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=germany (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

15. Gotkowska, J. US Marines in northern Norway / J. Gotkowska. – Electronic text data. – Mode

of access: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-06-20/us-marines-nothern-norway-0> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

16. Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

17. Konzeption der Bundeswehr, 2018. – Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2018. – 42 s.

18. Major, C. Beyond the NATO Summit: Why There Is Long-Term Transatlantic Trouble Ahead / C. Major. – Electronic text data. – Mode of access: <http://atlantic-community.org/beyond-the-nato-summit/> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

19. Major, C. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung / C. Major. – Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2019. – 42 s.

20. Major, C. Ein schwieriger Gipfel für die NATO / C. Major // SWP-Aktuell. – 2018. – No. 33 (Juni). – S. 1–4.

21. Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr Veröffentlichungs. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

22. Norwegian Armed Forces in transition. Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. – Oslo : Ministry of Defence, 2015. – 23 p.

23. Panzerdivision. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

24. Ponomareva, E. Quo Vadis, Serbia? / E. Ponomareva // Russia in Global Affairs. – 2020. – № 1 (69). – January/March. – P. 158–179. – DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179.

25. Rudolf, P. US-Geopolitik und nukleare Abschreckung in der Ära neuer Großmachtrivalitäten / P. Rudolf. – Berlin : Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2018. – 28 p.

26. The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin : Federal Ministry of Defense, 2009. – 120 p.

27. Torkunov, A. Russia and the United States in the evolving world order / eds.: A. Torkunov, N. Noonan, T. Shakleina. – Moscow : MGIMO-University, 2018. – 414 p.

28. Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe!/ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyE1SatKjIoiQNT-mUsJJiLTSSk0kMfvpGcN-keBnZm91s

WBFXBGDn1nfS9NXIIfSPiW8r4kZMdfzEECP4yaotQRixDZzh8m9EhBitVIKGVhQawKCrjCqGGgQIpaPWGu1n9dr4PmjnpLcuGq3zw5y8nAtJ1CtoEM5STJdT-JPGeZyQsmlWplcZ-JCTfC-7sp2fhuYujRr03rbJzxfOSvLbfcFvJpnA!!/dz/d5/L2dBISvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O5201006 (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

29. Truppen-Aufstockung auf 203.000 Mann: Bundeswehr auf der Suche nach neuen Soldaten. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.shz.de/deutschland-welt/politik/Aufstockung-Bundeswehr-auf-der-Suche-nach-neuen-Soldaten-id21813272.html> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

30. US Military to Send 1,500 More Soldiers to Germany by Late 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.voanews.com/a/us-military-to-send-1-500-more-soldiers-to-germany-by-late-2020/4561891.html> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

31. Wales Summit Declaration. 5 September 2014. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

32. Warsaw Summit Communiqué. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

33. Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. – Berlin : Bundesregierung, 2016. – 143 s.

34. Why Poland wants a permanent US military base, and is willing to pay \$2 billion for it. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.armytimes.com/news/2018/05/29/why-poland-wants-a-permanent-us-military-base-and-is-willing-to-pay-2-billion-for-it> (date of access: 25.07.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Danilov D.A. Global'naya strategiya ES: vostochnyj vector [EU Global Strategy: Eastern Direction]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2017, no. 1 (73), pp. 10-21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120171021>.

2. Degtyaryov D.A. *Ocenka sovremennoj rasstanovki sil na mezhdunarodnoj arene i formirovanie mnogopolyarnogo mira* [Assessment of the Current Balance of Power in the International Arena and the Formation of a Multipolar World]. Moscow, RUSAJNS Publ., 2020. 214 p.

3. Aleksandrov M.V., Rodionov O.E., eds. *Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam* [World in the

XXI Century: Forecast of the International Situation Development by Countries and Regions]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2018. 768 p.

4. Nikitin A.I. Sovremennyy miroponyadok: yego krizis i perspektivy [Modern World Order, Its Crisis and Prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polic. Political Studies], 2018, no. 6, pp. 32-46. DOI: 10.17967/jpps/2018.06.03.

5. Ostankov V.I. Uspeshnoye resheniye problem stroitelstva Vooruzhennich Sil – vazhneisheye usloviye obespecheniya nacionalnoyi bezopasnosti [The Successful Solution of the Problems of Building the Armed Forces Is the Most Important Condition for Ensuring National Security]. Baluevskiy Yu.N., ed. *Voennaya bezopasnost' Rossijskoi Federatsii v XXI veke: sb. nauch. st.* [Military Security of the Russian Federation in the XXI Century. Collection of Scientific Articles]. Moscow, TsVSI, 2004, pp. 210-226.

6. Trunov Ph.O. Izmenenie roli FRG v Evrope i mire v realiyah novoj holodnoj vojny: politiko-voennoe izmerenie [Political and Military Aspects of the Changing Role of the FRG in Europe and the World in the Context of the New Cold War]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 1 (105), pp. 85-109. DOI: 10.31249/ape/2020.01.05.

7. Trunov Ph.O. Rol' Norvegii v voennom planirovanii NATO na sovremennom etape [Norway's Role in NATO Military Planning at the Present Stage]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy* [European Security: Events, Assessments, Forecasts], 2020, no. 56 (72), pp. 20-23.

8. Beer J. *Machen 34 Projekte die EU verteidigungsfähig?* URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/pesco-machen-34-projekte-die-eu-verteidigungsfahig-16083341.html> (accessed 25 May 2020).

9. Briefing Macron's View of the World. *The Economist*, 2019, November 9, pp. 17-20.

10. *Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen.* URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (accessed 25 July 2020).

11. *Defence Expenditures of NATO Countries (2011–2018).* URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180709_180710-pr2018-91-en-pdf (accessed 25 July 2020).

12. *Division Schnelle Kräfte.* URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (accessed 25 July 2020).

13. *Einsatzflottille 2.* URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2> (accessed 25 July 2020).

14. *German Military Strength.* URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=germany (accessed 25 July 2020).

15. Gotkowska J. *US Marines in Northern Norway.* URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-06-20/us-marines-northern-norway-0> (accessed 25 July 2020).

16. *Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel.* URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (accessed 25 July 2020)

17. *Konzeption der Bundeswehr, 2018.* Berlin, Bundesministerium der Verteidigung, 2018. 42 p.

18. Major C. *Beyond the NATO Summit: Why There Is Long-Term Transatlantic Trouble Ahead.* URL: <http://atlantic-community.org/beyond-the-nato-summit/> (accessed 25 July 2020).

19. Major C. *Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung.* Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2019. 42 p.

20. Major C. Ein schwieriger Gipfel für die NATO. *SWP-Aktuell*, 2018, no. 33 (Juni), S. 1-4.

21. Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr Veröffentlichungs. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (accessed 25 July 2020).

22. *Norwegian Armed Forces in Transition. Strategic Defence Review by the Norwegian Minister of Defence.* Oslo, Ministry of Defence, 2015. 23 p.

23. *Panzerdivision.* URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (accessed 25 July 2020).

24. Ponomareva E. Quo Vadis, Serbia? *Russia in Global Affairs*, 2020, no. 1 (69), January/March, pp. 158-179. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179.

25. Rudolf P. *US-Geopolitik und nukleare Abschreckung in der Ära neuer Großmachtrivalitäten.* Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2018. 28 p.

26. *The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad.* Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

27. Torkunov A., Noonan N., Shakleina T., eds. *Russia and the United States in the Evolving World Order.* Moscow, MGIMO-University, 2018. 414 p.

28. *Trident Juncture: Ein Starkes Signal der NATO.* URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe!/ut/p/z1/hY_NCoMWEITfyE1SatKjIoIQtNT-mUsJJiLTSsk0kMfvpGCN-keBnZm91sWBFxBGDn1nfs9NXIIfSPiW8r4kZMdIfzEECP4yaotQRixDZzh8m9EhBitVIKgVhqawKCrjCqGGgQIpaPWGu1n9dr4PmjnpLcuGq3zw5y8nAtJ1CtoEM5STJdT-JPGeZYQSmIwPlcZ-JCTfC-7sp2fhuYujRr03rbJzxifOSvLbfcFc VJpnA!!!/dz/d5/L2dBISevZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (accessed 25 July 2020).

29. *Truppen-Aufstockung auf 203.000 Mann: Bundeswehr auf der Suche nach neuen Soldaten*. URL: <https://www.shz.de/deutschland-welt/politik/Aufstockung-Bundeswehr-auf-der-Suche-nach-neuen-Soldaten-id21813272.html> (accessed 25 July 2020).

30. *US Military to Send 1,500 More Soldiers to Germany by Late 2020*. URL: <http://www.voanews.com/a/us-military-to-send-1-500-more-soldiers-to-germany-by-late-2020/4561891.html> (accessed 25 July 2020).

31. *Wales Summit Declaration. 5 September 2014*. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed 25 July 2020).

32. *Warsaw Summit Communiqué*. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed 25 July 2020).

33. *Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr*. Berlin, Bundesregierung, 2016. 143 S.

34. *Why Poland Wants a Permanent US Military Base, and Is Willing to Pay \$2 Billion for It*. URL: <https://www.armytimes.com/news/2018/05/29/why-poland-wants-a-permanent-us-military-base-and-is-willing-to-pay-2-billion-for-it> (accessed 25 July 2020).

33. *Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr*. Berlin, Bundesregierung, 2016. 143 S.

34. *Why Poland Wants a Permanent US Military Base, and Is Willing to Pay \$2 Billion for It*. URL: <https://www.armytimes.com/news/2018/05/29/why-poland-wants-a-permanent-us-military-base-and-is-willing-to-pay-2-billion-for-it> (accessed 25 July 2020).

Information About the Authors

Andrey V. Manoilo, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Prosp. Nakhimovskiy, 51/21, 117997 Moscow, Russian Federation, cyberhurricane@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8142-9110>

Elena G. Ponomareva, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, nastya304@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8370-8597>

Philipp O. Trunov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Prosp. Nakhimovskiy, 51/21, 117997 Moscow, Russian Federation, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

Информация об авторах

Андрей Викторович Манойло, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117997 г. Москва, Российская Федерация, cyberhurricane@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8142-9110>

Елена Георгиевна Пономарева, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, nastya304@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8370-8597>

Филипп Олегович Трунов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117997 г. Москва, Российская Федерация, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

www.volsu.ru

СПЕЦСЛУЖБЫ

И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.8>

UDC 94(47+57)“1938”:327

LBC 63.3(2)614-6

Submitted: 19.06.2020

Accepted: 31.08.2020

WARS AND REGIONAL CONFLICTS
IN SOVIET INTELLIGENCE REPORTS OF 1938

Niyazi S. Niyazov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Galina Yu. Niyazova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The objective of the research is to show that the activity of Soviet secret service on presenting intelligence information to USSR policymakers in the interwar period contributed to strengthening security of the Soviet Union and influenced the shaping of its foreign policy. *Methods and materials.* Taking into consideration the type of empiric material we chose the historic genetic method as a scientific method of the research, as it gives an opportunity to reveal the cause-effect link between the episodes and to study subjective and objective factors of historical events. The research is based on sources kept in the Central State Navy Archive and the Saint Petersburg Central State Archive of Historical-Political Documents. *Analysis and results.* This part deals with the documents sent to the USSR from zones of regional conflicts in Spain and China in the 1930s and after the beginning of the crisis in Czechoslovakia in 1938. It is noteworthy that the sources of the Soviet intelligence agency were close to Chiang Kai-shek and his wife Soong May-ling, and got access to the reports of American attaché to the U.S. State Department. *Conclusion.* The authors state that the diversified information sent by the Soviet intelligence agency revealed wrong views of Soviet political leaders on the character of the future war, showing that potential allies were not willing to get rid of their interests to receive military and economic aid from the USSR.

Key words: Soviet intelligence, international relations, regional conflicts, Spanish civil war, Sino-Japanese war, Czechoslovakia dissolution.

Citation. Niyazov N.S., Niyazova G. Yu. Wars and Regional Conflicts in Soviet Intelligence Reports of 1938. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 82-92. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.8>

УДК 94(47+57)“1938”:327

ББК 63.3(2)614-6

Дата поступления статьи: 19.06.2020

Дата принятия статьи: 31.08.2020

ВОЙНЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
В ДОНЕСЕНИЯХ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ 1938 ГОДА

Ниязи Сабир Ниязов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Ниязов Н.С., Ниязова Г.Ю., 2021

Галина Юрьевна Ниязова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Цель работы – показать, что деятельность советских спецслужб по предоставлению руководству СССР разведывательной информации в межвоенные годы способствовала упрочению безопасности Советского Союза и влияла на формирование его внешней политики. С учетом содержания эмпирического материала, привлеченного к исследованию, в качестве ключевого научного метода нами был выбран историко-генетический, который позволяет выявлять причинно-следственные связи событий, а также дает возможность рассмотреть субъективные и объективные факторы изучаемых исторических событий. Работа написана на материале источников архивного хранения, содержащихся в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГВМФ) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). В статье анализируется содержание документов, направленных в СССР в 1938 г. из зоны региональных конфликтов в Испании и Китае, а также после начала чехословацкого кризиса. Примечательно, что источники советской разведки находились в окружении Чан Кайши и его жены Сун Мэйлин, а также имели доступ к донесениям американского морского атташе в Китае Госдепу США. В заключении авторы приходят к выводу, что донесения советской разведки демонстрировали несостоятельность взглядов политического руководства СССР на характер будущей войны, в том числе показывая, что даже потенциальные союзники не готовы были отказаться от своих интересов ради получения помощи от СССР.

Ключевые слова: советские спецслужбы, международные отношения, региональные конфликты, испанская гражданская война, Японо-китайская война, раздел Чехословакии.

Цитирование. Ниязов Н. С., Ниязова Г. Ю. Войны и региональные конфликты в донесениях советских спецслужб 1938 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 82–92. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.8>

Введение. Идея этой публикации родилась в декабре 2012 г. во время участия авторов в работе ежегодных всероссийских исторических чтений «Гороховая, 2», проводимых в Санкт-Петербурге и посвященных деятельности отечественных спецслужб.

Стать участниками этого форума мы смогли благодаря приглашению доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Бориса Анатольевича Старкова, являющегося одним из известных российских ученых, профессионально изучающих историю не только НКВД-МГБ-КГБ, но и контрразведчиков времен Российской империи [10].

В работе форума принимал участие и руководитель общественной организации «Лига офицеров запаса государственной безопасности», полковник ФСБ в отставке, Юрий Леонидович Климчицкий. Во время обсуждения выступлений участников именно он обратил внимание на то, что вклад сотрудников отечественных спецслужб в обеспечение безопасности страны часто оценивается через призму художественных произведений, в которых герой добывает некий главный секрет врага, в то время как в реальности разведчи-

кам и контрразведчикам приходится очень много работать с обычной информацией, верный анализ и изучение которой дает возможность получить необходимые данные для обеспечения безопасности государства и защиты ее интересов на международной арене. Особенно это важно, когда страна находится на пороге войны или же уже вступила в нее.

Справедливость этой точки зрения стала находить свое подтверждение по мере продвижения нашей работы над текстом данной статьи. К нашему большому сожалению, в апреле 2014 г. Ю.Л. Климчицкий скоропостижно скончался и мы не сможем выполнить свое обещание и первым познакомить его с результатами нашего исследования, но мы надеемся, что данная публикация станет данью памяти ему, а в его лице и другим сотрудникам отечественных спецслужб, верно служившим своей стране.

Вместе с тем мы особо хотим отметить, что исследование не ставит своей целью изучение особенностей действий советских спецслужб в Испании, Китае или Европе, не анализирует методы их работы, не дает оценку их удачным операциям или провалам. Мы старались лишь показать, какая «картинка» войн

и региональных конфликтов отражалась в различных документах, полученных по линии спецслужб в межвоенные годы.

Методы и материалы. Общее количество научной, научно-популярной и мемуарной литературы, посвященной деятельности советских спецслужб, насчитывает тысячи наименований. В ряду последних работ, посвященных деятельности советских спецслужб в Испании, мы бы хотели выделить статью А.Ю. Федорова «НКВД в гражданской войне в Испании» [12; 13]. Особенности работы советской разведки на дальневосточном направлении раскрыты в монографии историка-китаеведа В.Н. Усова «Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века» [16]. Довольно интересная, но в то же время дискуссионная точка зрения на деятельность советских спецслужб на международной арене и на их место в сталинской модели развития государства представлена в книге Ю.М. Фролова «Великая сталинская империя» [15].

Серьезная работа по изучению трудов отечественных ученых, в которых освещается история советской разведки в предвоенные годы, проделана в статье И.С. Фежердинова «Советская разведка накануне Великой Отечественной войны» [14]. В ряду мемуарной литературы можно выделить неоднократно переизданную и ставшую уже хрестоматийной книгу А.П. Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» [11].

Основную часть эмпирической базы данного исследования составили источники архивного хранения из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГВМФ) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), при этом авторы старались сохранить в первоначальном виде орфографию и стиль цитируемых документов. Все использованные в работе документы датированы 1938 г., когда события в Испании, Китае, Чехословакии стали восприниматься как предзнаменования новой мировой войны.

С учетом содержания эмпирического материала, привлеченного к исследованию, в качестве основного научного метода нами был выбран историко-генетический, который позволяет выявлять причинно-следственные

связи событий, а также дает возможность рассмотреть субъективные и объективные факторы изучаемых исторических событий.

Анализ и результаты. *От тайги до британских морей... вихри враждебные веют над нами?* Традиционно война воспринимается как столкновение вооруженных формирований противостоящих сторон, где на исход влияет огромное количество факторов – экономических, технологических, политических, социальных и т. д. Крушение четырех империй в годы Первой мировой войны и серьезное ослабление влияния на международную политику оставшихся империй превратило вопросы подготовки к войне в межвоенные годы в приоритетную задачу многих стран, включая и СССР.

При этом советское политическое руководство во главе с И. Сталиным было убеждено в том, что сама природа капиталистического мира, в том числе конкурентная борьба внутри него, включая борьбу за сырье и сферы влияния, будет подталкивать его к войне [8, с. 248]. На XVII съезде партии И.В. Сталин уже предметно обозначает потенциальных противников страны и говорит о военных кругах Японии и политических руководителях некоторых стран Европы, которые «думают разбить СССР, поделить его территорию и поживиться за его счет», но при этом он заявляет о том, что такая война приведет к революции в ряде стран Европы и Азии [9, с. 296–297].

В любом случае вопросы подготовки к войне, причем во враждебном окружении, стали задачей номер один для советского государства. При этом необходимо было понять, каким будет характер предстоящей войны, какие средства вооруженной борьбы будут играть в нем решающую роль, какие политические силы могут стать потенциальными союзниками в войне с противниками СССР, какие идеологические, экономические и социальные факторы будут оказывать влияние на исход войны. Ответы на эти вопросы давали не только исследования военных специалистов, экономистов, дипломатов, но и донесения советских спецслужб из зоны региональных конфликтов. Последние не обязательно включали информацию какой-то особой важности, но их содержание, вкупе с другими данными, позволяло создать довольно точную «картину» будущей войны, а

это должно было позволить избежать ситуации, которая в приписываемой У. Черчиллю английской поговорке звучит как «генералы всегда готовятся к прошедшей войне».

В связи с этим совсем неслучайно в зону военных конфликтов межвоенных лет за советскими советниками, а то и раньше них, отправлялись советские разведчики. Знакомство с документами советских спецслужб, использованными в этой работе, укрепили нашу убежденность в том, что политическое и военное руководство страны получало разноплановую информацию из зоны конфликтов, которая могла помочь нарисовать картину будущей войны. Но последующие события показали, что не все добытые разведкой данные были эффективно использованы для подготовки страны к будущей войне.

Давно ль по-испански Вы начали петь?
С начала гражданской войны в Испании СССР начал оказывать законному правительству этой страны разнообразную помощь, включая отправку различных систем вооружения и военных специалистов. По мнению В.В. Малай, «для СССР вмешательство в испанский конфликт... давало шанс “демонстрации силы” и было попыткой заставить с ним считаться в условиях надвигающейся войны» [2, с. 34]. Легендарный А.П. Судоплатов отмечал, что «эта страна сделалась своего рода полигоном, где опробовались и отрабатывались наши будущие военные и разведывательные операции» [11, с. 34]. Хорошо известно, что советская помощь на начальном этапе гражданской войны позволила упрочить позиции республиканцев, но к осени 1938 г., после того как они потерпели ряд поражений от франкистов, стало очевидно, что дни Второй Испанской республики сочтены. Именно в это трагическое время на имя Народного комиссара ВМФ М.П. Фриновского за подписью заместителя начальника Разведывательного управления РККА А.Г. Орлова поступил доклад, составленный участниками боевых действий в Испании капитаном 3-го ранга Абрамовым, капитан-лейтенантом Кузьминым и инженером Палиловым.

В документе, составленном моряками под руководством военной разведки, давалась оценка деятельности противоборствующих сторон на море и выдвигались предложения

по усилению боевых возможностей советского Военно-морского флота. Так, оценивая эффективность воздушных ударов по кораблям, авторы отмечали, что советская военная печать недооценивает эффективность авиационных ударов по морским целям, а реальные боевые действия свидетельствуют об обратном [1, л. 24]. Для иллюстрации своих слов моряки докладывали о том, как в результате взрыва авиационной бомбы в 10–15 м от Эсминца «Гравина», когда не было даже прямого попадания в корабль, были повреждены соединения борта с нефтяными ямами, которые в свою очередь дали течь. После этой атаки ремонт корабля длился почти месяц, а другое судно было серьезно повреждено, когда две бомбы разорвались на расстоянии до 11 м от борта корабля, что привело к деформации корпуса крейсера «Сервантес» и выходу из строя одной из его турбин, но так как «модели и чертежи турбины находятся в фашистской базе Ферроль, то турбина восстановлена быть не может» [1, л. 24].

Сам собой напрашивался вывод о необходимости усиления системы ПВО военных объектов, но опыт боевых действий испанской гражданской войны показывал, что важнейшей проблемой будущей войны станет также защита и гражданского населения от ударов с воздуха. При этом военные моряки осознавали, что на войне действия вражеской авиации не могут быть полностью нейтрализованы силами противовоздушной обороны и поэтому настойчиво предлагали безотлагательно начать строительство бомбоубежищ для гражданского населения, способных выдержать прямое попадание бомб весом от 500 до 1000 кг, снабженных к тому же системой защиты от химического оружия. Авторы доклада отмечали, что «применение... у нас подвалов при домах ни в коем случае не обеспечивает население» [1, л. 29]. К сожалению, их рекомендации не были востребованы и подобного рода защитные сооружения так и не были построены в достаточном количестве вплоть до начала войны даже в столице СССР. Возможно, это было связано с уверенностью советской стороны в силах своих ВВС и системы ПВО.

На наш взгляд, гораздо более интересная информация содержалась в заключитель-

ной части доклада, касающейся взаимоотношений испанцев с советскими советниками и дающей оценку качественному уровню подготовки офицеров республиканского флота. Из текста сообщения становится очевидным, что взаимоотношения военных в республиканском лагере были даже более противоречивыми и драматичными, чем взаимоотношения политиков. Так, авторы доклада отмечали, что матросы республиканского флота хорошо относятся к советским военным специалистам [1, л. 39]. В отличие от них, офицеры выстраивали отношения с советскими «добровольцами» в зависимости от своих политических симпатий, и они по-разному относились к факту советской военной помощи. Согласно содержанию документа небольшая часть испанских офицеров готова была работать с советскими советниками и понимала роль СССР в оказании военной помощи Испании, другая часть, тоже небольшая, наоборот, «открыто враждебно относится к нашим товарищам, ведя разговоры между собой, а иногда и в присутствии русских, что война так долго длится потому, что в Испании русские» [1, л. 39].

Росту взаимного недоверия между советскими советниками и испанскими офицерами способствовала и различная среда их культурного воспитания. Кадровым испанским военным была присуща выработанная веками аристократическая модель поведения в быту и на службе при слабом знании... современных достижений военной науки и боевых возможностей техники. Советский же офицерский корпус воспитывался в рамках бессословного общества, где после Октябрьской революции было ликвидировано всякое почтительное отношение к дворянским званиям и регалиям. Но при этом в СССР был создан культ образования, науки и техники, благодаря чему советские советники знали о военном деле и его достижениях гораздо больше, чем их родовитые испанские коллеги. В связи с этим неудивительно указание в документе на разговор испанских комиссаров «о том, что испанская нация самая культурная и тут же сравнивали своих офицеров с нашими командирами» [1, л. 39].

Еще одним камнем преткновения было то, что испанцы прекрасно осознавали, что, даже выполняя свой «интернациональный

долг», советские специалисты «просто приезжают сюда учиться, получают здесь опыт и используют его у себя» [1, л. 39].

С гораздо большей теплотой советские специалисты говорят об испанских матросах, которые, посмотрев советские фильмы о флоте, такие как «Гибель эскадры» и «Мы из Кронштадта», прониклись идеей самопожертвования во имя Республики и социализма, в том числе заявляя о том, что в случае победы Франко необходимо на подводных лодках прорываться в СССР. Такие идейные бойцы даже начинали изучать русский язык. Растираивало сторонников Республики и то, что Испания не имела общей границы с Советским Союзом, так как это, по их мнению, гарантировало бы разгром Франко и поддерживающего его Муссолини. По их мнению, именно наличие общей границы СССР с Китаем должно было привести к тому, что Япония «будет побеждена в Китае» [1, л. 43–44]. Вместе с тем готовность СССР оказывать помощь Китаю приводила к тому, что ряд испанских офицеров считал, что «Советский Союз увлекся Китаем и забыл Испанию, перестав ей помогать» [1, л. 43].

Но разведка доложила точно. Тем временем события в самом Китае принимали драматический оборот, и поэтому неудивительно, что советская разведка активизировала свою деятельность и в этом направлении, стремясь проникнуть в секреты как противостоящих друг другу Японии и Китая, так и стран, так или иначе вовлеченных в конфликт.

Начало Японо-китайской войны для СССР означало, что Страна восходящего солнца вынуждена будет отвлечь свои силы от советских дальневосточных границ и направить их на покорение Китая. Именно поэтому для советской стороны, впрочем, как и для другой державы Азиатско-Тихоокеанского региона – США, было очень желательно, чтобы Японо-китайская война приняла затяжной характер.

Однако подобное развитие событий совершенно не устраивало Великобританию и Францию, справедливо полагающих, что затяжной характер войны бьет по их экономическим интересам в регионе. В связи с этим неудивительно, что они стремились добиться скорейшего разрешения японо-китайского конфликта, пусть даже путем поражения Китая.

Опыт подобного разрешения конфликтов английская дипломатия получила после «урегулирования» судетского вопроса осенью 1938 года. Для СССР английское миротворчество, за эталон которого брался мюнхенский сценарий, было неприемлемо. Москва считала, что подобная политика может привести к созданию единого антисоветского фронта вдоль как западных, так и восточных границ СССР.

Еще 18 сентября 1938 г., за 11 дней до начала Мюнхенской конференции, советская разведка из Китая сообщала о том, что некий представитель японского правительства обратился к британскому консулу в Гонконге с предложением стать посредником в переговорах между Японией и Китаем. В качестве проявления знака доброй воли Япония якобы обещала не требовать от Китая присоединения к Антикоминтерновскому пакту и признания захвата Маньчжурии Японией, но взамен Токио хотел получить полную свободу рук в экономической сфере в Северном Китае. Кроме того, японцы обосновывали свое решение приступить к переговорам из-за того, что продолжающаяся война ведет к росту популярности китайских коммунистов. Согласно сообщению английский консул «положительно оценил намерения Японии и изъявил согласие на посредничество» [6, л. 3].

В подобной обстановке многое зависело от позиции китайского руководства, поэтому Москве было важно знать, что на самом деле думает Чан Кайши о возможности продолжения борьбы с японцами и о сотрудничестве с СССР. Известно, что еще 14 декабря 1937 г. советская разведка сумела «получить информацию о совещании высшего руководства Китая, на котором Чан Кайши публично назвал СССР “единственным союзником Китая в войне с Японией” и заявил, что «сейчас все надежды Китая на Англию и Америку лопнули» [3, с. 61]. В сентябре 1938 г. новые донесения советской разведки, казалось бы, подтверждали, что советско-китайские отношения являются надежными и союзническими. Так, в спецсообщении Разведывательного Управления РККА указывалось на то, что во время частной беседы генерал Ли Цзун-жэн, говоря о советско-китайских отношениях и о деятельности прояпонских сил в Китае, отметил, что Чан Кайши утверждает, что советс-

ко-китайские отношения прочны, а война Китая с Японией оказывает помощь СССР тем, что «освобождает его от забот на Дальнем Востоке... Японофилы и предатели бессильны». Правда, далее он делает довольно противоречивое заявление о том, что Китай не возлагает особых надежд на СССР, а надеется получать от него военную помощь, при этом Чан Кайши говорил, что мы «требуем... снабдить нас 400 самолетами» [6, л. 5]. Можно смело предположить, что такая, почти ультимативная форма требований к СССР, высказанная китайским руководителем, не пришлась по вкусу советской стороне.

Не укрылось от советских разведчиков и то, что говорил Чан Кайши на заседании членов Генерального штаба Гоминдана. В частности, его заявление о том, что германские советники при китайской армии совершили предательство, что привело к падению Нанкина и крепости Матан [6, л. 5], наверняка было воспринято в СССР как доказательство того, что японо-германские союзнические отношения, зафиксированные в Антикоминтерновском пакте 1936 г., представляют эффективный механизм взаимодействия агрессоров в их борьбе не только с Китаем, но и Советским Союзом. Казалось, что эти сообщения доказывали если не лояльность китайского лидера СССР, то хотя бы его готовность продолжить борьбу с японцами.

Однако были и другие данные, добытые советскими разведчиками, которые могли подтолкнуть советское руководство к мысли, что возможно китайцы ведут свою игру и в конечном итоге склонны к достижению соглашения с японцами за спиной СССР. В частности, в октябре 1938 г. советской разведке стало известно, что в Ханькоу прибыл глава католических миссий в Китае, епископ Жакино. Он собирался встретиться с Чан Кайши и рассказать ему о том, как возглавляемая им структура оказывает помощь китайским беженцам. Советская разведка была уверена в том, что за визитом стоят Франция, США и Англия, которые хотят, чтобы Чан Кайши объявил о демилитаризации Ханькоу. Более того, по мнению советской разведки, названные страны хотели, чтобы прилегающие к городу территории были объявлены нейтральной зоной. В донесении отмечалось, что суп-

руга Чан Кайши Сун Мэйлин обещала Жакино рассказать об этой идее мужу и что сами переговоры были согласованы с японцами. Возможность реализации подобного сценария советские разведчики связывали с тем, что католическое духовенство в Китае имело большое влияние на жену Чан Кайши. Кроме того, серьезную озабоченность у советской стороны вызывала информация о том, что во время встречи с Жакино Сун Мэйлин заявила, что «коммунистическая опасность в Китае чрезвычайно велика и... выразила недоверие к политике СССР в отношении Китая и его помощи Китаю» [6, л. 25–26].

Вряд ли епископ Жакино мог одновременно работать и на Францию, и на Англию, и на США, в том числе в силу того, что перечисленные страны обладали противоположными интересами в Китае. В связи с этим данное сообщение должно было быть воспринято критично в Москве. Однако, как уже отмечалось, взгляды советского политического руководства на природу международных отношений были очень противоречивыми и по этой причине не всегда точно оценивалась информация, расходящаяся с ними. К тому же новые донесения о переговорах супруги Чан Кайши с епископом Жакино наверняка добавляли убежденности руководству СССР в том, что лидер Гоминьдана не очень благосклонен к Советскому Союзу. Так, в очередном сообщении Разведывательного управления РККА от 19 октября 1938 г. отмечалось, что советскими разведчиками получена копия письма, направленная Жакино жене Чан Кайши. В этом письме Жакино настаивает на том, что китайские формирования должны быть отведены от Ханькоу. Аргументом в пользу принятия этого решения, по его мнению, должно было стать то, что Ханькоу «не представляет ценности с военной точки зрения», а далее епископ, как заправский военный эксперт, предлагает отвести китайские войска за Янцзы в прилегающие города Учан (Ухань) и Ханьян (Хайнань) для создания более эффективной обороны. При этом Жакино очень раздражало то обстоятельство, что многие китайские патриоты выступали против сдачи Ханькоу японцам без боя. Таких людей Жакино в своем письме называл экстремистскими элементами Китая и указывал на то, что эти люди считают, что

лучше разрушить город, чем сдать его японцам. Трагичность ситуации заключается в том, что при этом Жакино пугал власти Китая, что в случае продолжения сопротивления «население останется без крова и весь мир осудит это, перестав симпатизировать Китаю». Не осталось вне поля зрения советской разведки, что Жакино успел побывать в Токио на встрече с членами японского кабинета. Отсюда делался вывод, что письмо Сун Мэйлин Жакино написал «под влиянием японцев и при содействии некоторых лиц китайского правительства, разделяющих пораженческие взгляды» [6, л. 31–32].

Бесспорно, содержание вышеприведенных донесений советской разведки напрямую не указывает на то, что Чан Кайши или его жена хотели предать интересы Китая или СССР, но убежденность советских разведчиков в том, что Жакино действует в интересах западных стран, а жена лидера Гоминьдана имеет с ним контакты, накладываясь на другую информацию, идущую из Китая, в том числе, например, о том, что жена Чан Кайши Сун Мэйлин «фактически командовала китайской авиацией... представляла к наградам китайских офицеров и вообще чувствовала себя правой рукой генералиссимуса» [5, с. 46], способствовала тому, что в представлениях политического руководства СССР, с подозрением относящегося к любым формам сотрудничества своих международных партнеров с другими странами, Чан Кайши становился политиком, готовым пойти на мир с японцами, что не соответствовало интересам СССР.

Донесения о встречах и контактах лидера Гоминьдана Чан Кайши и Сун Мэйлин с представителями других стран, международных организаций, с частными лицами и т. д. в конечном итоге наверняка добавили недоверия к Гоминьдану и Чан Кайши. Это в конце 1940-х гг. приведет к полной поддержке КПК во главе с Мао Цзэдуном со стороны СССР.

Как уже отмечалось, США тоже не хотели усиления Японии в Китае. В связи с этим и они старались добыть японские секреты, а когда это им удавалось, данные иногда оказывались и в распоряжении советской военной разведки.

В специальном сообщении Разведывательного управления РККА «О решениях пра-

вительственной конференции Японии», датированном 18 ноября 1938 г., говорилось о том, что, по американским данным, 10 октября на заседании высших правительственных и военных чинов Японии командующий Квантунской армии генерал Кэнкити Уэда заявил о том, что возможность столкновения с СССР миновала и по этой причине 6–8 дивизий могут быть переброшены из Манчжурии в Китай. В рамках подготовки кампании по установлению контроля над большей частью Китая 15 октября премьер-министр Фумимаро Коноэ в присутствии японского императора выступил с докладом, в котором он отмечал, что как минимум 9 месяцев Япония может действовать в Китае без оглядки на позицию других стран, но при этом характер боевых действий должен быть быстрым, а на северо-западе вообще необходимо воздержаться от активных действий, чтобы не раздражать СССР. Мир с китайской стороной возможен только в случае полной капитуляции войск Чан Кайши. По данным американской разведки, не исключалась «возможность переброски войск в Маньчжурию к весне 1939 года для войны против СССР» [6, л. 52–53].

С той же оперативностью советским разведчикам стало известно о содержании доклада американского морского атташе «министерству иностранных дел САСШ (Госдепу США. – Н. Н., Г. Н.)», в котором отмечалось, что Япония, начав вторжение на юг Китая, начала осуществлять давления на иностранные державы. При этом американский военный атташе совершенно справедливо указывал, что японцы используют в своих интересах напряженную обстановку, которая сложилась в Европе, так как из-за этого Англия и Франция стремятся защитить в Китае только свои экономические интересы. Воспользовавшись этим обстоятельством, японцы, по американским данным, планировали подготовить военно-морские и военно-воздушные базы на Тихом Океане на случай прямого столкновения с Англией и Францией. Принципиальным для советской стороны в этом донесении было то, что американский атташе в открытую говорил о том, что в случае дальнейшего пребывания А. Чемберлена «на посту главы английского правительства, подобные планы японцев вполне реальны». Касательно США мор-

ской атташе замечал, что Америка в японском плане не упоминается и, вероятнее всего, «японцы “любезно” разрешат Америке удалиться из Китая, поскольку американские экономические позиции там относительно слабы» [6, л. 54–55].

Осенью 1938 г. на ход японо-китайской войны начинает оказывать влияние... кризис вокруг Чехословакии. Китайские высшие должностные лица надеялись, что в результате противостояния Франции, Чехословакии и СССР, с одной стороны, и Германии – с другой, начнется мировая война, которая облегчит положение Китая [6, л. 16].

В эту ночь решили... мы, верно, уж поладим, коль рядом сядем. Обострение ситуации вокруг Чехословакии способствовало активизации советской разведки и на западном направлении. В сентябре 1938 г. СССР был заинтересован в получении достоверной информации о готовности к возможной войне как своих потенциальных союзников, так и противников.

Знакомство с содержанием информации, представленной советской разведкой в распоряжение руководства страны, позволяет утверждать, что хрестоматийная оценка событий тех лет, закрепившаяся в историографии, не всегда корректна. Так, например, донесения советской разведки свидетельствуют о том, что вступление Италии в войну на стороне Германии в тот исторический момент могло быть негативно встречено итальянским общественным мнением, при этом сам Муссолини не собирался полностью отказаться от взятых на себя союзнических обязательств в отношении Гитлера. Об этом свидетельствует состоявшаяся 15 сентября 1938 г. встреча Муссолини с заместителем военного министра Италии Альберто Париани. Содержание беседы стало известно советским разведчикам от источника, заслуживающего доверия. Сообщалось, что во время разговора с А. Париани Муссолини заявил о том, что «нужно принять... меры к тому, чтобы избежать войны, которая сейчас была бы вредной и непопулярной в Италии, однако... обстановка требует... подготовительных мероприятий к выступлению Италии против Франции на стороне Германии. Итальянское население к такому выступлению относится весьма враждебно», по

этой причине он настаивал на том, что мероприятия по подготовке мобилизации должны носить секретный характер [7, л. 3].

Очевидно, что эта информация не была доведена советской стороной до сведения руководства Великобритании и Франции. Однако даже если бы это было сделано, вряд ли тогдашнее политическое руководство Англии во главе с Чемберленом использовало эти данные против Германии, так как оно было настроено на достижение соглашения с Гитлером.

Через две недели вся планета узнала, что Германия, Италия, Великобритания и Франция «решили» чехословацкую проблему «мирным путем», что окончательно подорвало доверие И. Сталина к странам западной демократии. Важно отметить, что еще до сдачи Чехословакии в СССР подозревали, что западные страны не собираются воевать с Германией, а хотят за счет восточноевропейских стран обезопасить себя от Германии.

Несмотря на то что следующий документ не был напрямую получен от советских спецслужб, он все же иллюстрирует обстановку, в которой работало разведывательное сообщество СССР в эти годы. Тем более для перевода и анализа оно было направлено в особый отдел НКВД, который являлся органом военной контрразведки.

28 марта 1938 г. на имя А.А. Жданова из Ниццы, за подписью Леоны Гарибальди, поступило письмо, в котором она писала о том, что направляет А.А. Жданову, который в это время занимал должность не только Первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВПК(б), но и Председателя Верховного Совета РСФСР, статью из французской проитальянской газеты, которая подтверждает ее взгляды на будущее событий в Европе. Эти взгляды она уже излагала Наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову во время встречи с ним. Главный ее вывод сводился к тому, что Франция не станет воевать ни ради поддержки Чехословакии, ни для выполнения советско-французского договора 1935 года. В связи с этим она писала: «Будьте сильны и рассчитывайте только на себя – таков урок Испании, Китая и Австрии» [4, л. 114–145].

И письмо, и статья были переведены на русский язык референтом особого отдела НКВД, бригадным комиссаром М. Паппэ.

В статье, которая была посвящена угрозам, исходящим Чехословакии от Германии и Италии, в частности, говорилось о том, что Франции не следует раньше Англии заявлять о своей готовности к вооруженной защите Чехословакии. При этом автор статьи, заранее отвечая своим оппонентам, утверждающим, что для защиты Чехословакии, вместе с Францией против Германии выступит и Советский Союз, писал буквально следующее: «Мы не говорим о русской помощи чехам, потому что она не будет существовать... Поляки будут стрелять по русским самолетам, если последние будут пролетать через их территорию», поэтому делался вывод о том, что надо действовать исключительно дипломатическими методами в союзе с Англией и идти на переговоры с Германией. Чтобы окончательно убедить читателя в своей правоте, статья заканчивалась такими словами «кости одного маленького французского солдата стоят для нас всей Чехословакии и всех народов мира» [4, л. 146–147].

Сегодня мы точно знаем, что подобная политика обернулась бедой не только для Чехословакии, но и для самой Франции, а тогда в СССР получили еще одно подтверждение своих опасений о том, что западные демократии являются ненадежными партнерами. Все это имело в дальнейшем трагические последствия и не позволило объединить усилия против фашистской агрессии.

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что в межвоенные годы вопросы подготовки страны к войне имели для СССР особое значение. При этом представления о характере будущей войны формировались на основе огромного количества факторов – от экономических до политических. Последние в значительной степени определялись взглядами И. Сталина на характер будущей войны. Вместе с тем необходимость получения объективной информации о картине будущей войны никуда не исчезла, поэтому наряду с различными специалистами над этой задачей работала советская разведка, предоставляя разнообразную информацию из зон региональных конфликтов.

Использованные в данной работе донесения советских спецслужб, поступившие в распоряжение советского политического и военного руководства весной-осенью 1938 г.,

свидетельствуют о том, что к обозначенному времени у СССР не было надежных политических и военных союзников. Это подтвердили события в Испании, Китае и кризис вокруг Чехословакии.

Явная или опосредованная взаимосвязь событий, происходящих в этих странах, географическая удаленность которых друг от друга была очевидна, доказывала, что никакой революционной войны ни в Европе, ни в Азии никто ради СССР затевать не намерен.

Более того, опыт советского участия в испанской гражданской войне и войне в Китае демонстрировал, что даже союзник, сильно зависящий от поставок из СССР, не был готов безропотно разделять советские взгляды как на организацию своих вооруженных сил, так и на формы поведения на международной арене.

Кроме того, донесения разведки свидетельствуют о том, что даже имеющиеся идеологические, классовые и иные симпатии к СССР у различных людей не могли перевесить критического отношения к советской военной помощи у тех, кто получал эту помощь.

Документы также доказывают, что в 1938 г. СССР очень негативно относился к политике умиротворения агрессора, справедливо замечая, что Англия и Франция стараются «решить» многие региональные конфликты по образцу мюнхенской сделки.

К сожалению, не всегда информация, добытая советскими спецслужбами, эффективно использовалась политическим и военным руководством страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад, составленный капитаном 3-го ранга Абрамовым, капитан-лейтенантом Кузьминым и инженером Палиловым // Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГВМФ). – Ф. Р-1678. – Оп. 1. – Ед. хр. 43. – 124 л.
2. Малай, В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов: международные аспекты / В. В. Малай // Новая и Новейшая История. – 2016. – № 3. – С. 31–53.
3. Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3 : 1933–1941 гг. – М. : Международные отношения, 2003. – 496 с.
4. Письмо А.А. Жданову от Леоны Гарибальди // Центральный государственный архив истори-

ко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. 24. – Оп. 2 Г. – Д. 97. – 219 л.

5. Рытов, А. Г. Рыцари пятого океана / А. Г. Рытов. – М. : Воениздат, 1968. – 400 с.

6. Спецсообщение Разведывательного Управления РККА // РГВМФ. – Ф. Р-1678. – Оп. 1. – Ед. хр. 47. – 106 л.

7. Спецсообщение Разведывательного Управления РККА // РГВМФ. – Ф. Р-1678. – Оп. 1. – Ед. хр. 46. – 8 л.

8. Сталин, И. В. Политический отчет центрального комитета XVI съезду ВКП(б) / И. В. Сталин // Сочинения. В 18 т. Т. 12. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. – 397 с.

9. Сталин, И. В. Политический отчет центрального комитета XVII съезду ВКП(б) / И. В. Сталин // Сочинения. В 18 т. Т. 13. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. – 423 с.

10. Старков, Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи, 1903–1914 / Б. А. Старков. – СПб. : Питер, 2006. – 304 с.

11. Судоплатов, П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы / П. А. Судоплатов. – М. : Олма-Пресс, 1997. – 686 с.

12. Федоров, А. Ю. НКВД в гражданской войне в Испании. Часть 1 / А. Ю. Федоров // Латиноамериканский исторический альманах. – 2018. – № 20. – С. 317–337.

13. Федоров, А. Ю. НКВД в гражданской войне в Испании. Часть 2 / А. Ю. Федоров // Латиноамериканский исторический альманах. – 2019. – № 21. – С. 207–231.

14. Фежердинов, И. С. Советская разведка накануне Великой Отечественной войны / И.С. Фежердинов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2015. – № 1. – С. 134–140.

15. Фролов, Ю. М. Великая сталинская империя / Ю. М. Фролов. – М. : Алгоритм, 2014. – 320 с.

16. Усов, В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века / В. Н. Усов. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 454 с.

REFERENCES

1. Doklad, sostavlennyj kapitanom 3-go ranga Abramovym, kapitan-lejtenantom Kuz'minym i inzhenerom Palilovym [Report Compiled by 3rd Rank Captain Abramov, Lieutenant Commander Kuzmin and Engineer Palilov]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voennno-morskogo flota (RGVMF)* [Russian State Archive of the Navy], f. R-1678, inv. 1, dep. item 43. 124 l.

2. Malay V.V. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 godov: mezhdunarodnye aspekty* [The Spanish Civil War of 1936–1939: International Aspects]. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2016, no. 3, pp. 31–53.

3. *Ocherki istorii rossijskoj vneshnej razvedki. V 6 t. T. 3: 1933–1941 gg.* [Essays on the History of Russian Foreign Intelligence. In 6 Vols. Vol. 3. 1933–1941]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2003. 496 p.

4. Pis'mo A.A. Zhdanovu ot Leony Garibal'di [Letter to A.A. Zhdanov from Leona Garibaldi]. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb)* [The Saint Petersburg Central State Archive of Historical-Political Documents (CGAIPD SPb)], f. R-1678, inv. 2 G, d. 97. 2191.

5. Rytov A.G. *Rycari pyatogo okeana* [Knights of the Fifth Ocean]. Moscow, Voenizdat, 1968. 400 p.

6. *Specsoobshchenie Razvedyvatel'nogo Upravleniya RKKA* [Special Report of the Red Army Intelligence Directorate]. *RGVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. R-1678, inv. 1, dep. item 47. 1061.

7. *Specsoobshchenie Razvedyvatel'nogo Upravleniya RKKA* [Special Report of the Red Army Intelligence Directorate]. *RGVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. R-1678, inv. 1, dep. item 46. 81.

8. Stalin I.V. *Politicheskij otchet central'nogo komiteta XVI s"ezdu VKP(b)* [Political Report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU(b)]. *Sochineniya. V 18 t. T. 12* [Works. In 18 Vols. Vol. 12]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1952. 397 p.

9. Stalin I.V. *Politicheskij otchet central'nogo komiteta XVII s"ezdu VKP(b)* [Political Report of the

Central Committee to the XVII Congress of the CPSU(b)]. *Sochineniya. V 18 t. T. 13* [Works. In 18 Vols. Vol. 13]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1952. 423 p.

10. Starkov B.A. *Ohotniki na shpionov. Kontrrazvedka Rossijskoj imperii, 1903–1914* [Spy Hunters. Counterintelligence of the Russian Empire, 1903–1914]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006. 304 p.

11. Sudoplatov P.A. *Specoperacii. Lubyanka i Kreml'. 1930–1950 gody* [Special Operations. Lubyanka and the Kremlin. 1930s – 1950s]. Moscow, Olma-Press Publ., 1997. 686 p.

12. Fedorov A. Yu. *NKVD v grazhdanskoj vojne v Ispanii. Chast' 1* [NKVD in the Spanish Civil War. Part 1]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, 2018, no. 20, pp. 317–337.

13. Fedorov A. Yu. *NKVD v grazhdanskoj vojne v Ispanii. Chast' 2* [NKVD in the Spanish Civil War. Part 2]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, 2019, no. 21, pp. 207–231.

14. Fekerdinov I.S. *Sovetskaya razvedka nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet Intelligence on the Eve of the Great Patriotic War]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2015, no. 1, pp. 134–140.

15. Frolov Yu.M. *Velikaya stalinskaya imperiya* [The Great Stalinist Empire]. Moscow, Algoritm Publ., 2014. 320 p.

16. Usov V.N. *Sovetskaya razvedka v Kitae: 30-e gody XX veka* [Soviet Intelligence in China: The 30s of the Twentieth Century]. Moscow, Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK, 2007. 454 p.

Information About the Authors

Niyazi S. Niyazov, Doctor of Sciences (History), Professor, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, NiNiyazi@yandex.ru, st007489@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3047-6029>

Galina Yu. Niyazova, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, gala.niyazova@yandex.ru, st005165@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-2013>

Информация об авторах

Ниязи Сабир Ниязов, доктор исторических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, NiNiyazi@yandex.ru, st007489@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3047-6029>

Галина Юрьевна Ниязова, кандидат политических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, gala.niyazova@yandex.ru, st005165@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-2013>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.9>

UDC 94(73), 327.84
LBC 63.3(7), 66.4(4/8)

Submitted: 29.04.2020
Accepted: 12.08.2020

ACTIVITIES OF THE U.S. SPECIAL SERVICES IN THE REPUBLIC OF CHINA DURING THE CIVIL WAR (1927–1950)¹

Yaroslav A. Levin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. Introduction. The Chinese Civil War was a time of rapprochement between the United States and the Republic of China, but there were enormous difficulties and contradictions between the two countries. *Methods and materials.* In this regard, it seems that the information of the two main agencies of the U.S. intelligence community is able to significantly supplement the picture of the interaction between the two countries and allows better understanding of why at some point Washington was forced to almost completely abandon its support for the Chiang Kai-shek regime. The article is based on the principles of historicism and consistency, as well as the methods of historical comparative studies. *Analysis and results.* The excessive level of corruption, which involved numerous American structures and officials, internal conflicts in the Republic's government that influenced the situation and the course of the confrontation and were consecrated in FBI and CIA documents, contributed to the gradual withdrawal of the United States from the policy of the unconditional support for the Chiang Kai-shek regime, but the Communist victory and the establishment of the PRC made, in the absence of other real alternatives, it necessary to continue to support the Republic. The new information makes it possible to better understand how the White House treated the leader of "democratic" China and his family, as well as to better understand the role of intelligence and counterintelligence in these processes and the place of Soviet intelligence in the final stages of the heavy civil war in China (1927–1950). The materials presented in the article and their analysis show specifics and differences in approaches of the FBI and CIA on the example of work on China. The article is based on FBI and CIA archives and covers the period from 1943 to 1949.

Key words: FBI, CIA, Chiang Kai-shek, J. Edgar Hoover, Chinese Civil War, World War Two, Cold War.

Citation. Levin Ya. A. Activities of the U.S. Special Services in the Republic of China During the Civil War (1927–1950). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 93–106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.9>

УДК 94(73), 327.84
ББК 63.3(7), 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 29.04.2020
Дата принятия статьи: 12.08.2020

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦСЛУЖБ США В КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1927–1950 гг.)¹

Ярослав Александрович Левин

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Гражданская война в Китае стала временем сближения Соединенных Штатов Америки с Китайской Республикой, однако в отношениях двух стран было огромное количество сложностей и противоречий. *Методы и материалы.* В связи с этим представляется, что информация двух основных ведомств разведывательного сообщества США сможет существенно дополнить картину взаимодействия двух стран и позволит лучше понять, почему в какой-то момент Вашингтон был вынужден почти полностью отказаться от поддержки режима Чан Кайши. Статья базируется на принципах историзма и системности, а также методах исторической компаративистики. *Анализ и результаты.* Запредельный уровень коррупции, в который были вовлечены многочисленные американские структуры и чиновники, внутренние конфликты в правительстве республики, оказывавшие влияние на обстановку и ход противостояния и освященные в документах ФБР и ЦРУ, способствовали постепенному отходу США от политики безоговорочной поддержки

режима Чан Кайши, однако победа коммунистов и создание КНР сделали, в отсутствие других реальных альтернатив, необходимым продолжать поддержку Китайской Республики. Новые сведения позволяют лучше представить, как формировалось в Белом доме отношение к лидеру «демократического» Китая и его семье, а также лучше понять роль разведки и контрразведки в этих процессах и место советской разведки на заключительных этапах тяжелой гражданской войны в Китае (1927–1950 гг.). Представленные в статье материалы и их анализ показывают на примере работы по Китаю специфику и отличия в подходах ФБР и ЦРУ. Статья базируется на материалах архивов ФБР и ЦРУ и охватывает период с 1943 по 1949 год.

Ключевые слова: ФБР, ЦРУ, Чан Кайши, Дж. Эдгар Гувер, Гражданская война в Китае, Вторая мировая война, холодная война.

Цитирование. Левин Я. А. Деятельность спецслужб США в Китайской Республике в годы гражданской войны (1927–1950 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 93–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.9>

Введение. Китай с начала XX в. представлял собой арену столкновения самых разных сил. Целый ряд европейских государств, США и Российская империя имели различные интересы и зоны влияния в этом нестабильном регионе. В годы Второй мировой войны эта страна одновременно находилась под прессом внешней агрессии Японии и страдала от Гражданской войны, очень условно прерванной общим для партии Гоминьдан и Коммунистической партии врагом. Хрупкий мир, который осознавался и в Китае, и за рубежом как временное состояние требовал от претендующих на власть в стране сил поиска мощных покровителей, которыми, исходя из общей логики международных отношений стали Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Начало холодной войны лишь усилило уже сложившийся в Китае «водораздел» между коммунистами и гоминьдановцами. Тем не менее отношения двух политических групп с их «покровителями» не были простыми. Цель данного исследования – проанализировать работу американских спецслужб по Китайской Республике и их роль в принятии решений по этому направлению внешней политики США.

Методы и материалы. Сложность отношений США и Китайской Республики отразилась в огромном массиве документов и исследований, в том числе и в архивах Федерального бюро расследований и Центрального разведывательного управления – сравнительно новых и малоизученных отечественными учеными ресурсах, с 2007 г. активно занимающихся рассекречиванием и оцифровкой материалов различных расследований и до-

сье, собранными за долгие годы работы этих ведомств.

Архивное дело ФБР на Чан Кайши состоит из двух папок общим объемом 241 страница и охватывает период с 1943 до 1964 г. [32]. В рамках предпринятого исследования в первую очередь нас интересуют материалы папки посвященной военным годам, когда связи между лидером Исполнительного Юаня Китайской Республики и Соединенными Штатами активно интенсифицировались.

Сразу стоит остановиться на особенности досье ФБР на Чан Кайши, хотя на титульном листе и всех основных установочных документах стоит имя лидера Китайской Республики, более 90 % архивного материала касаются его супруги Сун Мэйлин. Это не случайно, поскольку имевшая хорошее западное образование, христианка по вероисповеданию, прожившая долгое время в США первая леди Китая стала играть в этот период огромную роль в выстраивании имиджа своего супруга и его страны, а также в целом в налаживании контактов с американцами [42, р. 193].

Документы ЦРУ более разрозненны и представляют собой не какое-то централизованное дело или сборник документов, а отдельные рапорты и донесения, разделенные на тематические кейсы, которые стартуют с 1943 г. и до наших дней [16].

Анализ. Основанием для начала наблюдения за супругой китайского лидера стало письмо директора ФБР Джона Эдгара Гувера помощнику госсекретаря США Адольфу Берли. Гувер сообщил, что из источника, который он не может раскрывать, ему известно о циркулирующих слухах относительно «низ-

кой морали» Сун Мэйлин, а также непонятных источниках доходов пары, которые «не заботят» Чан Кайши. Гувер предполагает, что Берли и Госдеп заинтересует более детальная информация об этом [24].

В данном случае мы видим пример политической хитрости, а также самостоятельности Гувера, значительно возросшей в 1940-х гг. в связи с карт-бланшем, предоставленным ему президентом Франклином Делано Рузвельтом. Дело в том, что официальное письмо в Госдепартамент направлено не случайному человеку, Адольф Берли был крайне близок к главе государства, в прошлом являлся членом его «мозгового треста» [5, с. 134, 137–138], а главное, был в хороших отношениях с Гувером и часто лоббировал его интересы в Госдепе и администрации президента. Дополнительным фактом, указывающим на неслучайность адресата, является то, что в качестве помощника госсекретаря Берли отвечал за латиноамериканское направление, а никак не за Дальний Восток [7, р. 321]. Так, Гувер намеренно направил информацию лояльному человеку, зная, что тот обеспечит формальное разрешение на расследование со стороны Кордела Халла или самого Рузвельта. Это подкрепляет и само письмо, в котором нет никаких фактов, а лишь указания на «слухи о низкой морали», что никак не могло быть важной с юридической точки зрения причиной для слежки. Более весомое обвинение в сомнительных доходах идет буквально вскользь и также ничем не подкрепляется. Тем не менее для увеличения веса высказанных обвинений Эдгар Гувер в начале письма говорит, что его конфиденциальный источник является сотрудником учреждения, название которого вымарано цензурой [24]. Представляется, что указание в письме на должность в конкретном органе, близком к супружеской чете Чан, должно было сработать и придать изложенным в письме инсинуациям необходимый вес.

Политическая самостоятельность Гувера и формальность обращения в Госдепартамент подтверждается тем, что работа по Чан Кайши и его жене уже велась. Буквально за день до письма Берли в главный офис ФБР поступает меморандум от ответственного специального агента (так в эти годы именовались руководители отделений ФБР на местах) Ман-

форда на имя заместителя директора Д.М. Лэдда, которое практически дословно повторяет текст письма Гувера Адольфу Берли [27]. Это показывает, что директор просто взял первые, слабо подкрепленные доказательствами сведения и использовал их, чтобы легитимизировать дальнейшую работу. Данный вывод в целом подкрепляется стилем работы ФБР во времена директорства Гувера, который, получив от Франклина Рузвельта практически неограниченные с юридической точки зрения полномочия по выбору целей для расследований, активно использовал эти возможности для сбора компромата и работы по всем «подозрительным», по мнению Бюро, лицам и организациям, часто накапливая собранные без юридического основания сведения в своем сейфе [18, р. 90; 6, р. 117]. Более того, этот меморандум открывает нам информацию о «высокопоставленном источнике» ФБР, в меморандуме указывается, что агент Манфорд получил указанные сведения от сотрудника вашингтонского «Wesley Club» – престижного ресторана при «Wellesley College», который окончила мадам Чан. Таким образом, информация, на которую ссылается Гувер в следующем письме получена не от чиновника или дипломата, как явно пытается представить Эдгар Гувер в письме Берли, а от работника элитного общепита [27]. Документ агента Манфорда не выглядит как основание для начала расследования, куда больше он похож на очередной отчет об уже ведущемся расследовании. Ханна Пакула в своей подробной биографии Сун Мэйлин отмечает, что ее брат Сун Цзывэнь, министр иностранных дел Китайской Республики, заинтересовал ФБР примерно в 1940 г., когда агенты обратили внимание на странные банковские операции, которые вел дипломат. Он открывал счета в разных банках США и перечислял на них большие суммы денег, полученные от различных компаний [38, р. 217–218]. Исходя из этого, еще 15 января 1943 г. в письме Рузвельту Гувер писал, что считает, что реальная цель визита Сун Мэйлин – не поиск гуманитарной помощи для Китая и налаживание отношений, а вывод «отмытых» в США незаконных доходов назад в Китай для сохранения власти. По оценкам Гувера, Сун Мэйлин пыталась вывести из США не менее 170 000 000 дол-

ларов [36]. Естественно, такая информация наверняка использовалась Рузвельтом для давления на самого Чан Кайши при переговорах.

Еще более подробным и интересным выглядит письмо от Луиса Николса, помощника замдиректора Клайда Толсона, своему начальнику. В нем подробно проанализированы связи и деятельность Сун Мэйлин в США. Николс пишет, что агентам благодаря их работе и сведениям от различных осведомителей высокого уровня удалось выяснить следующее: семья Сун является одной из богатейших и влиятельнейших в Китае, именно через нее жена Чан Кайши выводит из страны огромные денежные средства. В США деньги помогает «отмыть» ее брат Сун Цзывэнь и свояк доктор Дэвид Кунг, которые прогоняют деньги через подставные фирмы и в итоге оставляют на нескольких банковских счетах под хорошие проценты. Также в письме отмечено, что Сун Цзывэнь активно использует эти деньги еще и для коррумпирования американских чиновников, в частности конгрессменов из комитетов по международным делам, сотрудников Госдепартамента и т. д. У федеральных агентов есть все основания предполагать наличие связи семьи Сун с китайскими преступными группами [37].

Вполне понятно, что вся эта информация была своевременно предоставлена президенту, во время войны почти каждую неделю принимавшего у себя Дж. Эдгара Гувера с докладами. Поскольку в источниках и литературе не встречается никаких упоминаний об огласке этой информации Рузвельтом, вполне логично, что президент либо предпочел закрыть глаза на эти факты, поскольку и без того имел огромное влияние на Чан Кайши за счет поставок в Китай по ленд-лизу, либо, что более вероятно, использовал имеющуюся информацию для дополнительного давления на китайского коллегу при переговорах за закрытыми дверями.

Стоит заметить, что еще до этих сведений «мадам Чан» сама стремилась войти в контакт с Бюро, что видно из письма от 3 марта 1943 г. из отделения ФБР в Лос-Анджелесе (штат Калифорния). Ответственный специальный агент Худ сообщает, что Сун Мэйлин приезжала для беседы с консулом Китайской Республики Цзэ Чан Кеном, который после этого обратился в ФБР с просьбой обеспе-

чить охрану Сун Мэйлин на время ее визита в США. Агент сообщает, что консулу было разъяснено, что охрана не входит в обязанности ФБР. Единственная возможность для такой работы – особый запрос из Госдепартамента [31].

Судя по всему, усилия китайской стороны по предоставлению со стороны ФБР охраны для первой леди Китая были довольно интенсивны, поскольку это потребовало специального письма от Гувера всем отделениям. Директор сообщает, что охрана мадам Чан Кайши не является задачей Бюро, однако он требует сообщать в Вашингтон о любых событиях, связанных с угрозой жизни Сун Мэйлин [25].

Снова жена Чан Кайши попала под внимание ФБР лишь в 1948 году. Она прибыла в Гонолулу и планировала перебраться в Вашингтон на самолете к 30 ноября 1948 году. Также отмечается, что за передвижениями Сун Мэйлин следит армия и флот (вероятнее всего, агент имеет в виду своих коллег из контрразведывательных ведомств армии и флота) [29].

Уже в начале мая 1949 г. в штаб-квартиру Бюро приходит сразу несколько телеграмм о супруге лидера Китайской Республики. Агенты сообщают, что Сун Мэйлин проживает в Нью-Йорке в гостиницах «Waldorf Astoria» и «Hampton Inn.», часто встречается с высокопоставленными однокурсниками из «Wellesley College», имела несколько романов за период пребывания в Нью-Йорке, отсюда планирует отправиться в Нью-Канаан (штат Коннектикут), где планирует остановиться в летнем домике, который приобрела еще в начале 1940-х гг. через своего брата [33].

Гувер требует от своих агентов продолжать слежку за контактами и передвижениями Сун Мэйлин, но напоминает, что новые китайские власти требуют экстрадиции жены Чан Кайши как государственной преступницы. Это напоминание не случайно, тем самым Гувер намекает своим агентам на необходимость особо осторожного сбора информации о Сун Мэйлин, сокрытия всей официальной информации об этом от других органов власти США, поскольку это может привести к дипломатическому скандалу [23].

Еще один интересный документ в архиве – краткий меморандум на имя директора от 17 июня 1949 года. В нем ответственный спе-

циальный агент отделения в Филадельфии сообщает, что мадам Чан Кайши не только находится в городе, но и привлекла внимание прессы, и пересылает вместе с телеграммой вырезку из газеты «Philadelphia Inquirer», датированную тем же днем, что и телеграмма [28].

В статье с характерным ироничным заголовком «Мадам Чан Кайши: женщина в изгнании живет в окрестностях Нью-Йорка. Изолированная, но деятельная “китайская Жанна д’Арк”». Автор статьи Инес Робб пишет, что прибывшая ради просьбы о военной помощи для своего мужа мадам Чан Кайши с комфортом проживает в двадцатикомнатном особняке в г. Ривердейл, часто бывает в Филадельфии, где у нее, судя по всему, тоже есть недвижимость. Особняк в стиле Тюдоров был куплен в 1944–1945 гг. свояком Сун Мэйлин – доктором Кунгом, ее ближайший сосед – Артуро Тосканини, известный дирижер, с которым мадам Чан Кайши связывают «очень теплые отношения». Также журналистка описывает свой визит в особняк. Ей не удалось повидаться с хозяйкой, которая, по словам обслуги, больна. Она общалась с дворецким, молодым человеком чуть старше двадцати. В конце статьи автор делает вывод, что, несомненно, Сун Мэйлин вышла на пенсию и собирается и дальше крайне комфортно проживать в США [28].

5 июля 1949 г. в штаб-квартиру Бюро поступает крайне интересный документ – это донесение из офиса в Гонолулу. Агенты этого отделения восстановили путь Сун Мэйлин из становящегося с каждым днем более опасным Китая. Они сообщают о том, что она прибыла в столицу на частном самолете, который через 48 часов отправился в Гонолулу, что члены семьи Чан Кайши везли с собой ценности и несколько ящиков имущества. За почти два дня остановки в Вашингтоне китайцы активно встречались с различными чиновниками, в основном из Госдепартамента и Конгресса (все имена вымараны). Кроме того, Сун Мэйлин за время остановки посетила несколько магазинов и купила драгоценностей на 4 000 долларов, по примерной оценке федеральных агентов. После этого самолет отправился в Гонолулу, где были приготовлены дома и номера в дорогих гостиницах для членов семьи лидера Китайской Республики [30].

Пожалуй, самый интересный документ в архиве за рассматриваемый период – это письмо Эдгара Гувера военному советнику президента Трумэна Гарри Вону. Большая часть переписки Гувера с Белым домом во времена Гарри Трумэна шла именно через его советника Гарри Вона, это связано с тем, что практически с первых недель работы в Белом доме у Трумэна сложились неприязненные отношения с директором, поэтому, понимая важность информации, предоставляемой ФБР, президент предпочел перепоручить все контакты своему доверенному советнику [19, p. 52].

Глава Бюро сообщает, что по сведениям, полученным от высокопоставленного информатора, в период от двух до трех недель после 30 июня 1949 г. из провинции Кантон в Вашингтон вылетел частный самолет с женой Чан Кайши и остальными членами его семьи. Самолет был зарегистрирован на «Philippine Airlines Company». Далее Гувер сообщает, что его источник не смог быстро передать информацию, поэтому она поступила с некоторой задержкой. Далее он пишет, что готов передать больше сведений как можно скорее. Стоит обратить внимание, что большая часть этого письма идентична первым параграфам сообщения от отделения ФБР в Гонолулу от 5 июля [26].

С учетом предыдущей, крайне компрометирующей Чан Кайши и его супругу информации, с которой президент Трумэн не мог быть не знаком, представляется, что Гувер намеренно дает лишь самые безобидные сведения чтобы «выбить» личную встречу с президентом и показать свою полезность, сообщив подробные сведения о деятельности Сун Мэйлин и ее семьи, которые хранились в его сейфе.

Директор ФБР использовал имеющиеся у него сведения, дабы упрочить и по возможности улучшить свои отношения с главой государства. Стоит отметить, что в так называемой «потере Китая», как окрестили проигрыш Чан Кайши и создание КНР в американской прессе, действительно немалую роль сыграли сведения спецслужб. И Рузвельт, и Трумэн были достаточно осведомлены о том, что большая часть оказываемой США помощи Китайской Республике банально разворовывается. Однако оба президента до определенного момента мирились с этим. Франкли-

на Рузвельта сковывали интересы ведения Второй мировой войны и важность китайского театра военных действий как для боевых действий против японцев, так и в перспективе развития послевоенного мира. Гарри Трумэн оказался скован условиями начинающейся холодной войны, а потому был вынужден поддерживать Китайскую Республику. Однако чем дольше и неудачнее шли боевые действия, тем явственнее становилось разочарование Вашингтона в лидерах противников коммунистов. Это разочарование вылилось в сокращении помощи США правительству Чан Кайши, что во многом и привело к победе коммунистов и провозглашению Китайской Народной Республики.

Впрочем, «потеря Китая» вынудила Белый дом закрыть глаза на откровенно преступное поведение Чан Кайши и его семьи, поэтому снабжение правительства Китайской Республики в изгнании продолжалось и после 1949 г. [39, р. 277].

В связи с этим интересно взглянуть на данные американской разведки относительно Исполнительного Юаня Китайской Республики и его председателя. Прежде чем приступить к анализу взгляда ЦРУ на деятельность руководства Китайской Республики, имеет смысл вкратце осветить саму историю развития Центрального разведывательного управления и его резидентур в Китае.

13 июня 1942 г. было создано Управление стратегических служб (далее – УСС) – первая объединенная разведывательная служба в истории США. Ее возглавил Уильям Донован, за свой резкий нрав и бескомпромиссность получивший прозвище «Дикий Билл». Нужды военного времени и идея Рузвельта о «четырёх полицейских» требовали от Донована создания в Китае развитой резидентуры, что и было сделано и довольно быстро. Уже в 1944–1945 гг. УСС получает из Китая исчерпывающую информацию обо всех основных игроках. В блестящем исследовании профессора Военно-морской академии США Маочун Ю досконально изучено, как Доновану удалось выстроить развитую сеть сбора информации, притом не только в стане армии гоминьдановцев, но и на высших уровнях руководства КПК. Успех Донована связан с использованием корейской диаспоры в Китае,

находящейся на положении людей второго сорта и занимающих преимущественно должности в обслуживающем персонале. Обученные по приказу Донована корейцы стали идеальными и незаметными шпионами для сбора информации и вербовки китайских чиновников разного ранга в обеих противоборствующих группировках, кроме того, активно использовались двойные агенты и перебежчики, а также данные других разведок, действующих в регионе [44, р. 20–130].

Действительно, даже беглого взгляда на документы УСС этого времени достаточно, чтобы сделать вывод об информированности американской разведки о состоянии дел в Китае [11; 14; 15].

Серьезные перемены в работе американской разведки произошли после 1945 г., когда по приказу президента Гарри Трумэна было распущено УСС. Роспуск был связан с рядом объективных и субъективных факторов. К объективным можно отнести сравнительную компактность УСС, явно не способного в том виде, в каком оно существовало, стать службой разведки охватывающей весь мир. УСС было в большей степени ориентировано на тактическую разведку и различные диверсии, что было ценно в условиях военного времени, но куда меньше подходило нуждам нового мира и разгорающейся холодной войны. Говоря о субъективных факторах, нельзя не отметить неприязненные отношения, сложившиеся между новым президентом и главой УСС Донованом. «Дикий Билл» считал Трумэна некомпетентным «зеленым» дилетантом, не понимающим тонкости работы разведки и не способным адекватно использовать имеющийся ресурс и получаемую через него информацию. Тяжелый характер «Дикого Билла» привел к тому, что он не стеснялся говорить о своем мнении насчет компетентности нового президента многим важным чиновникам из Конгресса, Госдепартамента, Министерства обороны и других органов власти [43, р. 315–341]. Обо всех этих фактах оперативно рапортовал Трумэну Эдгар Гувер, по ряду причин активно следящий за Уильямом Донованом как минимум с 1928 г. [2, с. 226–233]. Впрочем, не стеснялся шеф УСС в выражениях и во время встреч с самим главой Овального кабинета, что сделало лишь вопросом

времени его отставку. Однако под влиянием своих советников президент пошел дальше и полностью распустил УСС. Первоначально агентов-аналитиков забрал себе Госдепартамент, а действующие разведчики оказались в подчинении министерства обороны, впрочем, очень быстро такая система показала свою полную негодность и уже в 1946 г. была создана Центральная разведывательная группа (далее – ЦРГ), в которой сохранялось условное разделение «аналитиков» и «оперативников», но теперь они должны были плотно взаимодействовать друг с другом. Впрочем, создание ЦРГ изначально было вынужденной мерой, направленной на выигрывание времени для подготовки проекта новой спецслужбы, качественно превосходящей и УСС, и, естественно, ЦРГ. Итогом этой работы стало создание в 1947 г. Центрального разведывательного управления (далее – ЦРУ). Впрочем, серьезную силу ЦРУ начало представлять из себя еще очень нескоро и вплоть до 1953–1955 гг. с приходом Аллена Даллеса, начавшего наращивать активность ведомства, новое управление было структурой слабой и во многом зависимой [40, р. 117].

Естественно, все эти перемены отразились и на работе разведки по Китаю. В период с 1945 по 1947 гг. многие документы были просто утрачены, связь со многими агентами и завербованными ими лицами потеряна. Фактически в 1947 г. ЦРУ было вынуждено начинать активную работу по этому направлению практически с начала, что сказалось на качестве информации, а главное, на тех действиях, которые разведка предпринимала исходя из имеющейся информации [20, р. 1–29].

Одним из наиболее ранних документов УСС, сохранных ЦРУ и доступных для исследователей, является доклад Уильяма Донована президенту Рузвельту о выходе книги Чан Кайши «Судьба Китая». Глава Управления стратегических служб сообщает, что выход англоязычного текста планируется через несколько месяцев. Далее идет подробный анализ книги. Агенты УСС изучили каждую главу и подробно описали ее содержание. Интерес в данном случае представляет итоговое заключение, направленное Доновану и президенту [9].

Книга Чан Кайши названа пропагандистским памфлетом, в котором генералиссимус

прославляет себя, отмечаются и довольно подробно разбираются многочисленные отсылки к философии Сунь Ятсена, однако интерес к ним не вошел в итоговый документ для шефа УСС и президента. По мнению агентов, отдельные главы книги проникнуты духом китайского национализма и неприязни, граничащей с ненавистью к белому человеку. В «Судьбе Китая» критикуется колониализм во всех его проявлениях, высказываются многочисленные претензии к западным странам. По мнению авторов отчета, эта книга в большей степени предназначалась для внутреннего обращения, и их даже несколько удивляет, что окружение генералиссимуса пожелало издать ее в США. Более того, как написано в отчете, с Чан Кайши было заключено эксклюзивное соглашение, по которому он не только получил солидное вознаграждение в виде 550 000 долларов, но и должен был получить процент с продаж, также книга должна была быть направлена ограниченными тиражами в библиотеки военных и военно-морских учебных заведений США, что особо тревожит агентов. Сотрудники УСС считают, что возможно имела место настоящая диверсия, поскольку издание «Судьбы Китая» в полном виде скорее испортит отношения Вашингтона и Чунцина [9].

Кроме президента с отчетом агентов УСС был ознакомлен Локлин Карри. В правительстве Франклина Рузвельта он занимал должность экономического советника, в годы Второй мировой войны именно Карри взял на себя контакты с правительством Китайской Республики для определения масштабов помощи для армии Чан Кайши по ленд-лизу, став фактически «главным по Китаю» в окружении президента. В 1948 г. был обвинен в сотрудничестве с советской разведкой. Хотя в западной историографии существует мнение о невиновности Карри [8, р. 73–99], авторитетный отечественный ученый В.В. Поздняков твердо заявляет о факте его работы на разведку СССР [4, с. 467].

Изучение этого доклада разведки представляет отдельный интерес, особенно если сравнить информацию УСС и данные ФБР. Практически одновременно с УСС федеральные агенты подготовили свой отчет. Вариант ФБР наглядно показывает отличия в подходе

двух служб к предмету изучения. Федеральные агенты менее подробны, обращают мало внимания на философско-политические взгляды Чан Кайши, но так же, как и сотрудники УСС, обращают внимание на откровенно националистический характер книги. По их мнению, издание этой книги может спровоцировать агрессию со стороны китайской диаспоры в США, число представителей которой неуклонно увеличивается. Также работники Федерального Бюро расследований тщательнее изучили вопросы издания книги, они отмечают, что представителями Чан Кайши, занимавшимися подготовкой книги к изданию и контактами с издательством (название издательства вымарано в документах обеих служб), были Сун Мэйлин и Локлин Карри, притом если «мадам Чан Кайши» выступила лишь формальным представителем, от имени мужа давшим «добро» на издание, то именно Локлин Карри был ответственен за подготовку рукописи и контакты с редакторами и переводчиками. Так, Карри прекрасно представлял содержание книги и тот негативный эффект, который повлекло бы за собой ее издание «без купюр». По мнению Гувера, «это вызывает вопросы». Также Гувер считает, что часть тех денег, которые получила Сун Мэйлин, были переданы Карри за «посреднические операции» [35; 34].

С учетом практически не вызывающих сомнений связей Локлина Карри с разведкой СССР представляется, что он намеренно способствовал выходу в свет подобной книги, которая вызвала бы негативную реакцию общества и СМИ, что отрицательно бы сказалось на отношениях США и Китайской Республики.

В итоге книга Чан Кайши вышла в 1944 г. со значительными купюрами и небольшим тиражом, а в 1947 г. переиздана, стоит отметить, что наиболее экстравагантные пассажи наполненные критикой и даже отвращением к «белому человеку», из издания 1944 г. были убраны. Впрочем, книга все равно была проникнута критикой колониализма и западного образа жизни [21, р. 3–68]. С ее выходом связан интересный случай. Дело в том, что переизданию книги способствовал Филип Джаффе (встречаются написания Яффе и Джейф), известный бизнесмен, публицист, главный редактор журнала «Амеразия», уже в 1945 г.

оказавшегося под пристальным вниманием ФБР. Это издание оказалось в центре скандала, когда агенты УСС вскрыли использование секретной документации для написания ряда статей, критических по отношению к политике США и Великобритании в Китае и в целом в Азии. Филип Джаффе в итоге отделался лишь небольшим штрафом по итогу досудебного соглашения. «Дело “Амеразии”» впоследствии стало одним из первых эпизодов нарастающего движения маккартистов [3, с. 87–96].

Кроме Джаффе изданию книги способствовал Джон Сервис, еще один фигурант «дела “Амеразии”», сотрудник Госдепартамента, впоследствии уволенный в ходе разбирательства, санкционированного Джозефом Маккарти и его сторонниками. Хотя в западной историографии существуют некоторые сомнения относительно связей «Амеразии» с советской разведкой, авторитетный отечественный исследователь А. Колпакиди убедительно и уверенно заявляет о том, что редакция журнала «Амеразия» активно использовалась советской разведкой для получения секретных документов разных органов власти США [1, с. 64]. Также вновь представителем автора выступила его супруга Сун Мэйлин. Выход книги сопровождался довольно резкой критикой в прессе, даже ее обложка, на которой под портретом Чан Кайши находилась надпись «Антизападный феодализм», вызвала критику [41, р. 331–335].

Таким образом, можно сделать вывод, что идея с дискредитацией Китайской Республики и ее лидера в глазах общественного мнения была удачно реализована, хоть и позже, чем планировалось изначально. Это значительно усложнило для администрации Трумэна поддержку армии генералиссимуса Чан Кайши, что не в последнюю очередь также способствовало «потере Китая» для Америки.

Если ФБР все же больше было ориентировано на дела Чан Кайши и его семьи в США, то недавно образованное ЦРУ стремилось представить главе государства и правительству более полную картину действий лидера Китайской Республики дома. Маочун Ю в своей работе и вовсе отмечает, что, несмотря на амбиции Эдгара Гувера, стремившегося получить для своего ведомства разведывательные полномочия, Китай для федеральных агентов оставался «темным лесом» [44, р. 180].

Это подтверждает небольшой доклад от 21 августа 1947 г., посвященный отношениям между Сун Цзывэнем и Чан Кайши. Отмечается, что идея с назначением Суна премьером вызвала негативную реакцию у генералиссимуса, однако агенты считают, что его назначение – дело почти решенное, поскольку министр иностранных дел пользуется поддержкой не только сторонников генералиссимуса, но и оппозиционных группировок внутри Гоминьдана, что делает его идеальным лидером. Это понимает и сам глава «демократического» Китая, поэтому он и выступает против назначения, придумывая различные предлоги, по которым родственник его жены не может занять эту должность. Впрочем, агенты считают страхи Чан Кайши преувеличенными, по их мнению, Сун Цзывэнь не рискнет сместить генералиссимуса, однако имеет все шансы занять его место после смерти или отставки последнего. Более того, агенты ЦРУ считают такое назначение целесообразным, а Суна – удобным кандидатом [17].

Интересен в этом плане также доклад от 25 августа 1948 г. под заголовком «Политическая информация: советники и персонал президента Чан Кайши». Небольшая двухстраничная справка содержит список всех наиболее близких к генералиссимусу людей, их должности. Кроме персоналий, коротко проанализировано, кому глава Китайской Республики доверяет больше, кому чуть меньше. В целом документ довольно небольшой (всего две страницы), значительная часть вымарана, однако даже то, что доступно исследователям, показывает, насколько важен был Китай и насколько интересовало американцев положение дел в стане сторонников Гоминьдана [13]. С учетом информации о разворовывании гуманитарной помощи и денежных вливаний, а также военных неудач Чан Кайши неудивительно, что Трумэн желал иметь полное представление обо всей верхушке Исполнительного Юаня и ее работе. Тем не менее краткость этого доклада свидетельствует о том, что ЦРУ еще явно не оправилось от бюрократических потрясений 1945–1947 гг., а потому не могло дать президенту более полную информацию. Однако ФБР, жаждавшее «забрать» себе и разведку, не могло дать и этого.

Очень интересным выглядит рапорт от 18 января 1949 г., посвященный «Народному движению мира» – оппозиционной группировке внутри Китайской Республики. Ее лидеры – Чанг Ченхуа и Лю Путунг выступали за мир любой ценой [10]. Достаточно быстро движение получило определенную поддержку. Сторонники этой группы считали невозможным для Китая дальнейшее ведение гражданской войны, а потому предлагали создать «правительство национального согласия», в котором значительное представительство получили бы коммунисты. В основном «Народное движение мира» состоит из наиболее молодых и прогрессивных представителей партии Гоминьдан. Кроме заявленных в докладе лидеров, отмечены два наиболее высокопоставленных члена – это Ли Цзуньжэнь и Шао Лицзу, которые занимаются выстраиванием связей между их организацией и меньшими партиями Китая, а также пытаются найти контакты в Революционном комитете Гоминьдана. Особо активна деятельность оппозиционеров, когда генералиссимус Чан Кайши покидает Нанкин, вероятнее всего, имеется в виду подготовка отхода сторонников Гоминьдана на Тайвань. Почти все представители этого движения считают необходимым отставку Чан Кайши в отставку, поскольку он является «символом войны», которого не примут коммунисты, не желает идти на компромиссы, боится утратить власть. Новый глава «правительства национального согласия» не должен быть связан с продолжающейся гражданской войной [10].

Далее в документе сообщается, что Тайная полиция начала аресты сторонников отставки Чан Кайши в Нанкине, пока не были арестованы никакие официальные лица. Отмечается, что кроме арестов имели место и убийства наиболее заметных представителей «Народного движения мира». По мнению агентов ЦРУ, Чан Кайши пока не решается ударить по наиболее высокопоставленным оппозиционерам. В ответ на начавшиеся преследования Ли Цзуньжэнь заявил, что все, кто опасается за свою жизнь и жизнь близких, могут найти убежище на территориях, управляемых «Гуансийской кликой». В период «эры милитаристов» (1916–1928 гг.) Китай управлялся военными правителями (дуцзюнями),

после объединения страны под флагами Гоминьдана и КПК значительная часть дущюней, их семей и союзников стали занимать высокие посты в высших кругах двух соперничающих партий. Тем не менее различные «клики» сохраняли значительную самостоятельность, часто преследовали свои узкие интересы, что усложняло ведение войны для правительства Гоминьдана. Гуансийская клика, первоначально не самая большая и авторитетная, с образованием Китайской Республики стала одной из важнейших, подчинила себе провинции Хунань и Гуандун и стала играть значительную роль в политике республики [22, p. 136–150].

По мнению агента, подготовившего данный документ, это будет означать окончательный разрыв Чан Кайши с авторитетными семьями провинции Гуанси, что в условиях тяжелых военных поражений от коммунистов губительно [10].

Хотя документ и небольшой (всего одна страница), мы видим, что ЦРУ в меру своих возможностей пыталось изучить все тонкости китайской политики и довольно успешно развивало свои знания о регионе, понимая проблемы различных «клик» и «кланов» и прекрасно осознавая сложную ситуацию, в которой оказался Чан Кайши. Однако заметно, что его затруднения не вызывают у американских разведчиков желания помочь или какого-то сочувствия, с учетом даты документа понятно, что в Управлении и Белом доме уже догадывались, что Китай «потерян» и теперь скорее обдумывали новую стратегию. Затруднения лидера Китайской Республики выглядят в документах американской разведки, скорее, логичным продолжением его политики и общего краха армии Гоминьдана. Хотя и коротко, но в рапорте отмечено, что подавляющее большинство населения жаждет мира любой ценой, пусть и путем соглашения с коммунистами. Это выглядит явным показателем провала политики Чан Кайши, его военных талантов и общей усталости всех слоев населения. Более того, агенты во многом оказались правы, поскольку буквально через несколько дней Чан Кайши был вынужден уйти в формальную отставку на фоне очевидного поражения войск Китайской Республики, вместе с тем он не желал мириться с этим и не желал при-

нимать в качестве действующего президента Ли Цзунжэня, навязанного ему в качестве вице-президента Национальной ассамблеей Китайской Республики.

Еще более показательным глубокий политический кризис в Китайской Республике выглядит в донесении от 22 апреля 1949 г. [12]. На фоне очевидных военных поражений в период, когда правительство Китайской Республики больше было занято грядущим «Великим отступлением» на Тайвань, состоялось заседание Исполнительного комитета Гоминьдана. На этом заседании Чан Кайши заявил, что он и верные ему люди не принимают Ли Цзунжэня в качестве президента и требуют его скорейшей сдачи. Исполнительный комитет оказался в замешательстве, поскольку именно Чан Кайши выстроил контакты с западными странами, в первую очередь США, так необходимые в данный момент Китайской Республике, поэтому было принято решение просить генералиссимуса вернуться. Решимость комитета укрепило заявление, что провинция Квантун полностью поддержит Чан Кайши. Это заявление было получено после того, как источники ЦРУ – Ву Тэчень и Хуанг Шаохаюн – встретились с неким Чиковым. После этого Исполнительный комитет предпочел поддержать возвращение Чан Кайши к власти, хотя обсуждение было длительным и сопровождалось спорами [12].

В данном документе мы видим, что, судя по всему, ЦРУ не стеснялось использовать двойных агентов имеющих контакты как с американской, так и с советской стороной. Встреча с Чиковым и угроза поддержки находящегося под советским влиянием Квантуна оказалась, судя по документу, чуть ли не решающим фактором, заставившим Исполнительный комитет Гоминьдана перейти на сторону Чан Кайши.

Результаты. В документах американских спецслужб мы явно видим все недостатки, приведшие к поражению и последующему отступлению Китайской Республики на Тайвань. Запредельная коррупция семьи Чан Кайши, его военные неудачи, раздоры внутри правительства сделали генералиссимуса слабой и неудобной фигурой для США, однако в условиях изгнания Гоминьдана и ос-

нования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики у Вашингтона просто не было альтернативы для противодействия китайским коммунистам. Очевидно, особенно из последнего документа, что коррумпированное и раздираемое внутренними противоречиями правительство Китайской Республики было удобно и СССР, поэтому в период отстранения от власти Москва через своего представителя и предложила помощь Чан Кайши. Кроме того, рассмотренные документы убедительно показывают отличия в стиле работы и подходах двух крупнейших спецслужб Соединенных Штатов. Так, ФБР сосредоточивалось, в силу своих функций и специфики, на вопросах «внутриамериканских», изучало коррупционную схему семьи Чан Кайши и деятельность его сторонников в США, в то время как ЦРУ больше сфокусировалось на политических перипетиях в самой Китайской Республике. Вполне понятно, что информация спецслужб по Китайской Республике и ее лидеру стала одним из факторов постепенного ослабления поддержки режима Чан Кайши Вашингтоном, что способствовало победе китайских коммунистов и созданию КНР.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003 ««Сражающийся Китай» 1931–1949 гг. в оценках периодической печати США».

The reported study was carried out in the framework of RFBR grant no. 20-39-70003 “‘Fighting China’ 1931–1949 in the US press estimates”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колпакиди, А. И. ГРУ в Великой Отечественной войне / А. И. Колпакиди. – М. : Яуза, 2010. – 608 с.
2. Левин, Я. А. Гувер против Донована. Истоки соперничества ФБР и ЦРУ / Я. А. Левин // Новая и Новейшая история. – 2017. – № 5 (17). – С. 226–233.
3. Левин, Я. А. «Дело «Амеразии» – на пороге маккартизма / Я. А. Левин // Обозреватель-Observer. – 2016. – № 10 (321). – С. 87–96.
4. Позняков, В. В. Советская разведка в Америке. 1919–1941 / В. В. Позняков. – М. : Международные отношения, 2015. – 584 с.
5. Яковлев, Н. Н. Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! / Н. Н. Яковлев. – М. : Эксмо, 2012. – 496 с.
6. Batvinis, R. J. The Origins of FBI Counterintelligence / R. J. Batvinis. – Lawrence : University Press of Kansas, 2007. – 344 p.
7. Berle, B. B. Navigating the Rapids, 1918 – 1971: From the Papers of Adolf Berle / B. B. Berle, T. B. Jacobs. – N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1973. – 859 p.
8. Boughton, J. Politics and the Attack on FDR’s Economists: From Grand Alliance to Cold War / J. Boughton, R. Sandilands // Intelligence and National Security. – 2003. – № 17. – P. 73–99.
9. OSS – Book Entitled “China’s Destiny” by Chiang Kai-shek, 1943. 23 March 1944 // CIA Archive (далее – CIA). – CIA-RDP13X00001R000100190002-2.
10. 1. People’s Peace Movement in Legislative Yuan 2. Arrests of Favoring of Those Favoring Retirement of Chiang Kai-shek. 18 January 1949 // CIA. – CIA-RDP82-00457R002300040010-5.
11. Political Dynamics of China’s Northwest. 5 June 1944 // CIA. – CIA.0000710371.
12. Political Information: Possibility of Chiang Kai-shek Resuming Office in National Government. 22 April 1949 // CIA. – CIA-RDP82-00457R002700090003-4.
13. Political Information: President Chiang Kai-shek’s Advisers and Personal Staff. 25 August 1948 // CIA. – CIA-RDP82-00457R001800480010-3.
14. Recent Events and Trends in China. 5 September 1944 // CIA. – CIA. 0000710373.
15. Tab. ‘A.A.’ (Map) Japanese and Chinese Held Areas in China (Kuang-Chou (Canton) (1944 Ed.) and Tab. ‘A.B.’ (Map) Situation – China – 1 February 1945 (5 Feb. 1945 Ed.). 5 February 1945 // CIA. – CIA-RDP72-00121A000100170001-5.
16. China. Table of Contents // CIA.
17. T.V. Soong and Chiang Kai-shek. 21 August 1947 // CIA. – CIA-RDP82-00457R000800560009-7.
18. Charles, D. J. Edgar Hoover and the Anti-Interventionists: FBI Political Surveillance and the Rise of the Domestic Security State, 1939–1945 / D. Charles. – Columbus: Ohio State University Press, 2007. – 197 p.
19. Gardner, M. Harry Truman and Civil Rights / M. Gardner. – N. Y. : Southern Illinois University Press, 2002. – 320 p.
20. Jeans, R. B. The CIA and Third Force Movements in China during the Early Cold War: The Great American Dream / R. B. Jeans. – Lanham : Lexington Books, 2018. – 342 p.
21. Kai-shek, C. China’s Destiny & Chinese Economic Theory / C. Kai-shek. – N. Y. : Roy Publishers, 1947. – 347 p.
22. Lary D. Region and Nation: the Kwangsi Clique in Chinese Politics, 1925–1937 / D. Lary. – L. : Cambridge University Press, 1974. – 292 p.

23. Hoover to All. 6 May 1949 // National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation (далее – NARA. RG 65. FBI). – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

24. Hoover to Berle. 5 March 1943 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

25. Hoover to San Francisco FBI and All. 9 March 1943 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

26. Hoover to Vaughan. 8 July 1949 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

27. Memo for D.M. Ladd. 4 March 1943 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

28. Memo from Philadelphia Office to Director. 17 June 1949 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

29. Radiogram from Honolulu office to HQ. 29 November 1948 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

30. SAC, Honolulu to Director. 5 July 1949 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

31. SAC Hood to Director. 3 March 1943 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

32. Table of Contents // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

33. Teletype from New York Office to HQ. 5 May 1949 // NARA. RG 65. FBI. – File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).

34. Hoover to Berle. 23 March 1944 // NARA. RG 65. FBI. – File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).

35. Hoover to Watson. 25 March 1944 // NARA. RG 65. FBI. – File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).

36. Memo from Director Hoover to Lawrence M.C. Smith, Chief of Special War Policies Unit. 15 January 1943 // NARA. RG 65. FBI. – File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).

37. Memo re: Soong Family. L.B. Nichols to Mr. Tolson. 8 February 1943 // NARA. RG 65. FBI. – File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).

38. Pakula, H. *The Last Empress: Madame Chiang Kai-shek and the Birth of Modern China* / H. Pakula. – N. Y. : Simon & Schuster, 2009. – 816 p.

39. Tanner, H. M. *Where Chiang Kai-shek Lost China: The Liao-Shen Campaign, 1948* / H. M. Tanner. – N. Y. : Indiana University Press, 2015. – 384 p.

40. *The Central Intelligence Agency: History and Documents* / ed. by W. M. Leary. – N. Y. : University Alabama Press, 1984. – 200 p.

41. Toller, W. S. *China's Destiny* by Chiang Kai-shek; *China's Destiny and China's Economic Theory* by Chiang Kai-shek, Philip Jaffe / W. S. Toller // *Pacific Affairs*. – 1947. – Vol. 20, № 3. – P. 331–335.

42. Tyson, Li L. *Madame Chiang Kai-shek: China's Eternal First Lady* / L. Li Tyson. – N. Y. : Grove Press, 2006. – 576 p.

43. Waller, D. *Wild Bill Donovan: The Spymaster Who Created the OSS and Modern American Espionage* / D. Waller. – N. Y. : Free Press, 2012. – 480 p.

44. Yu, M. M. *OSS in China: Prelude to Cold War* / M. M. Yu. – Annapolis : Naval Institute Press, 2011. – 368 p.

REFERENCES

1. Kolpakidi A.I. *GRU v Velikoj Otechestvennoj vojne* [GRU in Great Patriotic War]. Moscow, Yauza Publ., 2010. 608 p.

2. Levin Ia.A. Guver protiv Donovana. Istoki sopernichestva FBR i CRU [Hoover vs. Donovan: The Origins of Rivalry Between the FBI and the CIA]. *Novaja i Novejshaja istorija* [Modern and Current History Journal], 2017, no. 5 (17), pp. 226–233.

3. Levin Ia.A. «Delo “Amerazii”» – na poroge makkartizma [Amerasia Case – At the Threshold of McCarthyism]. *Obozrevatel-Observers*, 2016, no. 10 (321), pp. 87–96.

4. Poznjakov V.V. *Sovetskaja razvedka v Amerike. 1919–1941* [Soviet Intelligence in America. 1919–1941]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2015. 584 p.

5. Jakovlev N.N. *Neizvestnyj Ruzvel't. Nuzhen novyj kurs!* [Unknown Roosevelt. Need a New Deal]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 496 p.

6. Batvinis R.J. *The Origins of FBI Counterintelligence*. Lawrence, University Press of Kansas, 2007. 344 p.

7. Berle B.B., Jacobs T.B. *Navigating the Rapids, 1918–1971: From the Papers of Adolf Berle*. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1973. 859 p.

8. Boughton J., Sandilands R. Politics and the Attack on FDR's Economists: From Grand Alliance to Cold War. *Intelligence and National Security*, 2003, no. 17, pp. 73–99.

9. OSS – Book Entitled “China's Destiny” by Chiang Kai-shek, 1943. 23 March 1944. *CIA Archive (CIA)*. CIA-RDP13X00001R000100190002-2.

10. 1. People's Peace Movement in Legislative Yuan 2. Arrests of Favoring of Those Favoring Retirement of Chiang Kai-shek. 18 January 1949. *CIA*. CIA-RDP82-00457R002300040010-5.

11. Political Dynamics of China's Northwest. 5 June 1944. *CIA*. CIA.0000710371.

12. Political Information: Possibility of Chiang Kai-shek Resuming Office in National Government. 22 April 1949. *CIA*. CIA-RDP82-00457R002700090003-4.

13. Political Information: President Chiang Kai-shek's Advisers and Personal Staff. 25 August 1948. *CIA*. CIA-RDP82-00457R001800480010-3.

14. Recent Events and Trends in China. 5 September 1944. *CIA*. CIA.0000710373.
15. Tab. 'A.A.' (Map) Japanese and Chinese Held Areas in China (Kuang-Chou (Canton) (1944 Ed.) and Tab. 'A.B.' (Map) Situation – China – 1 February 1945 (5 Feb. 1945 Ed.). 5 February 1945. *CIA*. CIA-RDP72-00121A000100170001-5.
16. China. Table of Contents. *CIA*.
17. T.V. Soong and Chiang Kai-shek. 21 August 1947. *CIA*. CIA-RDP82-00457R000800560009-7.
18. Charles D. J. *Edgar Hoover and the Anti-Interventionists: FBI Political Surveillance and the Rise of the Domestic Security State, 1939–1945*. Columbus, Ohio State University Press, 2007. 197 p.
19. Gardner M. *Harry Truman and Civil Rights*. New York, Southern Illinois University Press, 2002. 320 p.
20. Jeans R.B. *The CIA and Third Force Movements in China During the Early Cold War: The Great American Dream*. Lanham, Lexington Books, 2018. 342 p.
21. Kai-shek C. *China's Destiny & Chinese Economic Theory*. New York, Roy Publishers, 1947. 347 p.
22. Lary D. *Region and Nation: The Kwangsi Clique in Chinese Politics, 1925–1937*. London, Cambridge University Press, 1974. 292 p.
23. Hoover to All. 6 May 1949. *National Archives and Records Administration (NARA)*. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
24. Hoover to Berle. 5 March 1943. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
25. Hoover to San Francisco FBI and All. 9 March 1943. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
26. Hoover to Vaughan. 8 July 1949. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
27. Memo for D.M. Ladd. 4 March 1943. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
28. Memo from Philadelphia Office to Director. 17 June 1949. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
29. Radiogram from Honolulu Office to HQ. 29 November 1948. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
30. SAC, Honolulu to Director. 5 July 1949. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
31. SAC Hood to Director. 3 March 1943. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
32. Table of Contents. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
33. Teletype from New York Office to HQ. 5 May 1949. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 62-7/649 (Chiang Kai-shek).
34. Hoover to Berle. 23 March 1944. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).
35. Hoover to Watson. 25 March 1944. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).
36. Memo from Director Hoover to Lawrence M.C. Smith, Chief of Special War Policies Unit. 15 January 1943. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).
37. Memo re: Soong Family. L.B. Nichols to Mr. Tolson. 8 February 1943. *NARA*. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67-571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters – China).
38. Pakula H. *The Last Empress: Madame Chiang Kai-shek and the Birth of Modern China*. New York, Simon & Schuster, 2009. 816 p.
39. Tanner H.M. *Where Chiang Kai-shek Lost China: The Liao-Shen Campaign, 1948*. New York, Indiana University Press, 2015. 384 p.
40. Leary W.M., ed. *The Central Intelligence Agency: History and Documents*. New York, University Alabama Press, 1984. 200 p.
41. Toller W.S. *China's Destiny by Chiang Kai-Shek; China's Destiny and China's Economic Theory by Chiang Kai-shek, Philip Jaffe. Pacific Affairs*, 1947, vol. 20, no. 3, pp. 331-335.
42. Tyson Li L. *Madame Chiang Kai-shek: China's Eternal First Lady*. New York, Grove Press. 2006. 576 p.
43. Waller D. *Wild Bill Donovan: The Spymaster Who Created the OSS and Modern American Espionage*. New York, Free Press, 2012. 480 p.
44. Yu M.M. *OSS in China: Prelude to Cold War*. Annapolis, Naval Institute Press, 2011. 368 p.

Information About the Author

Yaroslav A. Levin, Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Department of World History, Law and Methods of Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education, Maksima Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, yaroslavlevin1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8805-8220>

Информация об авторе

Ярослав Александрович Левин, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Максима Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, yaroslavlevin1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8805-8220>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.10>

UDC 327(470+571:73):581.54
LBC 66.2(0)

Submitted: 02.12.2020
Accepted: 14.12.2020

GLOBAL CLIMATE CHANGE AS A NATIONAL SECURITY THREAT: AMERICAN AND RUSSIAN POLITICAL PRACTICES

Vladimir P. Nazarov

Security Council of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dmitry A. Afinogenov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article gives an overview of American and Russian approaches to global climate change (GCC) in the context of the national security policy. The purpose of the study is to improve the national security policy in the context of GCC using international and Russian experience. The authors make proposals for refining Russian approaches to the problem including adjustments to the Russian Federation National Security Strategy, development of a number of other strategic planning documents and new initiatives to tackle threats related to GCC on a broad multilateral basis. *Methods and methodology.* The system analysis methods used in the research enable to reveal general trends in the evolution of the GCC phenomenon and to predict its growing influence on governments and civil societies. The synthesis methods help to draw general conclusions that are common for the national security policies of all nations, to reveal the complex and interdisciplinary nature of GCC and to propose improvements in the government policies in this area. *Analysis.* The analysis of American official documents and scientific publications shows the evolution of approaches in assessing the GCC in relation to national security policies, whereas the GCC has been regarded as a threat to U.S. and international security and stability. The authors criticize unilateralism of American official approaches to threats posed by GCC as well as the ineffectiveness of collective attempts to counter these threats. *Results.* The study concludes that the GCC poses a common threat to humanity and requires collective concerted actions. It is therefore proposed that the long-term national interests be adjusted adding to their list the task of preserving the nature and environment, to clarify the strategic goal-setting in this critical area and to develop a forward-looking model for cooperation between the government, civil society and wildlife.

Key words: global climate change, national security threats, abnormal weather, natural and man-made disasters, national security strategy, strategic planning, strategic national priorities.

Citation. Nazarov V.P., Afinogenov D.A. Global Climate Change as a National Security Threat: American and Russian Political Practices. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 107-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.10>

УДК 327(470+571:73):581.54
ББК 66.2(0)

Дата поступления статьи: 02.12.2020
Дата принятия статьи: 14.12.2020

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АМЕРИКАНСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Владимир Павлович Назаров

Совет безопасности Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Дмитрий Александрович Афиногенов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются современные американские и отечественные подходы к проблеме глобальных изменений климата (ГИК) в контексте политики в области обеспечения национальной безопасности, формулируется цель исследования – совершенствование политики обеспечения национальной безопасности в контексте глобального изменения климата с учетом международного и отечественного опыта. Сформулированы предложения относительно уточнения российских подходов к данной проблеме, в том числе за счет корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, разработки ряда других документов стратегического планирования и подготовки инициатив по противодействию угрозам, связанным с климатическими изменениями, на широкой многосторонней основе. *Методы.* Используемые методы системного анализа позволяют выявить общие тенденции в развитии феномена ГИК и спрогнозировать расширение его влияния на жизнь и деятельность государств и гражданского общества. Применение методов синтеза позволяет сформулировать общие выводы, характерные для политики обеспечения национальной безопасности всех стран, выявить комплексный и междисциплинарный характер проблемы ГИК и подготовить предложения по совершенствованию государственной политики в данной предметной области. *Анализ.* На основании анализа американских официальных документов и научных публикаций показана эволюция подходов к оценке ГИК применительно к политике обеспечения национальной безопасности, выявлено, что глобальные климатические изменения стали рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности США и международной безопасности и стабильности, сформулирован ряд критических замечаний относительно односторонности американских официальных подходов к угрозе ГИК и неэффективности коллективных попыток противодействовать ей. *Результаты.* По итогам исследования авторы констатируют, что проблема ГИК представляет общую угрозу человечеству и требует коллективных согласованных действий. В этой связи предлагается провести корректировку национальных интересов на долгосрочную перспективу, дополнив их перечень задачей сохранения природы и окружающей среды, уточнить стратегическое целеполагание в этой важнейшей сфере и сформировать перспективную модель взаимодействия государства, гражданского общества и живой природы. *Вклад авторов.* В.П. Назаровым разработана концепция исследования, проведен анализ зарубежных источников в области эволюции подходов в обеспечении национальной безопасности в условиях глобального изменения климата, дано обоснование комплексного и междисциплинарного характера проблемы ГИК. Д.А. Афиногенов провел анализ изъянов стратегического планирования в области обеспечения экологической безопасности Российской Федерации, внес предложения относительно уточнения российских подходов к данной проблеме, в том числе за счет корректировки документов стратегического планирования, формирования единого стратегического целеполагания по климатической повестке дня.

Ключевые слова: глобальные изменения климата, угрозы национальной безопасности, погодные аномалии, природные и техногенные катастрофы, стратегия национальной безопасности, стратегическое планирование, стратегические национальные приоритеты.

Цитирование. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Глобальные изменения климата как угроза национальной безопасности: американская и российская политические практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 107–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.10>

Введение. Глобальные изменения климата являются комплексной проблемой социально-экономического, экологического и международного характера и в последние годы становятся важнейшим фактором в мировой политической и экономической повестке дня. Как отмечают эксперты, проблема ГИК сегодня является одной из центральных тем в деятельности ООН, занимает важное место в повестке наиболее влиятельных международных форумов, прежде всего «Группы восьми», в работе целого ряда негосударственных акторов, начиная с экологических организаций и заканчивая ведущими ТНК [15].

В силу своей многофакторности ГИК затрагивают практически все стороны и сферы жизнедеятельности человеческого общества, влияют на политику и экономику, выдвигают подчас совершенно новые условия к хозяйственной деятельности человека, особенно в высоких широтах, формируют новые угрозы и вызовы для мирового и отечественного здравоохранения, сельскохозяйственного производства, рационального природопользования, ставят новые задачи в сфере обеспечения обороны и безопасности.

Изменение климата – не новая тенденция. Под влиянием ряда глобальных естественных факторов, таких как дрейф конти-

нентов, смещение оси Земли, извержения вулканов и воздействие океанических течений, климат на нашей планете постоянно менялся. Но это были длительные, охватывающие миллионы лет циклы изменений, составлявшие естественный фон развития жизни на земле. И только привнесенное человеком за последние полтора столетия антропогенное воздействие, которое в XX и XXI вв. стало главенствующим фактором, сыграло роль катализатора, ускорившего нарастание климатических проблем. Последние научные данные неопровержимо доказывают, что доминирующей причиной климатических изменений является антропогенное усиление парникового эффекта. Главный вывод: изменение климата – очень серьезная проблема, знания о его причинах – достоверны [4, с. 6]. Поэтому вывод об антропогенной природе климатических изменений зафиксирован в решениях Всемирной метеорологической организации (ВМО) [2], Парижском соглашении по климату 2015 г. [13], а также лег в основу политики России в области климата (Климатическая доктрина Российской Федерации) [3].

Одной из главных причин ГИК считается нарастание в атмосфере концентрации парниковых газов. Это привело к росту содержания диоксида углерода до 1,5–1,7 ppm в год, а концентрация углекислого газа возросла почти на 30 % [18, с. 100]. По данным специалистов Океанографического института Scripps (Сан-Диего) и Национального управления океанических и атмосферных исследований США, концентрация углекислого газа (CO₂) в земной атмосфере впервые в истории человечества превысила 415 частей на миллион (ppm) – то есть в каждом куб. м воздуха присутствует не менее 415 мл углекислого газа, или 0,041528 % вместо 0,03 % в среднем дневном значении в доиндустриальную эпоху [5]. Предыдущий рекорд, по предположениям ученых, был установлен около 3 млн лет назад.

Как отмечалось в докладе ВМО о состоянии глобального климата в 2015–2019 гг., глобальная средняя температура с доиндустриального периода повысилась на 1,1 °C и на 0,2 °C по сравнению с периодом 2011–2015 годов [2]. В целом, по данным ВМО, период с 2011 по 2020 г. станет самым теплым десятилетием за всю историю наблюдений, а са-

мые теплые шесть лет – все годы начиная с 2015-го. Наиболее сложная ситуация отмечается в высоких широтах. В частности, по данным Росгидромета, в полярных регионах потепление идет со скоростью 0,7–0,8 градуса за десятилетие, иногда даже до 1 градуса [19].

Такая скорость наращивания глобального тепла вызывает серьезные опасения, так как провоцирует рост динамики глобального потепления в высоких широтах и влечет за собой множество проблем. Например, для Российской Федерации сокращение ареала вечной мерзлоты весьма значимо, так как он составляет 65 % ее территории. На этих пространствах сосредоточено более половины мерзлых болот мира и ²/₃ запасов мерзлого метана, добывается более 90 % природного газа и 75 % нефти, создается до 70 % стоимости экспорта страны [6, с. 15]. Отступление вечной мерзлоты ставит под угрозу условия хозяйствования, сложившиеся на этой территории.

По ряду экспертных оценок, в долгосрочной перспективе до 2100 г. ущерб от деградации многолетней мерзлоты из-за глобальных изменений климата может составить до 1,1–1,2 % мирового ВВП; для России до 2030 г. годовой ущерб только для зданий и сооружений от изменений климата в Арктике оценивается примерно в 200 млрд руб., или около 2,5 % ВРП арктической зоны Российской Федерации [14, с. 16].

Правящие круги многих государств мира уже называют проблему ГИК новой глобальной угрозой, и сегодня в процесс изучения и прогнозирования последствий ГИК, оценки их возможного влияния на различные аспекты жизнедеятельности государства, экономики и общества все более вовлекаются органы государственной власти.

В этой связи целесообразность подготовки данной статьи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, как справедливо отмечают некоторые исследователи, проблема ГИК междисциплинарна [8, с. 480], приобретает все новые измерения – технологические и технические, политические, организационные и нормативно-правовые, межстрановые – и превращается в весомый фактор в мировой политике. Во-вторых, проблема ГИК все чаще приобретает политическое измерение, стано-

вась инструментом диктата и достижения преимуществ в недобросовестной конкуренции. И последнее – проблема ГИК имеет очевидное человеческое измерение, и ее решение зависит не только от системы природоохранных и природосберегающих мероприятий, экономики и политики, но и от изменения самой философии отношений человека и природы, так сказать – природосберегающего мышления.

Исходя из такого комплексного и междисциплинарного характера проблемы ГИК, задача данной статьи видится авторами в том, чтобы выделить основания для ее отнесения к новым угрозам национальной безопасности и сформулировать предложения по совершенствованию государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и системы документов стратегического планирования в Российской Федерации.

Методы исследования. Для решения поставленной научной задачи важнейшее значение имеют исторический и системный методы. Рассмотрение процессов эволюции взглядов политики США по климатической повестке дня в строгой хронологической последовательности позволяет лучше понять сегодняшние аспекты решения проблем ГИК и то влияние, которое оказывают климатические факторы на политику безопасности. Ретроспективный анализ документов стратегического планирования Российской Федерации в сфере экологии позволяет выработать предложения по уточнению архитектуры документов стратегического планирования, направленных на регулирование этой сферы деятельности.

Анализ массива документов в области ГИК показывает, что значительная часть таких исследований традиционно была сосредоточена на рассмотрении глобальных физических, космических, природных и экологических факторов. Вместе с тем под влиянием общего обострения международной обстановки и соперничества пришло понимание того, что проблема ГИК относится к разряду тех, где наука тесно сплетается с экономикой и политикой [6, с. 12]. Это существенно изменило сам методологический подход к решению климатических проблем, так как фактор климата стал использоваться политиками как сред-

ство политической борьбы, удобный способ оказания давления на конкурентов и наращивания собственного экономического потенциала. Примерами таких действий могут служить сначала активное участие американской администрации при президенте Обаме в заключении в 2015 г. Парижского соглашения по климату, а затем выход США из него по решению президента Д. Трампа, заявившего, что он не хочет тратить «триллионы и триллионы долларов» и терять «миллионы и миллионы рабочих мест», чтобы бороться с потеплением [17].

В этой связи, касаясь вопроса методологии данного исследования, необходимо иметь в виду, что при рассмотрении проблемы ГИК с позиций обеспечения национальной безопасности представляется целесообразным сосредоточиться на анализе политической составляющей данного феномена и вопросах стратегического целеполагания, лежащих в основе практической политики в области безопасности. При этом наибольший интерес в плане изучения влияния фактора ГИК на официальные подходы к обеспечению национальной безопасности представляет собой опыт США.

Актуальность постановки данной научной задачи, помимо общих масштабов американской военной и экономической мощи, протяженности территории США, простирающейся по разнообразным природно-климатическим зонам, обуславливается прежде всего наличием достаточно развитой и в целом эффективной системы стратегического планирования и управления в области национальной безопасности. В связи с этим изучение американских подходов к оценке и анализу новых вызовов и угроз, их учету в формировании государственной политики в области обеспечения национальной безопасности представляет для нас не только научный, но и практический интерес.

Еще в 2015 г. президент США Б. Обама назвал изменения климата «серьезной угрозой глобальной безопасности» [35]. Эта оценка была основана на выводах американских ученых, согласно которым ГИК являются результатом воздействия антропогенных факторов – роста концентрации парниковых газов в атмосфере, в том числе на 40 % – углекисло-

го газа, образующегося при сжигании ископаемого топлива. Парниковые газы препятствуют отражению солнечной энергии, которая в результате во все возрастающей степени поглощается мировым океаном [29]. Следствием этого являются таяние ледников, участившиеся температурные рекорды, повышение уровня мирового океана, изменение погодных условий, в том числе количества осадков, в различных регионах мира, а также сокращение площади плодородных земель.

Рассмотрение американской политической элитой вопросов ГИК в контексте обеспечения национальной безопасности отражает серьезную эволюцию ее подходов к трактовке понятия «национальная безопасность». Если в 40-х гг. министр ВМС США Дж. Форрестол заявлял, что национальная безопасность «означает защиту страны от организованного насилия со стороны вооруженных иностранцев» [23], то в сегодняшнем сложном и взаимосвязанном мире, столкнувшемся с широким набором нетрадиционных угроз, таких как пандемии слабо изученных или новых заболеваний, ГИК, масштабные природные и техногенные катастрофы, американские политологи приходят к выводу о необходимости рассматривать понятие «национальная безопасность» в более широком контексте. Еще в 1983 г. известный американский политолог Ричард Аллман обосновал вывод о том, что определять национальную безопасность только с военной точки зрения – значит рисовать картину, очень далекую от реальности [39, с. 129]. Как отмечается в фундаментальной работе группы авторитетных американских политологов, политика в области национальной безопасности направлена на обеспечение безопасности населения, территории и образа жизни народа Соединенных Штатов, включая защиту от нападения на ее территорию и население, с целью обеспечить сохранение в неизменном виде основополагающих ценностей и институтов, содействовать продвижению этих ценностей и экономическому процветанию [21, с. 688].

Здесь следует заметить, что более широкий комплексный подход к задачам обеспечения национальной безопасности сегодня лежит и в основе российской политики в области национальной безопасности. Уместно на-

помнить, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет 9 стратегических национальных приоритетов, по которым выстраивается государственная политика в данной предметной области. Из них только два относятся к традиционным компонентам «жесткой силы» (оборона страны; государственная и общественная безопасность), остальные (повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство) являются задачами развития с учетом требований обеспечения национальной безопасности [12].

Дискуссия и анализ. После окончания холодной войны в американской правящей элите и академических кругах доминирует точка зрения о том, что состояние окружающей среды в мире в целом настолько серьезно затрагивает США, что его с полным основанием можно отнести к интересам национальной безопасности [22]. В редакции Стратегии национальной безопасности США 2010 г. отмечалось: «Угроза изменений климата является реальной, настоятельной и серьезной. Изменения, вызванные потеплением нашей планеты, приведут к новым конфликтам из-за потоков беженцев и нехватки ресурсов, страданиям от засухи и голода, ухудшениям качества земли повсюду в мире» [40]. В редакции Стратегии национальной безопасности 2015 г. уже была зафиксирована тесная взаимосвязь между ГИК и интересами национальной безопасности США, и министерству обороны, а также разведсообществу США даны конкретные поручения относительно реагирования на эту новую угрозу [36].

Американские исследователи называют целый ряд факторов воздействия ГИК на состояние национальной безопасности США.

Прежде всего, ГИК в перспективе могут существенно повлиять на задачи вооруженных сил и условия их применения [27]. В частности, в утвержденной в 2013 г. Национальной стратегии США для арктического региона указывается, что таяние льдов в акваториях арктической зоны потребует от вооруженных сил страны способности эффектив-

но действовать в этом регионе, особенно для обеспечения безопасности новых судоходных маршрутов в арктических водах или в случае возникновения конфликтов вокруг добычи природных ресурсов в районах, ранее считавшихся непригодными для экономической деятельности [41]. Соответственно, это ставит очень дорогостоящую задачу строительства дополнительных ледоколов, в том числе тяжелого класса, для нужд береговой охраны США. При этом стоимость только одного такого ледокола существенно превышает годовой бюджет закупок Службы береговой охраны США.

Кроме того, ожидаемые подъем уровня воды в Мировом океане, угрозы наводнений и ураганов неизбежно повлияют на планы военного строительства, в том числе касающиеся защиты объектов ВМС, расположенных преимущественно на береговой линии, критической инфраструктуры, включая энерго- и водоснабжение, транспорт и т. п. Прежде всего, это касается объектов Центрального командования ВС США (CENTCOM) со штабквартирой в г. Тампа и Южного командования (SOUTHCOM) в Майами, штат Флорида, а также целого ряда военных баз и представительств США за рубежом. Потребуется адаптация систем вооружений к более высоким температурам, погодным аномалиям и пр. [25]. Дополнительные задачи ожидают вооруженные силы и по линии проведения гуманитарных операций, поскольку ГИК могут приводить к стихийным бедствиям, массовой миграции людей из пострадавших районов, вспышкам инфекционных заболеваний, требовать ликвидации последствий погодных чрезвычайных ситуаций. Такие операции могут быть весьма масштабными, и к ним необходимо заблаговременно готовить личный состав. Так, например, в ликвидации последствий урагана «Катрина», который, по заключению экспертов, явился следствием ГИК, было задействовано около 70 тыс. военнослужащих США [23].

Кроме того, ГИК будут сопровождаться нарастанием региональных вооруженных конфликтов. Признаки этого можно наблюдать уже сейчас. По мнению экспертов, массовые протесты в Тунисе, повлекшие за собой «арабскую весну» в целом ряде стран Ближнего Востока, были спровоцированы удорожанием

и нехваткой продовольствия вследствие сильной засухи в России в 2010 г., которая является основным поставщиком зерна в этот регион. Засуха, в свою очередь, объясняется экспертами воздействием ГИК [29]. Указывается также, что аномальные засухи 2006–2011 гг. способствовали началу гражданской войны в Сирии. По мнению американских политологов, причинно-следственная связь между ГИК, ростом бедности, радикализацией и насильем является очевидной и представляет собой угрозу интересам национальной безопасности США как мирового лидера [26].

По оценкам экспертов, к середине XXI в. ГИК и нехватка ресурсов могут заставить мигрировать в более благополучные страны миллионы людей, а к концу века – сотни миллионов. В этом плане особую угрозу для интересов национальной безопасности США представляет бедность в приграничной Мексике [36].

По заключению американских экспертов, все указанные обстоятельства ведут к «милитаризации» подходов правящих кругов США к проблемам ГИК в силу общей установки на гегемонию и единоличное лидерство, о чем свидетельствуют доклады Пентагона и президентские директивы последних лет [20].

Такой подход признается упрощенным и подвергается критике. Подчеркивается, что действительность гораздо сложнее шаблонных схем, которыми оперируют политики и военные. Отмечается, что засухи, наводнения и неурожай действительно ведут к бедности, но не обязательно – к войне [33]. Массовый исход беженцев часто является следствием вооруженного конфликта, но не его причиной. Наоборот, нехватка ресурсов может даже стимулировать международное сотрудничество [38]. Так, например, разрушительное землетрясение в Непале в 2015 г. привело не к гражданской войне, а к политическому прорыву – окончанию длительной гражданской войны и проведению всенародных выборов [37].

Сильнейшее цунами в индонезийской провинции Ачех и дальнейшие масштабные усилия по ликвидации его последствий способствовали завершению длительной гражданской войны в регионе. Более того, многие защитники окружающей среды, пугающие обществен-

ность катастрофическими последствиями ГИК, не замечают того, что в XXI в. сотни миллионов людей в развивающихся странах смогли преодолеть ужасающую нищету именно благодаря росту потребления угля и других невозобновляемых источников энергии.

Неоднозначно обстоит дело и с ядерной энергетикой. С одной стороны, ее развитие может обеспечить мир чистой энергией, что позволит добиться глубокой декарбонизации мировой экономики в исторически короткой перспективе – уже к середине столетия. С другой – атомная энергетика усилит риски распространения оружия массового уничтожения, которые могут представлять собой серьезнейшую угрозу мировой стабильности. Примечательно, что авторы «Бюллетеня ученых-атомщиков», создавшие виртуальные «часы судного дня», решительно выступают против варианта устранения угрозы глобального потепления за счет форсированного развития ядерной энергетике [30]. В то же время специалисты обращают внимание на то, что из 15 тыс. погибших в результате землетрясения и цунами в Японии в 2011 г. едва ли кто-либо умер, собственно, от утечки радиации на АЭС в Фукусиме. Между тем принятое под влиянием этой аварии руководством Японии и ФРГ решение свернуть производство электроэнергии на атомных станциях в пользу расширения угольной генерации стало причиной тысячи смертей от загрязнения воздуха [32].

Развивая концепцию нелиберального институционализма, которая обосновывает обеспечение национальной безопасности на принципах многосторонности, совершенствования международных институтов и правовых норм, взаимосвязи и взаимозависимости членов мирового сообщества в эпоху глобализации [31], современные американские сторонники кооперативных подходов к укреплению глобальной безопасности признают, что бедность действительно является самой серьезной предпосылкой внутренних конфликтов и гражданских войн. В то же время произошедший в последние 20–30 лет в странах третьего мира рост производства и доходов населения способствовал некоторому снижению числа вооруженных конфликтов в мире [24].

Таким образом, рост потребления угля в развивающихся странах в последние годы, с

одной стороны, ускоряет процессы ГИК, но с другой – уменьшает риски вооруженных конфликтов и стабилизирует социально-экономическую ситуацию в целом ряде государств [34]. В связи с этим многие исследователи критически воспринимают заявления политиков и некоторых воинствующих экологов, которые обвиняют глобализацию, развитие промышленности и транспорта не только в ГИК, но и в конфликтах и войнах. Указывается на контрпродуктивность позиции администрации США, которая в своей политике делает упор на односторонние действия в ущерб поиску коллективных решений глобальных проблем.

В качестве примера можно назвать отношение Белого дома к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Хотя в конгрессе, политических кругах и даже в военном руководстве США имеется немало сторонников присоединения к данной конвенции, администрация упорно отказывается от ее ратификации из-за позиции «ястребов», которые считают, что подобные договоры лишь сковывают Вашингтону руки и ущемляют суверенитет США. Между тем именно на пути участия в конвенции Соединенные Штаты могли бы урегулировать спорные вопросы, касающиеся разграничения континентального шельфа, развития судоходства и освоения природных ресурсов арктической зоны в условиях таяния льдов, избегая таким образом конфликтных ситуаций, чреватых вооруженными столкновениями [23].

Отсутствие лидерства со стороны Вашингтона подрывает эффективность коллективных усилий по противодействию глобальной угрозе изменений климата, способствуя, в частности, неудаче заключенного в 1997 г. Киотского протокола (предусматривает сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу Земли) – самой значимой попытке решения проблемы ГИК на многосторонней основе. Главные споры возникают по вопросу о распределении ответственности и усилий по выполнению договоренностей, при этом разногласия наблюдаются не только по линии «Север – Юг», но и между ведущими развитыми странами. При этом Вашингтон игнорирует тот общеизвестный факт, что США ответственны за выпуск в атмосферу Земли около одной трети общего объема парниковых

газов за период, начиная с 1850 года [20]. Хотя Международную конференцию по климату под эгидой ООН в 2015 г. в Париже можно расценить как шаг в правильном направлении, ее итоги представляют собой изложение общих намерений, но не твердые обещания. Последующие обсуждения пока не внесли ясность в затянувшиеся дискуссии о том, кто несет основную ответственность за парниковые выбросы, как осуществлять их сокращение и кто должен за это платить.

Таким образом, глобальное потепление как одно из основных последствий ГИК следует рассматривать в качестве реальной угрозы человеческой цивилизации. Становится все более очевидным, что в перспективе человечеству в целом в наибольшей степени угрожают не войны и оружие, а ожидаемое разрушительное воздействие ГИК. Такие хорошо известные последствия войн, как гибель и увечья, массовая миграция людей, голод, болезни, разрушение инфраструктуры и экономический спад, уже в обозримом будущем начнут происходить в результате усиливающихся погодных аномалий, таких как засуха, пожары, ураганы, таяние вечной мерзлоты. В дальнейшем возможен сценарий «перелома» в ГИК, при котором на смену потеплению придет похолодание с вероятным новым ледниковым периодом. Такая перспектива может представлять угрозу для человечества, сопоставимую с ужасами «ядерной зимы», которую ученые предсказывали в годы холодной войны.

Опасность реальна, хотя пока предвидится лишь в отдаленной перспективе. Политолог Массачусетского университета Дж. Голдстейн сравнивает нынешнюю ситуацию с приближением к Земле крупного небесного тела, столкновение с которым угрожает катастрофическими, хотя и не до конца понятными последствиями. В таком сценарии фактор времени имеет решающее значение: если до катастрофы остается, например, 3 года, ведущие державы, скорее всего, смогут объединиться перед лицом общей угрозы и использовать, например, свой ракетно-ядерный потенциал, чтобы заставить небесное тело свернуть с губительного курса. Однако, если столкновение ожидается через 30 и более лет, организовать коллективный ответ будет гораздо

сложнее. Именно такая ситуация наблюдается сегодня с ГИК [27].

Ряд американских политологов обращают внимание на то, что угрозе ГИК, как глобальной и требующей многосторонних усилий, пока уделяется явно недостаточное внимание. Исследование центральной проблемы – пути адаптации мирового сообщества к климатическим изменениям – часто подменяется изучением частных, но по существу второстепенных вопросов: поиску новых чистых источников энергии, защите окружающей среды прибрежных районов и т. п. Даже тема сохранения биоразнообразия и редких животных привлекает к себе гораздо больше внимания ученых, политиков и широкой общественности, чем поиск реалистичных и справедливых решений по магистральному направлению: как организовать широкое международное сотрудничество с целью выработки единой и эффективной программы действий мирового сообщества в условиях ГИК, которая предусматривала бы не технические и чисто экологические мероприятия, а фундаментальные политико-экономические решения, учитывала, что ГИК представляют собой результат нормальной экономической деятельности, в свое время обеспечившей индустриализацию развитым странам, а теперь позволяющей более бедным государствам преодолеть экономическую отсталость [28].

Отражением вакуума мысли на этом важнейшем для всего мира направлении может служить организованная в 2014 г. в Нью-Йорке массовая демонстрация в защиту от глобального потепления, которая прошла с макетами подсолнухов вместо содержательных выступлений и конструктивных призывов, а основной лозунг поражал полным отсутствием смысла: «Изменить все можно только всем вместе» (англ. *To change everything we need everyone*).

Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации можно считать формирование системы адаптационного управления, так как, по оценкам экспертов, большинство неудач в ответах на современные климатические вызовы связано с ошибками управленческого характера. При этом особое значение приобретает стратегическое планирование, которое за рубежом рассматривается как важ-

ная основа формирования системы адаптационного управления в арктических государствах в условиях климатических изменений. В частности, Е.Н. Никитина отмечает, что большинством стран либо приняты национальные стратегии адаптации к изменению климата, либо они включены в климатические планы действий. Так, разработаны специальные программы адаптации в полярных районах (национальная Программа адаптации к изменению климата для коренных народов севера Канады). Некоторые северные территории арктических стран осуществляют региональные планы действий по адаптации (Аляска в США, Тромсе в Норвегии); ряд регионов проводят совместные программы с соседними областями (совместная стратегия адаптации и партнерства между правительствами канадских провинций Юкон, Нунавут и Северо-Западных территорий). На Аляске и в Канаде действуют планы адаптации для отдельных поселений [11, с. 183–184].

Таким образом, проблемы ГИК, имеющие глобальное измерение и представляющие угрозу для международной стабильности и национальной безопасности большинства государств мира, пока еще решаются разрозненными усилиями различных стран и общественных организаций. На этом направлении отсутствуют согласованность, стратегическое целеполагание и лидерство, остро ощущается необходимость в новых инициативных подходах к решению всего комплекса текущих и перспективных задач.

Результаты. Изучение американских и иных зарубежных подходов к проблеме ГИК представляет для нашей страны серьезный практический интерес. Этому способствует внимание, которое сегодня уделяется мировым сообществом климатической повестке, а также то, что в России, как и в США, понятие «национальная безопасность» получает все более широкую трактовку, выходя за пределы чисто военных и внешнеполитических угроз и затрагивая информационную, экономическую, экологическую и другие сферы [10]. При этом фактор оценки состояния окружающей среды и изменения климата приобретает все более важное значение для российской политической практики. В частности, Президент Российской Федерации В.В. Путин, вы-

ступая 22 октября 2020 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай», подробно остановился на вопросах окружающей среды. Глава государства подчеркнул, что тема охраны окружающей среды давно и прочно вошла во всемирную повестку. По его словам, природа крайне уязвима перед человеческой деятельностью, особенно по мере того, как эксплуатация земных ресурсов приобретает все более масштабный характер. Но и человек по-прежнему не защищен от природных катаклизмов, многие из которых порождены именно антропогенным вмешательством. Кстати, по мнению ряда ученых, вспышки опасных болезней – это тоже ответ на подобное вторжение. Именно поэтому важно выстроить гармоничные отношения между человеком и природой. По мнению Президента России, «здесь уже накопилось критическое напряжение. Мы это видим по изменению климата. Эта проблема требует реальных действий и гораздо большего внимания» [16].

Учитывая, что изменение климата является одной из важнейших международных проблем XXI в., имеет комплексный междисциплинарный характер и охватывает экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития Российской Федерации, в нашей стране еще в 2009 г. была принята Климатическая доктрина [3], а впоследствии выпущен целый ряд документов стратегического планирования, направленных на регулирование этой сферы деятельности и рациональное природопользование. В частности, политика государства в этой сфере реализуется через «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденные Президентом России 30 апреля 2012 г., а также через Государственную программу Российской Федерации «Охрана окружающей среды» и национальный проект «Экология», утвержденные соответствующими постановлениями Правительства Российской Федерации. Эти документы стратегического планирования направлены на эффективное обращение с отходами производства и потребления, кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20 % совокупного объе-

ма выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах, повышение качества питьевой воды для населения и сохранение биологического разнообразия посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий.

Сам факт формирования национального проекта «Экология» свидетельствует о том, что впервые в новейшей истории России предпринята попытка сбалансированного решения социально-экономических и экологических задач, что соответствует принципам и целям устойчивого развития, которые приняты мировым сообществом на Саммите Организации Объединенных Наций в сентябре 2015 г. на период 2016–2030 годов [7, с. 7].

Безусловно, фактор ГИК необходимо учитывать при корректировке Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, причем не только в части приоритетов «оборона страны» (в том числе за счет дополнительных мер по защите российских интересов в арктической зоне, укреплению защищенности военных объектов на побережье Северного Ледовитого и Тихого океанов) и «государственная и общественная безопасность» (дополнительные меры по предотвращению природных и техногенных катастроф и локализации их возможных последствий, гуманитарным операциям), но и по всем остальным стратегическим национальным приоритетам. При этом следует исходить из того, что в современных условиях для обеспечения суверенного и независимого развития России, способности противостоять внешнему санкционному давлению и проводить взвешенную и самостоятельную политику на мировой арене все большее значение приобретают компоненты «мягкой силы» в обеспечении национальной безопасности. Поэтому в ряду факторов, имеющих определяющее значение для достижения национальных целей развития России, вопросы экологии, формирования, в целом отвечающие современным реалиям стратегии взаимодействия общества и природы, являются одной из приоритетных задач государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

Исходя из этого, в ходе подготовки новой редакции Стратегии национальной безо-

пасности Российской Федерации (а такая работа развернута в настоящее время) целесообразно произвести определенную корректировку национальных интересов на долгосрочную перспективу (пункт 30 Стратегии), дополнив их перечень задачами сохранения природы России и окружающего мира, создания комфортной среды обитания и хозяйственной деятельности. Соответственно, можно было бы скорректировать стратегические национальные приоритеты, а главное – усилить механизмы их реализации. Как отмечают эксперты, Стратегия национальной безопасности сформировала национальные приоритеты, но механизм их реализации до сих пор отсутствует, есть только инструменты мониторинга и оценки состояния национальной безопасности по каждому приоритету, которые не оказывают непосредственного воздействия на бюджетный процесс и государственные программы [1, с. 19].

В полной мере это утверждение можно отнести и к вопросам глобального изменения климата, рассматриваемым, как правило, в контексте проблем обеспечения экологической безопасности. В частности, реализация стратегического национального приоритета «экология живых систем и рациональное природопользование» осуществляется в рамках целого ряда программных и программно-плановых документов стратегического планирования, некоторые из них уже здесь упоминались. Национальный проект «Экология» реализуется в рамках четырех государственных программ (Государственная программа «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы, Государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов», Государственная программа «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы, Государственная программа «Развитие рыбохозяйственного комплекса») и двух федеральных целевых программ, что не соответствует общему принципу проектного управления: одна цель (приоритет или национальный проект) – одна госпрограмма в совокупности со связанными подпрограммами – бюджетное планирование.

В этой связи представляется обоснованным ввести в практику государственного управления корректировку самого принципа формирования государственных программ Рос-

сийской Федерации, имея в виду, что исполнительным (программно-плановым) документом по каждому стратегическому национальному приоритету (национальному проекту) является государственная программа. Соответственно, по каждому стратегическому национальному приоритету должен быть установлен единый набор документов стратегического планирования, включающий в себя прогноз, документ стратегического целеполагания (стратегию или доктрину), а также программно-плановый документ в виде государственной программы. При таком подходе государственная программа станет действительно работающим правовым и операционным инструментом Правительства Российской Федерации, прежде всего в части координации деятельности министерств и государственных компаний по достижению стратегических национальных приоритетов.

Масштабы возможных экономических последствий ГИК требуют совершенствования процесса стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности. В частности, одной из основных причин катастрофических наводнений считается неконтролируемая вырубка лесов и осушение болот. Лесные пожары и бесконтрольная лесозаготовительная деятельность в пойме притоков Амура в 2013 г. стали важным антропогенным фактором и одной из ключевых причин случившегося в регионе масштабного наводнения [9, с. 11]. Российская Федерация на примере борьбы с этим наводнением получила уникальный опыт комплексного подхода к ликвидации последствий такого рода стихийных бедствий. Однако стратегическая задача заключается в том, чтобы обеспечить планирование и координацию деятельности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, основных хозяйствующих субъектов по предупреждению чрезвычайных ситуаций, прогнозированию угроз и планированию профилактических мер, а также заблаговременной выработке алгоритма всестороннего взаимодействия при решении задач адаптации к глобальному изменению климата.

Такую работу еще предстоит наладить. Формат ее следует определить в Основах го-

сударственной политики по проблемам стратегического планирования в Российской Федерации, разработка которых в настоящее время ведется. Принятие Основ позволит сформировать единую и сбалансированную систему документов стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности в стране.

Безусловно, крайне важным является международное измерение политики, связанной с проблемами глобального изменения климата. Особого внимания требует выработка комплексных и научно обоснованных инициатив, с которыми Российская Федерация могла бы выступить на международной арене, в том числе в рамках ООН, исходя из того, что климатические изменения представляют для человеческой цивилизации новую общую угрозу, которая, как и другие современные транснациональные вызовы, требует коллективных согласованных действий. Здесь необходимо учитывать несколько факторов.

Во-первых, данные инициативы должны укладываться в рамки Парижского соглашения по климату, имея в виду не глобальное регулирование в виде квот или других ограничений, как это предусматривает Киотский протокол, а приоритет мер, основанных на взаимовыгодной многосторонней кооперации.

Во-вторых, важно стремиться выработать общую позицию с другими членами ЕАЭС и БРИКС, чтобы не только придать нашим инициативам дополнительный – притом весьма существенный (!) – вес, но выступить на стороне тех государств, которые не несут основной ответственности за накопленный выброс парниковых газов.

Исходя из этого, одним из перспективных направлений объединения усилий в рамках комплексных и научно обоснованных инициатив могло бы стать формирование коллективной системы мониторинга и оценки эффективности результатов реализации мероприятий по адаптации экономик и гражданского общества к изменениям климата и смягчению их последствий. Такой мониторинг позволит комплексно рассматривать новые вызовы и угрозы для систем здравоохранения и социальной защиты заинтересованных стран, обеспечит сбалансированность распределения ресурсов, даст возможность максимально эф-

фактивно использовать природные и географические особенности, возможности экономического положения всех участников соглашения для выработки и реализации действенных мер по борьбе с ГИК.

Необходимо также сформировать новую перспективную модель взаимодействия государства, гражданского общества и живой природы и на этой основе выйти на единое стратегическое целеполагание в сфере природосбережения, экологической безопасности и сохранения климата. Подход, основанный на рассмотрении проблемы ГИК как новой глобальной угрозы национальной и международной безопасности, позволит придать конструктивную направленность нынешним, зачастую противоречивым и разноплановым международным дискуссиям на климатическую тему и перейти от голословных призывов «изменить все» в духе Греты Тунберг к выработке практических решений по таким основополагающим вопросам, как инновации в энергетике, ценообразование на углеродное топливо и налогообложение, распределение обязанностей и договорных обязательств между «Севером» и «Югом», производителями и потребителями энергии и т. п.

Академическое сообщество, хорошо понимающее реальную ситуацию с ГИК, с одной стороны, и особенности современной мировой обстановки, возможности международных институтов и правовых норм – с другой, способно предложить коллективные меры противодействия этой новой угрозе человеческой цивилизации, разделенной на большое число суверенных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афиногенов, Д. А. О некоторых неотложных задачах по совершенствованию государственной политики в области стратегического планирования / Д. А. Афиногенов, В. П. Назаров // *Власть*. – 2020. – Т. 29, № 2. – С. 17–26.
2. Климат и безопасность. Глобальный климат в 2015–2019 годах: изменение климата набирает темп // *Всемирная Метеорологическая Организация*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://public.wmo.int/ru/media/пресс-релизы/глобальный-климат-в-2015–2019-годах-изменение-климата-набирает-темп> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Климатическая доктрина Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
4. Кокорин, А. О. Обзор доклада Николааса Стерна «Экономика изменения климата». – Изд. 2-е, доп. и перераб. / А. О. Кокорин, С. Н. Кураев // *WWF, Strategic Programme Fund (SPF)*. – М.: WWF России, 2009. – 60 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://infoik.net.kg/images/files/economy.pdf> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Концентрация углекислого газа в атмосфере Земли достигла исторического максимума. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6423526> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Корзун, В. А. Изменение климата: причины, прогнозы, возможные последствия для мировой экономики / В. А. Корзун. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 61 с.
7. Краснощеков, В. Н. Оценка эффективности реализации национального проекта «Экология» / В. Н. Краснощеков, Д. Г. Ольгаренко // *Природообустройство*. – 2019. – № 2. – С. 6–12.
8. Макаров, И. А. Глобальное изменение климата как вызов мировой и экономической науке / И. А. Макаров // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2013. – № 3. – С. 479–496.
9. Махинов, А. Н. Наводнение в бассейне Амура 2013 года: причины и следствия / А. Н. Махинов, В. И. Ким, Б. А. Воронов // *Вестник Дальневосточного отделения РАН*. – 2014. – № 2. – С. 5–14.
10. Назаров, В. П. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / В. П. Назаров, Д. А. Афиногенов // *Власть*. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 9–26.
11. Никитина, Е. Н. Изменение климата в Арктике: адаптация в ответ на новые вызовы / Е. Н. Никитина // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2019. – № 5. – С. 177–200.
12. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
13. Парижское соглашение. 2015 / Организация объединенных наций. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
14. Последствия изменения климата для экономического роста и развития отдельных секторов экономики российской Арктики / Б. Н. Порфирьев,

- С. А. Воронина, В. В. Семикашев, Н. Е. Терентьев // Арктика: экология и экономика. – 2017. – № 4 (28). – С. 4–17.
15. Русакова, Ю. А. Проблема изменения климата в мировой политике / Ю. А. Русакова // Власть. – 2010. – № 7. – С. 129–130.
16. Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на заседании клуба «Валдай». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/22/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-zasedanii-kluba-vaddaj.html> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
17. Трамп: Я не намерен тратить «триллионы» долларов на предотвращение глобального потепления. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://bulgartimes.com/tramp-ya-ne-nameren-tratit-trilliony-dollarov-na-predotvrashhenie-globalnogo-potepleniya/> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
18. Уварова, Н. Н. Климат как глобальная проблема: прошлое, настоящее, будущее / Н. Н. Уварова // Успехи современного естествознания. – 2006. – № 4. – С. 100–102.
19. Фантастический 2020-й: погода ставит рекорды даже в Арктике. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/217189/4296164/> (дата обращения: 02.12.2020). – Загл. с экрана.
20. Ajir, M. An Uncertain Future's Implications on United States National Security / M. Ajir. – University of Nebraska-Omaha. May 1st, 2016. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/303721124_An_Uncertain_Future%27s_Implications_on_United_States_National_Security (date of access: 02.12.2020). – Title from screen.
21. American National Security / A. A. Jordan, W. J. Taylor Jr., M. J. Meese, S. C. Neilsen. – Baltimore: Johns Hopkins University, 2011. – 688 p.
22. Barnett, J. Environmental Security / J. Barnett // The Routledge Handbook of New Security Studies / J. Peter Burgess, ed. – New York: Routledge, 2010. – P. 123–131.
23. Busby, J. Who cares about the weather?: Climate change and U.S. national security / J. Busby // Security Studies. – 2008. – Vol. 17 (3). – P. 468–504.
24. Fearon, J. D. Economic Development, Insurgency, and Civil War / J. D. Fearon // Institutions and Economic Performance / ed.: E. Helpman. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. – P. 75–90.
25. Findings from Select Federal Reports: The National Security Implications of a Changing Climate. White House. 2015. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/national_security_implications_of_changing_climate_final_051915_embargo.pdf (date of access: 08.11.2020). – Title from screen.
26. Fountain, H. Researchers Link Syrian Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change / H. Fountain // The New York Times. – 2015. – March 2.
27. Goldstein, J. S. Climate Change as a Global Security Issue / J. S. Goldstein // Journal of Global Security Studies. – 2016. – Vol. 1, iss. 1 (February). – P. 95–98. – Electronic text data. – Mode of access: <https://doi.org/10.1093/jogss/ogv010> (date of access: 08.11.2020). – Title from screen.
28. Javeline, D. The Most Important Topic Political Scientists Are Not Studying: Adapting to Climate Change / D. Javeline // Perspectives on Politics. – 2014. – Vol. 12. – P. 420–434.
29. Johnstone, S. Global Warming and the Arab Spring / S. Johnstone, J. Mazo // Survival: Global Politics and Strategy. – 2011. – Vol. 53 (2). – P. 11–17.
30. Kennette, B. Doomsday Clockwork / B. Kennette // Bulletin of the Atomic Scientists. – Electronic text data. – Mode of access: <http://thebulletin.org/doomsday-clockwork8052> (date of access: 18.11.2020). – Title from screen.
31. Keohane, R. O. The Global Politics of Climate Change: Challenge for Political Science / R. O. Keohane // PS: Political Science & Politics. – 2015. – Vol. 47. – P. 19–26.
32. Kharecha, P. Prevented Mortality and Greenhouse Gas Emissions from Historical and Projected Nuclear Power / P. A. Kharecha, J. E. Hansen // Environmental Science and Technology. – 2013. – Vol. 47. – P. 4889–4895. – DOI: 10.1021/es3051197.
33. Moran, D. Climate Change and National Security: A Country-Level Analysis / D. Moran. – Washington, DC: Georgetown University Press, 2011. – 320 p.
34. Nordhaus, W. The Climate Casino: Risk, Economics, and Uncertainty for a Warming World / W. Nordhaus. – New Haven, CT: Yale University Press, 2013. – 378 p.
35. Obama, B. Address at Coast Guard Academy. New London, CT, May 20, 2015 / B. Obama. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/05/20/remarks-president-united-states-coast-guard-academy-commencement> (date of access: 18.11.2020). – Title from screen.
36. O'Sullivan, T. Defining and Distinguishing Homeland from National Security and Climate-Related Environmental Security, in Theory and Practice / T. M. O'Sullivan, J. Ramsay // Journal of Homeland Security and Emergency Management. – 2015. – Vol. 12 (1). – P. 43–66.
37. Sharma, B. Earthquake Prods Nepal Parties to Make Constitutional Deal / B. Sharma, E. Barry // The New York Times. – 2015. – June 9.
38. Shlomi, D. Beyond Resource Wars: Scarcity, Environmental Degradation, and International

Cooperation / D. Shlomi. – Cambridge, MA : MIT Press, 2011. – 378 p.

39. Ullman, R. H. Redefining security / R. H. Ullman // International security. – 1989. – Vol. 8 (1). – P. 129–153.

40. White House. National Security Strategy, 2011. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (date of access: 11.11.2020). – Title from screen.

41. White House. National Strategy for the Arctic Region, 2013. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (date of access: 11.11.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Afinogenov D.A., Nazarov V.P. O nekotorykh neotlozhnykh zadachah po sovershenstvovaniyu gosudarstvennoy politiki v oblasti strategicheskogo planirovaniya [Some Urgent Tasks to Improve Public Policy on Strategic Planning]. *Vlast*, 2020, vol. 29, no. 2, pp. 17–26.

2. Klimat i bezopasnost. Globalny klimat v 2015–2019 godah: izmenenie klimata nabiraet temp [Climate and Security. Global Climate in 2015–2019: Climate Change Is Gaining Tempo]. *Vsemirnaya Meteorologicheskaya Organizatsiya* [World Meteorological Organization]. URL: <https://public.wmo.int/ru/media/пресс-релизы/глобальный-климат-в-2015–2019-годах-изменение-климата-набирает-темп> (accessed 2 December 2020).

3. *Klimaticheskaya doktrina Rossiyskoy Federatsii* [Climate Doctrine of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6365> (accessed 2 December 2020).

4. Kokorin A.O., Kurayev S.N. Obzor doklada Nikolasa Sterna «Ekonomika izmeneniya klimata» [Nicolas Stern's Report Review. Economy of Climate Change]. *WWF, Strategic Programme Fund (SPF)*. Moscow, WWF Rossii, 2009. 60 p. (accessed 2 December 2020).

5. *Kontsentratsiya uglekislogo gaza v atmosphere Zemli dostigla istoricheskogo maksimuma* [Concentration of Carbon Dioxide in the Earth's Atmosphere Reached Historic Maximum]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6423526> (accessed 2 December 2020).

6. Korzun V.A. *Izmemenie klimata: prichiny, prognozy, vozmozhnye posledstviya dlya mirovoy ekonomiki* [Climate Change: Causes, Forecasts, Possible Consequences for the World Economy]. Moscow, IMEMO RAN, 2012. 61 p.

7. Krasnoshchekov V.N., Ol'garenko D.G. Otsenka effektivnosti realizatsii natsionalnogo proekta

«Ekologiya» [Evaluation of the Effectiveness of Realization of the National Project “Ecology”]. *Prirodoobustroystvo*, 2019, no. 2, pp. 6–12.

8. Makarov I.A. Global'noye izmenenie klimata kak vyzov mirovoy i ekonomicheskoy nauke [Global Climate Change as a Challenge to the Global Economy and Economic Science]. *Ekonomicheskij zhurnal VShE*, 2013, no. 3, pp. 479–496.

9. Mahinov A.N., Kim V.I., Voronov B.A. Navodneniye v bassejne Amura 2013 goda: prichiny i sledstviya [The Amur 2013 Basin Flood: Causes and Consequences]. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya RAN*, 2014, no. 2, pp. 5–14.

10. Nazarov V.P., Afinogenov D.A. Problemy razvitiya obshchey teorii natsional'noy bezopasnosti v kontekste korrektyrovki Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Problems of the Development of the General Theory of National Security in the Context of the Adjustment of the National Security Strategy of the Russian Federation]. *Vlast*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 9–26.

11. Nikitina E.N. Izmenenie klimata v Arktike: adaptatsiya v otvet na novye vyzovy [Climate Change in the Arctic: Adaptation in Reply to New Challenges]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2019, no. 5, pp. 177–200.

12. «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii»: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2015 № 683 [National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation, December 31, 2015, no. 683]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (accessed 2 December 2020).

13. United Nations. *Parizhskoe soglasenie. 2015* [Paris Agreement. 2015]. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (accessed 2 December 2020).

14. Porfir'yev B.N., Voronova S.A., Semikashev V.V., Terent'yev N.E. Posledstviya izmeneniya klimata dlya ekonomicheskogo rosta i razvitiya otdel'nykh sektorov ekonomiki rossiyskoy Arktiki [Impact of Climate Change on Economic Growth and Development of Selected Sectors of the Russian Arctic Economy]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2017, no. 4 (28), pp. 4–17.

15. Rusakova Yu.A. Problema izmeneniya klimata v mirovoy politike [The Issue of Climate Change in World Politics]. *Vlast*, 2010, no. 7, pp. 129–130.

16. *Stenogramma: O chem rasskazal Vladimir Putin na zasedanii kluba «Valday»* [Transcript: What Vladimir Putin Told at the Meeting of the Club “Valgai”]. URL: <https://rg.ru/2020/10/22/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-zasedanii-kluba-vaddaj.html> (accessed 2 December 2020).

17. *Trump: Ya ne nameren tratit' «trilliony» dollarov na predotvrashchenie global'nogo potepleniya* [Trump: I Do Not Intend to Spend "Trillions" of Dollars to Prevent Global Warming]. URL: <https://bulgartimes.com/trump-ya-ne-nameren-tratit-trilliony-dollarov-na-predotvrashchenie-globalnogo-potepleniya/> (accessed 2 December 2020).
18. Uvarova N.N. Klimat kak global'naya problema: proshloye, nastoyashchee i budushchee [Climate as a Global Problem: Past, Present, Future]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*, 2006, no. 4, pp. 100-102.
19. *Fantasticheskiy 2020-y: pogoda stavit rekordy dazhe v Arktike* [Fantastic 2020: The Weather Sets Records Even in the Arctic]. URL: <https://www.kp.ru/daily/217189/4296164/> (accessed 2 December 2020).
20. Ajir M. *An Uncertain Future's Implications on United States National Security*. University of Nebraska-Omaha. May 1st, 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/303721124_An_Uncertain_Future%27s_Implications_on_United_States_National_Security (accessed 2 December 2020).
21. Jordan A.A., Taylor W.J., Jr., Meese M.J., Neilsen S.C. *American National Security*. Baltimore, Johns Hopkins University, 2011. 688 p.
22. Barnett J. Environmental Security. Burgess J.P., ed. *The Routledge Handbook of New Security Studies*. New York, Routledge, 2010, pp. 123-131.
23. Busby J. Who Cares About the Weather?: Climate Change and U.S. National Security. *Security Studies*, 2008, vol. 17 (3), pp. 468-504.
24. Fearon J.D. Economic Development, Insurgency, and Civil War. Helpman E., ed. *Institutions and Economic Performance*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2008, pp. 75-90.
25. *Findings from Select Federal Reports: The National Security Implications of a Changing Climate*. White House. 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/national_security_implications_of_changing_climate_final_051915_embargo.pdf (accessed 8 November 2020).
26. Fountain H. Researchers Link Syrian Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change. *The New York Times*, 2015, March 2.
27. Goldstein J.S. Climate Change as a Global Security Issue. *Journal of Global Security Studies*, 2016, vol. 1, iss. 1 (February), pp. 95-98. URL: <https://doi.org/10.1093/jogss/ogv010> (accessed 8 November 2020).
28. Javeline D. The Most Important Topic Political Scientists Are Not Studying: Adapting to Climate Change. *Perspectives on Politics*, 2014, vol. 12, pp. 420-434.
29. Johnstone S., Mazo J. Global Warming and the Arab Spring. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2011, vol. 53 (2), pp. 11-17.
30. Kennette B. Doomsday Clockwork. *Bulletin of the Atomic Scientists*. URL: <http://thebulletin.org/doomsday-clockwork8052> (accessed 18 November 2020).
31. Keohane R.O. The Global Politics of Climate Change: Challenge for Political Science. *PS: Political Science & Politics*, 2015, vol. 47, pp. 19-26.
32. Kharecha P.A., Hansen J.E. Prevented Mortality and Greenhouse Gas Emissions from Historical and Projected Nuclear Power. *Environmental Science and Technology*, 2013, vol. 47, pp. 4889-4895. DOI: 10.1021/es3051197.
33. Moran D. *Climate Change and National Security: A Country-Level Analysis*. Washington, DC, Georgetown University Press, 2011. 320 p.
34. Nordhaus W. *The Climate Casino: Risk, Economics, and Uncertainty for a Warming World*. New Haven, CT, Yale University Press, 2013. 378 p.
35. Obama B. *Address at Coast Guard Academy*. New London, CT, May 20, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/05/20/remarks-president-united-states-coast-guard-academy-commencement> (accessed 18 November 2020).
36. O'Sullivan T.M., Ramsay J. Defining and Distinguishing Homeland from National Security and Climate-Related Environmental Security, in Theory and Practice. *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 2015, vol. 12 (1), pp. 43-66.
37. Sharma B., Barry E. Earthquake Prods Nepal Parties to Make Constitutional Deal. *The New York Times*, 2015, June 9.
38. Shlomi D. *Beyond Resource Wars: Scarcity, Environmental Degradation, and International Cooperation*. Cambridge, MA, MIT Press, 2011. 378 p.
39. Ullman R.H. Redefining Security. *International Security*, 1989, vol. 8 (1), pp. 129-153.
40. White House. *National Security Strategy, 2011*. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 11 November 2020).
41. White House. *National Strategy for the Arctic Region, 2013*. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (accessed 11 November 2020).

Information About the Authors

Vladimir P. Nazarov, Candidate of Sciences (Politics), Advisor to the Secretary, Security Council of the Russian Federation, Ilyinka St, 23/16, 103132 Moscow, Russian Federation, vlnazarov1950@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6290-8220>

Dmitry A. Afinogenov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Public Administration and National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, afinogenov_d@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3558-3122>

Информация об авторах

Владимир Павлович Назаров, кандидат политических наук, советник секретаря, Совет безопасности Российской Федерации, ул. Ильинка, 23/16, 103132 г. Москва, Российская Федерация, vlnazarov1950@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6290-8220>

Дмитрий Александрович Афиногенов, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, afinogenov_d@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3558-3122>

ДИПЛОМАТИЯ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.11>

UDC 94(71)
LBC 63.3(0)6

Submitted: 15.09.2019
Accepted: 23.01.2020

CANADA'S PARTICIPATION IN THE IMPERIAL MILITARY BODIES IN THE FIRST WORLD WAR

Ekaterina S. Simonenko

Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper is devoted to the participation of Canada in the creation and activities of the Imperial War Cabinet and two Imperial War Conferences of 1917 and 1918 to explain the evolution of the foreign and political status of Canada as a part of the British Empire after the end of the War. *Methods and materials.* The paper is based on the British and Canadian Parliamentary Debates, Reports, Minutes of Proceedings and Meetings of the Imperial War Conferences 1917/1918 and the Imperial War Cabinet. To study them, it uses the method of historical criticism of sources. The author also uses the historical-genetic, comparative and the narrative methods to investigate the causes, the process of creating and activities of imperial military bodies for the unified management of the war. *Analysis.* The paper analyzes the reasons for the creation of imperial military organizations in the British Empire during the war. It reveals the organizational and functional differences between the two imperial military bodies: Cabinet and Conference. The author studies the activities of imperial military bodies during the war in detail, determines the role of the Canadian delegation in this process. The article analyzes the decisions of the imperial military bodies, reveals their domestic and foreign policy consequences for Dominion of Canada. *Results.* Canada's active participation in the creation and activities of the imperial military bodies during the First World War was one of the factors in the transformation of the Empire into the Commonwealth of Nations, the formation of its own national identity, political and foreign independence within the Empire.

Key words: Canada, British Empire, First World War, Imperial War Cabinet, Imperial War Conference, D. Lloyd George, R. Borden.

Citation. Simonenko E.S. Canada's Participation in the Imperial Military Bodies in the First World War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 123-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.11>

УДК 94(71)
ББК 63.3(0)6

Дата поступления статьи: 15.09.2019
Дата принятия статьи: 23.01.2020

УЧАСТИЕ КАНАДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРСКИХ ВОЕННЫХ ОРГАНОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Екатерина Сергеевна Симоненко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса создания и функционирования системы единого военного управления Британской империей в годы Первой мировой войны. Ключевую роль в этом процессе сыграла Канада как одно из самых влиятельных автономных образований, входивших в состав империи на правах доминиона. Реконструкция процесса участия Канады в создании и деятельности имперского военного кабинета и двух имперских военных конференций 1917 и 1918 гг. позволит объяснить эволюцию внутри- и внешнеполитического статуса Канады в составе Британской империи после окончания войны. На основе парламентских документов Канады и Великобритании, отчетов и протоколов заседаний имперских военных конференций и имперского военного кабинета анализируются причины создания имперских военных организаций в Британской империи в годы войны. Исследуется взаимная реакция британского и колониального общества на прямое участие в заседаниях британского кабинета министров представителей доминионов. Выявляются организационные и функциональные различия между двумя имперскими военными организациями: кабинетом и конференциями. Подробно изучается деятельность имперских военных организаций в годы войны, определяется роль канадской делегации в этом процессе. Анализируются решения имперских военных органов, выявляются их внутри- и внешнеполитические последствия для доминиона. В целом активное участие Канады в создании и деятельности органов единого военного управления в годы Первой мировой войны явилось одним из факторов трансформации Британской империи в Содружество наций, а также формирования канадской идентичности, ее внутри- и внешнеполитической самостоятельности в границах империи.

Ключевые слова: Канада, Британская империя, Первая мировая война, имперский военный кабинет, имперская военная конференция, Д. Ллойд Джордж, Р. Борден.

Цитирование. Симоненко Е. С. Участие Канады в деятельности имперских военных органов в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 123–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.11>

Введение. Реконструкция процесса участия Канады в общеимперских военных консультациях в годы Первой мировой войны важна для более глубокого понимания процесса становления национального самосознания канадского народа, а также эволюции внутри- и внешнеполитического статуса доминиона в составе Британской империи после окончания войны.

Методы и материалы. В работе используется историко-генетический метод, с помощью которого исследуются причины и процесс создания имперских военных органов для единого руководства войной. Сравнительный метод исторического исследования применяется для сопоставления суждений представителей британской и канадской политической элиты по вопросу расширения властных полномочий колониальных властей. Данный метод также используется для выявления различий в структуре, организации и функциях имперского военного кабинета и конференции. Описательно-повествовательный метод позволил реконструировать повестку дня, а также события, которые сопутствовали деятельности имперского военного кабинета и конференции в их хронологической последо-

вательности. Наконец, для изучения содержания отчетов о дебатах в парламентах Канады и Великобритании, отчетов и протоколов заседаний имперского военного кабинета и конференций применяется метод исторической критики источников.

Анализ. Генезис идеи имперских военных консультаций. Проблема обеспечения безопасности Британской империи занимала ключевое место в стратегическом планировании Великобритании. До середины XIX в. весь комплекс обязанностей по защите зависимых территорий возлагался на метрополию. Однако осуществление наземной и морской обороны колоний требовало значительных затрат, что грозило создать дефицит бюджета. Во второй половине XIX в. на волне общественного недовольства в среде военно-политического руководства Великобритании возникла идея взаимной ответственности, что означало перераспределение части обязательств в области имперской обороны на колонии. Метрополии следовало ограничиться защитой морских коммуникаций и зависимых владений силами Королевского флота, тогда как колонии должны были обеспечивать безопасность своих сухопутных границ.

В течение четверти века (1887–1911 гг.) изменения в организации имперской обороны были закреплены резолюциями колониальных и имперских конференций. В результате длительных дебатов были достигнуты договоренности о том, что колонии создадут местные вооруженные силы для защиты своих государственных границ, а также будут выплачивать регулярные взносы на содержание британского флота (последний пункт получил одобрение всех самоуправлявшихся колоний, за исключением Канады). Взамен метрополия соглашалась допустить представителей своих крупнейших автономных владений к участию в выработке имперской политики и стратегии. Однако до войны механизм привлечения премьер-министров доминионов не был разработан в деталях, а степень их информирования по действительно важным вопросам была минимальна. Так, в 1909 г. делегации от доминионов были приглашены на заседания имперской военной конференции, главным итогом которой стало создание комитета имперской обороны для разработки плана коллективной обороны на случай войны. В июле 1915 г. премьер-министр Канады Р. Борден посетил серию заседаний британского военного кабинета, а в 1916 г. его сменил премьер-министр Австралии У. Хьюз [4, р. 42].

Когда в 1914 г. началась война, в кругах политического руководства доминионов стала крепнуть уверенность в том, что факт присутствия колониальных контингентов в составе британских войск на европейском театре военных действий требует создания системы единого военного управления. Свое практическое воплощение эта идея получила в декабре 1916 г., когда в Великобритании к власти пришло коалиционное правительство Д. Ллойда Джорджа. Одним из пунктов его политической программы стало создание имперского консультативного органа, призванного обсуждать насущные проблемы ведения войны и условия послевоенного мира. В нем на паритетных началах должны были заседать представители метрополии и автономных владений британской короны. По замыслу властей метрополии, делегаты от доминионов должны были посещать заседания имперского военного кабинета по мере необходимости, при этом соблюдая принцип регулярности [23, р. 11–12].

Создание имперского военного кабинета. 12 декабря 1916 г. Д. Ллойд Джордж в письме, адресованном министру колоний У. Лонгу, обосновал решение пригласить делегатов от доминионов в состав британского военного кабинета. Он, в частности, писал: «...Мы должны привлечь доминионы к участию в наших военных совещаниях в гораздо более широкой мере, чем это делалось до сих пор. Они принесли огромные жертвы, но мы до сих пор не совещались с ними ни о целях войны, ни о методах ее ведения... Мы хотим получить от них больше людей. Вряд ли можно просить их о новом большом наборе, если наша просьба не будет сопровождаться одновременным приглашением приехать и обсудить наше общее положение» [2, с. 26–27].

Решение о приглашении представителей доминионов на заседания британского кабинета министров произвело двойственное впечатление на английское общество. С одной стороны, это был первый случай, когда делегаты от колоний приглашались не в консультативный, а исполнительный орган военного управления империей, что свидетельствовало о начале более тесного сотрудничества. С другой стороны, визиты Р. Бордена и У. Хьюза в 1915 и 1916 гг. носили в большей степени формальный характер. Глава канадского правительства «лишь раз присутствовал на заседании английского кабинета, когда происходило обсуждение такого второстепенного вопроса, как борьба с контрабандой хлопком. Главная цель Р. Бордена осталась недостигнутой: он так и не смог добиться предоставления необходимой ему информации о военно-политических планах британского руководства» [1, с. 227]. После поездки в Англию глава канадского правительства вновь оказался в изоляции, получая информацию о событиях в Европе из газет. Это побудило его в конце 1915 г. поставить перед министром колоний Э. Бонаром Лоу вопрос о проведении совместных консультаций. Полученный ответ не оставлял никаких сомнений: Лондон вполне устраивала существовавшая система военного руководства. Откровенно небрежное отношение правительства Г. Асквита к канадским властям вызвало у Р. Бордена протест: «Вопрос заключается в том, – писал премьер-министр Верховному комиссару в Лондоне, – кем

ведется война: одним Соединенным Королевством или всей империей? Если правильна вторая гипотеза, тогда почему британские государственные деятели претендуют на единоличное руководство ею?» [1, с. 239].

25 декабря 1916 г. главы всех британских автономий получили телеграммы из Лондона с предложением принять участие в работе военного кабинета [4, р. 24–25]. Многим этот шаг показался очевидным. По свидетельству современников, на тот момент истинного значения данного события не осознавали ни в самой метрополии, ни тем более в доминионах. Возможно, что его подлинный смысл первоначально был скрыт и от самих авторов этой инициативы [21, р. 218]. Выступая в Палате общин канадского парламента 22 января 1917 г., Р. Борден с воодушевлением сообщил, что в Лондоне представители доминионов будут участвовать в обсуждении актуальных вопросов ведения войны и заключения мира. Премьер-министр прекрасно понимал, что приглашение Д. Ллойд Джорджа имело под собой прагматическое основание: Канада должна была отправить на фронт как можно больше солдат, а взамен получала право участвовать в имперских консультациях. Однако он решил принять это приглашение для того, чтобы «добиться адекватного голоса в формировании имперской стратегии и политики» [3, р. 72; 4, р. 42–45]. Для некоторых канадских политиков приглашение оказалось большой неожиданностью. Так, лидер либеральной оппозиции У. Лорье заявил, что не понимает, как глава федерального правительства Канады, не будучи членом британского парламента, может присутствовать на заседаниях имперского кабинета министров [4, р. 24–25].

Несмотря на создание имперского военного кабинета, Великобритания не отказалась от проведения традиционных конференций в предвоенном формате. Между этими двумя консультативными органами наблюдались существенные различия. Во-первых, на заседаниях кабинета председательствовал глава британского правительства, а на конференции – министр по делам колоний. Во-вторых, в имперском военном кабинете обсуждались проблемы, связанные с ведением войны и заключением мира, а заседания конференции, напротив, были посвящены вопросам импер-

ской политики, не связанным с войной. В-третьих, несмотря на то что заседания обоих органов проходили в обстановке секретности, в отличие от решений кабинета отдельные резолюции конференции предавались гласности [8, р. 28–29]. Наконец, самое существенное различие заключалось в том, что имперский военный кабинет являлся консультативным и одновременно исполнительным органом, формирующим политику, в то время как имперская военная конференция обладала лишь консультативными полномочиями и все ее резолюции носили рекомендательный характер. В связи с этим было решено, что для большей эффективности заседания военной конференции будут проходить параллельно с заседаниями военного кабинета.

Деятельность имперского военного кабинета и конференции в 1917 г. 12 февраля 1917 г. делегация доминиона отправилась в Лондон, чтобы принять участие в заседаниях имперского военного кабинета и конференции [5, р. 1526]. График работы главы канадского правительства был очень плотным. В день прибытия он дал интервью, в котором подробно охарактеризовал программу мер, предпринятых Канадой в рамках плана интеграции доминиона в коллективную оборону империи. По его словам, автономия уже отправила за границу более 300 тыс. человек, привлекла такое же количество рабочих к производству военной техники, боеприпасов и снаряжения [12, р. 2].

В разгар визита Р. Бордена в Лондон стало известно, что австралийский премьер-министр не сможет вовремя прибыть на конференцию из-за участия в парламентских выборах. По этой причине открытие конференции было отложено до конца марта, и канадская делегация, чтобы не терять времени даром, отправилась во Францию инспектировать свои отряды на фронте. Это была первая поездка Р. Бордена на передовую с 1915 года. В середине марта 1917 г. он вернулся в Лондон и заявил в интервью британской прессе, что он нашел «дух, физическое состояние и подготовку канадских отрядов блестящими» [5, р. 1526, 1536–1540].

Первые заседания имперского военного кабинета и конференции были назначены на 20 и 21 марта соответственно. Все последу-

ющие заседания также должны были проводиться в разные дни, чтобы делегаты конференции могли участвовать и в работе кабинета. В обязанности делегатов входило не только посещение заседаний, но и подготовка документов по наиболее важным вопросам повестки дня, а также проведение совещаний с чиновниками различных британских министерств [19, р. 287].

По замыслу британских властей, на заседаниях имперского военного кабинета должен был применяться принцип равного статуса министров метрополии и доминионов, предполагающий, помимо всего прочего, знакомство представителей доминионов с планами ведения войны и условиями мира, носившими гриф «секретно». Скептики, активно критиковавшие курс Д. Ллойд Джорджа на сближение с доминионами, полагали, что приглашение представителей автономных владений в военный кабинет должно расцениваться не более чем знак вежливости, а обсуждение конкретной военной стратегии – происходить в их отсутствие. Они также считали аномальным присутствие премьер-министров Канады или Южной Африки в ходе дискуссий по вопросам продовольственного снабжения или поставок угля на британские острова [23, р. 16]. Лорд Г. Лансдаун подытожил позицию скептиков, заявив, что «в любом случае у нас должно быть три органа – наш собственный военный кабинет, кабинет министров или его эквивалент и имперский военный кабинет» [9, р. 256].

Еще одним основанием для полемики стало наименование имперского военного кабинета. Скептики провели терминологический анализ и сделали вывод о том, что к органу, включавшему представителей нескольких государственных образований в составе империи, было неприменимо определение «кабинет». Согласно нормам конституционного права, кабинет министров мог быть отстранен от власти протестным голосованием высшего законодательного органа. Таким образом, парламент любого доминиона, несогласного с политикой имперского военного кабинета, мог проголосовать за его роспуск. Глава канадской делегации возразил, что орган, в отношении которого велись ожесточенные споры, по сути являлся «кабинетом прави-

тельств» тех стран, которые в нем заседали. Решения, принятые «кабинетом шести правительств», носили коллегиальный характер, поэтому вотум недоверия должен был выноситься одновременно парламентами всех автономий, чьи министры присутствовали в его составе [22, р. 8–9].

В рамках первой сессии, длившейся с 20 марта по 2 мая 1917 г., состоялось четырнадцать заседаний имперского военного кабинета [18, р. 72]. Было принято решение, что встречи министров станут регулярными и на них будут обсуждаться актуальные проблемы имперской политики. Подтверждая тезис о том, что дальнейшее ведение войны – это коллективное обязательство, члены кабинета постановили: в случае отсутствия Д. Ллойд Джорджа функции председателя будет исполнять канадский премьер-министр [23, р. 15]. В свою очередь, Р. Борден поспешил заверить присутствующих, что все владения британской короны «единодушны в том, чтобы предпринять огромные усилия» для участия в войне, и «готовы продолжать их, насколько это возможно и необходимо» [17, р. 8–9].

Одним из главных вопросов повестки дня стала разработка новых способов наращивания численности имперских войск, которые в ближайшее время следовало отправить на фронт. По статистике, озвученной на заседании 30 марта, армия союзников насчитывала 13 млн человек против 8 млн армии центральных держав, из них «5 млн составляли русские, 2 млн итальянцы, а также румыны, бельгийцы, португальцы и другие войска сравнительно низкой боевой ценности» [12, р. 2]. Британская армия нуждалась еще как минимум в 500 тыс. солдат из колоний. Поэтому в условиях кризиса добровольной системы набора требовалось разработать новую схему отправки подкреплений союзникам. В ходе дискуссии глава канадского правительства высказал свое видение данной проблемы и пути ее решения. По его мнению, в самое ближайшее время во всех доминионах следовало ввести систему принудительной воинской службы [17, р. 9].

На заседаниях военной конференции, продолжавшихся с 21 марта по 27 апреля 1917 г., была озвучена новая концепция имперских отношений, одним из авторов которой стал

руководитель канадской делегации. 16 апреля он выдвинул на голосование резолюцию, в которой содержалось требование по окончании войны создать британское Содружество наций, куда должны были войти все доминионы и Индия. В рамках нового имперского образования им следовало получить право самостоятельного участия во внешней политике Британской империи [6, р. 40–60; 22, р. 9]. Предложение приняли большинством голосов. В решении конференции отмечалось, что после окончания войны британский кабинет обязуется провести конституционную реформу, а Адмиралтейство – разработать новую стратегию коллективной морской обороны, в которой активная роль была отведена Канаде и ее флоту [6, р. 5]. Резолюция № IX объективно подвела черту под предшествующим этапом развития имперских отношений, зафиксировав переход автономий в очередной, высший класс политического ученичества [1, с. 248]. Она положила начало организации британского Содружества наций, которое оформилось в 1926 г., но официальное закрепление получило только в Вестминстерском статуте 1931 года.

Вторым важным вопросом, который активно обсуждался в ходе конференции, стала проблема послевоенного мирного урегулирования в Европе. Канадских делегатов интересовал вопрос собственного представительства на мирной конференции, которая должна была состояться в обозримом будущем. Однако пока было неясно, на каких условиях они могли принимать в ней участие. По предварительной информации, власти метрополии выразили желание, чтобы Р. Борден в процессе подготовки конференции находился в Лондоне, а затем сопровождал британскую делегацию в Париж [6, р. 40–60].

Работа имперского военного кабинета и конференции завершилась 2 мая «к полному удовлетворению всех сторон». Она содействовала достижению по крайней мере двух важных результатов: улучшились взаимоотношения Великобритании и доминионов, и одновременно укрепились позиции кабинета Д. Ллойд Джорджа [1, с. 248]. Еще до отъезда в Канаду Р. Борден высоко оценил результаты своей работы в имперских военных органах. По его убеждению, с их созданием началась новая

эра в истории взаимоотношений между метрополией и доминионом, которая положила начало рождению нового политического образования на пространстве Британской империи – Содружества наций. Перед тем как покинуть Англию, Р. Борден написал главе британского правительства письмо, в котором выразил надежду, что участие представителей доминионов в решении имперских проблем станет обычной практикой [5, р. 1529–1530]. В свою очередь, Д. Ллойд Джордж выразил уверенность в том, что заседания имперского военного кабинета будут проводиться ежегодно [22, р. 7].

Прибыв в Канаду, премьер-министр 18 мая 1917 г. представил Палате общин подробный отчет о своем пребывании в Англии. В речи, адресованной парламентариям, Р. Борден выразил уверенность в том, что практика приглашения колониальных представителей в общеимперские консультативные органы будет активно развиваться. Он признался, что опыт, полученный в Лондоне, дал ему «ясное понимание военных проблем, колониальных обязанностей и ответственности». Поэтому до окончания войны доминион должен будет отправить на фронт в общей сложности 1 млн чел. [5, р. 1525–1530]. В тот же самый день он представил парламенту законопроект о введении конскрипции.

Деятельность имперского военного кабинета и конференции в 1918 г. В 1918 г. начался новый виток имперских консультаций. С 11 июня по 25 июля прошли заседания имперского военного кабинета, с 12 июня по 26 июля – имперской военной конференции. Р. Борден отправился в Англию 26 мая в компании министров коалиционного правительства [16, р. 9]. Спустя две недели они прибыли в столицу, где приняли участие в серии встреч с британскими министрами и делегатами от доминионов. Речи главы канадского правительства, посвященные войне и имперским обязательствам, воспринимались крайне одобрительно, особенно британской прессой [20, р. 415].

К началу второй сессии стало известно о нововведениях, которые коснулись состава и принципов работы имперского военного кабинета. Было принято решение о том, что в заседаниях будут участвовать по два делегата от каждого доминиона и Индии. Для обеспечения

непрерывной работы один из двух делегатов не ниже министерского ранга должен был постоянно находиться в Лондоне. В то же время министрам полагалось «сохранять связь» со своими доминионами и ежегодно посещать их [14, р. 4]. В дни работы имперского военного кабинета «малый» военный кабинет прекращал свою деятельность и временно переключался на обсуждение общих вопросов. Если раньше заседания кабинета проходили в атмосфере строгой секретности, то теперь его резолюции стали публиковаться в ежедневных отчетах для внутреннего пользования. Перед началом заседаний члены кабинета стали получать отпечатанный накануне план работы на предстоящий день [23, р. 18–19].

На второй сессии имперского военного кабинета дискуссия началась с обсуждения военных проблем, а затем плавно перешла на вопросы внешней политики. В ее ходе Р. Борден признался, что до созыва имперского кабинета национальный статус доминионов был ограничен «опекой» британского правительства в области внешней политики и обороны [8, р. 32–33; 23, р. 16–17]. Однако теория «опеки», на которой до сих пор строились имперские отношения, окончательно исчерпала себя и была несовместима со статусом доминионов как самостоятельных государственных образований. Идеалом для него являлось имперское Содружество объединенных наций под эгидой британской короны [1, с. 247].

В итоге кабинет принял резолюцию, где гарантировалось, что представители доминионов будут не только участвовать в определении стратегии, которой будет придерживаться Великобритания на мирной конференции. Они сами будут присутствовать на заседании Верховного военного совета союзников, запланированного на 5 июля 1918 г. в Париже [8, р. 30–31]. Одним из важнейших решений конференции 1918 г. стало создание специального имперского совета по демобилизации, где в равной степени должны были быть представлены делегаты от Соединенного Королевства и доминионов. В его компетенцию входило решение вопросов, связанных с расформированием воинских подразделений и отправкой их домой [7, р. 7; 8, р. 41].

Обе поездки главы канадского правительства и его коллег в Англию продолжались

в общей сложности восемь месяцев (февраль – май 1917 г., май – август 1918 г.). Столь длительное отсутствие ключевых министров на своих постах вызвало явное недовольство в Канаде. Вскоре из Лондона и Оттавы последовали официальные объяснения. Все они сводились к тому, что британские власти не могли обойтись без помощи канадских представителей в решении вопросов войны и мира. При этом рабочие заседания проходили столь часто, что Р. Борден не мог выбрать время, чтобы посетить доминион. Действительно, за 18 месяцев работы (декабрь 1916 – июнь 1918 г.) «малый» военный кабинет, имперский военный кабинет и конференция провели в общей сложности 555 заседаний за 474 дня, исключая воскресные дни [9, р. 267].

В июле 1918 г. стало известно, что глава правительства Канады вынужден был остаться в Англии еще на некоторое время. Дело в том, что после формального закрытия второй сессии, заседания министров в формате имперского кабинета продолжались еще до 16 августа 1918 года. Необходимость в дополнительных встречах была вызвана событиями весенне-летнего наступления немцев на Западном фронте, активизировавших свои действия до прибытия американских батальонов во Францию [11, р. 8]. Оценивая положение союзных войск как критическое, Д. Ллойд Джордж заявил, что лучше бы доминионы «производили меньше стали, угля и текстиля, а увеличили численность нашей армии». По его подсчетам, Канада за все время должна была отправить на фронт не менее 1 млн 200 тыс., а Австралия – 800 тыс. солдат. Такие рассуждения вызвали возражения со стороны колониальных делегатов. Р. Борден заметил, что, на его взгляд, данное замечание было несправедливым, поскольку в Канаде проживало значительное количество ненатурализованных нейтральных лиц, которых нельзя было принудительно завербовать. «Пусть Соединенные Штаты Америки наберут 6 млн человек, добавил он, и когда они это сделают, мы рассмотрим возможность отправить больше людей». В свою очередь, премьер-министр Австралии У. Хьюз заметил, что, «если мы выиграем войну и истечем кровью, это будет равносильно поражению» [11, р. 10–11].

По требованию главы британского правительства Р. Борден вновь отправился в Лондон в ноябре 1918 г., чтобы присутствовать на третьей сессии имперского военного кабинета. На повестке дня стояли вопросы мирного урегулирования, в том числе определение позиции британской делегации на переговорах в Париже [13, р. 4]. На этот раз канадским министрам были выделены отдельные кабинеты в Уайтхолле, где они работали над проблемами послевоенного урегулирования: У. Фостер занимался вопросами торговли, К. Сифтон и Э. Кемп – кораблестроением, иммиграцией и транспортом, Ч. Дохерти – конституционными вопросами [15].

Британское руководство столкнулось с проблемой представительства доминионов на мирной конференции. 31 декабря 1918 г. состоялось последнее заседание кабинета, где Р. Борден изложил согласованный всеми доминионами «проект представительства». Британская делегация, как подчеркнул премьер-министр, должна была олицетворять не только Великобританию, но всю империю. Он считал необходимым «удовлетворить национальный дух канадского народа», предупредив, что «в противном случае возможно возникновение неблагоприятных и даже опасных последствий». Нестандартная обстановка требовала, по мнению Р. Бордена, принятия нестандартных решений. Именно поэтому он настаивал на праве каждого доминиона иметь, подобно малым союзным державам, отдельное представительство. Признание за государствами, не принимавшими активного участия в войне, например за Грецией и Португалией, возможности самостоятельно участвовать в процессе мирного урегулирования и лишение такого права Канады и Австралии, отдавших борьбе все силы, Р. Борден отказывался расценивать иначе, как верх несправедливости. В итоге была достигнута договоренность о двойном статусе доминионов и Индии как членов имперской делегации и как самостоятельных участников конференции [10, р. 8; 1, с. 254–255]. На практике это означало преобразование имперского военного кабинета в делегацию Британской империи.

Результаты. Формирование системы единого военного управления Британской империей в годы Первой мировой войны явилось

важным и закономерным итогом развития внутриимперских отношений, в котором в равной степени были заинтересованы как метрополия, так и доминионы. Британские власти, создавая такие площадки для дискуссий, преследовали несколько целей. Во-первых, они намеревались зафиксировать притязания доминионов, стремившихся изменить свой конституционный и функциональный статус в составе империи. Во-вторых, следовало определить обязательства доминионов в сфере военного взаимодействия для более успешного ведения войны. Для этого необходимо было познакомить лидеров самоуправлявшихся колоний с текущими проблемами международной жизни и реальной обстановкой, сложившейся на фронте. Наконец, предстояло определить место и роль доминионов в процессе разработки планов послевоенного мирного урегулирования.

Суммируя позицию Канады по важнейшим решениям имперского военного кабинета и конференций, следует отметить, что она была нацелена на укрепление автономного статуса доминиона в составе Британской империи. Война предоставила объективную возможность продемонстрировать метрополии и всему миру, что за последние полвека Канада из британской заморской территории превратилась в сильное государство с оформившейся национальной идентичностью и политическим самосознанием. Для упрочения своего положения в империи она должна была внести весомый вклад в победу Великобритании и союзников в войне. Для этого ей следовало отправить на фронт как можно больше солдат, что влекло за собой переход от добровольной системы набора к всеобщей воинской повинности. В качестве ответного шага после окончания войны метрополия должна была пересмотреть взаимоотношения со своими заморскими территориями, подтвердив их равный статус в структуре британского Содружества наций. Канада была готова к перенастройке конституционных отношений, направленной на трансформацию внутренних и внешних полномочий субъектов, входивших в состав империи. Для этого она требовала, во-первых, официального признания доминионов и Индии равными и независимыми нациями в составе Содружества; во-вторых, права самостоятельного участия во

внешней политике Британской империи и в международных отношениях; в-третьих, участия в процессе выработки единой схемы военно-морской обороны империи с перспективой строительства собственного флота. Эти изменения были призваны завершить эволюцию правового и политического статуса Североамериканского доминиона в структуре империи и превратить его в полноправного члена британского Содружества наций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грудзинский, В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX в.) / В. В. Грудзинский. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. – 312 с.
2. Ллойд Джордж, Д. Военные мемуары / Д. Ллойд Джордж ; пер. с англ. И. Звавича ; с предисл. Ф. А. Ротштейна. – Т. 4. – М. : Соцэкгиз, 1935. – 444 с.
3. Brown, R. C. Robert Borden: a Biography / R. C. Brown. – Toronto : Macmillan of Canada, 1975. – 148 p.
4. Commons Sitting of 22 January 1917 // Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada, 12th Parliament, 7th Session, 1917. – Vol. 1 (Vol. CXXVI). – P. 7–45.
5. Commons Sitting of 18 May 1917 // Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada, 12th Parliament, 7th Session, 1917. – Vol. 2 (Vol. CXXVII). – P. 1523–1568.
6. Imperial War Conference, London, 1917. Extracts from Minutes of Proceedings and Papers Laid before the Conference. – London : Published by H.M.S.O., 1917. – 163 p.
7. Imperial War Conference, London, 1918. Extracts from Minutes of Proceedings and Papers Laid before the Conference. – London : Published by H.M.S.O., 1918. – 252 p.
8. Keith, A. B. War Government of the British Dominions / A. B. Keith. – Oxford : At the Clarendon Press, 1921. – 354 p.
9. Lords Sitting of 19 June 1918 // Official Hansard. Series 5. – Vol. 30. – Great Britain. House of Lords. – P. 239–288.
10. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet, December 31, 1918 // Imperial War Cabinet 1918. Minutes of Meetings, 30–48, August 13 – December 31, 1918. – London : Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918. – P. 1–21.
11. Minutes of a Meeting, August 16, 1918 // Imperial War Cabinet 1917–1918, Committee of Prime Ministers,

Notes of Meetings, June 21 – August 16, 1918. – London : Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918. – P. 1–8.

12. Minutes of Meeting of 30 March, 1917 // Imperial War Cabinet 1917. Minutes of Meetings, 1–14, March 20 – May 2, 1917. – London : Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1917. – P. 1–8.

13. Minutes of the Thirty-Seventh Meeting of the Imperial War Cabinet, November 20, 1918 // Imperial War Cabinet 1918. Minutes of Meetings, 30–48, August 13 – December 31, 1918. – London : Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918. – P. 1–7.

14. Minutes of the Twenty-Sixth Meeting of the Imperial War Cabinet, July 23, 1918 // Imperial War Cabinet 1918 Minutes of Meetings, 15–29, June 11 – August 2, 1918. – London : Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918. – P. 1–7.

15. Premier Borden and Ministers Busily Engaged // Edmonton Bulletin. – 1918. – November 20. – P. 1.

16. Premiers Reach London, Imperial War Cabinet and Conference Soon to Assemble // New York Times. – 1918. – June 8. – P. 9.

17. Process-verbal of the First Meeting of the Imperial War Cabinet, March 20, 1917 // Imperial War Cabinet 1917–1918, Committee of Prime Ministers, Notes of Meetings, March 20, 1917 – November 28, 1918. – London : Printed at the Foreign Office by C.R. Harrison, 1918. – P. 1–13.

18. Soward, F. H. Sir Robert Borden and Canada's External Policy, 1911–1920 / F. H. Soward // Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association. – 1941. – Vol. 20, № 1. – P. 65–82.

19. The Canadian Annual Review, War Series, 1917 / ed. by J. Castell Hopkins. – Vol. 17. – Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. – 949 p.

20. The Canadian Annual Review, War Series, 1918 / ed. by J. Castell Hopkins. – Vol. 18. – Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1919. – 879 p.

21. The War Conference of the Empire // The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire. – 1917. – Vol. 7, № 26. – P. 218–252.

22. War Cabinet, Report for the year 1917. – London : Published by HMSO, 1918. – 236 p.

23. Wrong, G. M. Canada and the Imperial War Cabinet / G. M. Wrong // The Canadian Historical Review. – 1920. – Vol. 1, № 1. – P. 3–25.

REFERENCES

1. Grudzinskij V.V. *Na povorote sud'by: Velikaja Britanija i imperskij federalizm (poslednjaja tret' XIX – pervaja chetvert' XX v.)* [At the Turn of Fate: Great Britain and Imperial Federalism (The Last Third of the 19th – The First Quarter of the 20th Centuries)].

Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet, 1996. 312 p.

2. Lloyd George D. *Voennye memuary* [War Memoirs]. Vol. 4. Moscow, Sotsekgiz, 1935. 444 p.

3. Brown R.C. *Robert Borden: A Biography*. Toronto, Macmillan of Canada, 1975. 148 p.

4. Commons Sitting of 22 January 1917. *Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada*, 12th Parliament, 7th Session, 1917, vol. 1 (vol. CXXVI), pp. 7-45.

5. Commons Sitting of 18 May 1917. *Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada*, 12th Parliament, 7th Session, 1917, vol. 2 (vol. CXXVII), pp. 1523-1568.

6. *Imperial War Conference, London, 1917. Extracts from Minutes of Proceedings and Papers Laid Before the Conference*. London, Published by H.M.S.O., 1917. 163 p.

7. *Imperial War Conference, London, 1918. Extracts from Minutes of Proceedings and Papers Laid Before the Conference*. London, Published by H.M.S.O., 1918. 252 p.

8. Keith A.B. *War Government of the British Dominions*. Oxford, At the Clarendon Press, 1921. 354 p.

9. Lords Sitting of 19 June 1918. *Official Hansard. Series 5. Vol. 30*. Great Britain. House of Lords, pp. 239-288.

10. Minutes of a Meeting of the Imperial War Cabinet, December 31, 1918. *Imperial War Cabinet 1918. Minutes of Meetings, 30-48, August 13 – December 31, 1918*. London, Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918, pp. 1-21.

11. Minutes of a Meeting, August 16, 1918. *Imperial War Cabinet 1917-1918, Committee of Prime Ministers, Notes of Meetings, June 21 – August 16, 1918*. London, Printed at the Foreign Office by C.R. Harrison, 1918, pp. 1-8.

12. Minutes of Meeting of 30 March, 1917. *Imperial War Cabinet 1917. Minutes of Meetings, 1 –*

14, March 20 – May 2, 1917. London, Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1917, pp. 1-8.

13. Minutes of the Thirty-Seventh Meeting of the Imperial War Cabinet, November 20, 1918. *Imperial War Cabinet 1918. Minutes of Meetings, 30-48, August 13 – December 31, 1918*. London, Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918, pp. 1-7.

14. Minutes of the Twenty-Sixth Meeting of the Imperial War Cabinet, July 23, 1918. *Imperial War Cabinet 1918 Minutes of Meetings, 15-29, June 11 – August 2, 1918*. London, Printed at the Foreign Office by C.R. Harrison, 1918, pp. 1-7.

15. Premier Borden and Ministers Busily Engaged. *Edmonton Bulletin*, 1918, November 20, p. 1.

16. Premiers Reach London, Imperial War Cabinet and Conference Soon to Assemble. *New York Times*, 1918, June 8, p. 9.

17. Process-Verbal of the First Meeting of the Imperial War Cabinet, March 20, 1917. *Imperial War Cabinet 1917-1918, Committee of Prime Ministers, Notes of Meetings, March 20, 1917 – November 28, 1918*. London, Printed at the Foreign Office by C. R. Harrison, 1918, pp. 1-13.

18. Soward F.H. Sir Robert Borden and Canada's External Policy, 1911-1920. *Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association*, 1941, vol. 20, no. 1, pp. 65-82.

19. Castell Hopkins J., ed. *The Canadian Annual Review, War Series, 1917. Vol. 17*. Toronto, Canadian Annual Review Limited, 1918. 949 p.

20. Castell Hopkins J., ed. *The Canadian Annual Review, War Series, 1918. Vol. 18*. Toronto, Canadian Annual Review Limited, 1919. 879 p.

21. The War Conference of the Empire. *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire*, 1917, vol. 7, no. 26, pp. 218-252.

22. *War Cabinet, Report for the Year 1917*. London, Published by HMSO, 1918. 236 p.

23. Wrong G.M. Canada and the Imperial War Cabinet. *The Canadian Historical Review*, 1920, vol. 1, no. 1, pp. 3-25.

Information About the Author

Ekaterina S. Simonenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Historical Education, School of Education, Far Eastern Federal University (FEFU), Sukhanova St, 8, 690091 Vladivostok, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7329-5346>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Симоненко, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического образования, Школа педагогики, Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, 8, 690091 г. Владивосток, Российская Федерация, eka-1982.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7329-5346>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.12>

UDC 93/94

LBC 64.4(4/8)

Submitted: 12.11.2019

Accepted: 16.03.2020

INVOLVEMENT OF PAKISTAN AND SAUDI ARABIA IN THE EVENTS IN AFGHANISTAN IN THE LATE 1970s

Taisiya V. Rabush

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. In this article, the author examines the position of the countries of the Middle East region in the late 1970s with regard to the armed conflict in Afghanistan. The emphasis is on the period on the eve of the entry of the Soviet troops to Afghanistan – from the April Revolution of 1978 until December 1979. The author’s focus is on two states: Pakistan directly bordering on Afghanistan, and Saudi Arabia, which is a major geopolitical actor in the region. *Methods and materials.* The author relies on documentary sources such as “Department of state bulletin”, documents of secret correspondence of the U.S. foreign policy agencies, documents of the U.S. National Security Archive, and special volumes on Afghanistan and the Middle East in “Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1977–1980”. Thanks to these sources, it is possible to prove that the involvement of the states of the region in the Afghan armed conflict and its internationalization began even before the Soviet troops entered Afghanistan. *Analysis.* First, an overview of the objectives pursued by these states in Afghanistan and in the internal Afghan armed conflict is given. Following this, the author consistently reveals the position of these states in relation to the April Revolution of 1978, the ever-increasing Soviet involvement in the Afghan events (1978–1979) and the civil war that started against the Kabul government. *Results.* In conclusion the article reveals the role of these states in the process of internationalization of the Afghan armed conflict, which, according to the author, began before the Soviet troops entered Afghanistan.

Key words: Afghan war, Afghan armed conflict, Cold War, Middle East, Afghan-Pakistani relations, Muslim countries in the late 1970s.

Citation. Rabush T.V. Involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Events in Afghanistan in the Late 1970s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 133-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.12>

УДК 93/94

ББК 64.4(4/8)

Дата поступления статьи: 12.11.2019

Дата принятия статьи: 16.03.2020

ПРОЦЕСС ВОВЛЕЧЕНИЯ ПАКИСТАНА И САУДОВСКОЙ АРАВИИ В СОБЫТИЯ В АФГАНИСТАНЕ (КОНЕЦ 1970-х гг.)

Тайсия Владимировна Рабуш

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает процесс вовлечения некоторых стран региона Среднего и Ближнего Востока в конце 1970-х гг. в афганский вооруженный конфликт. Автором для анализа избран период времени накануне ввода советских войск – начиная с Апрельской революции 1978 г. и вплоть до декабря 1979 года. В фокусе внимания находятся два государства: непосредственно граничащий с Афганистаном Пакистан и отдаленная от Афганистана, но являющаяся крупным геополитическим актором в регионе Саудовская Аравия. Причины выбора этих государств раскрываются в статье. В своем исследовании автор опирается преимущественно на документальные источники соответствующего периода. Благодаря последним можно доказать, что вовлечение государств региона в афганский вооруженный конфликт и, следовательно, его интернационализация начались еще на этапе до ввода в Афганистан советских войск. Обоснование этого факта и является целью настоящего исследования. Вначале обозначаются цели, преследуемые этими государствами в

Афганистане и в начавшемся в конце 1970-х внутреннем афганском вооруженном конфликте. Автор кратко касается роли ислама в процессе вовлечения этих государств в афганские внутренние события. Вслед за этим автор раскрывает позицию этих государств в отношении: Апрельской революции 1978 г., советского вовлечения в афганские события в 1978–1979 гг. и начавшейся против официального кабульского правительства гражданской войны. В итоге раскрывается роль этих государств в процессе интернационализации афганского вооруженного конфликта, который, как доказывает автор, начался до ввода советских войск в Афганистан.

Ключевые слова: афганская война, афганский вооруженный конфликт, холодная война, Ближний и Средний Восток, афгано-пакистанские отношения, мусульманские страны в конце 1970-х годов.

Цитирование. Рабуш Т. В. Процесс вовлечения Пакистана и Саудовской Аравии в события в Афганистане (конец 1970-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 133–144. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.12>

Introduction. The theme of the “Afghan war” 1979–1989 with the direct participation of the USSR remains actual. It is known that initially the conflict in Afghanistan was internal, but since the late 1970s it became a field for the “test of strength” of the superpowers, and the involvement of the USSR and the USA in this conflict (and, accordingly, its internationalization) took place even before the entry of Soviet troops into Afghanistan. The thesis of the involvement of the superpowers in the Afghan conflict even before the Soviet troops entered the country are now unlikely in doubt. In this article, the author will consider a rather poorly studied topic – the position of some countries of the Middle East region in the late 1970s regarding the events in Afghanistan and the process of their involvement in the Afghan conflict. The author’s task and the main goal of the study is to reveal the motives and goals of some states of the Middle East in relation to Afghanistan and the events in it and to show that the involvement of some states of the region in the Afghan conflict began at the same time as the involvement of the USA and the USSR in this conflict – that is, even before the entry of Soviet troops into Afghanistan. The issue raised in the article is also significant because local armed conflicts continue to remain an essential element of international relations: an analysis of the processes of internationalization of local military conflicts of the past is useful for predicting and resolving conflicts of the present and future.

Many authors write about “outside intervention” in the Afghan armed conflict as a given, but how and why this intervention took place is extremely poorly described. The author has made an attempt to fill this gap. The novelty of the theme is to show the process of involving

large regional Muslim states in the internal Afghan armed conflict in dynamics, to find out its main causes and goals. The author for the first time carried out an almost step-by-step analysis of the process of involvement, the evolution of the position held and the motives for the involvement of some states in the region of the Middle East in the Afghan conflict.

1978 (starting from the April Revolution) and 1979 were chosen by the author as the chronological framework of the work because this short period is no less significant for the modern history of Afghanistan than, for example, 1917 is for the modern history of Russia – it was during these approximately one and a half years in a number of events took place in Afghanistan that radically influenced its further political, economic, cultural, etc. development. This stage in the history of Afghanistan (from the April Revolution to the introduction of Soviet troops) deserves the most detailed study. The author focuses on two states: Pakistan, directly bordering Afghanistan, and Saudi Arabia, which is a large and very influential geopolitical actor in the region. Why did the author choose these particular states? Because they were the most active regional players in the Afghan events, which will be discussed in detail below. Pakistan was of particular interest with regard to Afghanistan – here both ethnic motives, and the unresolved issue of the “Durand Line” took place. For Saudi Arabia, a change in the balance of power in the region could also have negative consequences; therefore this state was also interested in preventing the final victory of the “left” → forces in Afghanistan.

It is well known that the involvement of these states (especially Pakistan – a large number of sources and studies are available on the process

of Pakistani involvement in the Afghan events) began before 1979. The author's hypothesis is as follows: the full involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan armed conflict took place before December 1979, and these states carried out partnership in this regard. In order to find out what events triggered the involvement of each of the mentioned states in the Afghan conflict and contributed to its escalation, we will first analyze the general motives prompting each state to intervene in the Afghan conflict; and then consider the process of involvement in dynamics – from the April Revolution of 1978 to December 1979.

Methods and materials. As the main research method in this article, the author uses the comparative historical analysis, examining in a comparative perspective the positions of these states regarding the situation in Afghanistan in the late 1970s, and comparing their practical actions. The author relies primarily on foreign published documents – for example, “Department of state bulletin” [22; 28]; on documents of secret correspondence of the U.S. foreign policy departments declassified after of the seizure of the U.S. Embassy in Tehran by Iranian students in November 1979 [29]; on documents from the U.S. National Security Archive, and special volumes on Afghanistan and the Middle East, published in 2015 and 2018 in “Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1977–1980” [9; 10]. Thanks to the analysis of the documents, the author proves that the involvement of the states of the region in the Afghan internal political struggle began even before the Soviet troops entered Afghanistan and shows in dynamics how it was happening.

A small number of works directly concern the topic of the article, but one can name an article by the Russian orientalist E.S. Melkumyan “The introduction of Soviet troops in Afghanistan: causes and consequences” [21] and the article “Afghanistan in the policy of the USSR and the USA in 1979: Diplomacy in history” by T.A. Vorobieva and V.T. Yungblyud [35], which are devoted to the analysis of the Afghan events in 1979, and the article by Ye.S. Melkumyan based on materials from Russian archives, which is of particular interest. Also, the Afghan events on the eve of the introduction of the limited contingent of Soviet troops into this country are considered in the following works: in the monograph “Afghan

policy of the USA in 1945–2014” by M.R. Arunova and V.I. Ivanenko [1, pp. 18–34]; in the work “USA and Afghanistan (1978–1989)” by A.S. Ivaschenko [16, pp. 29–57]; in the monograph “People's Democratic Party of Afghanistan in power. The time of Taraki-Amin (1978–1979)” by M.F. Slinkin devoted mainly to internal subjects – but the topic of foreign policy is also touched upon [31]; in the article “U.S. secret strategy in Afghanistan in 1979–1989” by V.M. Toporkov [33]; in the monograph “Persian Gulf: the aggravation of the political and military situation and international relations in the late 20th – early 21st centuries” by U.Z. Sharipov [30, pp. 20–33]; in the fundamental monograph by V.G. Korgun “History of Afghanistan. XX century” [18]; in the monograph by V.S. Boyko “Problems and contradictions of modernization in Afghanistan in the 20th – early 21st centuries. Essays on alternative strategies and practices” [5] – and this is not a complete list of works on the theme. Among foreign authors one can mark: “The Afghanistan wars” by W. Maley [20] and J. Kepel's work “Jihad: the expansion and decline of Islamism” [17, pp. 135–147], – we note that in this work J. Kepel is interested not in the “Afghan war” itself, but in its role in the process of the worldwide spread of the ideology of Islamism.

Now let us touch on the “regional” historiography – so far as this article will examine the position of Pakistan and Saudi Arabia regarding the Afghan conflict in 1978–1979 and the process of their involvement in this conflict, the author will resort to literature dedicated to each of these states separately. Most of all we have literature, which touches upon the question of Pakistan's role in the Afghan events on the eve of the introduction of the limited contingent of Soviet troops into Afghanistan: this is a monograph by V.Ya. Belokrenitsky and V.N. Moskalenko “East in world politics. Asia and Africa in the history of international relations and modern world politics” [3] and the work of V.Ya. Belokrenitsky “The history of Pakistan. 20th century” [4, pp. 336–349], they touch upon the topic raised in this article; monograph by O.V. Pleshov “Islam, Islamism and nominal democracy in Pakistan” [26]; monograph by V.N. Spolnikov “Afghanistan. Islamic opposition: the origins and purposes” [32, pp. 30–41, 83–93], which analyzes the role of Pakistan in the process of forming the structure of the

Afghan armed opposition; dissertation by Yu.N. Panichkin dedicated to Afghan-Pakistani relations [25]; K. Iskandarov's article "Factor of Pakistan in the Afghan conflict", which considers the reasons for Pakistani involvement in the Afghan events [15]; article by A.Z. Hilali "The costs and benefits of the Afghan war for Pakistan" [13], which analyzes the place of the Afghan conflict in Pakistani foreign policy; monograph "Pakistan. Between mosque and military" H. Haqqani [11].

Let's move on to research on the foreign policy of Saudi Arabia. The author would like to point out the work of M.B. Asanbaev "Arabian monarchies: society, authority and the state" [2], which examines the mechanisms of foreign policy of Arabian monarchies, and in particular Saudi Arabia; for the monograph by A.I. Yakovlev "Saudi Arabia and the West" [36]; for the monograph by G.G. Kosach and E.S. Melkumyan "Saudi Arabian foreign policy. Priorities, directions, decision-making process" [19], which examines the doctrinal foundations and mechanisms for the implementation of the foreign policy of this monarchy, and the article by A. Ya. Neymatov "Islamic factor and its influence on Saudi politics" [23]; and also to note the works of foreign researchers – "Jihad in Saudi Arabia. Violence and Pan-Islamism since 1979" by T. Hegghammer [12, pp. 24–30], "Saudi Arabia's jihad in the Middle East and the world" M. Nisan [24], article "Saudi Arabia and the United States, 1931–2002" by J. Pollack [27], work by E. Cordesman "Saudi Arabia and the US: common interests and continuous sources of tension" [8]. It should be noted that the first two foreign works are devoted to the role of Saudi Arabia in the genesis and formation of such a phenomenon as international politicization and radicalization of Islam, and, according to some researchers, the Afghan armed conflict of 1979–1989 and the Islamic states involved in it played an important role in this process. The second two works study the U.S.-Saudi bilateral relations, but the "Afghan" issue is also touched upon in them, because during the 1980s it was significant in the overall spectrum of U.S.-Saudi Arabia relations.

Summing up, the author will note that all the works known to him do not question the point of view according to which the involvement of

Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan events began even before the introduction of the limited contingent of Soviet troops into Afghanistan at the end of 1979. But the authors of the works do not usually illustrate this statement by documentary sources. The next part of the article will confirm the thesis about the involvement of the Muslim states of the region in the Afghan armed conflict in 1978–1979 by documents and consider the involvement in dynamics.

Analysis. First, let us touch on the motives behind the involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan events of 1978–1979, as well as the goals pursued by these states in Afghanistan. We will start by looking at Pakistan's motives. Afghan-Pakistani relations were difficult throughout the second half of the 20th century – and the reason for this, not least lies in the unresolved issue of demarcation of the Afghan-Pakistani border [15; 25, pp. 3, 17]. As a result of the Durand Line in 1893, a significant part of the Pashtun tribes that constituted the dominant ethnic group in Afghanistan ended up living in India. After the formation in 1947 of two states – India and Pakistan – the Afghan-Pakistani border also passed along the Durand Line. The Durand Line was not recognized as a state border by any of the Afghan governments. So, despite the fact that the inhabitants of both Pakistan and Afghanistan are predominantly Muslims of the Sunni branch, for Pakistan with regard to Afghanistan and the issue of involvement in the Afghan events, the primary role was played not by Islamic, but by other factors: the issue of the unsettled state border and the issue of influence on the Pashtun tribes, of which, after the Durand Line was carried out, about half ended up on the territory of the British India.

The involvement of Pakistan in the Afghan events began in the mid-1970s – when, after an unsuccessful uprising against the regime of Afghan Prime Minister M. Daoud, the leaders of several Afghan anti-government groups took refuge in Pakistan receiving a rather warm acceptance there. Even then – i.e. a few years before the April 1978 Revolution, the headquarters of anti-government Afghan organizations were established in Pakistan [16, p. 36–37; 32, pp. 23–24, 27]. They were mentioned in particular by V.N. Spolnikov and A.S. Ivaschenko. Later, the first training camps for training militants

appeared [16, p. 43]. In 1977, the political leadership in Pakistan changed, and General M. Zia-ul-Haq has come to power, who began to pursue an even more bold policy towards Afghanistan than his predecessors [34, pp. 84–85].

In addition, it should be pointed out that after the introduction of Soviet troops into Afghanistan, Pakistan found itself as if “surrounded”. On the one hand, the neighborhood with India, with which Pakistan had rather complicated relations from the first years of its existence as an independent state. On the other hand, Soviet troops stationed in Afghanistan and an unfriendly pro-socialist government (which did not want to recognize the Durand line, we recall). In this difficult situation from the point of view of protecting its state interests, Pakistan chose the position of solidarity with the Afghan anti-government forces [7, p. 151]. This decision also gave Pakistan hopes (which were justified) for getting support from the United States – of the Soviet antagonist in the Afghan armed conflict that had begun – despite the fact that in the second half of the 1970s Pakistani-U.S. relations were somewhat tense over the issue of Pakistan’s development of nuclear weapons.

The second major actor in the Afghan events is Saudi Arabia. It is worth pointing out that already in the 1970s Saudi Arabia in the region of the Middle East played the role of leader in the protection and spread of Islam [19], and the religious reason for Saudi Arabia was one of the main for intervening in the Afghan conflict. But at the same time, it cannot be argued that the religious factor was the only one for Saudi Arabia in the issue of providing assistance to Afghan anti-government groups and the involvement in the Afghan armed conflict. There were other reasons for interest in the Afghan events, and they were of a geopolitical nature – for example, one can recall that at the same period of time Saudi Arabia paid close attention to the Arab-Israeli conflict, took an active part in the Yemeni conflict [10, p. 578, 769, 775] and was worried about the new foreign policy concept of Iran, which Iran began to implement soon after the Iranian revolution in 1979 and the establishment of a theocratic regime in the country [14, pp. 428–431]. In general, Saudi Arabia was worried about a possible “turning point” in the status quo in the Middle East region [10, p. 587] and changes in the regional balance

of power, which could have been facilitated, among other things, by Afghanistan after the April 1978 Revolution, whose new government openly proclaimed socialist ideals and tried to pursue a policy of de-Islamization. Any abrupt changes in the geopolitical balance of power in the Greater Middle East region did not suit Saudi Arabia – and it was, as the author sees it, the second reason (after the religious one), why since the late 1970s the Saudi monarchy began to engage in the Afghan armed conflict.

The next stage of work is to highlight the events that became the main triggers for the involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan conflict. Let’s start with the attitude of these states to the April 1978 Revolution. We have the Soviet document “Recording of conversations with the Ambassador of Pakistan A. Arshad and the Ambassador of Iran H. Davudi on May 9, 1978” prepared by the Ambassador of the USSR in Afghanistan A.M. Puzanov. This document gives a positive assessment of Pakistan’s attitude to the events of the April Revolution. The author of the document writes the following: “At a reception at the Czechoslovakian Embassy I had conversations with the ambassadors of Pakistan and Iran.

The Pakistani ambassador said that he visited N.M. Taraki and declared recognition. The conversation with the Chairman of the Revolutionary Council, the Prime Minister of the DRA was very interesting, N.M. Taraki made a favorable impression...

I asked if the ambassador noticed that the new government took a different position from the very beginning with respect to the Pashtun issue than M. Daud, when he came to power – the government announced its intention to resolve the issue by peaceful political means...

The ambassador agreed with this and stated that Pakistan will cooperate and maintain friendly relations with Afghanistan” [37].

From the text of the document, we see that Soviet diplomats in Afghanistan were quite optimistic about the prospects for the development after the April 1978 Revolution of Afghanistan’s relations with its closest neighbors – Iran and Pakistan, in contrast to American diplomats and CIA officials, who give in their reports more restrained forecasts.

Thus, in the intelligence memorandum of the U.S. CIA dated May 5, 1978, No. RPM-78-10208,

“The New Afghan Government’s Relations with the USSR”, the following assessments are given to the prospects for the development of Afghan-Pakistani relations: “The chances of a direct confrontation between the USSR and Afghanistan’s anti-Communist neighbors remain low, although they have increased slightly. Both Tehran and Islamabad will use the prospect of such a confrontation as an argument for increased U.S. military and political support” [9, p. 26]. In telegram No. 1148Z received on May 18 1978 from the U.S. Embassy in Pakistan to the Department of State, U.S. Ambassador to Pakistan A. Hummel indicated that Pakistanis are concerned about the recent events in Afghanistan [9, pp. 42–46]. But at the same time, the ambassador emphasized that the Pakistani leadership took a wait-and-see attitude towards Afghanistan [9, p. 44]. In general, we note that in the documents cited, their authors correctly noted that the Afghan events in April 1978 were for Pakistan not only a cause for concern (which was caused by the new Kabul regime and its rapprochement with the USSR), but also a reason to hope to receive from the USA assistance and military-political guarantees of Pakistani security [6, p. 203; 20, p. 52].

Less is known about the reaction to the April Revolution of Saudi Arabia, including because during the period under review the USSR did not have diplomatic relations with this state, but it can be assumed with a significant degree of probability that this state also took the April 1978 events in Afghanistan without much enthusiasm. In the author’s opinion, the April 1978 Revolution itself, as such, was not the main trigger for the involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan armed conflict, since, as we can argue from the evidence of documents, Pakistan (and, most likely, Saudi Arabia) initially took a wait-and-see position on the new Kabul regime. The intervention of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan conflict was facilitated by further events that were growing month after month – the increasing involvement of the USSR, the growth of the anti-government movement, the discontent of the Afghan population, etc. – but there is no doubt that all these events would hardly have taken place without the April Revolution.

Now we consider how events developed in the second half of 1978 and throughout 1979. If the

position of not only the United States, but also Islamabad shortly after the April 1978 Revolution remained rather wait-and-see, then later it began to lean towards making a decision on the involvement in Afghan events. In Afghanistan reforms began, which were generally unpopular among the local population, de-Islamization was carried out at the state level, as a result of these events (and not only them), the outflow of refugees began to neighboring countries, primarily to Pakistan. Since the beginning of 1979, articles have appeared in the Soviet press explaining the aggravation of the situation in Afghanistan by the “outside interference” from Pakistan; the embassies of the USSR in Pakistan and in the United States protested against the support of the Afghan armed opposition forces, respectively, by Pakistan and the United States [9, pp. 117–121, 146–147]. “Outside interference” is one of the main reasons that later served as an official explanation for the Soviet leadership for the introduction of the limited contingent of Soviet troops into Afghanistan. Did Pakistani “outside interference” really take place before the arrival of Soviet troops?

Already in the second half of May 1978, U.S.-Pakistani consultations on the “Afghan question” began. Thus, on May 25, 1978, in New York, during the U.N. special session on disarmament, U.S. Secretary of State S. Vance met with Pakistani Foreign Minister Agha Shahi. He confirmed that the Pakistani leadership was concerned about the recent Afghan events and noted that “The Saudis have promised but are slow... In this situation, Pakistan stands alone” [9, p. 51]. At the same time, in the words of the Agha Shahi in relation to Pakistan, the term “a front line state” sounded and requests for American support were made. On June 9, 1978, U.S. President J. Carter sent a letter to Pakistani President M. Zia-ul-Haq, in which he promised Pakistan U.S. support, including within the framework of cooperation on the “Afghan problem” [9, pp. 53–55].

The assessment of the events in Afghanistan as a threat to the country’s national interests continued further in the circles of the Pakistani leadership. In another document – “Evaluation of events in Afghanistan and American-Afghan Relations”, No. 4356 dated December 1, 1978, sent by the U.S. Secretary of State to the U.S.

Embassy in Kabul, the authors write: “We... will consider a dependent Afghanistan, supported by the Soviets, as a serious threat to peace and stability in this region. We consider that... they are afraid of this... in Pakistan...”

...Pakistan, apparently, strives for us to share its assessments, perhaps to achieve greater U.S. commitments in relation to its security” [29, pp. 23–26].

In 1979, the United States began developing the “Afghan strategy”, which was supposed to involve Pakistan and Saudi Arabia. In the document of the CIA (early 1979) “*Covert action options against Afghanistan*”, we can for the first time get acquainted with the plans to provide American support to Afghan rebel groups in collaboration with Pakistan and Saudi Arabia: “Small amounts of non-lethal material such as medical supplies, rations and low-grade communications equipment, might be furnished unilaterally through Pakistan territory... or possibly by having the Saudis broker the deal with... Pakistan... If significant quantities of aid were involved, this could not be kept secret. The U.S. government probably would be accused of supporting the rebels by the Soviets and the Afghan press, whether or not concrete proof was available” [9, p. 109]. In the next paragraph of the same document, the authors reflect on the possibility of providing assistance to the Afghan rebels with not only medicines, communications equipment and uniforms, but also weapons: “Funds could be provided to the insurgents to purchase lethal military equipment, as in the non-lethal insurgency support option outlined above. Likewise, the Saudis could be asked to front for us on this... Afghan rebel cadres could be brought out of the area and trained in a third country such as Saudi Arabia” [9, pp. 109–110].

Later, in spring 1979, the discussion of the issue of assistance to Afghan anti-government groups from Pakistan and Saudi Arabia was continued [9, pp. 124–130]. In mid-spring 1979, two meetings between representatives of the United States and Pakistan were held in Islamabad, during which initial agreements were reached on helping the Afghan insurgents – for example, the Pakistani side offered the United States to finance the purchases of medicines for the rebel groups in Pakistan and provide them with weapons and ammunition not-produced in the

USA [9, p. 152]. In early July 1979, in the special coordinating committee for Afghanistan in the United States, a discussion was held on cooperation on aid – including financial – to Afghan rebel groups, and the aid was not discussed in general terms (which can be seen even in the spring documents), but specific measures and actions (financial assistance, purchase of medicines, propagandistic activities, etc.) were indicated [9, pp. 206–207]. In the same period, the Pakistani political and military leadership made the first attempts to create a unified party uniting opposition Afghan groups, as reported by reports from the U.S. Consulate in Peshawar on August 16, 1979 [29, pp. 107–108] and from the U.S. Embassy in Islamabad on May 14, 1979 [29, pp. 39–41].

At the same time, official Islamabad continued to express concerns about the growing Soviet military presence in Afghanistan, as evidenced, for example, by the message of the Canadian delegation on the situation in Afghanistan and Pakistani-Afghan relations made during the discussion on Afghanistan by political advisers of NATO in August 1979: “Pakistan’s response to the fearsome presence and influence of the Soviets in Afghanistan is difficult to predict, what is a factor potentially contributing to instability in the area. Irrational elements in Pakistani foreign policy, including its ‘Islamic’ claims, also play a role” [29, pp. 90–91]. Official speeches of U.S. officials also show concern about the situation in and around Afghanistan and how the situation in Afghanistan will affect its closest neighbors (meaning Pakistan, Iran and China) – which we can see, for example, in the speech of H. Saunders, Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (until January 1981) on September 26, 1979 before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the House Foreign Affairs Committee [28, pp. 53–54].

At the end of summer 1979, we can already talk about the full involvement of Pakistan in the Afghan armed conflict. So, in the report prepared in the CIA on August 22, 1979, “CIA Covert Action Activities in Afghanistan”, it says that “Pakistan liaison has agreed in principle to serve as a channel for CIA aid to the insurgents” [9, p. 173]. Contacts between the Pakistani political leadership and the United States on the issue of

Pakistan's position on providing assistance to the Afghan rebels continued in fall – September 22 [29, pp. 136–137] and October 14, 1979 [29, p. 156], the representatives of Pakistan and the USA had meetings on this issue. At the end of October 1979, the Pakistanis confirmed their agreement “to provide limited supplies of equipment to the Afghan rebels” [29, pp. 164–165]. During the meeting S. Gailani (leader of the Afghan anti-government party “National Front for Islamic Revolution of Afghanistan”) with the head of the Department of the Ministry of Foreign Affairs of Pakistan for Afghanistan, Iran and Turkey T. Ahmad Khan and the acting secretary of the Ministry of Foreign Affairs of Pakistan R. Pirach an agreement was reached on the transfer of weapons for Afghan rebels by representatives of the Pakistani army in Peshawar.

The facts of Pakistani support for the Afghan insurgents are confirmed by U.S. officials – for example, in the memorandum from Director of Central Intelligence S. Turner “Saudi Arabian and Pakistani Views on the Afghan Insurgency” dated November 5, 1979 addressed to the President's Assistant for National Security Affairs Z. Brzezinski, it is stated: “On 30 October you directed me to take soundings with Pakistani and Saudi intelligence agencies on their intentions for covert action in Afghanistan...”

There is no question that Pakistan – without waiting for us – is already supporting the Afghan tribesmen. The head of Pakistani military intelligence has made it clear that President Zia holds the continuation of the tribal insurgency to be vital to his country's security and that support in the way of weapons, ammunition and explosives is essential to sustain the insurgency” [9, p. 224].

So, the fact of Pakistan's involvement in the Afghan armed conflict can be said with certainty already at the end of summer 1979. But in 1978, Pakistan was still taking a wait-and-see attitude towards Afghanistan. Now let's move on to the issue of Saudi Arabia's involvement in the Afghan conflict.

At the turn of the 1970s – 1980s cooperation between the United States and Saudi Arabia has increased – not least because of the joint assistance to Afghan rebels. However, T. Hegghammer notes that even in the early 1980s Saudi Arabia in relation to Afghan rebel groups was limited only to “diplomatic, political and

humanitarian” support [12, p. 25]. However, there is evidence from foreign authors who note the facts of Saudi Arabia providing assistance to Afghanistan and some other states with “pro-communist” governments since the late 1970s: “Formerly a recipient of U.S. aid, Saudi Arabia began to send its own money abroad in the mid-1970s, including collaborations with the Americans in sponsoring anti-communist rebel movements in Angola, Ethiopia, and Afghanistan” [27, p. 80].

Let us consider how the process of Saudi Arabia's involvement in the Afghan conflict developed in the second half of 1978 and throughout 1979. Saudi Arabia, like Pakistan, was concerned about the possible spread of Soviet influence in the Middle East region and the ever-increasing lurch of Afghanistan into side of the USSR after the April 1978 Revolution. In the memorandum “U.S. Policy in the Middle East”, sent by the U.S. Deputy Secretary of Defense to the U.S. President on November 9, 1978, it was stated: “I also found grave concern in... Saudi Arabia and about the threat from the Soviet Union. Each leader saw himself and his country on the front lines of opposition to Soviet encroachment and domination... the scope and speed of Soviet arms supply demonstrated in Ethiopia, and the Soviet propensity for subversion and political intervention accomplished in Afghanistan. Each thought we seriously underestimated the weight of the Soviet threat to the region” [10, p. 27]. Telegram 0500Z “Saudi Arabia and Regional Security” from the U.S. Embassy in Saudi Arabia to the U.S. Department of State on January 23, 1979 confirms the Arabian dynasty's concerns: “The Saudis are more convinced than ever that the Soviets are embarked on a policy of encirclement to gain control of the Arabian Peninsula and its oil resources... The events in Afghanistan, the Soviet involvement in the Horn of Africa, and stepped-up Soviet activity in South Yemen only serve to confirm their hypothesis about Soviet intentions” [10, p. 579].

Saudi Arabia, like Pakistan, became involved in the Afghan armed conflict in 1979, and this process was gradual. Earlier, the author mentioned the CIA document “*Covert action options against Afghanistan*”, the authors of which talk about the possibility of involving Saudi Arabia and Pakistan in covert U.S. operations in Afghanistan – and in this document we first

meet the mention of Saudi Arabia as a possible ally in helping Afghan insurgents together with the United States [9, pp. 109–110]. Another CIA's document dated March 27, 1979 and titled "Saudi Arabian Aid to the Afghanistan National Liberation Front and Possible Saudi Approach to United States Government with Regard to Aid to the Liberation Front" states that the Saudi government is "impressed" by the recent successes of the "Afghan rebel forces" but despite solidarity with anti-government groups, "The Saudis... continue to withhold any real financial support to the Afghan National Liberation Front" and Saudi Arabia is currently in preliminary contacts with the Pakistani government on support for Afghan insurgents. At the same time, the position of Islamabad remained wait-and-see – "In mid-March Zia informed Crown Prince Fahd that he believed that any kind of Pakistani aid to the Afghan National Liberation Front would cause him problems with the Soviet Union, which, at the moment, he perceives to be almost insurmountable" [9, p. 115].

Besides, the document of the CIA dated April 12, 1979 "Afghanistan: Prospects for the Insurgents" already contains evidence that Saudi Arabia is providing "some support" to Afghan insurgent groups in Pakistan [9, p. 149]. Other evidence of such assistance comes from the text of telegram No. 0710Z "Call by Afghan Rebel Leader" dated August 16, 1979 transmitted from the U.S. Consulate in Lahore to the U.S. Embassies in Afghanistan and Pakistan, which states that the U.S. Consul in Lahore Fuller on August 15 held a meeting with S. Gailani, who during the meeting "asked for U.S. support but only indirectly, to encourage Saudi Arabia to provide material assistance" [9, p. 169]. During the conversation, Gailani also drew attention to the fact that Saudi Arabia is already providing support to the Afghan rebels in Pakistan, but this goes primarily to radical groups.

In the late summer of 1979, Prince Turki bin Faysal, Director of the Saudi Arabian General Intelligence Service, told U.S. officials that "his government was providing limited support to the insurgents" [9, pp. 210–211]. Evidence of aid to Afghan anti-government groups from Saudi Arabia can be obtained from other documents: for example, from the report of the U.S. Embassy

in Pakistan to the U.S. Department of State on October 14, 1979 [29, p. 156]. And from the report of the U.S. Embassy in Jidda to the U.S. Department of State, it is known that on September 23, 1979, the embassy officials had a conversation with the head of the Saudi Arabian Foreign Ministry Department for Arab Affairs Ismail Al-Shura about the situation in Afghanistan and the state of Soviet-Afghan relations [29, p. 155]. In the conversation, I. Al-Shura expressed the opinion that "it is necessary to help the rebels, even if they do not unite, although it is possible that the Saudi Arabian government will continue its efforts to unite them... the goal of the Saudi Arabian government is to continue to muddy the waters and prevent the weakening Khalqi regime to change the balance in its favor". I. Al-Shura characterized the volumes of Saudi aid to Afghan rebels as "very modest" and noted that the Saudi Arabian government is interested in cooperation with the United States about this question.

For the United States, organizing cooperation with Saudi Arabia in helping Afghan groups was also beneficial because, as the U.S. representatives note:

"a. It would reassure the Saudis of the USG's interest in resisting the spread of communism in the Middle East.

b. It could develop a precedent for using the Saudis as an intermediary, concealing U.S. involvement, to support friendly political elements or other covert assets elsewhere in the area." [9, p. 211].

In the previously mentioned memorandum Director of the CIA S. Turner "Saudi Arabian and Pakistani Views on the Afghan Insurgency" dated November 5, 1979, it is stated regarding Saudi Arabia: "The Saudi chief of intelligence states that his government is committed to assisting the Afghan insurgents... On three separate occasions the intelligence chief said that his government would react positively to secret CIA proposals on support to the insurgents" [9, pp. 224–225]. In the same document S. Turner proposes to conclude an agreement with Saudi Arabia on specific amounts that the United States and Saudi Arabia could provide for the rebels.

So, the documentary materials allow us to conclude that the involvement of Saudi Arabia

in the Afghan conflict began even before the Soviet troops entered Afghanistan and was gradually implemented during 1979 (initially, the position of Saudi Arabia was wait-and-see, like the position of Pakistan), and partly within the framework of cooperation with Pakistan and the United States. Saudi support for Afghan anti-government forces began a little earlier than Pakistani – the first evidence of it was in April 1979, while the first evidence of Pakistani support for Afghan rebels dates back to the end of the summer of that year.

Results. The author will present the results of the research in the form of listing them in the descending order of significance:

1. The involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan armed conflict began even before the introduction of the limited contingent of Soviet troops into Afghanistan and took place during 1979, from April for Saudi Arabia and from the end of summer for Pakistan. Note that the involvement was carried out gradually, as evidenced by the documents available and cited in the article.

2. The April 1978 Revolution became a kind of initial trigger for the involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan conflict, since without it there would have been no further events contributing to the escalation of the conflict in Afghanistan.

3. Just about in the first six months after the April 1978 Revolution, the tactics of the states of the region were wait-and-see, although both states under consideration perceived the revolution as a threat either to their national interests (Pakistan) or as a threat to the status quo in the region (Saudi Arabia).

4. Despite the fact of cooperation between Pakistan and Saudi Arabia in helping the Afghan rebels, their motives for involvement were different. Thus, in the process of its involvement in the Afghan armed conflict for Pakistan, an important role was played by the issue of protecting its interests and ensuring national security, as well as counting on improving relations with the United States. For Saudi Arabia, geopolitical motives (maintaining the regional balance of power) and, to a certain extent, religious (protecting the interests of Islam) were significant.

5. The involvement of Pakistan and Saudi Arabia in the Afghan armed conflict was

expressed primarily in the organization and implementation of support for Afghan rebel groups.

So, by the date of the introduction of the limited contingent of Soviet troops into Afghanistan, the Afghan armed conflict had already been internationalized, and even if we do not take into account the participation of the USSR and the United States, this happened within the region as a result of the involvement of Pakistan and Saudi Arabia in this conflict.

REFERENCES

1. Arunova M.R., Ivanenko V.I. *Afganskaya politika SSHA v 1945–2014 gg.* [Afghan Policy of the USA in 1945–2014]. Moscow, RISI Publ., 2015. 220 p.

2. Asanbaev M.B. *Araviyskiye monarkhii: obshchestvo, vlast' i gosudarstvo* [Arabian Monarchies: Society, Authority and the State]. Almaty, Kazakhstan Center for the Humanitarian and Political Situation Publ., 2009. 208 p.

3. Belokrenitsky V.Ya. *Vostok v miropoliticheskikh protsessakh. Aziya i Afrika v istorii mezhdunarodnykh otnoshenii i sovremennoy mirovoy politike* [East in World Politics. Asia and Africa in the History of International Relations and Modern World Politics]. Moscow, Institut vostokovedeniya, Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 320 p.

4. Belokrenitsky V.Ya., Moskalenko V.N. *Istoriya Pakistana. XX vek* [The History of Pakistan. XX Century]. Moscow, Kraft+ Publ., 2008. 576 p.

5. Boyko V.S. *Problemy i protivorechiya modernizatsii v Afganistane v XX – nachale XXI v. Ocherki al'ternativnykh strategiy i praktik* [Problems and Contradictions of Modernization in Afghanistan in the XX – Early XXI Centuries. Essays on Alternative Strategies and Practices]. Barnaul, AltGPU Publ., 2017. 138 p.

6. Burki S.J. *Pakistan; fifty Years of Nationhood*. Boulder, Colorado, Westview Press, 1999. 250 p.

7. Chernyshkov A.V. *Pakistan i yego dilemma bezopasnosti v 1979–1980 gg.* [Pakistan and Its Security Dilemma in 1979–1980]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 1, pp. 150–153.

8. Cordesman A. *Saudi Arabia and the U.S.: Common Interests and Continuous Sources of Tension*. Center for Strategic International Studies, 2016. 19 p.

9. *Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Afghanistan*. Vol. XII. Washington, United States Government Publishing Office, 2018. 909 p.

10. *Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Middle East Region; Arabian Peninsula*. Vol. XVIII. Washington, United States Government Publishing Office, 2015. 935 p.
11. Haquani H. *Pakistan. Between Mosque and Military*. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2005. 380 p.
12. Hegghammer T. *Jihad in Saudi Arabia. Violence and Pan-Islamism Since 1979*. New York, Cambridge University Press, 2010. 292 p.
13. Hilali A.Z. The Costs and Benefits of the Afghan War for Pakistan. *Contemporary South Asia Abingdon*, 2002, vol. 11, no. 3, pp. 291-310.
14. *Iranskaya revolyutsiya 1978–1979 gg. Prichiny i uroki* [1978–1979 Iranian Revolution. Reasons and Lessons]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 557 p.
15. Iskandarov K. Faktor Pakistana v afganskom konflikte [Factor of Pakistan in the Afghan Conflict]. *Central'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2013, vol. 16, iss. 3, pp. 96-111.
16. Ivashchenko A.S. *SSHA i Afganistan (1978–1989 gg.)* [USA and Afghanistan (1978–1989)]. Moscow, Izd-vo TC «Sfera», 1997. 144 p.
17. Kepel J. *Dzhikhad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: Expansion and Decline of Islamism]. Moscow, Ladomir Publ., 2004. 466 p.
18. Korgun V.G. *Istoriya Afganistana. XX vek* [History of Afghanistan. XX Century]. Moscow, Kraft+ Publ., 2004. 527 p.
19. Kosach G.G., Melkumyan E.S. *Vneshnyaya politika Saudovskoy Aravii. Prioritety, napravleniya, protsess prinyatiya resheniya* [Saudi Arabian Foreign Policy. Priorities, Directions, Decision-Making Process]. Moscow, In-t izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka, 2003. 235 p.
20. Maley W. *The Afghanistan Wars*. New York, Palgrave Macmillan, 2002. 340 p.
21. Melkumyan E.S. Vvod sovetskikh voysk v Afganistan: prichiny i posledstviya [The Introduction of Soviet Troops in Afghanistan: Causes and Consequences]. *Vestnik RUDN, Seriya «Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [Bulletin of the RUDN University. Series International Relations], 2008, no. 1, pp. 55-67.
22. Newsom D. Superpowers and Regional Alliances in South Asia. *Department of State Bulletin*, December 1978, vol. 78, no. 2021, p. 52.
23. Neymatov A.Ya. Islamskiy faktor i yego vliyaniye na politiku Saudovskoy Aravii [Islamic Factor and Its Influence on Saudi Politics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. History and Political Sciences], 2010, no. 1, pp. 196-199.
24. Nisan M. *Saudi Arabia's Jihad in the Middle East and the World*. Shaarei Tikva, The Ariel Center for Policy Research (ACPR), 2007. 34 p.
25. Panichkin Yu.N. *Pakistano-afganskiye otnosheniya: evolyutsiya, problemy, resheniya. 1947–2014 gg.* [Pakistani-Afghan Relations: Evolution, Problems, Solutions. 1947–2014. (Doctoral diss.)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 2016. 35 p.
26. Pleshov O.V. *Islam, islamizm i nominal'naya demokratiya v Pakistane* [Islam, Islamism and Nominal Democracy in Pakistan]. Moscow, Kraft+ Publ., 2003. 256 p.
27. Pollack J. Saudi Arabia and the United States, 1931–2002. *Middle East Review of International Affairs*, 2002, vol. 6, no. 3, pp. 77-102.
28. Saunders Harold H. Situation in Afghanistan. *Department of State Bulletin*, December 1979, vol. 79, no. 2033, pp. 53-54.
29. Sekretnaya perezpiska vneshnepoliticheskikh vedomstv SShA po Afganistanu [The Secret Correspondence of the Foreign Policy Agencies of the United States on Afghanistan]. Gankovskiy Yu.V., ed. *Spetsbyulleten Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. Moscow, no. 5 (244), 1986. 176 p.
30. Sharipov U.Z. *Persidskiy Zaliv: Obostreniye politicheskoy i voyennoy situatsii i mezhdunarodnykh otnosheniy v kontse XX – nachale XXI v.* [Persian Gulf: the Aggravation of the Political and Military Situation and International Relations in the Late XX – Early XXI Centuries]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 199 p.
31. Slinkin M.F. *Narodno-demokraticeskaya partiya Afganistana u vlasti. Vremya Taraki-Amina (1978–1979 gg.)* [People's Democratic Party of Afghanistan in Power. The Time of Taraki-Amin (1978–1979)]. Simferopol, Simferopol State University, 1999. 359 p.
32. Spol'nikov V.N. *Afganistan. Islamskaya oppozitsiya: istoki i celi* [Afghanistan. Islamic Opposition: Origins and Purposes]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 192 p.
33. Toporkov V.M. Taynaya strategiya SShA v Afganistane v 1979–1989 gg. [US Secret Strategy in Afghanistan in 1979–1989]. *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2012, no. 26 (167), pp. 54-62.
34. Vorob'ev V.V. Pravlennie Muhkhamada Ziya-ul'-Haka i ego vliyanie na razvitie Pakistana [The Rule of Muhammad Zia-ul-Hak and His Influence on the Development of Pakistan]. *Vostok (Oriens)*, 2011, no. 1, pp. 81-92.
35. Vorob'yeva T.A., Yungblyud V.T. Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g.: Diplomatiya v istorii [Afghanistan in the Policy of the USSR and the USA in 1979: Diplomacy in History]. *Voprosy istorii* [History Issues], 2016, no. 10, pp. 105-125.
36. Yakovlev A.I. *Saudovskaya Araviya i Zapad* [Saudi Arabia and the West]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 208 p.

37. Zapis' besed s poslom Pakistana A. Arshadom i poslom Irana KH. Davudi ot 9 maya 1978 g. [Recording of Conversations with the Ambassador of Pakistan A. Arshad and the Ambassador of Iran H. Davudi on May 9, 1978]. *Sayt arkhiva Natsional'noy Bezopasnosti*

SShA. Afganistan 1979–1989 [Website of the US National Security Archive. Afghanistan 1979–1989]. P. 1. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/1978.05.16.3.PDF (accessed 23 October 2019).

Information About the Author

Taisiya V. Rabush, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Bolshaya Morskaya St, 18, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, taisarakush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8790-3402>

Информация об авторе

Тайсия Владимировна Рабуш, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, taisarakush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8790-3402>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.13>

UDC 327.56
LBC 66.49

Submitted: 20.03.2020
Accepted: 21.09.2020

NETWORK DIPLOMACY: APPROACHES TO THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT

Vladimir M. Morozov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The aim of the article is to analyze the concept of modern network diplomacy as well as to illustrate possible solution approaches to the Israeli-Palestinian conflict through the abovementioned mechanism. Network diplomacy is defined as the multi-level communication, representation, and negotiation of an idea or a set thereof through a set of actors, which may extend beyond traditional, rigid state sponsored institutions and encompass other actors integrated with the idea or parties involved. *Methods and materials.* The research involved a combination of analytical empirical research containing justification for case selection and qualitative research. The author mostly approaches the topic through liberal paradigm of international relations, accentuating mutual benefits of international cooperation, arguing that flexible formats of diplomacy can be an effective way to help states to interact with each other in an honest manner and support nonviolent solutions to conflicts. *Analysis.* The analysis is based mainly on case study research, which helped to generate the results. The article will be structured in several parts. The introduction will render an overview of the network diplomacy concept followed by a historic background of the Israeli-Palestinian conflict and its ideological underpinnings, and so inform a set of theories as pertaining to the potency of network diplomacy in the solution process, which will be outlined in the parts following it. These theories will then be evaluated in the context of the overall environment and specific cases – NGOs as a reach out function in water management at the municipal level, academic institutions establishing communication channels independent of the larger political environment, and a short summary of European Union outreach to non-state actors as an illustrative case of state to non-state actor diplomacy. Moreover, the article includes the study of citizen diplomacy, civil society-based approaches, economically driven incentives and other cultural initiatives such as sports-based diplomacy as possible mechanisms. *Results.* Network diplomacy may feature a multi-pronged approach to diplomacy represented through a mixture of, for example, state actors and non-governmental organizations (NGOs). Network diplomacy is particularly potent in spreading ideas as it allows engagement of a multitude of actors directly, and is subject to comparatively low transaction costs. Network diplomacy appears to be a promising approach to the solution of the Israeli-Palestinian conflict which is characterized by juxtaposing ideological underpinnings in addition to issues of realpolitik, and a multitude of actors including non-state actors.

Key words: network diplomacy, Israeli-Palestinian conflict, NGOs, citizen diplomacy, sports diplomacy, academic diplomacy, conflict resolution.

Citation. Morozov V.M. Network Diplomacy: Approaches to the Israeli-Palestinian Conflict. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 145-156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.13>

УДК 327.56
ББК 66.49

Дата поступления статьи: 20.03.2020
Дата принятия статьи: 21.09.2020

СЕТЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПОДХОДЫ К ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОМУ КОНФЛИКТУ

Владимир Михайлович Морозов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является попытка проанализировать концепцию современной сетевой дипломатии с последующей имплементацией ее механизмов при разработке подходов к разрешению израильско-палестинского конфликта. Сетевая дипломатия определяется как многоуровневое общение, представление и обсуждение какой-либо идеи или набора таковых посредством группы субъектов, которые могут выходить за рамки традиционных, жестких, находящихся на бюджетном финансировании институтов и охватывать других субъектов, связанных с этой идеей или вовлеченными сторонами. Таким образом, сетевая дипломатия может предусматривать комплексный подход к дипломатии, представленный, например, сочетанием государственных субъектов и неправительственных организаций (НПО). Сетевая дипломатия особенно эффективна в распространении идей, поскольку она позволяет напрямую вовлекать множество субъектов и связана со сравнительно низкими операционными издержками. Исходя из вышесказанного, сетевая дипломатия представляется перспективным подходом к урегулированию израильско-палестинского конфликта, который характеризуется наложением идеологических основ в дополнение к вопросам реальной политики и множеством субъектов, включая негосударственные субъекты.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, израильско-палестинский конфликт, НПО, общественная дипломатия, спортивная дипломатия, академическая дипломатия, урегулирование конфликтов.

Цитирование. Морозов В. М. Сетевая дипломатия: подходы к израильско-палестинскому конфликту // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 145–156. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.13>

Introduction. After the end of the Cold War, the world witnessed an unprecedented wave of globalization, powered by new advancements in information and communication technologies. While countries were growing ever more interconnected, so did the problems and challenges facing humanity.

As of now, it is extremely difficult to imagine any international issue settled by a single nation acting alone. The role of the global community and interstate cooperation in today's globalized world is hard to deny. The evolving nature of international relations and global challenges breeds the necessity of finding new types of cooperation and establishing more efficient mechanisms of tackling the issues on the global agenda in accordance with the current conditions on the world arena. Network diplomacy is one of such mechanisms.

Methods and materials. Given a range of assumptions about the quality of actors and their interactions, a hypothesis was analyzed and finally corroborated by empirical case studies and in qualitative research. The author mostly approaches the topic through liberal paradigm of international relations, accentuating mutual benefits of international cooperation, arguing that flexible formats of diplomacy can be an effective way to help states to interact with each other in honest manner and support nonviolent solutions to conflicts. Giving particular examples of how network diplomacy mechanisms can be applied to the Israeli-Palestine conflict makes the article more practically-oriented.

Analysis. The very concept of diplomacy can be defined as the mechanism of representation, communication and negotiation through which States and other international actors conduct their affairs and settle differences. The means through which these functions are carried out have been strongly challenged since the late 1980s.

There are today more and newer types of actors which can, and sometime must be engaged. The channels and means of communication, as well as the issues themselves have evolved and required a significant adaption effort from state and non-state actors.

In order to refresh the sacred concept of diplomacy, Jamie Metzl developed and suggested the concept of Network Diplomacy, suggesting that in our times, public diplomacy has evolved to the point that it had become more “ideally suited for a network orientation” [10, p. 77].

In our contemporary world, technological progress and social evolutions, including the dilution of information, values, and ideologies as well as the mass-scale empowerment of individuals, have led to traditional diplomacy becoming a much more fragmented and decentralized field.

Indeed, diplomacy has become a field which now requires reaching out to newer and larger groups of people and organizations. A field which has also been expected – and has often failed – to adequately exploit some of the newly-created spaces and grey areas of our international system (social media, public diplomacy, etc.).

As such, the concept of network diplomacy is often considered to be a modernized version of yesterday's traditional – and at times almost mythical – diplomacy. It is modernized in the sense that it is now expected to provide appropriate mechanisms and answers to face three major developments:

1. The necessity for increased cooperation in a volatile and highly populated globalized international environment.

Nowadays, the world is facing a wide range of issues which are intricately linked to seemingly unrelated issues: from poverty, under-development, food insecurity or environmental concern can now stem radicalization, terrorism, refugee crisis, conflicts and various other potential issues. In short, security threats have become uniquely multidimensional, and what may have required one or two parties in the past may require dozens of actors from various backgrounds today: poverty, environment (e.g. military conflicts).

More importantly, the issues of our current system transcend physical borders, which have now become the last remains of yesterday's sovereignty. The cyberspace, organized crime, terrorism, and other significant and potentially destabilizing issues can cross borders and spaces quite easily, thus exploiting gaps (physical, material, legal, etc.) before traditional actors can identify and address these issues.

2. The current evolution of technologies, most particularly in the fields of information and communication dissemination.

It is a trite truism, that the emergence of the internet and modern information technologies have significantly altered our social and communicative patterns, and thus our global environment. In this context, its influence on the public diplomacy appears evident. The amount of information is not longer an issue, and the sources have become multiple.

Yesterday, diplomatic apparatuses required complex, sometime covert sources and information to adequately address the challenges they faced, often to extract limited information from finite sources, with a significant risk. Today, sources are seemingly infinite, what could be gathered yesterday from a unique source through an intelligence service can now be replaced by a public diplomatic network with local communities and non-state actors. Journalists and other civil society-based networks can

sometime provide and disseminate valuable knowledge to and from diplomatic institutions more efficiently than the likes of Benjamin Franklin or Anatoly Dobrynin could have ever conceived.

As a particularly accurate prediction formulated by HSBC's marketing team in the late 1990s: data, communication and networks will become the currency of tomorrow. Today, communication is without a doubt one of the central pillars of the network diplomacy. It is the main feature of modern world, that is why, public diplomacy has transformed from a high-risk / high cost information gathering and analysis product into a low-cost / low-risk information gathering and dissemination process. If anything, today's modern network diplomacy has in many ways started to replicate some of the marketing and public relations strategies developed by corporations from the 1980s.

3. The expanding number of relevant international actors and sources of influences.

In the past decades a wide range of non-state actors such as multinational corporations (MNCs), international media outlets, non-governmental organizations (NGOs), armed non-state actors (ANSAs), religious groups and other civil society organizations (CSOs) as well as international and intergovernmental organizations have stepped more profoundly into the multi-layered field of global (geo)politics and therefore global diplomacy.

Their influence is at times comparable, even stronger (for short or extended period of times) to that of certain states or groupings of states. A highly contrasting example would be to compare the power of a corporation such as Facebook, Microsoft or Google and their global reach and influence to that of Lesotho, St. Kitts and Nevis or Suriname. In this context, it seems clear that the formulation of an effective diplomacy in the 21st century needs to devote more attention to the multiplication of "engage-able" actors, their interests, reach, influence, power and strategies, be they a group of small / medium powers such as the group of Landlocked Developing Countries or a set of CSOs such as the Vienna NGO Committee.

The Network. "Disseminating information is spam, network is strategic", as Rhonda Zaharna states.

According to Metzl, a network, in the context of diplomacy, is a “set of interconnected individuals who occupy analogous positions in institutional or social structures and create new community relationships that build upon, democratize, and magnify existing social frameworks” [10].

He further adds that the principle of functioning relies on the logic that “the more appropriate people they connect, the more useful and attractive the network becomes to others”.

The best illustration of this principle finds its origins in computer science. Robert Metcalfe, credited with the creation of the Ethernet network, stated a simple principle – Metcalfe’s Law – which can be defined as the impact, or reach of a network is the square of the number of nodes comprised within that network. Simply put, the more people are integrated into a network, the more beneficial and powerful a network becomes. David Reed formulated a similar principle taking more groups and sub-groups into account, which is more particularly applicable to social network. Reed’s Law, to avoid unnecessary complications, also states that a network has an exponential increased impact (reach) than the number of nodes (connections) comprised within it.

In any cases, most networks applied in the context of diplomacy would have the following features:

- 1) flexibility;
- 2) effectiveness;
- 3) act across traditional boundaries;
- 4) lower cost of common activity.

A Government Model of Networking.

The “networkization” of governmental and institutional actions is a natural part of the globalization, consequently, if a government wants to successfully occupy, seize, retain or develop within newly-created socio-political and ideological spaces, it must embrace the concept of external networks – with the implicit acceptance of reduced sovereignty from national boundaries – thus integrating the major shifts resulting from fast-paced and scarcely regulated globalization as the basis of its diplomatic ideology.

“A shift in conceptual models must also be accompanied by new relationships among government foreign policy actors, as well as between these actors and global constituencies. Governments need to nurture their own internal

networks and link them to broader networks outside of government”, as Jamie Metzl states [10].

Therefore, it could be concluded from this first part that network diplomacy is an institution’s diplomatic activity, which transcend traditional frameworks and borders, in order to create networks of actors from varied backgrounds with varying degrees of power, skills and audiences, through the creation or adherence to new channels of communication and cooperation with other international actors on a virtually infinite spectrum of issues. This would be conducted in order to take advantage to the added exponential value which a network possess from the number of nodes / actors it comprises.

Among the greatest tests of diplomacy and problem-solving capabilities within the international system, one can hardly ask for better than the Israel – Palestine Peace Process. Undeniably the longest and most complex international negotiation process since the end of World War II.

The modern state of Israel, and with it the Israeli-Palestinian conflict, found its ideological conception in Theodor Herzl’s 1896 treatise *Der Judenstaat* (The State of the Jews) arguing for the existence of a Jewish nationality, and that those of Jewish nationality should aspire to form a state of their own, preferably in their historical homeland of Palestine. Only such a state would be able to provide the umbrella of protection necessary for Jews to freely practice their religion and customs free of anti-Semitism prevalent in Europe [14, p. 23].

Herzl’s ideas were well received among existent Zionist groups, and helped propel the formation of the Zionist Organization and First Zionist Congress, which elected him as its first president. Spurned by ideological conviction the first (1882–1903) and second Aliyah (1903–1913), the immigration of Jews to the land of Israel, saw the agglomeration of a considerable Jewish community in Palestine. The specter of socialism loomed over these communities often manifested as kibbutz, collectivist farming communities with a religious stint.

Much bitterness stems from juxtaposing British statements, in the 1915 McMahon letters Britain offered its support for an Arab state – with ambiguous borders – in exchange for a revolt against the Ottoman rule, in the context of the first World War. Conversely, the 1917 Balfour

declaration expressed sympathy for a Jewish homeland situated in Palestine. Arab-Jewish tension and unclear governance characterized the decades leading up to the formal conception of modern Israel in 1948 through UN Resolution 181 partitioning Palestine into two states, one Jewish, the other Arab.

Demographics guaranteed the continued presence of a sizable Arab minority in the Jewish state; the partition was supported by Jewish leaders and rejected by Palestinians and the Arab league, laying the foundations for a region-wide conflict which remains unsettled. The establishment of Israel followed in May 1948 and was preceded by a flaring up of violence following the acceptance of the two-state solution; the foundation of Israel was marked with celebration by Jewish migrants and became known as al-Nakba among Palestinians – the catastrophe.

Marred by wars with its Arab neighbors, Palestinian uprisings and Israeli repression, Israel's history since then has not lacked in controversy, much of it rooted in the continuing failure to resolve the Palestinian issue. An array of institutions has since sprung up surrounding the conflict on both sides of the issue raising structural obstacles to a traditional solution, e.g. nationalist and/or religious extremists deriving their existence from the conflict and holding positions intrinsically unacceptable to the other side, foreign and domestic. Both sides found their claim based on national legitimacy grounds (history and/or demography). Due to the decade-long unsuccessful resolution process a fear of banalization may manifest itself, apparent in a sense of passive acceptance, lethargy, and hopelessness amidst continued conflict.

At present Palestine exists as a de jure sovereign state, with the last presidential election having taken place in 2005, the central Palestinian in control of the West Bank and Gaza under Israeli blockade and Hamas control.

Theory: There can be two opposing views on the role of network diplomacy as a contribution to solving the conflict. The first one is that network diplomacy could be of value to the Israeli-Palestinian conflict. Given the comparatively large number and diverse nature of actors involved in the Palestinian issue, including NGO's, business groups, solidarity and Protest movements, think

tanks and media actively influencing the peace process, of domestic, regional, and foreign origin, network diplomacy is not a potential path to a solution, but a precondition.

A successful policy must not simply be pursued on the state-to-state level, but take a more grass roots approach and involve drivers of public opinion necessary to shape the consensus intrinsic to any satisfactory solution. Classic state-to-state diplomacy may stall without an exogenous shock to the system, which is exceedingly unlikely given that all major global actors with relevance to the issue are already involved. As such, it appears unlikely that a classic diplomatic approach could yield an argument that has not been heard yet.

Alternative theory is that there is little value to Network Diplomacy in the Israeli-Palestinian conflict. The Palestinian issue does not lack dialogue between non-state actors, however state-to-state conversation has been lackluster. The present dialogue is characterized by distrust and a mutually perceived lack of cooperation; negotiations have generally been brokered by third parties and failed. It is hard to imagine a sustainable co-operative solution as long as state institutions are at odds with each other [4, pp. 97–115].

Thus, any progress made on the non-governmental level would not be translated well into political reality. It is unlikely that non-governmental actors could force institutional change due to decade-long entrenchment. Solutions thus have to be reached on the state-to-state level, diplomacy on other levels is not likely to yield lasting impacts.

Towards a Solution: Is network diplomacy a pre-condition for lasting change? Above theories may be empirically contrasted by considering a set of examples in which network diplomacy has been used, and whether a sustainable solution has been brought about in these cases, or, if this was not the case, if this was due to a lack of success in reaching a solution, or due to roadblocks after the solution had been reached, and to what degree state institutions were involved in either point.

As such, the conflict will not be considered as a single discrete unit but an agglomeration of smaller conflicts which may have a solution independent of the overarching problem of statehood; principles which may aid other solutions will be deduced.

Some roadblocks inhibit both state and non-state actors in the region, first amongst them a lack of trust and shared agenda, combined with a rejection of joint struggle, entrenched and institutionalized conflict with the threat of ostracization looming over divergent voices. It remains to be seen if networks have reached sufficient maturity to fulfil one of the underlying principles of network diplomacy, that, as per Jamie Metz, “those organizations that best respond to new realities will be most able to advance their interests globally” [10].

Case: Joint NGOs initiate stable cooperation in water management. A well-publicized example of complementary cooperation on the state and non-state level is cooperation in the space of water management and related environmental issues. As water is an imperative issue for both sides, and co-operations decreases the risk of armed conflict over resources which are in principle sufficient to satisfy all stakeholders, a solution could be a catalyst for peace building.

However state-to-state diplomacy has failed to produce mutually desirable outcomes in the given case, Brooks and Trottier in a 2014 study of the Israeli-Palestinian conflict in the space of water resources write that “[in the case of Israel and Palestine] the greatest barrier appears to be fear, not of what may emerge from the negotiations but of coming to the negotiation table at all” due to fear that negotiations may jeopardize the status quo and expose their constituencies to harm. Further, both sides also feel trepidation over whether an agreement can be sold to their respective electorates [1, pp. 211–223].

In an informal context, a 1994 conference initiated by Israel / Palestine Center for Research and Information (IPCRI), a joint Israeli-Palestinian NGO and non-governmental think tank, both Israeli and Palestinian delegates have agreed on the need for co-operation in water management and assessed the issue as one integral to the structural peace-building process.

Thus, in the light of the obstacles to direct diplomatic discourse outlined above, NGOs have emerged as a key complement to the official peace-building effort. The 1993 Oslo peace process saw the parallel formation of a numerous joint Israeli-Palestinian NGOs to deal with environmental issues by aiding policy development,

rendering technical expertise as well as practical implementation of trans-boundary water projects where the presence of state actors could be perceived as inflammatory.

This ability to operate independently of state institutions has been an asset in times of diplomatic crisis; most joint NGOs have survived the violence of the second Intifada in the early 2000s, and thus kept a channel of communication open despite a looming diplomatic crisis. Thus, NGOs in the water space constitute a link between Israel and Palestine on both the governmental and societal level.

As such a significant contribution to de-securitization, the process of rendering an issue non-threatening transforming it from a task of security policy to one of civil society, can be observed – as NGOs rendered their services independent of the larger security environment, a precondition for the formation of civil structures. In the same vain a certain degree of trust is fostered, and working networks established, which are of economic value and function as part of a reinforcing cycle of co-operation through the establishment of bilateral structures (i.e. the more bilateral structures there are the more efficient co-operation becomes, the easier it is to establish further bilateral structures where needed).

A specific example of a dual pronged approach of NGO and state action in the water space is the “Good Water Neighbors” project launched by the “Friends of the Earth Middle East” (FoEME) in 2001 with the explicit goal of stimulating trilateral co-operation among Israelis, Palestinians and Jordanians in the water space as part of a larger peace building process, stating that “while at a national level a conflict can prevent progress in problem-solving, at the community level there can remain a willingness to cooperate” [2, pp. 65–67].

Within this context, the Mayors of the border communities Baka el Sharkia and Baka el Gharbia-Jat on the Palestinian and Israeli side respectively agreed to sign a memorandum of cooperation. However, administrative obstacles persist (e.g. in the construction of new infrastructure), underlining the penultimate role of government in the realization of initiatives brought forward by civil structures.

Case: Academic institutions drive dialogue beyond ideological and tangible barriers. A main roadblock to the peace building

process is a lack of post-agreement reconciliatory structures fostering dialogue between formerly opposing parties; these structures can also function as a driver of peace by laying a foundation (i.e. through a bilateral communication channel) for jointly coming to terms with the past, on equal footing.

Academic institutions are intrinsically tasked with the study and dissemination of information relating to political processes of note, and the establishment of objective truth in environments marred by highly subjective rhetoric. In the Israeli-Palestinian case academic co-operation may be of particularly high value to the Palestinian side which lacks the educational and technical capacity of Israeli researchers, thus enabling downstream knowledge flow to civil society at large. Empowering Palestinian academics may not exclusively aid unilateral advocacy, but also provide the tool for guided bi- and multi-lateral communication with Israeli and international counterparts.

Malul and Schwarz in a 2010 study of Israeli-Palestinian cooperation argue that simple communication is not efficient in peace building as “previous experience in cooperation between Palestinians and Israelis does not alter perceptions about the barriers”, and that “even if the individuals’ subjective beliefs and attitudes change because of previous experience, their perceptions regarding the objective barriers to cooperation are still not affected” [7, pp. 75–92]. Thus, communication channels must be such that tangible aspects to cooperation can be tackled in addition to ideological ones, which is the case for academic cooperation.

To this end the “Arava Institute for Environmental Studies” (AIES) constitutes a practical example of academic linkage in the Israeli-Palestinian arena with a focus on establishing practically feasible, goal driven communication channels. A joint project of Israeli, Palestinian and Jordanian academics the AIES has rendered university education to a diverse student body, approximately equally split between Israeli, Arab and overseas students, since 1996, and has been in constant crisis ever since.

A key component of the institute’s mission is to help its alumni network with each other post-graduation. According to a longitudinal study of the institutes operation by Schoenfeld et al.

“Through this strategy, the institute does not rely on the idealism of its students, but gives them practical educational and professional assistance”, much in accordance with the need to tackle tangible challenges jointly with ideological considerations outlined above. Overall, the task for academic institutions is to establish practical, issue focused communication channels across ideologies, which are not part of classic diplomatic reach-out [9, pp. 125–137].

Case: Network diplomacy as a way of reaching out to exogeneous actors. Non-traditional actors are not constrained to their immediate system (the Israeli-Palestinian Arena in the given case), but may reach out globally. European Union (EU) policy towards the Palestinian issue constitutes an illustrative example in this regard, extending beyond traditional state actors to encompass non-state actors (NSA).

Hereby, a two-pronged approach is pursued – on the input side consultation with NSAs adds legitimacy to policy by considering the needs of stakeholders, on the output side NSAs benefit from EU programs or funding opportunities.

There is thus a dedicated interface for the communication between a state actor, the EU, and non-state actors expressing implicit support for the notion of NSAs as a further avenue of diplomacy.

Other possible solutions. In 1947, as an attempt to solve a conflict, a network of states and international organizations (through the United Nations) reflected upon the issue and put it on the global agenda. The idea scribed and drafted as Resolution 181 (A/RES/181) of the UN General Assembly was the result of a simple, mostly state comprised network engaging into a peace negotiation. Half a century later, a similar process, more complex network, extending its membership to international organizations, observers, NGOs, and implicitly social and traditional media, continues to work upon the issue.

While many diplomatic efforts have been made to achieve a two-state solution, (1991 Madrid Conference; 1993 Oslo Accords, 2000 the Camp David Summit, 2001 Taba Negotiations in early, 2002 the Arab League proposed Arab Peace Initiative, and the latest 2013–2014 peace talks) have all failed.

In trying to understand the now historical set of failures and precedents, one must seek for

contrast between what was discussed in the beginning as an appropriate response to our current global environment, and the answers provided by all the failed negotiations.

In doing so, one can observe that the members comprised in the networks are all from limited backgrounds. They are all state-centric or state-based actors, thus reducing their reach to the state and state-centric institutional aspect of the issue. As such, one could conclude or formulate the hypothesis that the lack of a diversified group of members or nodes, may limit the ability of all these negotiations to fully address the sum of multi-dimensional issues and grievances from both sides.

Indeed, it is not quite so difficult to imagine that the process which would allow civil society organizations and representatives to engage mutually, may lead to more accountability and/or pressure on other types of actors involved in the process. If, as an example, various groups from the Israeli and Palestinian societies, were somehow able to reach an agreement or understand on certain points, and if, business or socio-economic actors and pillars were able to reach compromises on similar or different issues, this would not only force state negotiator to include these in the process (thus making the process more adequate to the situation) but it would also create a pressure and legitimacy which the state negotiators would have to either satisfy or accept to jeopardize [11, pp. 438–452].

What could then be done to achieve such a multi-dimensional, diverse peace process? An answer would be to engage on varied front, through different, informal, time spaced processes that cement the basis for further negotiations. These could include citizen diplomacy, NGO and civil society-based approaches, economically driven incentives and other cultural initiatives such as sports-based diplomacy.

Citizen Diplomacy and the Culture of Peace. Illustrating the previous point, is the citizen-led diplomatic process witnessed in the Israeli-Palestinian conflict. The disillusionment resulting from the Oslo Accord and the interruption of the peace process pushed civil society on both sides of the conflict to take leadership and start searching for a dialogue and joint actions to create a culture of peace in the absence of political will.

Citizen diplomacy in the Israeli-Palestinian conflict plays a significant role. It basically aims

at providing opportunities for interacting and working together on the creation of a culture of peace. The culture of peace being an essential component, it must be promoted through citizen diplomacy or people-to-people initiatives in order to overcome barriers.

The first example is the BSMZ campaign. It was a joint campaign between Jewish Israelis citizens from Mevaseret Zion and Palestinians from Beit Surik. The whole idea of this campaign was making participants dropping their ideology about the conflict and gather people.

One of the campaign's goal was to involve all kind of citizens from both sides including non-elite citizens. Naturally, the BSMZ campaign is based on the Track II diplomacy which refers to "non-governmental, informal and unofficial contacts and activities between private citizens.

A deeper analysis into the previous example demonstrates that citizen diplomacy can be an effective tool for the promotion of peace and resolution in a conflict, as well as for the creation of a peace culture which would later become the basis of any lasting peace initiative and drive.

Civil Society. Similarly, NGOs and civil society-based approaches can be a powerful tool of network diplomacy. When it appears impossible or particularly challenging to resolve a conflict at the governmental level, NGOs can exert political influence by introducing topics into international debate, setting agendas, fighting for new norms, proposing and facilitating negotiations, pressuring reluctant governments to make changes and using the social and ideological reach.

The cooperation of Israeli and Palestinian NGOs on issues which are of great concern for both parties represents a way out of crisis. In 1999, a conference organized by the Peace Research Institute in the Middle East (PRIME) brought together over 40 Israeli and Palestinian NGOs that were interested in cooperation on a variety of cooperative projects involving educational, economic, human rights, healthy, environment and social issues [6, pp. 87–89].

An example of active work has been going between ecological NGOs, which worked toward the protection of the ecosystem shared between Israel and Palestine. For many periods of times, these NGOs have worked and collaborated on projects aimed at enhancing not only the environment, but also peaceful relationships

between the neighbours using environmental concern for their respective lands as a driver and common point of agreement.

The relationship between the conflict and the degradation of the environment in the West Bank and Gaza Strip can be identified as a significant issue. Moreover, many expressed their belief that water shortage, pollution and deforestation are both consequences and drivers to further conflicts between the two nations.

Later on, Palestinian and Israeli NGOs working on this issue, agreed that expansion of settlements was detrimental to the shared environment as natural areas were being destroyed in order to build new infrastructures, more often than not in violation with Israeli, Palestinian and international laws.

Sports diplomacy. Similarly to politics and ideology, sports has a specific way to trigger and excite passions. Over the centuries, if not more, sports have proven its ability to be an effective and powerful political tool. One needs only to look at John Carlos' 1968 First at the Olympic Games to illustrate African American Civil Rights issues in the US, or the heavily charged and tense Olympic confrontations between the Soviet Union and the United States during the Cold War, to fully appreciate this.

This ability to excite and sometimes derail passions has also significantly impacted the Israeli Palestinian issue. The 1972 Summer Olympics, represented a window of opportunity for Black September terrorist organization to spread fear and gain global attention when they executed 11 Israeli athletes and their coach. The refusal to integrate Israel into the groups of Middle Eastern countries in FIFA, or the inclusion of Palestine in the Asia Cup represents the potential symbolic significance of sports in any major political struggle or process.

When in 1972 Israeli sportsmen were allowed to participate it was widely viewed as an implicit recognition of Israel on the world scene. This aggravated the Israeli-Palestinian conflict, as Palestine could not take part in this event and perceived its non-invitation as a strong political defeat and provocation.

When earlier this year Palestinian flags were raised and waved by a significant crowd, in a frantic manner at the Asian Cup in Australia, one could not perceive or appreciate a certain

sense of victory for those defending Palestinian statehood. In fact, in the minds of many, these may represent a much stronger global signal and have a much more powerful reach through these newly-created spaces previously discussed (such as social media) than Palestine's entry and recognition by UNESCO Member States. That is because, while many people in East Asia had never heard of Palestine before, they were now aware of its existence. In fact, one could probably argue that more people in this part of the world heard from Palestine's presence at the Asia Cup than those who ever heard about Palestine being granted a seat at UNESCO. In this context, the participation of Palestine to this tournament was particularly for those advocating for its statehood as Palestine's first match took place less than two weeks after the rejection of its latest bid for statehood.

Sports, football in particular, are in today's highly decentralized and individually empowered world an important tool to bring an echo to any cause and the issue of Palestinian statehood represents no exception.

Apart from promoting and preserving identities, sport can also be used to help solve conflicts between groups. It has demonstrated its ability to help bring people together even in times of conflicts. The Sochi Olympics had Ukrainian athletes participating in them, without fear of reprisal or consequences, and when American and Russian fencers faced each other for the gold in Rio, it was in a sportsmanship and respectful manner.

And if such has been the case for many issues, with such heavy connotations, in a time where sports, and most particularly football, are among the very few common values and vectors able to transcend networks and borders, it is of primordial importance, for these attempting to solve the Israeli-Palestinian conflict to understand the importance of engaging and reaching global crowds through such initiatives [13].

Economic actors and liberal incentives. For much of the past century, the conflict between Israelis and Palestinians has been a defining feature of the Middle East. Despite billions of dollars having been spent to support, oppose, or seek to resolve it, the conflict has endured for decades, with periodic violent eruptions. Each violent uprising leads Palestinian GDP per capita

to fall by about 46% while Israeli GDP per capita falls by about 10%. Assuming that mutually beneficial economic activity could spare interest to peaceful resolution of the conflict let's take a look at such option.

Proceeding from existing economic peace projects Israel and Palestine need to deepen such efforts and strengthen economic ties. In his election campaign Benjamin Netanyahu stressed that: "We must weave an economic peace alongside a political process. That means that we have to strengthen the moderate parts of the Palestinian economy by handing rapid growth in those area, rapid economic growth that gives a stake for peace for the ordinary Palestinians".

Currently, international aid is the lifeline of the Palestinian authority. By 2008, international aid accounted for more than 60% of Palestinian GNI. In contrast, the RAND Corporation estimated that if a peaceful solution is achieved, both parties would benefit significantly in both absolute and GDP per capita terms. While income for the average Israeli would have increased by about \$2,250 (about 5%), the average Palestinian's income would rise by about \$1,100 (about 36%) [3, pp. 132–150].

Among the biggest and most successful economic initiatives in place are joint industrial parks, Valley of Peace Initiative, Olives of peace (joint Israeli-Palestinian business venture to sell olive oil). While industrial parks and Valley of Peace Initiative are government-backed initiatives, which create jobs in Israel and the West Bank, parties need to move further toward private companies' partnership. Some tensions revolved around existing government economic projects. One example was the construction of Rawabi, a new city, which Israel partially helped to construct. It was intended to house 40,000 people in its first phase and more in the future; the first 700 homes had already been built by 2015. However, some claimed that conflicts with Israeli authorities had prevented it from having any roads other than a single-lane farm road, and that water access issues had not been resolved.

One of such examples was the Olives for peace initiative. Palestinians have benefited from large amounts of venture capital available through Israeli contacts. Israeli involvement began by benefiting from the labour costs and salary levels in Palestinian society, where various Israeli

businesses have already outsourced some business. Over time, the project became a partnership, owing to a large number of new Palestinian college graduates who studied information science and needed new business opportunities. Such private companies' projects also bind economics, science, education together and is a viable way to create an additional reason for peaceful conflict resolution [5, pp. 263-274].

The World Future Council took part in creating the best ways of introducing a Palestinian currency. Such a currency would be in accordance with the Paris protocol and international law. It would have several advantages for Palestinian economy: reducing exchange costs, ensuring seignior age profits from money creation stay in Palestine, and contributing to greater economic flexibility. It would enable the Palestinian Monetary Authority (PMA) to become a central bank, a lender of last resort to the banking sector which could also spend directly into economy. Such spending would not be inflationary if it enabled unused productive facilities and many unemployed Palestinians to produce new goods and services.

In an official visit to Israel John Kerry declared that improving the economic situation would create a favourable atmosphere for political progress while economic recovery would help create an atmosphere of trust between the two parties. There is a need for projects that include agricultural, industrial, tourism and collaborative projects, in addition to employment centres near major cities "so as to exempt Palestinians from working inside Israel" facilitating the transit through the crossings and trying to find foreign investment [12].

There are also various NPOs which aim to promote economic partnerships between Israelis and Palestinians (e.g. Israeli-Palestinian Chamber of Commerce and Industry, ECF "Economic Cooperation Foundation", etc.). There have been various attempts to create such a cooperation by both governments and by private corporations as economic solution is perhaps the strongest guarantee for peace to endure.

Results and Discussion. It is undeniable that the international system, and the interactions within have greatly changed. Unexpectedly, change in the international system comes with

every major technological outbreak, geographical and territorial reconfiguration and global ideological paradigm-shifts.

These changes we have witnessed since the 1980s, have changed the nature of global politics and diplomacy. If anything, diplomacy today is the same art it used to be, however, its instruments and responsibilities have changed.

Diplomacy has always been about engaging relevant actors to solve relevant issues or achieve relevant objectives. Aggressive, defensive or peaceful by nature; economic, military, social or cultural, these objectives have evolved. The most significant evolution however lies in the players.

Engaging relevant actors yesterday meant engaging states, connectors, individuals with access to a state or the specific part of a state, but today it has changed. Engaging relevant actors means anything, from a general, to a journalist. It can be directed to a small community of women fighting radicalization in Mali, as it can be directed towards an artistic centre in Lima, or an audience of millions of individuals through social media. Its means can involve a traditional phone call between two heads of states, as it can take the shape of an international football game between France and England in the aftermath of a terrorist attacks, as it can be condensed into 140 characters on twitter, or a picture on Facebook [8].

A relevant diplomacy today is a diplomacy that understands and appreciates that these are networks, and that successfully achieving its means and objectives require engaging these networks, creating them and activating them when relevant, because a group like Al Qaeda can have the network require to shake the heart of a global power like the United States for a day or few years, as a country like Norway can spend more on environmental and human development than the two or three largest economies combined.

These are, in short, examples of the power of network diplomacy, and thus, for good or bad, an illustration of its necessity in a highly fragmented, decentralized world, where audiences constantly shift, and means always evolve.

Speaking about the Israeli-Palestinian conflict itself it can be considered not as a single discrete unit but rather a problem set which allows for the solution of individual tasks (e.g. water management in Baka el Sharkia and Baka el-Gharbia Jat) without the umbrella of an

overarching solution of the entire conflict. Diverse, multi-level actors in the context of network diplomacy are uniquely suited to tackle these issues which may be of too little importance, contrary to state policy or better approached by more agile organizations than classic rigid state institutions.

An agglomeration of thus solved problem sets reduces points of conflict and paves the road towards peace building. A lack of trust is a key inhibitor to the peace process, communication barriers extend beyond ideological considerations to tangible obstacles (e.g. a lack of channels, knowledge) which may inhibit the mere initiation of dialogue. To this end shared educational institutions, e.g. the AIES, may contribute to the establishment of feasible bilateral communication channels beyond state-to-state communication; the latter appears unlikely to yield a solution without an exogeneous shock.

A network of actors may push government towards adopting initiatives stemming from cooperation beyond classic state-to-state approaches. To this end the Good Water Neighbours project provides an illustrative example of civil cooperation, via a shared Palestinian-Israeli NGO, which has fostered cooperation on the municipal level.

Non-state actors may conduct their operations independent of overarching conflict on the state-to-state level and as such preserve ties and prevent the flaring up of conflicts in their respective arenas. Both Good Water Neighbours and the AIES have continued to operate throughout the crises of the late 20th and to date 21st century, including the second Intifada, whereas state-to-state communication had come to a standstill.

REFERENCES

1. Brooks D.B., Trottier J. De-Nationalization and De-Securitization of Transboundary Water Resources: The Israeli-Palestinian Case. *International Journal of Water Resources Development*, 2014, no. 30(2), pp. 211-223.
2. Cleveland W.L., Bunton M. *A History of the Modern Middle East*. Westview Press, 2016. 602 p.
3. Cohen H. *Joint Israeli-Palestinian Political Activity in Jerusalem: Characteristics and Challenges. Locating Urban Conflicts*. Palgrave Macmillan UK, Basingstoke, Hampshire, 2013. 269 p.
4. Coskun B.B. Cooperation over Water Resources as a Tool for Desecuritisation: The Israeli-

Palestinian Environmental NGOs as Desecuritising Actor. *European Journal of Economic and Political Studies*, 2016, no. 2 (2), pp. 97-115.

5. Golay F., Ziegler S., Harari N., Métaireau B., Carneiro C., Schuler M. *Academic Cooperation to Foster Research and Advocacy Competences in the Occupied Palestinian Territory (West Bank). Technologies for Sustainable Development*, Springer International Publishing, Switzerland, 2014. 303 p.

6. Ide T., Frölich C. Water Conflict or Water Cooperation? A Discursive Understanding of Water Conflict and Cooperation in Israel and Palestine. *Norwich Conference on Earth System Governance*, New Zealand, 2014, pp. 25-33.

7. Malul M., Bar-El R., Schwartz D. Patterns of Cooperation in High-Tech – Constraints, Feasibility, and Benefits: Results of a Study Among Palestinians and Israelis. *Conflict Management and Peace Science*, 2010, no. 27 (1), pp. 75-92.

8. Martins B. O. The EU Against the New Normal: Avoiding the Banalization of the Israeli-Palestinian Dispute. *Mediterranean Politics*, 2016, no. 21 (3), pp. 1-5.

9. McConnell F., Megoran N., Williams Ph. *Geographies of Peace. New Approaches to Boundaries, Diplomacy and Conflict Resolution*. London, I.B. Tauris, 2014. 320 p.

10. Metz J.F. Network Diplomacy. *Georgetown Journal of International Affairs*, 2001, no. 2, p. 77.

11. Miller B. 1: One State or Two: Why a Two-State Solution Is Desirable, Necessary, and Feasible. *Ethnopolitics*, 2016, no. 15 (4), pp. 438-452.

12. Seidel T., AbuNimer M. *Peace and Reconciliation Processes. The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*, Springer International Publishing, Switzerland, 2016. 2520 p.

13. Springer J.E. Assessing Donor-Driven Reforms in the Palestinian Authority: Building the State or Sustaining Status Quo? *Journal of Peacebuilding & Development*, 2015, no. 10 (2), pp. 1-19.

14. Voltolini B. *The Role of Non-State Actors in EU Policies Towards the Israeli-Palestinian Conflict*. Paris, France, European Union Institute for Security Studies, 2012. 47 p.

Information About the Author

Vladimir M. Morozov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of the Diplomatic Service, Vice-Rector for Personnel Policy, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, morozov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2429-9150>

Информация об авторе

Владимир Михайлович Морозов, кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, проректор по кадровой политике, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, morozov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2429-9150>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.14>

UDC 94(479)
LBC 63.3(2)

Submitted: 01.05.2020
Accepted: 08.07.2020

INCOME OF THE RUSSIAN TREASURY ON MATERIALS OF THE LOWER CORPS OF THE DERBENT GARRISON¹

Sharafetdin A. Magaramov

Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Elena I. Inozemtseva

Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Nikolay D. Chekulaev

Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper deals with one of the aspects of the economic policy of the Russian Empire in its Peri-Caspian provinces, annexed as a result of the Persian campaign of Peter the Great. The aim of the study is to analyze the main income items of the imperial treasury based on the materials of the Derbent garrison of the Lower Corps, to establish the share of income received in Derbent in the structure of all income of the Lower Corps. Tasks: to characterize all income sources of the Derbent garrison, to show the activities of commandants and other military leaders in streamlining the income structure, in replenishing the imperial treasury, to consider the interaction of the Russian authorities of Derbent with foreign merchants and domestic salesmen, to describe the daily life of the garrison in Derbent. *Methods and materials.* The study is based on the archival documents from the Central State Archive of the Republic of Dagestan, mainly from fond 18 “Derbent commandant”, most of which are introduced for the first time. Additionally, the modern achievements of historical science on the subject have also been considered. The methods of the study are the following: the principles of historicism and objectivity, an integrated approach, a systematic method, methods of criticizing historical sources. Based on the analysis of the documentary material, it was possible to restore the picture characterizing the everyday life of the military personnel in the Derbent garrison of the imperial army. *Analysis.* The fiscal activity inside the Derbent garrison was controlled by the commandant, whose duties, in addition to military-political ones, included collecting taxes and fees, reporting on them to the central imperial authorities and administration. The amount of incomes for the reporting periods are described in detail, the role of Derbent customs in replenishing the Russian treasury and the trade of the Derbent administration with foreign merchants are shown. Considerable emphasis is put to the activities of the military leadership of the Lower Corps and the Derbent Garrison, directly aimed at increasing financial revenues of the imperial treasury. *Results.* As a result of the study, valuable archival documents were introduced into the scientific circulation, reconstructing the daily life of the Derbent garrison, the main sources of income in this garrison were identified. It was established that the revenues of the imperial treasury in the Derbent garrison were clearly differentiated and structured. Customs duties accounted for more than half of the revenue in Derbent, while the other part was collected from the sale of wine, vegetables, oil, and court fines. The “Persian” incomes were spent on salaries and remuneration to the Caucasian political elite loyal to the Russians, to keep the amanates (hostages)

from Caucasian rulers, to pay wages to masters for the repair and reconstruction of fortresses, to maintain postal communications, etc. Despite the emperor's ambitious plans for the economic development of the "newly conquered" former Persian provinces, many of the projects he started were not completed and scraped after his death. A pressing example of it would be the abandonment of the construction of the Derbent port enclosed from sea storms.

Key words: Peter the Great, Lower Corps, fiscal policy, Derbent garrison, commandant, Derbent customs, foreign trade.

Citation. Magaramov Sh.A., Inozemtseva E.I., Chekulaev N.D. Income of the Russian Treasury on Materials of the Lower Corps of the Derbent Garrison. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 157-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.14>

УДК 94(479)
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 01.05.2020
Дата принятия статьи: 08.07.2020

ДОХОДЫ РОССИЙСКОЙ КАЗНЫ НА МАТЕРИАЛАХ ДЕРБЕНТСКОГО ГАРНИЗОНА НИЗОВОГО КОРПУСА¹

Шарафетдин Арифович Магарамов

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

Елена Ивановна Иноземцева

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

Николай Дмитриевич Чекулаев

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье раскрыт один из аспектов экономической политики Российской империи в прикаспийских провинциях, присоединенных после Персидского похода Петра Великого. Цель исследования – на основе материалов дербентского гарнизона Низового корпуса установить долю доходов, полученных в Дербенте, в структуре всех доходов Низового корпуса. Задачи: охарактеризовать источники доходов дербентского гарнизона; показать деятельность комендантов и других военачальников в упорядочивании структуры доходов, в пополнении имперской казны; рассмотреть взаимодействие российских властей Дербента с иностранными купцами и отечественными маркитантами; описать повседневную жизнь гарнизона в Дербенте. *Методы и материалы.* Исследование базируется на архивных документах Центрального государственного архива Республики Дагестан, в основном из фонда 18 «Дербентский комендант», большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Кроме того, учтены современные достижения исторической науки по данной проблеме. Методы проведенного исследования: принципы историзма и объективности, комплексный подход, системный метод, методы критики исторических источников. На основе анализа документального материала удалось восстановить картину, характеризующую повседневность и быт военнослужащих в дербентском гарнизоне имперской армии. *Анализ.* Фискальную деятельность в дербентском гарнизоне контролировал комендант, в чьи обязанности кроме военно-политических функций входил также сбор налогов и пошлин, предоставление отчетности по ним в центральные имперские органы власти и управления. Подробно описаны размеры доходов по отчетным периодам, показана роль дербентской таможни в пополнении российской казны, взаимодействие российской власти Дербента с иностранными купцами. Значительное место в исследовании уделено мероприятиям военного руководства Низового корпуса и дербентского гарнизона, непосредственно направленным на рост финансовых поступлений в имперскую казну. *Результаты.* В результате проведенного исследования в научный оборот введены ценные архивные документы, реконструирующие повседневную жизнь дербентского гарнизона, выявлены основные источники доходов в данном гарнизоне. Установлено, что доходы имперской казны в дербентском гарнизоне были четко дифференцированными и структурированными. Более половины доходов в Дербенте составляли таможенные сборы, другая часть доходов собиралась от продажи вина, овощей, нефти, судебных штрафов. «Персидские» доходы шли на выплату жалованья и вознаграждений кавказской политической элите, лояльной к русским, на содержание аманатов (заложников) от кавказских правителей, оплату труда мастерам по ремонту и реконструкции крепостей, поддержание почтовой коммуникации и другие нужды. Несмотря на масш-

табные планы императора по экономическому освоению «новозавоеванных» бывших персидских провинций, многие начатые им проекты не были завершены, свернуты после его смерти. *Вклад авторов.* Выявление и извлечение архивных документов – Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев; палеографическая обработка архивных документов, написанных «русской скорописью» XVIII в., – Н.Д. Чекулаев, Е.И. Иноземцева; выборка и систематизация для последующего анализа – Ш.А. Магарамов, Е.И. Иноземцева; структурирование материала, техническое оформление статьи – Ш.А. Магарамов; научное редактирование – Е.И. Иноземцева.

Ключевые слова: Петр Великий, Низовой корпус, фискальная политика, дербентский гарнизон, комендант, дербентская таможня, иноземное купечество.

Цитирование. Магарамов Ш. А., Иноземцева Е. И., Чекулаев Н. Д. Доходы российской казны на материалах дербентского гарнизона Низового корпуса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 157–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.14>

Введение. Экономический аспект петровской восточной политики России представляет собой одну из актуальных проблем российской исторической науки, он привлекал внимание исследователей в советской и современной историографии. Данная проблема освещалась в монографических трудах В.П. Лысцова, И.В. Курукина, посвященных непосредственно Персидскому походу Петра I. При подготовке указанных работ не привлекались документальные данные из региональных архивов, в частности городов Махачкалы и Баку. Отдельные аспекты поднятой проблемы проанализированы в публикациях дагестанских историков – авторов данной статьи.

Методы и материалы. Публикация подготовлена на основе новых архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, из фонда 18 «Дербентский комендант» Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД). В работе восстановлена картина повседневности дербентского гарнизона, показана дифференцированная структура доходов Низового корпуса. Применение комплексного подхода при анализе архивных источников и введение в научный оборот новых архивных документов позволяет реконструировать основные аспекты экономической жизни Низового корпуса. На материалах дербентского гарнизона можно проследить, насколько упорядоченными были таможенные, штрафные сборы, как модернизировались отрасли экономики (виноделие, производство шафрана), приносящие прибыль в имперскую казну, установить механизмы взаимодействия российской власти с иностранными купцами, чья деятельность также являлась одним из ис-

точников доходов казны в «новозавоеванных» областях на берегах Каспийского моря.

Анализ. Как известно, результатом крупной военно-политической кампании Петра Великого на Востоке – Персидского похода 1722–1723 гг. – явилось завоевание и присоединение к Российской империи территорий западного и частично южного берегов Каспийского моря с городами Дербент, Баку, Сальяны, Решт и иранскими провинциями Гилян, Мазандеран и Астрабад. Присоединение прикаспийских территорий к России было закреплено в международных договорах между Россией и Ираном (Петербургский договор 1723 г.), с одной стороны, и Турцией (Константинопольский трактат 1724 г.) – с другой. Российским властям необходимо было прочно обосноваться на этих землях, с этой целью в регионе был создан крупный военный контингент – Низовой корпус Российской императорской армии, состоящий из нескольких военных гарнизонов. Первым командующим Низовым корпусом был назначен генерал-лейтенант и гвардии майор М.А. Матюшкин, которого в феврале 1726 г. по причине болезни сменил князь В.В. Долгоруков. В начале 1728 г. командование было разделено на две части: территорией от Терека до Куры командовал генерал-лейтенант А.И. Румянцев, а в Гиляне командующим оставался генерал-лейтенант В.Я. Левашов. В 1730 г. командование вновь стало единым под начальством генерала-аншефа и «главного командира в Персии» В.Я. Левашова, которого в 1732 г. сменил сначала генерал-лейтенант П. Лефорт, а затем майор гвардии и генерал-лейтенант принц Людвиг Груно Гессен-Гомбургский. С июля 1733 г. и до конца российского присутствия на

Западном Каспии в 1735 г. командующим Низовым корпусом вновь был назначен искусный в восточных делах В.Я. Левашов [12, с. 132, 168, 212–214, 218].

Один из российских военных гарнизонов был размещен в древнем городе Дербенте, в хорошо укрепленной цитадели Нарын-кала и возведенном в 1723 г. бастионе в приморской части, называемой Дубары (в пер. с перс. «две стены»), или Шехер Юнан – «греческий город». Здесь же было сооружено земляное укрепление, в котором остановился Петр Великий, возведены жилые и военно-хозяйственные постройки. Все эти сооружения и укрепления, размещение императорских войск в целом нашли подробное отражение на двух крупномасштабных планах Дербента, составленных в 1720-е гг. инженером-подполковником Людвигом Гартунгом [7, с. 126–127].

Первоначально дербентский гарнизон состоял из прибывших с императором пехотных батальонов, которые в середине 1725 г. были сведены в два полка – Дербентский и Дагестанский [12, с. 172, 174]. За весь период функционирования дербентского гарнизона в должности комендантов находились: полковник (с 1726 г. – бригадир) А.Т. Юнгер (1722–1728; 1729– начало 1731)², бригадир фон Лукей (март 1728 – январь 1729) [1, с. 534, 536; 15, № 2905], полковник А.П. Девиц (1731) [8; 12, с. 172, 174], полковник И.М. Безобразов (1731), полковник М.М. Барятинский (1731–1733), полковник Н.И. Ступишин (1733) [24; 28, с. 121], полковник И.Ю. Шван (1733) [26], полковник Я.М. Ломан (1733–1735) [18]. Можно полагать, что приведенные данные относительно дербентских комендантов и периодов их службы не являются окончательными, поскольку в процессе дальнейшей работы авторского коллектива с архивными документами и литературными источниками по теме гранта РФФИ «Петр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона» возможны уточнения в списке и хронологии службы комендантов дербентского гарнизона. Уточнение списка комендантов Дербента в рамках данной публикации важно, поскольку именно они и осуществляли фискальную политику в «новозавоеванных» областях, предпринимали меры по увеличению «персидских» доходов в регионе.

Комендант гарнизона или крепости являлся главным военным и гражданским должностным лицом, в чьих руках находилась вся полнота власти во вверенном ему гарнизоне или крепости, основным проводником российской политики на подчиненной ему территории. В обязанности военачальников кроме непосредственно военно-политических задач (обеспечение присутствия российской власти в Прикаспийском регионе, недопущение господства региональных соперников России на Каспийском море, поддержание коммуникации и обеспечение доставки корреспонденции, контроль над местными правителями, административные функции) также входили экономические функции: хозяйственное освоение «новозавоеванных земель», создание инфраструктуры и налаживание торговых контактов, в том числе с иноземными купцами, сбор налогов и пошлин для пополнения имперской казны.

Дербент занимал в петровских планах на Востоке особо важное место в силу его стратегического положения, позволяющего контролировать сухопутную дорогу и коммуникации на Западном Каспии, в том числе морские. Военным командованием дербентского гарнизона предпринимались конкретные меры с целью расширения торговых контактов города через Каспийское море и международный караванный путь, пролежавший вдоль западного берега Каспия. Важным шагом в этом направлении явилась попытка строительства в Дербенте закрытого от ветров торгового порта, инициированного лично самим императором, который, находясь в Дербенте, 26 августа «изволил ездить по берегу морскому для осмотра места, где строить гавань» [16, с. 74]. Работы по строительству новой торговой гавани начались в 1723 г. и продолжались в течение 1724–1725 годов. «На дело оной берут с босурманских (мусульманских. – *Авт.*) могил камня», – докладывал императору командующий Низовым корпусом генерал-лейтенант М.А. Матюшкин из Дербента от 19 января 1725 года. Осенью 1724 г. сильный шторм на Каспии повредил гавань «на зюйдовой стороне пять сажен, на нордовой пятнадцать сажен, и камня длиною десяти футов шириною четырех футов брасало от того места, где лежали, сажен по осми и по

девяти». На «гаванные работы» и для постройки бастиона у моря в Дербенте были привлечены две с половиной тысячи казаков. Понимая важность возводимых фортификационных сооружений, Матюшкин требовал от Военной коллегии дополнительно выделить 6 000 каменщиков и 700 кузнецов. Однако Военная коллегия посчитала требование командующего завышенным и ограничилась отправкой опытного инженера, генерал-майора Адриана де Бриньи для осмотра проводимых работ [12, с. 133, 164]. Однако новая гавань в Дербенте так и не была построена, несмотря на ее важное значение в каспийском мореплавании и морской торговле. Как и многие другие петровские проекты, после смерти императора строительство защищенного от морских бурь дербентского порта было свернуто из-за нехватки сил и средств.

Несмотря на это, Дербент оставался одним из центров морских сообщений на западном берегу Каспия, поскольку пристань для малых и средних судов продолжала функционировать, куда доставлялись товары, грузы и продовольственные запасы для нужд гарнизона из Астрахани, крепости Святого Креста, Баку. Капитан Верден, обследовавший вместе с лейтенантом Соймоновым Каспийское море и его берега, в письме из Астрахани от 17 октября 1719 г. на имя Петра I отмечал, что «берег от Терека и до Куры везде чист и не отмель, не так как ваше величество доносили, и везде можно полугалеры или иные какие мелкие плоскодонные суда на берег вытаскивать и якорные места везде, однако не закрытые с моря, кроме двух хороших гаваней, а именно: в Апшероне и Баку. Дербент кажется город хорош...» [14, с. 286].

Дербентская торговая гавань играла важную роль в вовлечении города в международный товарооборот. Соответственно, чем больше торговые обороты Дербента, тем больше доходов поступало в виде таможенных пошлин в имперскую казну. Новые российские власти в регионе пытались упорядочить систему налогообложения. Так, после подписания договора 1723 г. с Ираном об уступке Российской империи прикаспийских областей военачальники получили указ о сборе налогов и пошлин в казну империи. Коменданту Юнгеру было приказано начать «збирать

пошлины со всяких товаров» в Дербенте. Аналогичные указания получили и другие военачальники Низового корпуса, причем требовалось собирать не только текущие платежи, но и недоимки за прошлые годы, которые должны были в свое время поступать в шахскую казну [13, с. 48].

Пошлинные сборы, как известно, составляли одну из доходных статей царской казны на юге империи, поэтому российские власти были крайне заинтересованы в развитии торговых контактов с восточными странами. Так, в Астраханской таможне с персидских и русских товаров, перевозимых морским путем, «пошлинных денег и провозных» ежегодно собиралось более 100 тыс. руб. [14, с. 257].

Российскими властями в Дербенте была создана таможня для контроля над перечнем провозимых через регион товаров (изъятия так называемых заповедных (запрещенных) к продаже на Восток товаров) и осуществления пошлинных сборов. Деятельность таможни контролировал комендант гарнизона, который периодически отчитывался перед центральной властью о размерах взимаемых пошлин и об их расходовании на нужды гарнизона [3]. Непосредственное управление над деятельностью таможни осуществляли штаб- и обер-офицеры расквартированных в городе Дагестанского и Дербентского пехотных полков, несших дежурство на таможне, контролируя поступление пошлинных сборов в имперскую казну [4, с. 80].

Хранящиеся в ф. 18 («Дербентский комендант») ЦГА РД «таможенные книги» дербентского коменданта позволяют показать как объемы пошлинных сборов за продажу и провоз товаров через Дербент, так и этнический состав купцов, а также ассортимент товаров, масштабы дербентской торговли и объемы провоза товаров транзитом через дербентскую таможню. Регистрация в таможенных книгах велась по определенному стандарту, отличавшемуся краткостью сведений, которые, однако, вполне конкретны и представляют собой в сущности краткую опись товара в интересах обложения его таможенной пошлиной. Так, с сентября 1723 по май 1725 г. доходы дербентской таможни составили 1 801 руб. 80 коп. [25, л. 95]. Пошлинные сборы в городе на период с 1 сентября 1725 г. по 1 января

1727 г. составили 1 616 руб. 15 $\frac{1}{4}$ коп. [2, л. 1]. Согласно «таможенным книгам», с ноября 1726 по февраль 1727 г., то есть за четыре месяца в казну поступил доход в виде таможенных сборов более 400 руб. [20, л. 1–8], а за весь период 1727 г. было собрано доходов на сумму 1 919 руб. [21, л. 1–35]. Поступления в казну за 1728 г. составили 1 009 руб. 91 коп. [22, л. 1–48]. По неполным данным, сборы от провоза товаров в дербентской таможене за 1730 г. составили 1 245 руб. 89 коп. [23, л. 1–56]. За период с ноября 1726 по 1730 г. имперская казна в Дербенте получила таможенных пошлин от следующих товаров: сукно, татарские епанчи, масло коровье, краскамарена, пшеница, шелк – на сумму 47 218 руб. 70 копеек. В 30-х гг. таможеня передала в доход казны от пошлинных сборов в Дербенте 76 445 руб. 59 $\frac{1}{4}$ коп. [11, с. 810]. К сожалению, за последние пару лет пребывания российской армии в Дербенте нет полных данных о доходах дербентской таможни из-за отсутствия архивных документов. Для сравнения отметим, что в 1730 г. общие доходы Низового корпуса составляли сумму в размере 301 330 руб., в 1731 г. – 317 236 руб. [12, с. 286–287].

Военными властями в регионе проводилась политика по внедрению в оборот российских рублей. С этой целью изымались из оборота фальшивые («воровская монета») деньги. В рапорте дербентского коменданта, полковника Ступишина генерал-майору А.Б. Бутурлину от 3 сентября 1733 г. отмечено, что в Дербенте «о здешних доходах колкое число имеетца неходячих денег, которые повелено для отвозу до крепости Святого Креста». Всего было собрано таковых 1 016 руб. 66 коп. (большая часть из них составляли таможенные доходы и от продажи вина-чихиря), среди которых встречались «медные старого дела и новоманерные», «фальшивые пятикопеечники», «меншикова дела гривенники», «денежки и полушки», «алтынники», «абаски» [26, л. 148 и об.]. Иранские медные деньги, которые отличались высоким качеством, перечеканивали на монетном дворе в Москве и обратно отправляли на содержание императорских войск Низового корпуса. Согласно императорскому указу от 3 декабря 1730 г., Правительствующий сенат распорядился «не

досланные из монетной конторы в Военную коллегию на содержание Низового корпуса полков, которые на подушной збор не положены в осигнованную на прошлой 1730 год и с переделу персицкой монеты суммы во сто восемьдесят копеек с половиною пятьдесят шесть тысяч сто шездесять четыре рубли семьдесят семь копеек с половиною отпустить ныне немедленно серебряною монетою» [24, л. 51 и об.]. В другом императорском указе от 1731 г. В.Я. Левашову велено было «в персидских провинциях красную медь в монете и в посуде и в слитках покупать ис казны и в казну за подати принимать ценою по четыре рубли за пуд и присылать оною для переделу в деньги в монетную контору, а купечеству покупать и вывозить оттуда запретить, (чтобы) не могли из оной делать воровской медной монеты» [19, л. 183–184 об., 205–206 об.]. Всего за период с ноября 1726 по 1730 г. иранских денег на перечеканку в российские деньги в Москву на монетный двор было отправлено 232 072 руб. 41 коп. [27, с. 68].

Таможенные сборы порою осуществлялись в натуральном виде. Упомянуты в документах ружья, сабли, кинжалы, ножи, косы, бурки, которые либо закладывались купцами затем выкупались, либо взяты «натурою вместо надлежащих денег» [10, л. 67–68]. Данные предметы продавались, и вырученные от продажи суммы поступали к пошлинным сборам.

Анализ таможенных книг показывает, что наиболее высокими пошлинами облагались дорогие товары, к которым в первую очередь относились шелк-сырец – главный товар восточной торговли – и шелковые изделия. У большинства купцов в таможенных записях зарегистрирован и, соответственно, пользовался высоким спросом шелк «рященской покупки» (то есть из города Решт – главного города Гиляна), который отличался высоким качеством. Образцы отправленного главнокомандующим Матюшкиным летом 1725 г. в Петербург гилянского шелка-сырца специалистами Мануфактур-коллегии были признаны лучшими, превосходящими «в дело штофов»³ и годными для изготовления чулок⁴. В апреле 1726 г. военачальник получил указ по дальнейшему усовершенствованию деятельности шелкового завода в Гиляне. Однако генерал Левашов, более осведомленный о состоянии

шелководства в Гиляне, усомнился в перспективах российского шелководства ввиду его трудоемкой технологии, непосильной солдатам. В случае привлечения местных мастеров-шелководов себестоимость шелка становилась невыгодной [12, с. 269–270].

Крупные партии товаров по Каспию и прикаспийскому сухопутному пути из восточных стран в Дербент, Астрахань и другие российские пределы, далее в европейские страны доставлялись армянскими, индийскими, русскими купцами и торговыми людьми, а также маркитантами. Больше всех в архивных документах упоминаются армяне из разных стран и городов: Турции, Грузии, Багдада, Вавилони, Тебриза, Решта, Джульфы, Шемахи, Астрахани. Помимо них встречаются упоминания и о русских купцах, в числе которых московский посадский человек Федор Мыльников, который провез 22 февраля 1727 г. через Дербент в Российскую империю «13 тай шелку чистого, в оных таях весу 321 батмана рященской покупки, самсарей, гушей», уплатив пошлину всего 172 руб. 28 копеек. В этой же таможенной книге от 24 марта значится тот же Федор Мыльников, записанный как «компанейщик» московской мануфактуры со своим приказчиком Петром Семеновым, который провозил «10 тай шелку чистого, в оных таях весу 210 батманов рященской покупки, самсарей 3 батмана». Сумма таможенного сбора с него была взята 112 руб. 99 коп. [21, л. 7 об., 8]. Можно полагать, что крупные партии гилянского шелка из г. Решта он вез в Москву для мануфактур.

Среди крупных поставщиков гилянского шелка встречается и «алипский» (возможно, из г. Алеппо) грек Шагик Сафаров, который 30 ноября 1727 г. провозил через дербентскую таможенную «шелку чистого 62 тая, в оных весу 1 051 батман рященской покупки», а также самсарей и железа, с которого пошлина была взята 568 руб. 22 коп. [21, л. 48 об.]. Судя по документу, не удалось установить район вывоза указанных товаров данным купцом.

В ходе исследования мы обнаружили и проанализировали еще один важный архивный документ из ф. 18 («Дербентский комендант») ЦГА РД, который наиболее полно показывает географию дербентского товарооборота, участие в нем индийских купцов, которые упла-

чивали в дербентскую таможенную налоги в виде таможенных пошлин. Данный документ составлен в сентябре 1729 г. командующим Дагестанским полком при дербентском гарнизоне капитаном Иваном Тетериным в виде описи товаров умершего индийского купца Гуляпа Дджезаева и его отца. 15 сентября 1729 г. была составлена опись товаров, хранящихся в двух лавках индийского гостиного двора, располагавшегося в средней части города, в присутствии других индийских купцов: Ходжа Китана, Багары Биреева, Часту Дулачинова, Муллы Даилсова, Рамчата Багатауча и Катана Чагурдасуча. Ниже в приложении приводится полный перечень и количество товаров, согласно описи (см. таблицу) [9, л. 2–4 и об.].

Как видно из таблицы, индийские купцы предпочтению отдавали ассортименту, нежели объему конкретных товаров. Среди доставляемых ими на дербентский рынок товаров преобладали предметы из восточных стран – персидские и индийские ткани, в частности шелковые, готовые изделия из тканей. Из российских глубин индийцы привозили в Дербент кожу и мех, кожевенные и металлические изделия. Наиболее тесными были связи индийцев с бакинской и шемахинской индийскими колониями, куда они быстро добирались от Дербента. Запасы пополнялись и в самой Астрахани. Соответственно, за провоз товаров индийцы выплачивали в дербентскую таможенную пошлины, тем самым являясь субъектами налоговых поступлений в имперскую казну в Дербенте.

Индийские купцы в Дербенте торговали в индийском караван-сараяе (гостинный двор), который располагался в средней части города. На одной из двух карт Дербента 1720-х гг., составленной инженером-подполковником Людвигом Гартунгом, указано, что в «третьем городе» проживали «здесьние обыватели, армянские и индейские купцы, евреи и протчие» [7, с. 127]. Участник Персидского похода Петра Великого И.-Г. Гербер (1720-е гг.) в своем сочинении «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г.» также отмечал, что в это время «обретаются в Дербенте много купецких людей из персиянов, армянов, грузинцов и индийцов» [5, с. 86]. Российские власти в целях пополнения доходов казны пошлинными сборами тесно взаи-

модействовали с восточными купцами, в основном армянскими и индийскими, чьи торговые сделки выгодно отличались от оборота местных торговых людей.

Капитан Иван Тетерин в своем донесении на имя дербентского коменданта А.Т. Юнгера отмечал, что к нему обратились дербентский житель «босурманин (мусульманин. – *Авт.*) Имам Ахверди Бабаев» и армянин Григорий Элизбиров, которые терпят убытки от того, что предоставленные ими в аренду торговые лавки двум индийским купцам Чюинтегу и Малли, уехавшим по торговым делам в Исфахан и Астрахань соответственно, заперты более чем на «пол третя года». По первому купцу не было сведений – умер он или нет, а второй купец скончался в Астрахани. И они просили, чтобы эти лавки «были разпечатаны и освидетельствованы, ибо де мы в том продолжение имеем в наем лавок обиду» [9, л. 1 и об.]. Как следует из документа, указанные лица сдавали в аренду индийским купцам торговые лавки и в данном случае они несли убытки, не получая арендную плату. По данному документу невозможно установить, поступали ли доходы в царскую казну от аренды торговых лавок или нет.

Нередки были злоупотребления со стороны работников дербентской таможни. В канцелярию по управлению комендантскими делами поступали жалобы от купцов на неправомерные действия начальников дербентской таможни. Так, в рапорте от 23 мая 1732 г. дербентский комендант, князь М. Барятинский сообщал генерал-майору А.Б. Бутурлину⁵ о том, что житель деревни Карагулатли Кайтагского уцмийства Муртазали Умеров при явке на таможню «своих товаров вьюков восемь с парчами, а везет оные в дом свой, прежде сего брали в таможне с вьюка по семь копеек с половиною», а ныне начальник таможни капитан Цвенберк требовал с него пошлину с каждого вьюка пятьдесят две копейки. В этом же рапорте содержатся сведения о жалобе трех грузинских армян, Хачатура Назарова, Оспы Беджанова, Исая Попова, которые привезли в Дербент из Шемахи для продажи медь и прочие товары, уплатив на таможне положенную пошлину. Однако «кап-

тенармус [Былучев] из таможни» запретил продавать им медь в Дербенте и в крепость Святого Креста отвозить. Более того, «оной каптенармус без всякой причины стал нас бить палкою и гнал до нижнего рынку до грузинского кром сарая (караван-сарай. – *Авт.*), где медь наша лежит, и пришел с нами в лавку и собрав оной медь в две плетушки и запечатал своею печатью...», а затем взял с них в виде взятки «бутыль в полведра и бутылку в четверть чихиря, чернил треть фунта казылбацкого и меди» [25, л. 118–119]. Комендант просил вышестоящее начальство принять срочные меры, чтобы впредь «таких обид не происходило, и в товаре остановки чинилось от чего купечеству не придти в оскудение» [17, л. 132–133 об.]. Что касается неправомерных действий каптенармуса Былучева, было решено допросить его «во взятках в меди и в чихире при канцелярии» и держать его под арестом до принятия окончательных мер.

Вторую позицию, после пошлинных поступлений, составляли доходы имперской казны в Дербенте от продажи вина-чихиря. В плане развития виноградарства и виноделия в Дербенте император принял самые активные меры, вплоть до того, что были приглашены для улучшения качества дербентского вина лучшие европейские винные технологи, среди которых – француз Жан-Пьер Пра, венгр по происхождению, майор Туркол. В «садах его императорского величества», созданных на участках опальных жителей, в окрестностях города трудились как местные садовники, так и солдаты. Комендант крепости А.Т. Юнгер доносил императору, что «оставленной виноградной мастер» старые виноградники подчищает и новые сажает, и с ним ежедневно работают 40 казаков и 4 наемных дербентских садовника. В 1724 г. было посажено новых виноградных лоз 13 тыс. [13, с. 40]. Принятые меры привели к определенным результатам. В 1724 г. от продажи белого и красного вина выручено было 1 521 руб. [12, с. 273]. С 24 сентября 1725 г. по 1 января 1727 г. доходы от продажи вина-чихиря составили 1 329 руб. 20 1/2 коп. [2, л. 1].

В поступлениях в казну также числятся доходы от продажи овощей и фруктов, пшеницы и бакинской нефти. Они по сравнению с

таможенными пошлинами и доходами от продажи вина являлись достаточно скромными. Так, за период с сентября 1723 г. по май 1725 г. в документах указано, что «за проданное пшено» выручено 247 руб. 68 коп., за «нефть бакинського привозу» – 50 руб. [25, л. 95]. Доходы в имперскую казну в Дербенте за период 1728–1731 гг. в виде пошлин от проезжавших караванов, продажи хлеба, овощей и судебных штрафов составили сумму в размере 6 480 руб. 28 ³/₄ коп. [3, л. 1–2]. С мая по декабрь 1733 г. в виде судебных пошлин поступили доходы в казну в размере 24 руб. 75 коп. [6, л. 1 об., 2 об.].

Результаты. Проведенное исследование показало, что в соотношении с общими доходами Низового корпуса доходы, полученные в дербентском гарнизоне, составляли гораздо меньшую сумму. Так, например, совокупный доход в Дербенте с сентября 1725 г. по конец 1726 г. составлял около 3 тыс. рублей [2, л. 1], за этот же период общий доход всего Низового корпуса равнялся чуть более ста тысячам руб. [12, с. 287]. Анализ новых документов из Центрального государственного архива Республики Дагестан позволил установить, что доходы были дифференцированно структурированы. Более половины источников доходов составляли таможенные (пошлинные) сборы, другая часть доходов собиралась от продажи дербентского вина, овощей «императорских садов», нефти, а также судебных штрафов. Низкие доходы в Дербенте следует объяснить тем, что здесь подушный налог с жителей не собирался, в то время как в Гиляне, Ширване местное население было обложено этим налогом. Тем не менее доходы от дербентского гарнизона позволяли военачальникам покрывать значительную часть расходов на содержание аманатов, выплату вознаграждений отдельным военным чинам, лазутчикам, дагестанским правителям, проявлявшим лояльность к русским, наем местных садоводов, приобретение рабочего скота и другие нужды. Кроме того, удалось ус-

тановить, что все виды поступлений в казну фиксировались в приходно-расходных, таможенных книгах, по которым регулярно отчитывались коменданты гарнизона перед центральными властями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Петр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42023 “Peter the Great in the historical fate of the Caucasus-Caspian region”.

² Мы предполагаем, что А.Т. Юнгер служил комендантом Дербента дважды: первый раз с 1722 по март 1728 г., затем после смерти фон Лукея он был назначен комендантом повторно и служил с января 1729 по начало 1731 года. Наше мнение основано на архивных источниках, в которых А.Т. Юнгер указан в должности коменданта в 1729 – начале 1731 года. Так, в документе № 56 из ф. 18 («Дербентский комендант») ЦГА РД, составленном 6 сентября 1729 г. командующим Дагестанским полком при дербентском гарнизоне капитаном И.Н. Тетериным, на имя коменданта дербентского гарнизона, в должности коменданта назван бригадир А.Т. Юнгер. В другом архивном источнике № 70 из этого же фонда указано, что 23 марта 1730 г. капрал Контратьев был отправлен в Низовую крепость (Низабад) для продажи шести бочек белого вина по приказу бригадира, бывшего дербентского коменданта А.Т. Юнгера (л. 117–120). В документе комендант указан как бывший, поскольку документ был составлен в марте 1731 г., когда он уже не состоял в этой должности, а был отправлен в Астрахань.

³ В 1717 г. по указу Петра I в Москве П.П. Шафировым, Ф.М. Апраксиным и П.А. Толстым была учреждена «Штофных и прочих шелковых парчей мануфактура», которая использовала шелк из Италии и Китая.

⁴ Чулки в то время считались непременным атрибутом как женской, так и мужской одежды; шелковые чулки из-за своей дороговизны были привилегией знати.

⁵ Генерал-майор А.Б. Бутурлин в начале 30-х гг. XVIII в. возглавлял высшую военную власть в дербентском гарнизоне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опись товаров умершего индийского купца Гуляпа Джезнева из Дербента, составленная комиссией во главе с капитаном Дагестанского полка И. Тетериным

Inventory of goods of the deceased Indian merchant Gulyap Dzheznev from Derbent compiled by the commission headed by captain of the Dagestan regiment I. Teterin

Первая лавка		
№	Наименование товаров	Количество
1	Пестряди тебриской красной целых кусков	7
2	Пестряди ардавилской синей целых кусков	57
3	Бязи ардавилской белой целых кусков	6
4	Кумачей красных целых кусков	25
5	Самрянской выбойки целых кусков	6
6	Кутни ардавилской разных цветов целых кусков	3
7	Пестряди ардавилской разных цветов целых кусков	21
8	Одеяло джежимное шелковое	1
9	Одеяло джежимное шерстяное ветхое	1
10	Скуфеев чистых шелком пополотну новая / ветхих	1/3
11	Дорогов гиянских красных целых кусков	4
12	Платков шелковых кашанских черных / шемахинских зеленых	10/8
13	Каныдыл серябряной босурманской	1
14	Бязи простой белой целых кусков / остатков	2/3 аршины
15	Кувшин мафтяной шемахинский красный	1
16	Односторонних подушечных вишневым цветом сшитый золотом и серебром / сшитых разными шелками	1/1
17	Мухаяру гиянского разных цветов целых кусков	3
18	Бурметю разных цветов целых кусков	5
19	Бурметю тавриского желтого целых кусков	2
20	Азарбату голубова трибчетовой травы с шелком из серебра штука	1
21	Кружева кызылбацкого шелкого з бумагою разных цветов	17
22	Партищ российского белого 4 холста да 2 остатка крашенины русской концов	6
23	Выбоину тебриской целых кусков / да остатков малых	2/6
24	Бязи гиянской толстой белой целых кусков	3
25	Тавты гиянской кусок алой / зеленый / руда желтой	1/3/1
26	Мова зеленой рубашечной штука / полосатой синей штука	1/1
27	Коновату шемахинского цветного кусок	1
28	Пестряди бумажной полосатой остаток	1
29	Кутни зеленой полосатой остаток	1
30	Платков кисеевых на чалмы целых кусков	4
31	Сукна мура зеленой	1/3 аршин
32	Сузена полотняное стогоное что под постель постилаетца	1
33	Стамедное босурманское намазлан	1
34	Бешмет кутневой цветной новой	1
35	Штаны алые	1
36	Кафтанов ветхих стамедной зеленой 1 суконной красной	1
37	Шуба беличья малая без рукавов покрыта сукном малиновым	1
38	Бешметей полотняных ветхих	2
39	Душагрейка выбочетая ветхая	1
40	Рубаха пестрядиной ветхая / порты пестрядиные ветхие	1/2
41	Шапка красная ветхая	1
42	Кушаков кашанских ветхих	2
43	Колян серебряный / нож / оправка серебряная	1/1/1
44	Серги золотые с камнями татарские женские	1
45	Плащи золотые с камнями / в том числе у одного под цепочную	2/1
46	Перстень золотых / в том числе с камнями зелеными	3/2
47	Кольцо золотое / з бирюзою	1/1

Примечание. Источник: [9, л. 2–4 и об.].

Первая лавка		
№	Наименование товаров	Количество
48	Перло с перепелами золотыми и бусы литые	1
49	Тубачи золотые с камнями, что бабы на голове носят	1
50	Печать серебряная	1
51	Часы серебряные турецкие	1
52	Чарпак серебряной татарской	1
53	Перстень серебряной с камнем белым	1
54	Пояс сабельной / на нем блях серебряных	1/10
55	Оголов муштушния оправа медные на нем цепочки серебряные	6
56	Паперст оправа медная	1
57	Ножей простых / рожек оправа серебряная ветхая	2/1
58	Сабель простых	2
59	Чебуков кожаных кальянных	2
60	Денег серебряных российских / кызылбацких	12 руб. / 15 руб.
61	Медных фальшивых кызылбацких	3 руб. 40 коп.
62	Котел с крышкой	1
63	Рукомоник с ложанкою медной луженой	1
64	Решето медное луженое	1
65	Мендан медной луженой	1
66	Кулгано красной меди / в том числе без носки	2/1
67	Блюдо медное ветхое / чашек медных малых	1/2
68	Сковородка медная малая / чашка тазовой меди малых	1/2
69	Чашек тазовых медных питейных	3
70	Кубок тазовой меди что пьют	1
71	Кафейник медных ветхих малых	1
72	Братинка тазовой меди малая 1	1
73	Терези медные большие / малые	1/1
74	Чернилниц медных	2
75	Калян медной ломано	1
76	Каляных медная винная / бубны медные малые	1/1
77	Жировня железная малая / чашка железная малая	1/1
78	Железа конские / удела муштушные	1/1
79	Наручни железные / на голову колчуга	1/1
80	Клещи железные / ключечна железная	1/1
81	Одеяло выбойчетые красное	1
82	Одеяло кугневое, подбои выбойчетые ветхие	1
83	Подушек ветхих пуховая / бумажная	1/1
84	Седелная кожаная / палаз ветхий	1/1
85	Шуба овчинная ветхая	1
86	Шуба суконная вишневая подбита белками	1
87	Шуба овчинная покрытая сукном коричневым ветхая	1
88	Душегрейка выбочетая подбита белками ветхая	1
89	Ануча бумажная белая	1
90	Перцу зернитова	3 батмана
91	Подголовок малой / ящик малой	1/1
Вторая лавка		
92	Кубчиков малых зеленой меди / красной меди	3/1
93	Блюдов малых зеленой меди / чашка малая зеленой меди	3/1
94	Котел зеленой меди / уполовник медной	1/1
95	Котел малой чугунной меди	1
96	Котлов красной меди	2
97	Кувшин красной меди	1
98	Решето красной меди	1
99	Сковородка с крышкою медное	1
100	Тарелка медная	1

Первая лавка		
№	Наименование товаров	Количество
101	Кувшинчик малой красной меди	1
102	Братинка красной меди	1
103	Чаплак медных ламаных малых	3
104	Одеяло бумажное стогоное покрыта холстиною ветхое	1
105	Бешмет кутеевой	1
106	Бешмет выбоичетой ветхой	1
107	Тюфяк бумажной стоганой покрыта выбокою	1
108	Кушак верблюжей красной	1
109	Лук / стрел	1/28
110	Пшена сорочинского	1 батман

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – Ч. 1. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1869. – 548 с.

2. Ведомость на расходование в Дербенте денег, вырученных от продажи чихиря и взимания пошлин в 1725–1726 гг. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 20.

3. Ведомость прихода и расхода персидских сборов за февраль – март 1729 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 52.

4. Гаджиев, М. С. Дербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской армии (1722–1735) : краткий обзор / М. С. Гаджиев, Е. И. Иноземцева, Н. Д. Чекулаев // Петр I и Восток : материалы XI Международного петровского конгресса. – СПб. : Европ. дом, 2019. – С. 72–87.

5. Гербер, И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. / И.-Г. Гербер // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы. – М. : Изд-во вост. лит., 1958. – С. 60–120.

6. Годовой рапорт о приходе и расходе пошлин, штрафов с судов, собранных Новгородским драгунским полком, 1733 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 165.

7. Гольденберг, Л. А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента / Л. А. Гольденберг // Археографический ежегодник за 1963 г. – М. : Наука, 1964. – С. 115–140.

8. Донесение дербентскому коменданту Андрею Петровичу Девицу поручика Григория Катукова, 10 марта 1731 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 70.

9. Донесение о количестве лавок в Дербенте умерших купцов. Опись имущества индийского купца Гуляма Дджезаева // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 56.

10. Донесение от дербентского коменданта полковника князя М. Барятинского генерал-майору А.Б. Бутурлину, 4 апреля 1732 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 84.

11. Иноземцева, Е. И. Дербентская таможня в контексте кавказской экономической политики России (1722–1735 гг.) / Е. И. Иноземцева, Н. Д. Чекулаев // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 810–815.

12. Курукин, И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И. В. Курукин. – М. : Квадрига ; Объед. ред. МВД России, 2010. – 381 с.

13. Лысцов, П. В. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. / П. В. Лысцов. – М. : МГУ, 1951. – 247 с.

14. Материалы для истории русского флота. Ч. IV. – СПб. : Тип. Морского Министерства, 1867. – 240 с.

15. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. 1725–1740 г. / сост. П. Баранов. – СПб., 1875. – 1002 с.

16. Походный журнал 1722 года. – СПб., 1855. – 194 с.

17. Рапорт дербентского коменданта князя М. Барятинского генерал-майору А.А. Бутурлину // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 84.

18. Рапорта, донесения и ведомости полков Дербентского гарнизона о состоянии личного гарнизона, амуниции, провианта // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 161.

19. Реестры указов, полученных из военной коллегии за январь – июль 1732 г., и указы о расположении полков, перемещении офицеров // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 87.

20. Таможенная книга дербентского комендантства, ноябрь 1726 – февраль 1727 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 17.

21. Таможенная книга дербентской таможни за 1727 год // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 21.

22. Таможенная книга за 1728 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 21.

23. Таможенная книга, январь – декабрь 1730 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 31.

24. Указы, донесения Дербентского и Дагестанского полков о состоянии полков. Реестр указов за 1732 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 83, т. 1.

25. Указы, донесения Дербентского и Дагестанского полков о состоянии полков. Реестр указов за 1732 г. // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 83а, т. 2.

26. Указы императрицы, рапорта, донесения Дербентских полков о состоянии команд // ЦГА РД. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 151.

27. Чекулаев, Н. Д. Место и роль Низового Корпуса в экономической политике России в Дагестане / Н. Д. Чекулаев // Молодежь и наука Дагестана : материалы регион. науч.-практ. конф. – Махачкала : ИСЭИ ДНЦ РАН, 2002. – С. 67–68.

28. Чекулаев, Н. Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.) / Н. Д. Чекулаев. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 208 с.

REFERENCES

1. Butkov P.G. *Materialy dlja novoj istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for the New History of the Caucasus, from 1722 to 1803]. Part 1. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1869. 548 p.

2. Vedomost' na rashodovanie v Derbente deneg, vyruchennyh ot prodazhi chihirja i vzimaniya poshlin v 1725–1726 gg. [Statement of Expenditure in Derbent of the Proceeds from the Sale of the Chihir and Collection of Duties in 1725–1726.] *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan (TsGA RD)* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD)], f. 18, inv. 1, d. 20.

3. Vedomost' prihoda i rashoda persidskih sborov za fevral' – mart 1729 g. [Statement of Income and Expenditure of Persian Fees for February–March 1729]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 52.

4. Gadzhiev M.S., Inozemtseva E.I., Chekulaev N.D. Dербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской армии (1722–1735): Kratkij obzor [Derbent Garrison of the Lower Corps of the Russian Imperial Army (1722–1735): Overview]. *Petr I i Vostok: Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Peter I and Vostok. Proceedings of the XI International Peter's Congress]. Saint Petersburg, Evropeyskiy dom Publ., 2019, pp. 72–87.

5. Gerber I.-G. Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morja. 1728 g. [Description of Countries and Peoples Along the Western Coast of the Caspian Sea. 1728]. *Istorija, geografija i jetnografija Dagestana XVIII–XIX vv.: arhivnye materialy* [History, Geography and Ethnography of Dagestan of the XVIII–XIX Centuries: Archival Materials]. Moscow, Izd-vo vostochnoy literatury, 1958, pp. 60–120.

6. Godovoj raport o prihode i rashode poshlin, shtrafov s sudov, sobrannyh Novgorodskim

dragunskim polkom, 1733 g. [Annual Report on the Arrival and Consumption of Duties, Fines from Ships Collected by the Novgorod Dragoon Regiment, 1733]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 165.

7. Gol'denberg L.A. Rukopisnye karty i plany XVIII v. kak istochnik po istorii goroda Derbenta [Handwritten Maps and Plans of the XVIII Century as a Source on the History of the City of Derbent]. *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1963 g.* [Archaeographic Yearbook for 1963]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 115–140.

8. Donesenie derbentskomu komendantu Andreju Petrovichu Devicu poruchika Grigorija Katukova, 10 marta 1731 g. [Report to Derbent Commandant Andrei Petrovich Devitsa of Lieutenant Grigory Katukov, March 10, 1731]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 70.

9. Donesenie o kolichestve lavok v Derbente umershih kupcov. Opis' imushhestva indijskogo kupca Guljama Dzhezaeva [Report on the Number of Shops in Derbent Dead Merchants. Property List of Indian Merchant Gulyam Dzhezaev]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 56.

10. Donesenie ot derbentskogo komendanta polkovnika knjazja M. Barjatinskogo general-majoru A.B. Buturlinu, 4 aprelja 1732 g. [Report from Derbent Commandant Colonel Prince M. Baryatinsky to General Major A.B. Buturlin, April 4, 1732]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 84.

11. Inozemceva E.I., Chekulaev N.D. Dербентская таможенная в контексте кавказской экономической политики России (1722–1735 гг.) [Derbent Customs in the Context of the Caucasian Economic Policy of Russia (1722–1735)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern Problems of Science and Education], 2013, no. 6, pp. 810–815.

12. Kurukin I.V. *Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspija (1722–1735)* [Persian Campaign of Peter the Great. The Lower Corps on the Shores of the Caspian (1722–1735)]. Moscow, Kvadriga Publ., Obyedinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2010. 381 p.

13. Lyscov P.V. *Persidskij pohod Petra I 1722–1723 gg.* [Persian Campaign of Peter I 1722–1723]. Moscow, MGU, 1951. 247 p.

14. *Materialy dlja istorii russkogo flota. Ch. IV* [Materials for the History of the Russian Fleet. Part IV]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo Ministerstva, 1867. 240 p.

15. Baranov P., ed. *Opis' vysochajshim ukazam i povelenijam, hranjashhimsja v Sankt-Peterburgskom Senatskom arhive za XVIII vek. T. 2. 1725–1740 g.*

[Inventory of the Highest Decrees and Orders Stored in the Saint Petersburg Senate Archive for the 18th Century. Vol. 2. 1725–1740]. Saint Petersburg, 1875. 1002 p.

16. *Pohodnyj zhurnal 1722 goda* [Campaign Journal of 1722]. Saint Petersburg, 1855. 194 p.

17. Raport derbentskogo komendanta knjazja M. Barjatinskogo general-majoru A.A. Buturlinu [Report of the Derbent Commandant Prince M. Baryatinsky to Major General A.A. Buturlin]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 84.

18. Raporta, donesenija i vedomosti polkov Derbentskogo garnizona o sostojanii lichnogo garnizona, amunicii, provianta [Reports and Statements of Regiments of the Derbent Garrison on the State of the Personal Garrison, Ammunition, Provisions]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 161.

19. Reestry ukazov, poluchennyh iz voennoj kollegii za janvar' – ijul' 1732 g., i ukazy o raspolozhenii polkov, peremeshhenii oficerov [Registers of Decrees Received from the Military College for January–July 1732 and Decrees on the Location of Regiments, the Movement of Officers]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 87.

20. Tamozhennaja kniga derbentskogo komendantstva, nojabr' 1726 – fevral' 1727 g. [The Customs Book of Derbent Commandant, November 1726 – February 1727]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 17.

21. Tamozhennaja kniga derbentskoj tamozhni za 1727 god [Customs Book of Derbent Customs for 1727]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 21.

22. Tamozhennaja kniga za 1728 g. [The Customs Book for 1728]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 21.

23. Tamozhennaja kniga, janvar' – dekabr' 1730 g. [The Customs Book, January – December 1730]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 31.

24. Ukazy, donesenija Derbentskogo i Dagestanskogo polkov o sostojanii polkov. Reestr ukazov za 1732 g. [Decrees, Reports of the Derbent and Dagestan Regiments on the Condition of the Regiments. Register of Decrees for 1732]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 83, t. 1.

25. Ukazy, donesenija Derbentskogo i Dagestanskogo polkov o sostojanii polkov. Reestr ukazov za 1732 g. [Decrees, Reports of the Derbent and Dagestan Regiments on the Condition of the Regiments. Register of Decrees for 1732]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 83a, t. 2.

26. Ukazy imperatricy, raporta, donesenija Derbentskih polkov o sostojanii komand [Decrees of the Empress, Reports of the Derbent Regiments on the Status of Teams]. *TsGA RD* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. 18, inv. 1, d. 151.

27. Chekulaev N.D. Mesto i rol' Nizovogo Korpusa v jekonomicheskoj politike Rossii v Dagestane [The Place and Role of the Lower Corps in the Economic Policy of Russia in Dagestan]. *Molodezh' i nauka Dagestana: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [Youth and Science of Dagestan. Materials of the Regional Scientific and Practical Conference]. Makhachkala, ISEI DNTs RAN, 2002, pp. 67–68.

28. Chekulaev N.D. *Rossijskie vojska v Dagestane v kontekste kavkazskoj politiki Rossii (1722–1735 gg.)* [Russian Troops in Dagestan in the Context of the Caucasian Policy of Russia (1722–1735)]. Makhachkala, ISEI DNTs, 2008. 208 p.

Information About the Authors

Sharafetdin A. Magaramov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, M. Yaragskogo St, 75, 367030 Makhachkala, Russian Federation, sharafutdin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

Elena I. Inozemtseva, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, M. Yaragskogo St, 75, 367030 Makhachkala, Russian Federation, inozemtseva47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4172-3945>

Nikolay D. Chekulaev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, M. Yaragskogo St, 75, 367030 Makhachkala, Russian Federation, niklajnikiforov2020@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1244-3111>

Информация об авторах

Шарафетдин Арифович Магарамов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, ул. М. Ярагского, 75, 367030 г. Махачкала, Российская Федерация, sharafutdin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8705-6143>

Елена Ивановна Иноземцева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, ул. М. Ярагского, 75, 367030 г. Махачкала, Российская Федерация, inozemseva47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4172-3945>

Николай Дмитриевич Чекулаев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, ул. М. Ярагского, 75, 367030 г. Махачкала, Российская Федерация, nikjlajnikiforov2020@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1244-3111>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.15>

UDC 94(470-571)
LBC 63.3(2)6

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 10.12.2020

SITUATION OF FAMILIES OF MILITARY SERVANTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Petr Ya. Tsitkilov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The following aspects of this topic have not received thorough consideration: the interaction in the first years of the war of social security departments and military registration and enlistment offices in solving the problems of families of war veterans; periodization of policies to support military families; motivational nature of their main problems, etc. **Methods and materials.** The author used such methods of historical research as comparative historical, genetic, historical and anthropological, as well as the hermeneutics method, which allowed us to interpret various facts, events, government decisions related to the problems of families of war veterans during the war, by their voluminous and holistic perception. **Analysis.** The study includes the identification of the specifics of the policy of the Soviet state to support the families of military personnel at the first (1941–1942) and second (1943–1945) stages of its implementation, and also raises the problem of the causes of the plight of some families of war veterans during the war. **Results.** In the state policy of supporting families of war veterans during the war years, one can distinguish the initial stage (1941–1942) and the stage of systematic support of these families with the involvement of additional funds and organizational structures (1943–1945). Caring for the families of servicemen, their financial situation, spiritual and moral condition was one of the priorities of state policy during the war years. This allowed, along with other factors, to rally the people, bringing the Great Victory closer.

Key words: military families, social support, allowances, pensions, benefits, public policy.

Citation. Tsitkilov P. Ya. Situation of Families of Military Servants During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 172–181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.15>

УДК 94(470-571)
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 10.12.2020

ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Петр Яковлевич Циткилов

Юный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Положение семей военнослужащих, обеспечение нормальных условий их жизнедеятельности было одной из важных задач, осуществлявшихся органами власти различных уровней в годы войны. От этого во многом зависело состояние боеспособности Советской армии. При написании статьи были использованы материалы архивов, сборники документов, пресса, сборники нормативных актов и другие источники. В статье проанализированы следующие малоизученные аспекты рассматриваемой темы: взаимодействие в первые годы войны отделов соцобеспечения с военкоматами в решении проблем семей фронтовиков; периодизация деятельности государства и других субъектов по оказанию поддержки семьям военнослужащих; мотивационный характер основных проблем семей данной категории; роль писем, обращений фронтовиков к представителям власти в деле укрепления чувства патриотизма и решения проблем семей. Показано, что положение семей военнослужащих было одной из приоритетных задач руководства страны. Факты бедственного положения семей военнослужащих необходимо воспринимать конкретно исторически. Они не являлись нормативными и имели распространение преимущественно в начальный период войны, когда

возможности государства по оказанию помощи семьям фронтовиков были ограниченными и сама эта помощь еще не стала системной. С 1943 г. поддержка семей военнослужащих приобрела более действенный и целостный характер. Этому способствовали дополнительные ресурсные и организационные меры. В результате исполнительным органам власти, их соответствующим отделам удалось добиться положительного рассмотрения абсолютного большинства жалоб семей военнослужащих, связанных с бытом и трудоустройством. В статье сделан вывод, что, несмотря на объективные сложности повседневной жизни, с которыми сталкивались многие семьи военнослужащих, большинство из них с пониманием относилось к проблемам военного лихолетья, укрепляя своей стойкостью единство нашего народа и приближая Великую Победу.

Ключевые слова: семьи военнослужащих, социальная поддержка, пособия, пенсии, льготы, государственная политика.

Цитирование. Циткилов П. Я. Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 172–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.15>

Введение. В годы войны *положение семей военнослужащих определялось главным образом разнообразием форм помощи*, оказываемой им различными субъектами, включая государство и территориальные органы власти, предприятия и учреждений, а также общественные структуры. С учетом данного обстоятельства формировался структурно-содержательный облик статьи.

Рассматриваемая тема привлекла внимание исследователей. В советское время некоторые ее аспекты получили освещение в монографии В.С. Мурманцевой «Советские женщины в Великой Отечественной войне 1941–1945», в труде Я.Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» и других работах.

Из современных авторов следует назвать работы Е.Е. Красноженовой, волгоградских ученых И.В. Бондаренко, А.В. Липатова, В.С. Меркурьеву, Ф.А. Такташеву. Ими был привлечен значительный фактический материал из архивов областей Нижнего Поволжья, рассмотрены некоторые стороны государственной и общественной деятельности по оказанию помощи семьям фронтовиков. Положение таких семей, проживавших на Северном Кавказе, частично было исследовано Е.В. Панариной. Томский историк Е.Н. Семенова документально обосновала эффективность работы органов гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в Западной Сибири. Исследователь Д.Е. Вычеров на материалах Тюменской области проанализировал жалобы военнослужащих и их семей. Он пришел к выводу, что они были отражением социальной политики советской власти в годы вой-

ны, следствием «бюрократической системы на высшем и местном уровнях» [1, с. 362, 364]. Такой оценке не достаёт аргументации. Социальная политика советской власти не усугубляла положение семей фронтовиков, а, напротив, способствовала минимизации их бед. Не являлась в то время чрезмерно формализованной и управленческой система СССР. Ведь бюрократизм множится там, где нет ответственности и компетентности, что не было тогда свойственно советской власти. Поэтому правомернее говорить не о «перегруженности ее бюрократической системы», а об огромном напряжении, с которым работало большинство управленцев, демонстрируя превосходство советской мобилизационной системы в период войны.

Исследуемая тема частично была рассмотрена и в работах некоторых зарубежных авторов. В их числе американский историк Граффенрида Джулия [22], английские исследователи Роджер Марквик, Эуридис Харон-Кардона [23] и др. В них приводятся объективные факты, но интерпретируются они зачастую тенденциозно.

В имеющейся литературе отдельные аспекты исследуемой темы не получили обстоятельного рассмотрения. К ним можно отнести: взаимодействие отделов соцобеспечения и военкоматов в решении проблем семей фронтовиков; периодизацию системы помощи семьям военнослужащих; анализ основных субъектов ее оказания и др. Поэтому *целью данного исследования является субъектно-эволюционный анализ положения семей военнослужащих и оказания им помощи в период войны.*

Территориальные рамки исследования не ограничены одним регионом. Были систематизированы архивные материалы, периодическая печать, сборники документов, другие источники и литература о помощи семьям фронтовиков на Северо-Западе и в Центральной России, на Нижнем Поволжье, Северном Кавказе, Урале и в Западной Сибири. Это позволило представить более широкую картину положения семей военнослужащих в рассматриваемый период.

Методы. Использование *сравнительно-исторического метода* позволило сопоставить ресурсные и организационные меры по оказанию помощи семьям фронтовиков. Благодаря *генетическому* методу были определены основные периоды реализации государственных и иных мер социальной поддержки таким семьям. Применение *историко-антропологического метода* дало возможность изучить положение семей военнослужащих через их восприятие в сознании современников. Для этого были проанализированы письма фронтовиков и членов их семей.

Анализ. Изучение положения семей военнослужащих в период войны позволило выделить определенные периоды оказания им помощи со стороны различных субъектов, включая государство. *Начальный период* такой поддержки охватывал 1941–1942 годы. Его отличало установление пособий, расширение льгот семьям красноармейцев при ограниченных ресурсных возможностях страны. *Период системной помощи семьям фронтовиков* охватывал 1943–1945 годы. В эти годы была расширена практика поддержки таких семей путем привлечения дополнительных средств и создания новых организационных структур.

На начальном этапе оказания помощи семьям фронтовиков важными ее средствами были государственные пособия, выплаты, льготы и др. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г. пособия стали начисляться нетрудоспособным членам семей военнослужащих, включая их детей, братьев, сестер младше 16 лет (младше 18 лет в случаях, если они

были учащимися), нетрудоспособным родителям пенсионного возраста, а также женам и родителям – инвалидам первой и второй групп независимо от возраста. На одного нетрудоспособного выплачивалось в городе 100 руб., а в сельской местности 50 руб., на двух – соответственно 150 и 75, на трех и более – 200 и 100 руб. в месяц [19]. В июле 1942 г. максимальный размер пособия для семей фронтовиков – жителей города, увеличился на 50 руб., а для семей, проживавших на селе, на 25 рублей. Разница в размере пособий для городских и сельских жителей объяснялась тем, что крестьянские семьи в значительной мере сами обеспечивали себя продовольствием. Они могли также выписать продукты по невысоким внутриколхозным ценам в правлении хозяйства. У горожан такой возможности не было.

Отдельные современные авторы утверждают, что выплаты пособий были лишь «своеобразным средством пропаганды идей социалистического государства», не являясь реальной помощью для семей военнослужащих. Для подтверждения этого тезиса приводятся следующие данные о рыночных ценах на продукты в 1943 г.: килограмм говядины стоил около 300 руб., ржаной муки – 160 руб., масла – под 800 руб., литр молока – 80 руб., десяток яиц – около 180 руб. [20]. Затем делался вывод, что на пособие люди почти ничего не могли купить. Такова ли в действительности была ситуация?

Во-первых, пособие семьям фронтовиков вовсе не было предназначено для того, чтобы с его помощью можно было обеспечить их всем необходимым. Оно являлось лишь дополнительной помощью. Основной доход граждан применительно к городу составляла зарплата. Поэтому власти стремились трудоустроить супругу и других работоспособных членов семьи военнослужащего. Ежемесячный заработок, например, учителя в зависимости от стажа и разряда составлял в 1943 г. от 350 до 575 руб. и еще доплаты в 50–75 руб. за классное руководство [14, л. 49–50]. Заработок врачей, рабочих оборонных предприятий в среднем составлял до 800 руб. в месяц [7]. Значительно больше указанных сумм могли получать передовики производства.

Во-вторых, вышеприведенные рыночные цены на продукты некорректно сопостав-

лять с размером пособия семьям фронтовиков. Эти цены даны применительно к середине 1943 г., когда был достигнут их максимум в военное время. Если же взять начальный период войны лета 1941 г., то рыночные цены на продовольствие были невысокие. Например, в Челябинской области молоко на рынке продавали по 3–4 руб. за литр, килограмм мяса – за 18–24 руб., картофеля – за 2–2,5 руб. [7]. Да и со второй половины 1943 г. непомерные рыночные цены стали уменьшаться. По тому же Челябинску с июня 1943 по ноябрь 1945 г. цена на муку пшеничную за килограмм уменьшилась в десять и более раз (с 200–350 руб. до 23 руб.), на говядину – с 200–300 руб. за килограмм до 40 руб., на молоко – с 50–90 руб. за литр до 20 руб., на картофель – с 60–80 руб. за килограмм до 5 руб., за десяток яиц – со 130–200 руб. до 55 руб., на топленое масло – с 600–800 руб. за килограмм до 200 руб. [7].

В-третьих, абсолютное большинство семей фронтовиков приобретали продукты не на рынке, а в государственных магазинах, где цены были в разы ниже рыночных. Например, в 1945 г. цены нормированной торговли в СССР составляли за килограмм говядины 12 руб., за литр молока 2 руб., за десяток яиц 6,5 руб., за килограмм топленого масла 26 руб. [17]. Для получения продуктов по нормированным ценам необходимо было предъявить карточки.

В-четвертых, семьи крестьян-фронтовиков почти повсеместно держали птицу, коров или коз, выращивали картофель, овощи и этим обеспечивали себя. Заработки колхозников в основном определялись трудоднями. Так, на Ставрополье в 1944 г. труженики колхозов, «помимо денег, получали по 3–4 кг зерна на один трудодень, а в наиболее успешных хозяйствах (колхозах-миллионерах) по 6–7 кг на трудодень» [4, л. 11 об.]. Это позволяло многим из них не бедствовать.

В-пятых, многим городским жителям в военное время были предоставлены земельные участки под огороды. Большое количество предприятий, учреждений имели подсобные хозяйства, благодаря которым их работники получали обеды. Все это позволяло людям выживать в трудные годы войны, несмотря на высокие рыночные цены и относительно небольшой размер пособий семьям фронтовиков.

Кроме госпособия семьи военнослужащих имели льготы по квартирной плате, налогам, плате за обучение детей, по обязательным поставкам сельхозпродуктов. Дети военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава со 2 июля 1941 г. были освобождены и от платы за обучение в 8–10 классах средних школ, в техникумах и вузах.

В начальный период войны из-за большого количества семей военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, эвакуированных из прифронтовой полосы, местные отделы социального обеспечения (собесы) не всегда могли получать точные данные о призыве в Красную Армию кормильцев таких семей. В результате стали возникать задержки с выплатами пособий. Решением правительства от 4 августа 1941 г. вопросы выдачи необходимых справок были переданы в ведение военных комиссариатов тех городов (районов), куда прибывали эвакуируемые семьи [9, л. 2]. На основе этих документов собесы оперативно начисляли пособия. Такое их взаимодействие с военкоматами свидетельствовало об эффективности своевременного внесения корректив в действующие положения.

Многие советские граждане вступали в *народное ополчение*. Для его членов и их семей государство установило определенное денежное обеспечение. Соответствующее постановление было принято Государственным Комитетом Обороны 4 июля 1941 года. Через 6 дней данная мера материальной поддержки была установлена и для жителей Ленинграда, Ленинградской области [10, л. 28]. Ее также распространили на семьи партизан и лиц, призванных в порядке трудовой повинности на строительство оборонных сооружений.

В первые полтора года войны ресурсные возможности советского государства по решению социальных проблем были ограничены. И все же власти пытались облегчить жизнь семей военнослужащих. В *письмах, направляемых на фронт*, сообщалось о жизни в тылу, которая была не легкой, но и не всегда бедственной. Так, в письме военнослужащему, написанном 7 августа 1941 г. С.И. Мининой, эвакуированной с детьми из Ленинграда в Тамбов, рассказывалось о дороговизне на рынках. При этом отмечалось, что рабо-

чие города получали хлеб в необходимом количестве на предприятиях. «А я, – продолжала женщина, – прикрепилась к военторгу, получаю оттуда. Хлеба вполне хватает» [11]. Следовательно, в тех городах и районах, где хорошо была отлажена система военной торговли, семьи фронтовиков не испытывали острой нужды в обеспечении хлебом.

На втором этапе политики государства, направленной на поддержку семей военнослужащих (1943–1945 гг.), система помощи им приобретала более устойчивый характер. Этому во многом способствовало *увеличение финансирования.* В 1943 г. по сравнению с 1942 г. в три раза был сокращен бюджетный дефицит (с 1,8 млрд руб. до 600 млн), а в 1944 и 1945 гг. наблюдался ежегодный профицит по 400 млн руб. [21, с. 137], что позволило государству оказывать более действенную помощь семьям фронтовиков.

В 1943 г. появилась новая организационная структура – *отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.* Основными функциями отделов было: обеспечение семей фронтовиков пенсиями и пособиями; осуществление трудоустройства членов их семей и содействие решению их насущных материально-бытовых нужд; предоставление семьям фронтовиков установленных для них льгот; рассмотрение заявлений и жалоб семей военнослужащих с принятием по ним необходимых мер и др.

Документы свидетельствуют о многочисленных примерах эффективной работы отделов по гособеспечению семей военнослужащих. Например, жена фронтовика Е. Нестеркина, вернувшись в середине 1944 г. в г. Ленинград из эвакуации, испытывала серьезные трудности. Ее двое детей нуждались в белье и одежде, не хватало дров для отопления жилья. Женщина обратилась за поддержкой в отдел по гособеспечению семей военнослужащих Фрунзенского райсовета города на Неве. Оперативно в семью был направлен инспектор, которая непосредственно ознакомилась с ее проблемами. И уже через несколько дней Нестеркина получила дрова, ей выдали ордера на покупку белья и детских вещей [8]. Такая организация помощи семьям фронтовиков была типична для различных регионов страны.

Отделы по гособеспечению семей военнослужащих рассматривали жалобы на необустроенность и волокиту в решении насущных проблем этих семей. По абсолютному большинству таких жалоб своевременно принимались положительные решения. Так, за 1943 г. в Новосибирской области из 1 418 жалоб и заявлений 1 176 было удовлетворено. По Кемеровской области за 8 месяцев 1944 г. в данные службы поступило 4 021 жалоба, из них 3 527 было удовлетворено, 374 направлены для разрешения в другие инстанции, а 124 жалобы были признаны необоснованными [16, с. 34].

Следует признать, что часть жалоб оставалась без своевременного реагирования работников отделов по гособеспечению семей военнослужащих. Например, в 1943 г. в Фроловском районе Сталинградской области в течение полутора месяцев такие жалобы не рассматривались. А их за это время поступило шестьдесят [12]. По данному факту областными органами были приняты соответствующие кадровые решения.

За игнорирование проблем семей фронтовиков ответственные работники могли быть привлечены и к уголовной ответственности. Например, в Кемеровской области за нечуткое отношение к семьям военнослужащих и нарушение их прав 15 работников таких отделов были отданы под суд [16, с. 34]. Высокий уровень ответственности дисциплинировал руководящие кадры различных уровней, повышал эффективность административно-управленческой деятельности.

Наряду с государством, исполнительными органами власти *важным субъектом оказания помощи семьям фронтовиков были коллективы предприятий, артелей, учреждений.* Работники некоторых из них производили вещи повседневного спроса, которыми старались обеспечивать семьи красноармейцев. В частности, артель по производству обуви и одежды «21-я годовщина Октября» г. Новочеркаска Ростовской области за первые два месяца 1944 г. сделала обувь для 50 семей фронтовиков, а для 12 таких семей обувь была бесплатно отремонтирована [15, л. 25]. Еще для нескольких семей военнослужащих были пошиты пальто и костюмы. За эти добрые дела бой-

цы в своих письмах с фронта благодарили руководство артели.

Многие предприятия и учреждения страны добивались выделения для семей фронтовиков *удобных земельных участков под огороды, производили ремонт жилья, обеспечивали их на зиму топливом* и др. Весной 1943 г. руководство крупного Челябинского строительного треста совместно с профсоюзным комитетом передало семьям фронтовиков лучшие земельные участки, которые были обильно удобрены. Осенью семьи военнослужащих собрали с них хороший урожай картофеля, капусты, помидоров. Для его сохранности руководство треста позаботилось об оборудовании в 170 жилых помещениях погребов. На деревообрабатывающем комбинате стройтреста было налажено производство бочек для засолки овощей. Первая их партия в количестве 500 штук была распределена среди семей военнослужащих [13]. Каждая из них получила еще и соль, которую трест добывал в собственной солеварне.

Промышленные предприятия, артели активно помогали семьям фронтовиков в проведении *ремонта квартир, в обеспечении их углем*. В течение лета – начала осени 1943 г. дирекцией Уралмашзавода совместно с заводским профсоюзным комитетом был осуществлен ремонт 500 квартир семей фронтовиков. Новые квартиры получили 47 семей военнослужащих [3]. Такая же работа проводилась и на других крупных предприятиях Свердловска.

Многие предприятия на зиму обеспечивали семьи военнослужащих топливом. Например, в 1944 г. руководство производственного комбината «Рабочий» г. Ростова-на-Дону уже в середине лета решило вопрос снабжения углем семей военнослужащих [18, л. 134 об.]. С помощью подвод и автомашины уголь оперативно был доставлен в их дома.

Третьим важным субъектом помощи семьям военнослужащих были различные общественные структуры (женские, молодежные, детские и др.). Большая работа по оказанию помощи семьям военнослужащих проводилась такой общественной организацией, как *советы жен фронтовиков*. В г. Москве они действовали не только на предприятиях. Их инициативные

группы успешно функционировали и при доуправлениях.

Активная деятельность в период войны была развернута советом жен фронтовиков фабрики им. Урицкого г. Ленинграда. Основными направлениями его работы были: получение информации о военнослужащих, долго не писавших семьям; оказание срочной помощи членам семей бойцов Красной Армии в решении материальных и бытовых вопросов; помощь фронтовикам в поиске родных и знакомых, находившихся в эвакуации; забота о ветеранах фабрики, инвалидах Отечественной войны и др.

Совет жен фронтовиков фабрики имени Урицкого добивался выделения семьям военнослужащих материальной помощи. По его ходатайству жене одного красноармейца, которая воспитывала двух маленьких детей, была оперативно остеклена квартира. Другая женщина получила срочную денежную помощь, третья – дополнительный ордер на белье, четвертая – ордер на обувь. Только за три месяца 1944 г. при содействии фабричного совета жен фронтовиков 118 членов семей бойцов Красной Армии получили 19 тыс. руб. денежного пособия и 167 ордеров на промтовары. Пятидесяти трем членам семей военнослужащих было предоставлено усиленное питание, а 16 человек направили в санатории [6].

Значительную работу по оказанию помощи семьям военнослужащих, особенно детям фронтовиков, *проводили комсомольские организации*. По их инициативе был создан всесоюзный комсомольско-молодежный фонд помощи детям, пострадавшим от войны. На средства фонда была оказана разнообразная помощь тысячам осиротевших детей. Силами комсомольцев удалось собрать большое количество детских вещей. Хорошей традицией комсомольских организаций стал сбор подарков для детей фронтовиков к праздникам.

При участии комсомола и детской пионерской организации развитие получило *тимуrowsкое движение*. Тимуровцы организовывали детские площадки в парках, садах, во дворах. Они изготавливали игрушки для детей, играли с малышами, читали им детские книжки. Важным направлением их работы стало оказание помощи семьям военнослужащих, одной из форм которой был поиск их членов.

Деятельность школьных тимуровских команд проводилась *во взаимодействии с отделами по гособеспечению семей военнослужащих*, в которые приходили письма от красноармейцев, интересовавшихся судьбой членов своих семей. Так, в г. Сталинграде в 1943 г. тимуровская команда 6-й школы, возглавляемая Ананьевым, установила местопребывание 80 семей, которых разыскивали фронтовики [2]. Тимуровцами становились ребята разных классов (от второклассников до старшеклассников). Каждый из них осознавал свою сопричастность к нужному и благородному делу. И никто не принуждал детей этим заниматься, как и работать на заводах вместо отцов, помогать красногвардейцам и партизанам рискуя жизнью. Поэтому нельзя согласиться с мнением исследовательницы Бэйлорского университета в Уэйко штата Техас Джулии Граффенриды о том, что советское государство якобы «требовало участия детей в военных работах» [22, р. 48–49].

В реальной жизни наблюдалось *взаимодействие исполнительных комитетов, их отделов по гособеспечению семей военнослужащих не только с общественными организациями, но и предприятиями, учреждениями*. Без этого крайне затруднительным было бы участие широкой общественности, трудовых коллективов в формировании *фондов помощи семьям фронтовиков*, в проведении *декад и месячников сбора средств* на их нужды, в обеспечении семей военнослужащих продуктами, одеждой, топливом. Совместно с руководством предприятий и учреждений исполнительные органы власти занимались и вопросами трудоустройства членов семей военнослужащих. Так, за апрель – май 1943 г. в Саратове удалось трудоустроить более 17,5 тыс. членов таких семей [5, с. 49]. Это позволило существенно улучшить их материальное положение.

Результаты. Таким образом, в годы войны *была создана действенная система социальной помощи семьям фронтовиков*, что позволяло улучшать их материальное положение и моральное состояние. Ограниченность в ресурсах, несовершенство управленческой системы приводили в ряде случаев к несвоевременному решению проблем семей военнослужащих, волоките со стороны от-

дельных работников. Но эти недостатки не стали преобладающими по причине высокого уровня ответственности кадров по всей управленческой вертикале.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе основных этапов и важнейших субъектов оказания помощи семьям фронтовиков в период Великой Отечественной войны. Переписка военнослужащих с семьями свидетельствовала не только о проблемах, с которыми они сталкивались в повседневной жизни, но и о понимании ими объективного, временного характера неустойчивости.

Во многом благодаря значительным мобилизационным возможностям советской социальной организации в годы войны удалось создать целостную систему поддержки семей фронтовиков. В ее рамках взаимодействовали различные субъекты оказания помощи этим семьям во главе с государственными органами и местными исполнительными комитетами. Такая система стала одним из факторов обеспечения боеспособности Вооруженных Сил СССР и нашей Великой Победы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вычеров, Д. Е. Жалобы военнослужащих и их семей как отражение социальной политики советской власти в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тюменской области) / Д. Е. Вычеров // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 3. – С. 362–370.
2. Галухина. Тимуровцы // Сталинградская правда, орган Сталинградского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1943. – 6 июля.
3. Завком Уралмашзавода отчитывается // Труд, орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов. – 1943. – 7 окт.
4. Из приветственного выступления секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) тов. Орлова на XXIV сессии Ростовского н/Д городского совета депутатов трудящихся, посвященной первой годовщине освобождения г. Ростова н/Д от немецких оккупантов, 13 февраля 1944 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1817. – Оп. 3. – Д. 52. – Л. 11 об.
5. Красноженова, Е. Е. Материальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны / Е. Е. Красноженова // Приволжский научный вестник. – 2012. – № 5. – С. 48–50.

6. Кривицкая, Р. Совет жен фронтовиков / Р. Кривицкая // Ленинградская правда, орган Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся. – 1944. – 25 июня.

7. Кусков, С. А. Цены военного времени, 26 декабря 2011 г. / С. А. Кусков. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni> (дата обращения: 19.11.2020). – Загл. с экрана.

8. Нестеркина, Е. Нам помогает государство / Е. Нестеркина // Ленинградская правда. – 1944. – 3 июня.

9. Об обеспечении пособиями семей призванных в РККА и пенсиями пенсионеров труда, эвакуированных из прифронтовой полосы. Дело № 590/198, 16 июля – 5 августа 1941 г. Совет Народных Комиссаров // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 259. – Оп. 2. – Д. 817. – Л. 2.

10. О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение. Постановление Государственного Комитета Обороны № 24 от 10 июля 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 28.

11. Письма Великой Отечественной (из фондов Центра документации новейшей истории Тамбовской области) : сб. док. / редкол. и сост.: В. Л. Дьячков (отв. ред.), М. М. Дорошина, И. П. Журавлев [и др.]. – Тамбов : Пролетарский светоч, 2005. – 632 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://gaspito.ru/materials/publications/edition/216-prisma?showall=1> (дата обращения: 30.05.2020). – Загл. с экрана.

12. Повседневно заботиться о семьях фронтовиков. Областное совещание заместителей председателей исполкомов и заведующих отделами по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих // Сталинградская правда. – 1943. – 18 июня.

13. Повседневная забота о семьях фронтовиков, Челябинск, 4 октября 1943 г. // Труд, орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов. – 1943. – 5 окт.

14. Постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ» № 875 от 11 августа 1943 г. // ГАРО. – Ф. Р-4130. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 49–50.

15. Решение Исполнительного комитета Новочеркасского городского совета депутатов трудящихся Ростовской области «Об оказании помощи семьям фронтовиков в артелях “21-я годовщина Октября” и “Красная заря”». Протокол № 52/8 от 2 марта 1944 г. // Новочеркасский филиал Государственного архива Ростовской области (НФ ГАРО). – Ф. Р-5. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 25.

16. Семенова, Е. Н. Образование органов государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / Е. Н. Семенова // Вестник Томского государственного педагогического университета (ТГПУ). – 2015. – № 2. – С. 31–35.

17. Советская жизнь. 1945–1953 гг. : сб. док. – М. : РОССПЭН, 2003. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://istmat.info/node/18463> (дата обращения: 20.11.2020). – Загл. с экрана.

18. Стенограмма партийно-советского и хозяйственного актива Пролетарского района г. Ростова-на-Дону от 10 июля 1944 г. // ГАРО. – Ф. Р-3916. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 134 об.

19. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // Правда, орган ЦК ВКП(б). – 1941. – 27 июня. – С. 1.

20. Цена жизни, или выплаты семьям фронтовиков в годы войны и в послевоенное время, 20 марта 2020 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/moyaderevnyu/cena-jizni-ili-vyplaty-semiam-frontovikov-v-gody-voiny-i-v-poslevoennoe-vremia-5e7466fde5fa715ea911d4ef> (дата обращения: 17.11.2020). – Загл. с экрана.

21. Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я. Е. Чадаев. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Мысль, 1985. – 494 с.

22. De Graffenried, J. Sacrificing childhood: children and the Soviet state in the Great Patriotic War / J. De Graffenried. – Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 2014. – 248 p.

23. Markwick, R. Soviet women on the frontline in the Second World War / R. Markwick, E. Charon-Cardona. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan, 2012. – 328 p.

REFERENCES

1. Vycherov D.E. Zhaloby voyennosluzhashchikh i ikh semej kak otrazheniye sotsial'noy politiki sovetskoy vlasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Tyumenskoj oblasti) [Complaints from Military Personnel and Their Families as a Reflection Social Policy of the Soviet Government During the Great Patriotic War (Based on Materials from the Tyumen Region)]. *Peterburgskiy istoricheskij zhurnal* [Saint Petersburg Historical Journal], 2018, no. 3, pp. 362-370.

2. Galukhina. Timurovtsy [Timurovtsy]. *Stalingradskaya pravda, organ Stalingradskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP(b)*,

oblastnogo i gorodskogo sovetov deputatov trudyashchikhsya, 1943, July 6.

3. Zavkom Uralmashzavoda otchityvayetsya [The Head Committee of Uralmashzavod Reports]. *Trud, organ Vsesoyuznogo Tsentral'nogo Soveta Professional'nykh Soyuzov*, 1943, October 7.

4. Iz privetstvennogo vystupleniya sekretarya Stavropol'skogo kraykoma VKP(b) tov. Orlova na XXIV sessii Rostovskogo n/D gorodskogo sojeta deputatov trudyashchikhsya, posvyashchonnoy pervoy godovshchine osvobozhdeniya g. Rostova n/D ot nemetskikh okkupantov, 13 fevralya 1944 g. [From the Welcoming Speech of the Secretary of the Stavropol Regional Committee of the CPSU(b) Comrade Orlov at the XXIV Session of the Rostov-on-Don City Council of Workers' Deputies, Dedicated to the First Anniversary of the Liberation of Rostov-on-Don from the German Invaders, February 13, 1944]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO)* [State Archive of Rostov Region], f. R-1817, inv. 3, d. 52, l. 11 r.

5. Krasnozhnova E.E. Material'naya pomoshch' sem'yam voyennosluzhashchikh v Nizhnem Povolzh'ye v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Material Assistance to Families of Military Personnel in the Lower Volga Region During the Great Patriotic War]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik* [Volga Scientific Bulletin], 2012, no. 5, pp. 48-50.

6. Krivitskaya R. Sovet zhon frontovikov [Council of the Wives of Front-Line Soldiers]. *Leningradskaya pravda, organ Leningradskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP(b), oblastnogo i gorodskogo sovetov deputatov trudyashchikhsya*, 1944, June 25.

7. Kuskov S.A. *Tseny voyennogo vremeni, 26 dekabrya 2011 g.* [Wartime Prices, December 26, 2011]. URL: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni> (accessed 19 November 2020).

8. Nesterkina E. Nam pomogayet gosudarstvo [The State Helps Us]. *Leningradskaya pravda*, 1944, June 3.

9. Ob obespechenii posobiyami semey prizvannykh v RKKK i pensiyami pensionerov truda, evakuirovannykh iz prifrontovoy polosy. Delo № 590/198, 16 iyulya – 5 avgusta 1941 g. Sovet Narodnykh Komissarov [On the Provision of Benefits to Families Called Up in the Red Army and Pensions of Labor Pensioners Evacuated from the Frontline]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 259, inv. 2, d. 817, l. 2.

10. O denezhnom obespechenii lits, vstupivshikh v narodnoye opolcheniye. Postanovleniye Gosudarstvennogo Komiteta Oborony № 24 ot 10 iyulya 1941 g. [On the Monetary Security of Persons Who Joined the Militia]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy*

arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 2, d. 3, l. 28.

11. D'yachkov V.L., Doroshina M.M., Zhuravlov I.P. et al., eds. *Pis'ma Velikoy Otechestvennoy (iz fondov Tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Tambovskoy oblasti): sb. dok.* [Letters of the Great Patriotic War (From the Funds of the Center for Documentation of Recent History of Tambov Region). Collection of Documents]. Tambov, Proletarskiy svetoch Publ., 2005. 632 p. URL: <http://gaspito.ru/materials/publications/edition/216-pisma?showall=1> (accessed 30 May 2020).

12. Povsednevno zabotit'sya o sem'yakh frontovikov. Oblastnoye soveshchanie zamestiteley predsedateley ispolkomov i zaveduyushchikh otdelami po gosobespecheniyu i bytovomu ustroystvu semey voyennosluzhashchikh [Take Care of the Families of Front-Line Soldiers on a Daily Basis. Regional Meeting of Deputy Chairmen of Executive Committees and Heads of Departments for State Support and Everyday Life of Military Families]. *Stalingradskaya pravda*, 1943, June 18.

13. Povsednevnyaya zabota o sem'yakh frontovikov, Chelyabinsk, 4 oktyabrya 1943 g. [Daily Care of the Families of Front-Line Soldiers. Chelyabinsk, October 4, 1943]. *Trud, organ Vsesoyuznogo Tsentral'nogo Soveta Professional'nykh Soyuzov*, 1943, October 5.

14. Postanovleniye Sovnarkoma Soyuzu SSR i TSK VKP(b) «O povyshenii zarabotnoy platy uchitelyam i drugim rabotnikam nachal'nykh i srednikh shkol» № 875 ot 11 avgusta 1943 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On Increasing the Wages of Teachers and Other Employees of Primary and Secondary Schools" no. 875 Dated August 11, 1943]. *GARO* [State Archives of Rostov Region], f. R-4130, inv. 1, d. 1, l. 49-50.

15. Resheniye Ispolnitel'nogo komiteta Novochoerkasskogo gorodskogo sojeta deputatov trudyashchikhsya Rostovskoy oblasti «Ob okazanii pomoshchi sem'yam frontovikov v artelyakh "21-ya godovshchina Oktyabrya" i "Krasnaya zarya"». Protokol № 52/8 ot 2 marta 1944 g. [Decision of the Executive Committee of the Novochoerkassk City Council of Workers' Deputies of Rostov Region "On Assisting Families of Front-Line Soldiers in the "21st October Anniversary" and "Krasnaya Zorya" Artels. Protocol No. 52/8 of March 2, 1944]. *Novochoerkasskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti (NF GARO)* [Novochoerkassk Branch of the State Archives of Rostov Region], f. R-5, inv. 1, d. 20, l. 25.

16. Semonova E.N. Obrazovaniye organov gosudarstvennogo obespecheniya i bytovogo

ustroystva semey voyennosluzhashchikh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Zapadnoy Sibiri) [Formation of Government Support Agencies and Household Devices for Military Families During the Great Patriotic War (Based on Materials from Western Siberia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TGPU)* [Tomsk State Pedagogical University (TSPU) Bulletin], 2015, no. 2, pp. 31-35.

17. *Sovetskaya zhizn'. 1945–1953 gg.: sb. dok.* [Soviet Life. 1945–1953 Collection of Documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. URL: <https://istmat.info/node/18463> (accessed 20 November 2020).

18. Stenogramma partiyno-sovetskogo i khozyaystvennogo aktiva Proletarskogo rayona g. Rostova-na-Donu ot 10 iyulya 1944 g. [Transcript of the Party-Soviet and Economic Activists of the Proletarsky District of Rostov-on-Don]. *GARO* [State Archive of Rostov Region], f. R-3916, inv. 1, d. 1, l. 134 r.

19. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26.06.1941 «O poryadke naznacheniya i vyplaty posobiy sem'yam voyennosluzhashchikh ryadovogo i mladshego nachal'stvuyushchego sostava v voyennoye vremya» [Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces

“On the Procedure for the Appointment and Payment of Benefits to Families of Military Personnel of Ordinary and Junior Commanding Personnel in Wartime”]. *Pravda, organ TsK VKP(b)*, 1941, June 27, p. 1.

20. *Tsena zhizni, ili vyplaty sem'yam frontovikov v gody voyny i v poslevoyennoye vremya, 20 marta 2020 g.* [The Cost of Life, or Payments to the Families of Front-Line Soldiers During the War and in the Post-War Period]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/moyaderevnya/cena-jizni-ili-vyplaty-semiam-frontovikov-v-gody-voyny-i-v-poslevoennoe-vremya-5e7466fde5fa715ea911d4ef> (accessed 17 November 2020).

21. Chadayev Ya.E. *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [The Economy of the USSR During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Mysl Publ., 1985. 494 p.

22. De Graffenried J. *Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War*. Lawrence, Kansas, University Press of Kansas, 2014. 248 p.

23. Markwick R., Charon-Cardona E. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2012. 328 p.

Information About the Author

Petr Ya. Tsitkilov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University, Dneprovskiy Lane, 116, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, petrcitkilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7540-0231>

Информация об авторе

Петр Яковлевич Циткилов, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет, пер. Днепроvский, 116, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, petrcitkilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7540-0231>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.16>

UDC 94(47+57)“1941/1945”:355.134
LBC 63.3(2)622-35

Submitted: 21.11.2019
Accepted: 18.03.2020

AWARD PRODUCTION IN THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Dmitry V. Shunyakov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article analyzes the experience of improving the system of award production in the Red Army during the Great Patriotic War. The author states that the award production at the time of the beginning of the war was unable to ensure mass awarding of soldiers. *Methods and materials.* Archival materials, published official statistics and scientific literature were used in the implementation of the research tasks. The study was conducted on the basis of the principles of historicism, objectivity and systemacity. The need to process quantitative data led to the use of the statistical method. *Results.* In order to ensure the need of the active army to award, the leadership of the country in the Armed Forces introduced a single command and delegated the right to award to the military command, which awarded on the ground and submitted award documents through the people's commissariat for approval to the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. It is noted that in order to optimize the award production in units, formations, personal accounts were introduced, on which award marks and documents, as well as reporting on them were issued. Awarding bodies provided preparation of awarding documentation giving it to the commanding officer (commander) for approving, made rewarding of distinguished ones. *Conclusions.* It is noted that the measures taken to improve the award production brought it closer to the participants of fights, about 90% of all awards were made by the military command. It is shown that the awarding of military personnel led to the growth of their professional skills through personal interest in the results of combat activities, which was one of the factors of victory in the war.

Key words: USSR, Great Patriotic War, People's Commissar of Defense, Red Army, award production.

Citation. Shunyakov D.V. Award Production in the Red Army During the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 182–189. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.16>

УДК 94(47+57)“1941/1945”:355.134
ББК 63.3(2)622-35

Дата поступления статьи: 21.11.2019
Дата принятия статьи: 18.03.2020

НАГРАДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Дмитрий Викторович Шуняков

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Анализируется опыт совершенствования системы наградного производства в Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Констатируется, что данная структура на момент начала войны было не в состоянии обеспечить массовое награждение военнослужащих. *Материалы и ме-*

тоды. При решении поставленных исследовательских задач использовались архивные материалы, опубликованные данные официальной статистики, а также научная литература. Исследование проводилось на основе принципов историзма, объективности и системности. Необходимость обработки количественных данных обусловила использование статистического метода. *Результаты.* Для обеспечения потребности действующей армии в награждении руководство страны в Вооруженных силах ввело единоначалие и делегировало права награждения непосредственно военному командованию, которое производило награждение на местах и представляло наградные документы через наркомат обороны для утверждения в Президиум Верховного Совета СССР. Отмечается, что для оптимизации наградного производства в частях, соединениях были введены лицевые счета, по которым производилась выдача наградных знаков и документов, а также отчетность по ним. Наградные органы обеспечивали подготовку наградной документации, предоставление ее командующему (командиру) на утверждение, производили награждение отличившихся. *Выводы.* Констатируется, что принятые меры по совершенствованию наградного производства приблизили его к участникам боев. Около 90 % всех награждений было произведено военным командованием. Показано, что награждение военнослужащих привело к росту их профессионального мастерства, повысило личную заинтересованность в результатах боевой деятельности, что явилось одним из факторов победы в войне.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, народный комиссар обороны, Красная армия, наградное производство.

Цитирование. Шуняков Д. В. Наградное производство в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 182–189. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.16>

Введение. Наградная система является одним из важнейших государственных атрибутов. Ей сопутствует наградное производство, представляющее собой установленный законодательными актами порядок применения наград различными наградными инстанциями. Если о самих наградах написано достаточно, то деятельности наградных органов уделяется куда меньше внимания. На взгляд автора, это странно, поскольку именно наградное производство определяет эффективность наградной системы.

Методы и материалы. Основной источниковой базой исследования стали материалы, опубликованные в справочнике «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» под редакцией А.П. Белобородова, документально-историческом очерке «Офицерский корпус и кадровые органы Вооруженных Сил России» под редакцией Н.А. Панкова, в работе В.А. Жилина «Организационное строительство Вооруженных Сил: история и современность», каталогосправочнике Б.В. Айрапетяна «Нагрудные знаки Красной армии (1941–1945 гг.)», а также диссертации С.А. Иванова «Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной армии: 1918–1945 гг.» [1; 7; 11; 13; 18]. В этих работах был исследован процесс совершенствования наградного производ-

ства в годы войны, значение и роль наградной системы в победе над врагом, проанализирована деятельность органов государственного управления и военного командования по совершенствованию наградной системы. Деятельность руководства страны привела к существенному упрощению наградного производства, расширению доступного арсенала наград, что позволило военному командованию по достоинству отмечать заслуги военнослужащих.

Кроме того, автором проанализированы нормативно-правовые документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, фонд 33 «Главное управление кадров НКО» [9, л. 59; 12, л. 172; 14, л. 342; 18, л. 285; 20, л. 266], а также в сборниках документов [5; 6; 22], в частности, постановления, приказы о совершенствовании наградного производства Красной армии, анализа деятельности наградных органов, выявлении недостатков и злоупотреблений в наградной сфере, наказания виновных. Анализ этих материалов позволяет сделать вывод о большом внимании руководства страны и военного командования к наградному производству, считавшему его важнейшей составляющей в мотивации военнослужащих на борьбу с врагом. Выявленные факты злоупотреблений должностных лиц, а также недостатков в наградном производстве немедленно пресекались.

Обращение к мемуарам участников войны позволило от первого лица узнать отношение к деятельности наградных органов поощрению военнослужащих. Анализ воспоминаний позволяет сделать вывод о большом мотивационном воздействии усовершенствованного наградного производства на военнослужащих [2; 3; 8; 10; 21; 23].

В основу методологии работы положены общенаучные методы исследования (анализ, синтез, обобщение), а также специальные методы исторического исследования, прежде всего метод системного анализа, что позволило показать процесс усовершенствования наградного производства в общем контексте деятельности органов государственного управления по мобилизации страны на борьбу с врагом.

Обсуждение. Наградное производство Красной армии на момент начала Великой Отечественной войны замыкалось на высшие органы государственной власти. Минимальным войсковым формированием, где имелись наградные органы, являлся полк. В строевой части последнего оформлялись наградные документы и отправлялись в вышестоящие инстанции (строевая часть дивизии, строевое отделение в корпусе, наградное отделение в армии, отдел по присвоению званий Управления кадров РККА, Высшая аттестационная комиссия НКО), где наградной материал согласовывался и отправлялся выше либо отклонялся [11, с. 234; 16, с. 46]. После прохождения многочисленных инстанций согласования документы оказывались в наградной комиссии при Президиуме Верховного Совета СССР, откуда документы отправлялись в Президиум Верховного Совета СССР для издания указа о награждении. Представленный к награждению вызывался в Москву и получал орден или медаль из рук руководителей государства [17].

Многоступенчатое наградное производство мирного времени оказалось абсолютно непригодным к условиям крупномасштабных боевых действий начавшейся войны. Из общего количества представленных к награждению во втором полугодии 1941 г. только треть (30,5 %) смогла получить заслуженные награды [18, л. 285]. В условиях войны оказалось совершенно невозможным обеспечить прибытие в Москву для награждения всех

отличившихся. Из-за многочисленных согласовывающих инстанций наградная процедура оказалось слишком затянутой по времени. Например, в отделе кадров Северо-Западного фронта в июле 1942 г. прохождение наградных документов от полка до фронта составляло от 30–40 дней [5, с. 269–271]. Командир роты 565-го отдельного саперного батальона С.А. Данич вспоминал: «В начале войны почти совсем не награждали» [8].

Наградное производство нуждалось в серьезных изменениях, что прекрасно понимало руководство страны, считавшее наградную систему важным стимулом в укреплении боевого духа армии и воодушевления населения. «Получить в такой момент награду, – говорил председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин в декабре 1941 г., – высокая честь. Это – признание того, что вы активно боретесь с врагом, это... благодарность от советского народа» [15, с. 105].

Для повышения эффективности наградного производства были предприняты радикальные меры. Во-первых, была увеличена наградная база. В дополнение к существовавшим наградам были учреждены 9 орденов (многие из них имели несколько степеней, что по факту давало целых 18), а также 19 медалей [24, с. 30–37].

Во-вторых, в сентябре 1941 г. наградными правами в отношении военнослужащих до командира полка включительно были наделены Военные советы фронтов, а 1 апреля 1942 г. – Военные советы отдельных армий [5, с. 171; 19, с. 118]. Наградное производство было аналогично довоенному с той лишь разницей, что конечной наградной инстанцией являлся штаб фронта (отдельной армии). Военный совет фронта (армии) рассматривал представления, готовил приказ о награждении за подписью командующего фронта (армии) и вручал награды. Протоколы заседаний отправлялись в Москву и утверждались указами Президиума Верховного Совета СССР [7, с. 364–365].

Несмотря на то что время наградного процесса серьезно сократилось, подобный алгоритм не решал проблему в целом и имел ряд серьезных недостатков. Например, из-за того, что наградные документы утверждались сразу в Президиуме Верховного Совета СССР без согласования с Главным управлением кад-

ров НКО, случались прецеденты двойных награждений [20]. Военные советы не успевали обрабатывать представления к награждению вследствие частой ротации (переподчинения) воинских частей между фронтами и армиями [12].

Разное время прохождения наградного материала до Военных советов фронтов и армий (при награждении военнослужащих до командира полка) и Президиума Верховного совета СССР (в случае награждения высших эшелонов военного командования) приводило к тому, что за одни и те же бои солдаты и младший командный состав уже был награжден орденами и медалями, а старший и высший командный состав еще нет [9].

Необходимость проведения радикальных реформ не вызывала сомнения. Упразднение 9 октября 1942 г. института военных комиссаров сосредоточило наградные полномочия в руках командира, который командовал военнослужащими на поле боя и соответственно объективно оценивал их заслуги в представлении к награждению [22, с. 200–201].

Одновременно с единоначалием командиры воинских формирований были наделены правом награждения подчиненных от имени Президиума Верховного Совета. Наградные права были строго дифференцированы. Так, командир полка (минимальное должностное лицо, наделенное наградными полномочиями) мог награждать медалями только солдат и сержантов. Командир дивизии, кроме солдат и сержантов, уже награждал офицеров до командира роты, а его арсенал награждения был расширен орденами Красной звезды и Славы 3-й степени. Наградные полномочия командующего фронтом, кроме указанных категорий военнослужащих, распространялись и на генералов до командира дивизии. Его арсенал включал все ордена и медали, за исключением высших степеней государственных наград и звания Героя Советского Союза. Право награждения высшими государственными наградами СССР оставил за собой Президиум Верховного Совета [5, с. 360–361, 384–385; 6, с. 74–75, 83, 87–88, 136, 203–205, 247–248, 303].

Представление к награждению осуществлялось по вертикали командования снизу вверх. Командир роты (взвода) составлял на отличившегося наградной лист в двух экзем-

плярах, содержащий описание боевого отличия, время и место его совершения [7, с. 389]. Командир танка М.Д. Чубарев вспоминает: «В зависимости от того, кто как выполнял свою задачу, так того и отмечали. Определяли это в первую очередь наши непосредственные командиры. Они делали представление к наградам» [23]. Представление к награде составлялось как по конкретному подвигу, так и по совокупности заслуг. «Из частей приходят отзывы, как ты выполнил задачу, – рассказывал командир саперного взвода 3-й штурмовой инженерно-саперной бригады А.Н. Будницкий, – это все подшивалось, а потом награждали, по совокупности» [2].

Второй из наградных листов оставался в штабе части, а первый отправлялся в вышестоящие инстанции, где командиры (начальники) издавали приказ о награждении, либо, в случае превышения их наградных полномочий, ставили свою резолюцию и отправляли дальше по команде. В итоге наградной материал приходил в Главное управление кадров НКО (военнослужащих пехоты и кавалерии), либо в отделение кадров соответствующего управления по роду войск. Начальник управления ставил свою визу и отправлял наградные листы в Президиум Верховного Совета СССР [7, с. 389].

После утверждения награждения, во втором экземпляре, остававшемся в штабе части, ставилась отметка с указанием вида награды и номера, даты приказа о награждении [7, с. 390].

Для достижения максимального морального эффекта от награждения вручение наград производилось с соблюдением торжественного церемониала. Командир танкового взвода 40-й гвардейской танковой бригады Н.Н. Борисов вспоминал: «А вскоре наступило 23-е февраля... Нас заранее предупредили, что состоится общее построение. И на этом митинге был зачитан приказ о награждении, и я получил свою первую награду – орден Красной звезды» [3].

В период Великой Отечественной войны потребность в орденах и медалях оказалась очень высокой, от промышленности было «недополучено» свыше 2,5 млн наградных знаков [7, с. 397]. При их отсутствии выдавалось удостоверение на получение награды позднее по

месту службы или по месту жительства в военкомате [7, с. 394]. Однако в условиях войны обеспечить четкую выдачу по удостоверениям орденов и медалей оказалось невозможным (удостоверения и выписки терялись, неправильно оформлялись, представленные к награждению погибали, оказывались в госпиталях и т. п.). После окончания войны было установлено, что около 3 млн наград оказались неврученными [4, с. 639].

Документы погибших военнослужащих, а также награжденных посмертно отправлялись в отдел по учету и регистрации награжденных при секретариате Президиума Верховного Совета СССР, а в Главное управление кадров НКО высылались копии [14]. Уже в ходе войны появились исключения. В память о погибшем семье (родственники) получали ордена Отечественной войны, медали за оборону городов, партизанскую медаль, а также документы [22, с. 355].

В целях минимизации времени награжденного процесса в воинских формированиях стали храниться запасы наград в соответствии с «лицевым счетом». Кадровый орган воинского формирования на основании «лицевого счета» производил выдачу наградных знаков и документов, а также отчитывался перед вышестоящими наградными организациями. Ежемесячно комиссионно осуществлялась проверка наличия и движения орденов и медалей, о чем составлялся акт, утверждаемый командованием воинского формирования и представляемый в вышестоящий кадровый орган. По состоянию на первое число каждого месяца в Главное управление кадров НКО отделы кадров фронтов (отдельных армий) представляли отчетность по врученным орденам и медалям на основании полученных данных от кадровых органов входивших в состав фронта (армии) воинских формирований (от полка до корпуса). На награжденных в отделе кадров фронта (армии) оформлялись учетные карточки, в нижестоящих наградных органах – алфавитные книги [7, с. 395–396, 400].

При убытии части из состава армии (фронта) кадровый орган отчитывался за движение наградных знаков, сдавал по акту имеющиеся ордена и медали в вышестоящий кадровый орган, который на лицевом счете делал об этом отметку [7, с. 395–396].

В ходе войны имелись случаи неправомерных награждений рядом должностных лиц. Например, командир 1593-го полка П.А. Щербинко незаконно наградил орденами своих родственников, а старший лейтенант А.А. Коцанов, пользуясь правами помощника начальника штаба, наградил себя двумя орденами Красной звезды [6, с. 299; 7, с. 378]. В целях недопущения случаев злоупотреблений при награждении Президиум Верховного Совета СССР указом от 2 мая 1943 г. ввел уголовную ответственность на срок до трех лет, а за незаконное ношение наград – до одного года [22, с. 148].

Несмотря на очевидные преимущества усовершенствованной системы награждения военнослужащих, имелись и недостатки. Процесс награждения солдата и сержанта орденом занимал неоправданно много времени при прохождении многочисленных наградных инстанций в дивизии (корпусе, армии). Разведчик Н.Д. Доронин вспоминал: «Обычно доходила награда до нас так. Пока она пройдет все эти канцелярские проверки от командира роты до командира полка, а там дальше – еще через дивизию и через корпус, срок ожидания награды на несколько месяцев затягивается. А то и полгода проходит, пока тебя наградят. Даже в иной раз забываешь, что тебя представили к награде» [10]. По этой причине многие солдаты и сержанты предпочитали награждение медалью сейчас, чем ждать ордена месяцами, а то и вообще получить отказ от вышестоящей наградной инстанции.

Также наградными правами были обделены командиры отдельных подразделений (батальон, рота). Заместитель командира такого батальона Л.С. Свердлов вспоминал: «Все наградные листы заполненные в ОПАБе (Отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. – Д. Ш.) шли напрямую в штаб армии, в составе которой мы находились. В половине случаев эти наградные листы куда-то терялись по дороге, а те наградные, которые попали в штаб, ложились на стол к “канцелярским крысам”, самолично решавшим, кому дать боевую награду, а кто “перебьется”» [21].

Всего за годы Великой Отечественной войны было осуществлено около 13 млн награждений орденами и медалями [7, с. 362], при этом 90 % всех награждений военнотру-

жащих было произведено приказами военного командования [7, с. 380], из них 64,5 % приказами командиров полков, то есть непосредственно на поле боя [25, кн. 1, с. 255].

Выводы. В кратчайшие сроки руководству страны удалось кардинально изменить наградное производство Красной армии. Сосредоточение наградных полномочий в руках командиров воинских формирований минимизировало наградной процесс, позволило им объективно оценивать заслуги подчиненных в бою и производить награждение. Между тем архивные источники и воспоминаний участников войны позволяют сделать вывод о недостаточной проработанности механизма награждения самой многочисленной категории военнослужащих – солдат и сержантов. При этом усовершенствованное наградное производство имело большое мотивационное влияние на офицеров и солдат, что способствовало победе в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетян, Б. В. Нагрудные знаки Красной армии (1941–1945) / Б. В. Айрапетян. – М. : Collector's Book, 2004. – 180 с.
2. Будницкий Александр Наумович // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/budnitskiy-aleksandr-naumovich> (дата обращения: 14.11.2019). – Загл. с экрана.
3. Борисов Николай Николаевич (танкист) // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/borisov-nikolay-nikolaevich> (дата обращения: 16.11.2019). – Загл. с экрана.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны / гл. ред. комис. ген. армии С. К. Шойгу. – М. : Кучково поле, 2015. – 976 с.
5. Великая Отечественная война : Приказы народного комиссара обороны СССР 1941–1942 гг. / под общ. ред. В. А. Золотарева. – М. : Терра, 1997. – Т. 13 (2–2). – 448 с.
6. Великая Отечественная война : Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. / под общ. ред. В. А. Золотарева. – М. : Терра, 1997. – Т. 13 (2–3). – 456 с.
7. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. генерала армии А. П. Белобородова. – М. : Воениздат, 1963. – 624 с.
8. Данич Семен Антонович (командир роты 565-го отдельного саперного батальона) // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/danich-semen-antonovich> (дата обращения: 16.11.2019). – Загл. с экрана.
9. Докладная записка начальника Главного управления кадров генерал-майора Голикова от 1 июня 1942 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). – Ф. 33. – Оп. 42576сс. – Д. 26. – Л. 59.
10. Доронин Николай Дмитриевич (разведчик) // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/tazvedchiki/doronin-nikolay-dmitrievich> (дата обращения: 15.11.2019). – Загл. с экрана.
11. Жилин, В. А. Организационное строительство Вооруженных Сил : история и современность / В. А. Жилин. – М. : Воентехиздат, 2002. – 584 с.
12. Заявка Волховского фронта на получение наград от 11 февраля 1942 г. // ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 42576сс. – Д. 248/2. – Л. 172.
13. Иванов, С. А. Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной армии (1918–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Иванов Сергей Анатольевич. – М., 2009. – 254 с.
14. Инструкция 4-го отдела ГУК НКО командующим фронтам по учету орденов, медалей и орденских документов, сентябрь 1942 г. // ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 42576сс. – Д. 47. – Л. 342.
15. Калинин, М. И. Статьи и речи (1941–1946 гг.) / М. И. Калинин. – М. : Политиздат, 1975. – 671 с.
16. Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг. : структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий : документы и материалы / под ред. В. Н. Кузеленкова. – М. ; СПб. : Летний сад, 2005. – 272 с.
17. Конституция (Основной закон) СССР в редакции от 5 декабря 1936 г. // Система «Гарант». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676 (дата обращения: 05.11.2019). – Загл. с экрана.
18. Отчет Главного управления кадров НКО за второе полугодие 1941 г. // ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 11447. – Д. 38. – Л. 285.
19. Офицерский корпус и кадровые органы Вооруженных Сил России / под ред. Н. А. Панкова. – М. : РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. – 224 с.
20. Письмо начальника Главного управления кадров генерал-майора Румянцева в секретариат Верховного Главнокомандующего 3 апреля 1942 г. // ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 42576сс. – Д. 26. – Л. 66.
21. Свердлов Лев Соломонович // Федеральный портал «Я помню». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/>

sverdlov-lev-solomonovich (дата обращения: 12.11.2019). – Загл. с экрана.

22. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. канд. юрид. наук Ю. И. Манделъштама. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – 500 с.

23. Чубарев Михаил Дмитриевич (танкист) // Федеральный портал «Я помню» [Federal Portal “I Remember”]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/chubarev-mikhail-dmitrievich> (дата обращения: 14.11.2019). – Загл. с экрана.

24. Шуняков, Д. В. Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. / Д. В. Шуняков // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 30–37.

25. Штеменко, С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. Кн. 2 / С. М. Штеменко. – М.: Воениздат, 1989. – 560 с.

REFERENCES

1. Hayrapetyan B.V. *Nagrudnye znaki Krasnoj armii (1941–1945)* [Badges of the Red Army (1941–1945)]. Moscow, Collector’s Book Publ., 2004. 180 p.

2. Budnicki Alexander Naumovich. *Federal’nyj portal «Ja pomnju»* [Federal Portal “I Remember”]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/budnitskiy-aleksandr-naumovich/> (accessed 14 November 2019).

3. Borisov Nikolai Nikolayevich (tankist) [Borisov Nikolai Nikolayevich (Tank Crew Man)]. *Federal’nyj portal «Ja pomnju»* [Federal Portal “I Remember”]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/borisov-nikolay-nikolaevich/> (accessed 16 November 2019).

4. Shoygu S.K., ed. *Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 1. Osnovnyye sobytija vojny* [Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 Vols. Vol. 1. Main Events of the War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015. 976 p.

5. Zolotaryov V.A., ed. *Velikaja Otechestvennaja vojna: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 1941–1942 gg.* [Great Patriotic War. Orders of the People’s Commissar of Defense of the USSR of 1941–1942]. Moscow, Terra Publ., 1997, vol. 13 (2-2). 448 p.

6. Zolotaryov V.A., ed. *Velikaja Otechestvennaja vojna: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 1943–1945* [Great Patriotic War. Orders of the People’s Commissar of Defense of the USSR of 1943–1945]. Moscow, Terra Publ., 1997, vol. 13 (2-3). 456 p.

7. Beloborodov A.P., ed. *Voennye kadry Sovetskogo gosudarstva v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Military Personnel of the Soviet State in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Voениzdat, 1963. 624 p.

8. Danich Semen Antonovich (komandir rotы 565-go otdel’nogo sapernogo batal’ona) [Danich Semen Antonovich (Company Commander of the 565th Separate Demining Battalion)]. *Federal’nyj portal «Ja pomnju»* [Federal Portal “I Remember”]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/danich-semen-antonovich/> (accessed 16 November 2019).

9. Dokladnaja zapiska nachal’nika Glavnogo upravlenija kadrov general-majora Golikova ot 1 ijunya 1942 g. [Report from Major General Golikov, Shief of Personnel Department, June 1, 1942]. *Central’nyj arhiv Ministerstva oborony RF (TsAMO)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, inv. 42576ss, d. 26, l. 59.

10. Doronin Nikolai Dmitrievich (razvedchik) [Doronin Nikolai Dmitrievich (Intelligence Officer)]. *Federal’nyj portal «Ja pomnju»* [Federal Portal “I Remember”]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/doronin-nikolay-dmitrievich/> (accessed 15 November 2019).

11. Zhilin V.A. *Organizacionnoe stroitel’stvo Vooruzhennyh Sil: istorija i sovremennost’* [Organizational Construction of the Armed Forces: History and Modernity]. Moscow, Voentekhizdat, 2002. 584 p.

12. Zajavka Volhovskogo fronta na poluchenie nagrad ot 11 fevralja 1942 g. [Application of the Volkhov Front for Awards Dated February 11, 1942]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, inv. 42576ss, d. 248/2, l. 172.

13. Ivanov S.A. *Razvitie sistemy nagrazhdenij ordenami i medaljami voennosluzhaschih Krasnoj armii (1918–1945 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [The Development of the System of Awarding Military Personnel of the Red Army with Orders and Medals (1918–1945). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2009. 254 p.

14. Instrukcija 4-go otdela GUK NKO komandujushhim frontam po uchetu ordenov, medalej i ordenskih dokumentov, sentjabr’ 1942 g. [Instruction of the 4th Department of the Main Personnel Directorate of the People’s Commissariat of Defense to the Commanders of Fronts on Accounting of Orders, Medals and Order Documents, September 1942]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, inv. 42576ss, d. 47, l. 342.

15. Kalinin M.I. *Stat’i i rechi (1941–1946 gg.)* [Articles and Speeches (1941–1946)]. Moscow, Politizdat, 1975. 671 p.

16. Kuzelenkov V.N., ed. *Komandnyj i nachal’stvujushhij sostav Krasnoj armii v 1940–1941 gg.: struktura i kadry central’nogo apparata NKO SSSR, voennyh okrugov i obshhevojskovykh armij: dokumenty i materialy* [Command Staff of the Red Army in 1940–1941: Structure and Personnel of the Central Apparatus of the People’s Commissariat of Defense of the USSR, Military Districts and General

Military Armies: Documents and Materials]. Moscow, Saint Peterburg, Letniy sad Publ., 2005. 272 p.

17. Konstitucija (Osnovnoj zakon) SSSR v redakcii ot 5 dekabnja 1936 g. [Constitution (Basic Law) of the USSR as Amended on December 5, 1936]. *Access from "Garant" informational and legal web portal*. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed 5 November 2019).

18. Otchet Glavnogo upravlenija kadrov NKO za vtoroe polugodie 1941 g. [Report of the General Personnel Department of the People's Commissariat of Defense for the Second Half of 1941]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, inv. 11447, d. 38, l. 285.

19. Pankov N.A., ed. *Oficerskij korpus i kadrovye organy Vooruzhjonnyh Sil Rossii* [Officer Corps and Personnel Bodies of the Russian Armed Forces]. Moscow, RITs GSh VS RF, 2003. 224 p.

20. Pis'mo nachal'nika Glavnogo upravlenija kadrov general-majora Rumjanceva v sekretariat Verhovnogo Glavnokomandujushhego 3 aprelja 1942 g. [Letter from Major General Rumyantsev, Shief of Personnel Department, to the Secretariat of the Supreme Commander-in-Chief, 3 April 1942]. *TsAMO* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, inv. 42576ss, d. 26, l. 66.

21. Sverdlov Leo Solomonovich. *Federal'nyj portal «Ja pomnju»* [Federal Portal "I Remember"]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/saperi/sverdlov-lev-solomonovich/> (accessed 12 November 2019).

22. Mandelstam Yu.I., ed. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR: 1938 g. – ijul' 1956 g.* [Collection of Laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR: 1938 – July 1956]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo juridicheskoy literatury, 1956. 500 p.

23. Chubarev Mikhail Dmitrievich (tankist) [Chubarev Mikhail Dmitrievich (Tank Crew Man)]. *Federal'nyj portal «Ja pomnju»* [Federal Portal "I Remember"]. URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/chubarev-mikhail-dmitrievich/> (accessed 14 November 2019).

24. Shunyakov D.V. Razvitie sovetskoj nagradnoj sistemy i pooshhrenij voennosluzhashhih v 1941–1945 gg. [Development of the Soviet Award System and Incentives of Military Personnel in 1941–1945]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 2018, no. 4, pp. 30-37.

25. Stemenko S.M. *General'nyj shtab v gody vojny. V 2 kn. Kn. 2* [General Staff During the War. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Voenizdat, 1989. 560 p.

Information About the Author

Dmitry V. Shunyakov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Military Training Center, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, konigsberg039@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179>

Информация об авторе

Дмитрий Викторович Шуныков, кандидат исторических наук, доцент военного учебного центра, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, konigsberg039@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

UDC 321
LBC 66.1(2)

Submitted: 30.06.2020
Accepted: 23.09.2020

GENESIS OF THE STUDY OF WAR AS A POLITICAL PHENOMENON IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Vasily K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article explores the conceptualization of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia and presents its results for theory and practice. For this purpose, the article studies and interprets the origins of political ideas about war, the occurrence of political content in its scientific understanding, the emergence and development of various paradigms for its understanding as a political phenomenon and the conceptualization of Russia's superior strategy. *Methods and methodology.* The research methodology is based on political realism and the recognition of war as an actual phenomenon. The choice of works for analysis stems from the connection of their content with political issues. The article studies political situations and processes that caused the enhancement of research into war as a political phenomenon. *Analysis.* The first political perceptions of the phenomenon of war began taking shape in Russia in the second half of the 17th century and they reveal an understanding of the link between war and politics. The formation of the knowledge system about war and military activities took place without political understanding and contained a significant element of borrowing from outside. In relation to the formation of the science of war, there was also a theoretical understanding of its political content. In the second third of the 19th century scientific discussions began, in which two approaches based on the decision to recognize the political content of war were formed. Eventually, an approach that essentially negates the primacy of political institutions prevailed in military science and in the education of military personnel, which had negative consequences for theory and practice. *Results.* The study of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia formed dialectical and metaphysical approaches with the latter dominating and being followed by representatives of official military science. It can be stated that there is a problem of method in the study of war, which is manifested in modern conditions.

Key words: theory of war, pre-revolutionary Russia, war as a political phenomenon, strategy, methodology and method.

Citation. Belozеров V.K. Genesis of the Study of War as a Political Phenomenon in Pre-Revolutionary Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 190-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

УДК 321
ББК 66.1(2)

Дата поступления статьи: 30.06.2020
Дата принятия статьи: 23.09.2020

ГЕНЕЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЙНЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Василий Клавдиевич Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется осмысление войны как политического феномена в дореволюционной России, излагаются его результаты для теории и практики. Для этого изучаются и интерпретируются зарождение политических представлений о войне, появление политического содержания в ее научном осмыслении, возникновение и развитие различных парадигм ее понимания как политического феномена, концептуализация высшей стратегии России. *Методология и методы исследования.* Методология исследования строится на политическом реализме и признании войны как реально существующего феномена. Выбор работ для проведения анализа обусловлен связью их содержания с политической проблематикой. Изучались политические ситуации и процессы, вызывавшие активизацию исследования войны как политического феномена. *Анализ.* Первые политические представления о феномене войны стали складываться в России во второй половине XVII в., они свидетельствуют о понимании наличия связи между войной и политикой. Формирование системы знаний о войне и военной деятельности происходило без политического осмысления и содержало значительный элемент заимствований извне. В связи со становлением науки о войне происходило и теоретическое осмысление ее политического содержания. Во второй трети XIX в. начались научные дискуссии, в рамках которых на основе решения вопроса о признании политического содержания войны сложились два подхода. В итоге в военной науке и в образовании военных кадров возобладал подход, по сути отрицающий примат политических установлений, что имело негативные последствия для теории и практики. *Результаты.* В исследовании войны как политического феномена в дореволюционной России оформились диалектический и метафизический подходы при доминировании последнего и следовании ему представителями официальной военной науки. Можно констатировать наличие проблемы метода в исследовании войны, которая проявляется и в современных условиях.

Ключевые слова: теория войны, дореволюционная Россия, война как политический феномен, стратегия, методология и метод.

Цитирование. Белозёров В. К. Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 190–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

Введение. Формирование целостной системы научных знаний о войне является длительным и перманентным процессом. В той или иной стране этот процесс детерминруется конкретно-историческими условиями, развитием средств вооруженной борьбы, другими обстоятельствами. Привнесение политического контента в осмысление войны также происходило и происходит весьма не просто. Научное же понимание войны является неполноценным без видения ее политической детерминации и политических последствий. Исследование проблематики осмысления войны с позиций политологии представляется актуальным и ввиду явного дефицита таких работ в России. Незавершенность политологии войны в нашей стране представляется еще более алогичной в условиях наличия теоретических трудов по философии, социологии и психологии войны. Устранение сложившейся исследовательской диспропорции уместно начать с изучения отечественного опыта научного осмысления войны как политического феномена.

Следует констатировать, что целенаправленного изучения процесса научного ос-

мысления войны в дореволюционной России с учетом политизации содержания этой познавательной деятельности до сих не проводилось, фактически имели место лишь дискретные и фрагментарные исследования. Между тем в дальнейшем развитие научных взглядов на войну в нашей стране стало строиться на основе оценок, теоретических моделей и концепций, сложившихся в предыдущие эпохи.

Цель исследования состоит в выявлении и характеристике осмысления войны как политического феномена в дореволюционной России, в установлении теоретических и практических результатов этого процесса. Для этого изучается и интерпретируется зарождение первых политических представлений о войне, появление политического содержания в ее научном осмыслении, возникновение и развитие различных парадигм понимания войны как политического феномена, концептуальных подходов к высшей стратегии России.

Методология и методы исследования. Методология исследования строится на концепции политического реализма и признании войны как реально существующего политического феномена, что обуславливает не-

обходимость и возможность ее исследования в указанном качестве. Для осмысления войны как политического феномена в России изучались литературные памятники и философские трактаты, государственные документы, научные труды, мемуары. Выбор источников и работ для анализа был обусловлен связью их содержания с политической проблематикой. При выявлении детерминации проводившихся исследований учитывались политические ситуации, процессы и решения, активизировавшие видение войны как политического феномена.

Наряду с общенаучными методами использовались компаративистский анализ, систематизация сложившихся подходов к исследованию войны в указанный период с учетом последствий признания или непризнания ее политического содержания, дискурс-анализ, направленный на выявление смыслового контекста текстов и установление взаимосвязи между текстом и практической реализацией заложенных в него идей.

Анализ. *Предпосылки для формирования научных знаний о войне* стали складываться в России во второй половине XVII века. С одной стороны, возник и начал усиливаться спрос на светское образование, с другой стороны, интересы эффективного использования военной силы требовали компетентного подхода к этой постоянно усложняющейся деятельности, военной организации государства и общества¹.

Руководство Российского государства осознавало важность регламентации военной деятельности, ее правового регулирования, что означало и видение армии как инструмента власти. Судебники и уложения, вышедшие с конца XV в., закладывали правовые, экономические и иные основы военной организации государства. Спустя несколько десятилетий появились первые воинские уставы и наставления, они представляли собой переводы с иностранных источников без адаптации к российским условиям. Как известно, вышедшие в России «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607) и ставшее фактически первым воинским уставом «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647) были переведенными на русский язык изданиями.

Кроме того, правовой регламентации военной организации была свойственна бессистемность, наличие множества несогласованных указов и «приговоров».

Размышления и оценки, указывающие на понимание связи политических и военных вопросов, обнаруживаются во многих трактатах и памятниках русской литературы. В них дается видение предназначения и устройства военной силы, защиты родной земли, воинского командования и др. [7]. Сложившиеся в обществе установки относительно необходимости постоянной готовности к защите родной земли, устоявшийся мобилизационный характер развития страны в условиях постоянной внешней угрозы обеспечивали поддержку усилий власти по военному строительству.

В дальнейшем стали появляться и трактаты, свидетельствующие об осмыслении политической детерминации военной деятельности. Заслуживающие внимания идеи излагались богословом и философом XVII в. Ю. Крижаничем (1617–1683). С одной стороны, содержание обучения войска виделось ему сугубо утилитарно: «Учение воинское состоит в том, чтобы воин научился хорошо стрелять из лука и из пищали и сохранять строй под знаменем» [16, с. 435]. Вместе с тем боевые качества войск Ю. Крижанич ставил в прямую зависимость от фактора политической природы, от «благого правления»: «Если этого не будет, остальные способы окажутся напрасными, и воины вовеки не станут ловкими, а всегда [будут] малодушными и отчаявшимися» [16, с. 437]. Обращал внимание мыслитель и на неукоснительность следования принципу примата национальных интересов при принятии решений о применении военной силы, вступлении в войну и в коалицию: «беда наша горькая и в том, что иные народы... привлекают нас на свою сторону, впутывают в свои распри и сеют между нами рознь. А мы по своей глупости позволяем себя обманывать, и воюем за других, и считаем своими чужие войны, а друг друга ненавидим, враждуем насмерть...» [16, с. 496]

В указанный период в России не сложилась система высшего образования, в том числе военного, наука также не оформилась в полноценный социальный институт. Вместе с тем появлялись идеи и оценки, свиде-

тельствующие о понимании наличия связи между войной, армией и политикой. Формирование системы знаний о войне и военной деятельности происходило без политического осмысления, содержало значительный элемент заимствований извне без адаптации к российской специфике.

Появление политического содержания в исследовании войны началось в период правления Петра I. При нем военная служба получила четкую политико-правовую регламентацию. Для образования в сфере военных наук молодые люди направлялись за границу, стали создаваться учебные заведения для подготовки военных кадров [3, с. 128–180].

В условиях непрерывных войн учебный процесс имел прикладную направленность. Вместе с тем политической и военной элите требовалось понимание предназначения армии и компетентное обращение с ней. Петр требовал, чтобы офицеры и солдаты свою службу понимали как «защиту интересов государственных» [3, с. 145]. «Артикул Воинский» закреплял предназначение армии и военной службы: офицеры и солдаты присягали содержать себя «против всех Наших и Государств Наших неприятелей, телом и кровью» [6, с. 36]. Утверждение страны в статусе европейской державы Петр I связывал с наличием боеспособной регулярной армии и флота, в период его правления закладывались научные основы национального военного искусства и военной организации.

В дальнейшем встал вопрос о разработке общей теории войны. По замыслу известного просветителя И.И. Бецкого (1704–1795) в Шляхетском корпусе будущим офицерам стали преподаваться общеобразовательные дисциплины, корпус виделся как конкурент Московского университета. В 1753 г. граф П.И. Шувалов (1711–1762), осознавая отсутствие теории войны, предложил создать военную академию, что не было реализовано. Тем не менее военный мыслитель А.А. Свечин (1878–1938) отмечал, что по уровню развития военного образования Россия в то время обогнала Запад [23, с. 289–290].

Существенный импульс научному политическому осмыслению войны задало появление университетов. В Московском университете одной из первых была кафедра поли-

тики, систематический курс политики стал читаться в университете с 1764 г. [13, с. 101], изучение военных наук было включено в университетскую программу. М.В. Ломоносов (1711–1765) в письме П.И. Шувалову в 1761 г. заявлял о намерении исследовать тему «О сохранении военного искусства во время долговременного мира» [8, с. 110]. Исследователи отмечают влияние идей М.В. Ломоносова на мышление офицерского корпуса того времени [8, с. 110–112].

Все же университетское образование оставалось чрезвычайно редким среди офицеров. В качестве исключения можно назвать известного военного деятеля М.И. Милорадовича (1771–1825). Среди изучаемых им в Кенигсбергском университете предметов были и политические науки, руководил же занятиями сам И. Кант [15, с. 78–80].

Овладение научными знаниями о войне осуществлялось будущими офицерами самостоятельно и зависело, прежде всего, от их желаний и возможностей. Овладение военным искусством позволяло русской армии одерживать впечатляющие победы. В этой связи характерно признание Ж. де Местра (1753–1821), который, не отличаясь симпатиями к России, признавал, что «Румянцевы, Репнины, Суворовы, Салтыковы, вознесшие до небес славу вашего оружия, – все эти люди в университетах не учились» [10, с. 608].

Причем А.В. Суворов (1730–1800) представляет собой яркий пример прямой связи самообразования с одержанными им победами. Любопытно, что А.А. Свечин, давая редакторский комментарий к книге «О войне», специально опровергал недооценку Клаузевицем образования полководца и утверждал, что «в области военных знаний Суворов был всеобъемлющ» [12, с. 159]. Незадолго до кончины А.В. Суворова британский офицер Г. Клинтон-мл. записал под его диктовку правила «Военной физики» и изложил свои впечатления о встрече с ним: «Сей час выхожу из учений Военной Академии, где были рассуждения о Военном Искусстве, о Аннибале, Цезаре, замечания на ошибки Тюренна, Принца Евгения, о нашем Мальборуке, о штыке, и пр.» [18, с. 396].

К научному пониманию войны в связи с политическими факторами с неизбежностью

вело и усложнение военного управления. В 1711 г. была создана квартирмейстерская служба, на основе которой в 1763 г. образовался генеральный штаб. В 1802 г. учреждается Министерство военно-сухопутных сил (с 1808 г. – Военное министерство). Были извлечены и уроки из опыта 1812–1814 годов. В частности, как выяснилось, штабу при Главной квартире императора приходилось решать и важные политические задачи, в том числе международного характера [17, с. 38–39]. Политическая и военная элита стала понимать, что подготовка и ведение войны требуют единства действий вооруженных сил, их согласованного с другими сферами жизни общества функционирования.

Признанием необходимости научного изучения войны стало создание в январе 1812 г. при Военном министерстве Военного ученого комитета. Положением было определено, что «главная обязанность Комитета состоит в распространении сведений по ученой части военного искусства» [9, с. 27]. Такое предназначение означало ограничение военно-научной работы рамками применения вооруженных сил. Между тем было ясно, что выбор между миром и войной, подготовка страны являются политическими актами и относятся к компетенции не армии, а руководства государства.

По мере осмысления военного опыта стали звучать требования научного политического анализа войны и внедрение его результатов в образование. Генерал И.Г. Бурцов (1794–1829) в 1819 г. отмечал, что «политические науки, относящиеся также большей частью до нравственных действий правительств и народов, в сем отношении великое имеют сходство с военными» [21, с. 45]. Оценивая содержание военного образования и науки, он утверждал, что «для полного образования полководца недовольно даже одних военных знаний; все политические науки, действующие на безопасность народную, как сопредельные военным, а, с другой стороны, все нравственные, подающие правила владеть человеческим сердцем, должны войти в состав общей, пространной теории, управляющей действиями истинных полководцев» [21, с. 49].

Таким образом, постепенно сложились необходимые условия для создания теории войны, учета ее политической детерминации.

Видения войны как политического феномена и имплементации соответствующих изысканий, еще весьма редких, в систему теоретических взглядов и в образовательный процесс не состоялось, был лишь поставлен вопрос об этом. Наряду с этим заслуживает внимания интерес к исследованию войны в широком смысле как в рамках военных учебных заведений, так и в университетах.

Создание в конце 1832 г. Императорской военной академии ознаменовалось *научными дискуссиями о войне и ее политической природе*. В оценке «политического фактора» сразу же наметились два противостоящих подхода.

Первый исходил от инициатора создания академии А.-А. Жомини (1779–1869). К его заслуге следует отнести установление разделения политики войны и военной стратегии, что позволяло воспринимать их как относительно самостоятельные феномены с последующим диалектическим осмыслением в триаде тезис – антитезис – синтез. Позиция самого А.-А. Жомини оказалась половинчатой и метафизической: учет политических обстоятельств допускался им лишь на этапе разработки руководством государства плана войны. После же начала боевых действий в свои права всецело вступает «чисто-военная» стратегия [25, с. 98–101]. В итоге в науке о войне оформилась «*линия Жомини*».

Примером радикального следования ей выступает военный деятель А.И. Астафьев (1816–1863). Размышляя над статьей А.-А. Жомини «О политике войны и военной политике», он категорично утверждает: «вся политика войны состоит в том, чтобы неприятелю наносить всевозможный вред. Что же касается военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине, правилам военной науки, постановлениям военной службы и понятиям, что армия должна представлять собою одно органическое существо, у кого душа и глаза есть полководец, не должны их допускать» [21, с. 259]. Такие «антиполитические» установления распространялись и на военные коалиции: «Вся политика войны... будет состоять в том, что союзники должны избрать одно лицо, облечь его властью и подчинить ему в безусловное повиновение все армии и флот...» [21, с. 260].

В отторжении политики А.И. Астафьев занял радикальную позицию: «Создавая особые науки, как политику войны и военную политику, как географию и статистику военные, можно затемнять еще более чистые идеи военной науки. ...В военную науку не должно вводить ни политической экономии, ни политики, ни государственного хозяйства... Приняв за истину, что военная наука может обнимать только то, что непосредственно касается войск к успешному ведению войны, откинув все лишнее, спутывавшее до сих пор о ней понятия, предмет ее сделается ясным» [21, с. 260, 261].

Продолжателем «линии Жомини» стал и известный военный теоретик Г.А. Леер (1829–1904). В своих размышлениях он признает, что «в деле теории военного дела... царит порядочная анархия» и указывает на сложность методов военных наук. «Главную беду» этих методов Г.А. Леер видит в диалектике, то есть в отказе от метафизики: «сплошь и рядом знание заслоняется изложением, диалектикой» [21, с. 287, 288]. Стратегию он видел как всеобъемлющую науку, полагая, что она «есть синтезис, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия», наука «всех военных наук», «понимаемая в самом широком смысле как философия военного дела» [21, с. 307]. Позицию Г.А. Леера отстаивали и другие исследователи [14]. На практике такой подход вел к монополизации права военного сообщества на исследование войны.

О правомочности военной науки как самостоятельной отрасли знания высказывались противоположные мнения. Сам Г.А. Леер полагал, что правомерна только теория военного искусства. Предпринимались и попытки разграничивать понятия «военная наука», «военная теория», «военное искусство».

В этом отношении характерны оценки Л.Н. Толстого (1828–1910). Полагая, что война есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» [26, с. 7], писатель через героя «Войны и мира» Андрея Болконского отрицал военную науку: «...Мысли, что нет и не может быть никакой военной науки, и поэтому не может быть никакого так называемого военного гения, теперь получили для него совершенную очевид-

ность истины. «Какая же могла быть теория и наука в деле, которого условия и обстоятельства неизвестны и не могут быть определены, в котором сила деятелей войны еще менее может быть определена? ...Какая же может быть наука в таком деле, в котором, как во всяком практическом деле, ничто не может быть определено, и все зависит от бесчисленных условий, значение которых определяется в одну минуту, про которую никто не знает, когда она наступит» [26, с. 59–60].

Признавая заслуги писателя, военные мыслители того времени полагали, что его взгляды не выдерживают критики. Так, известный военный теоретик М.И. Драгомиров (1830–1905) опровергал позицию Л.Н. Толстого в специальной брошюре. При этом, по мнению М.И. Драгомирова, нет военной науки, но есть теория военного искусства и теория военного дела [11, с. 46]. Впоследствии представитель русской эмиграции Н.Н. Головин (1875–1944) объяснял отношение Л.Н. Толстого к военной науке неготовностью писателя воспринять действительность: «у людей, мало убежденных в пользе военной науки, первое столкновение с реальностью войны легко порождает разочарование в этой науке» [5, с. 341].

Одновременно с «линией Жомини» возникла и «линия Клаузевица» с присущим ей пониманием войны как развивающегося и изменчивого политического феномена, признанием примата политики с правом последней при определенных обстоятельствах вмешиваться в ход боевых действий.

Сторонники «линии Клаузевица» полагали ограниченным исследование войны в отрыве от константного фактора политики. Так, уже первый профессор стратегии академии Н.В. Медем (1798–1870) стремился разработать курс стратегии, осмыслив ее с политической точки зрения: «Война предполагает вообще какую-либо политическую цель. Искусство устремлять наивыгоднейшим образом все военные средства к достижению этой цели составляют предмет *стратегии*» [21, с. 86]. К заслуге Н.В. Медема правомерно отнести условное противопоставление стратегии как искусства стратегии как науке, для чего использовал очень точные формулировки и оценки. «Стратегия в сущности своей, как искусство, существовала во все времена, когда

была война. Как наука она явилась только тогда, когда стратегические соображения приобрели значительную важность в действиях войны и сделались более сложными и трудными» [21, с. 99]. Оппонируя сторонникам метафизической парадигмы, исследователь утверждал, что «*постоянные, безусловные правила для самих действий существовать не могут*» [21, с. 115], и отмечал постоянную изменчивость войны. Такая позиция представляется гибкой в прикладном плане и продуктивной и эвристичной – в теоретическом.

Сторонник Н.В. Медема П.А. Языков (1800–1869) в работе «Опыт теории стратегии» (1842 г.) признает, что в стратегии следует выделять и своего рода невоенную часть, то есть философию войны, моральную часть, политику войны. Осознавая ее как самую трудную часть военного искусства, П.А. Языков признает влияние на стратегию политического и нравственного элементов [21, с. 139–140]. Представители академии высказывались за привнесение военных вопросов в политические науки. О необходимости этого писал, например, будущий военный министр Д.А. Милютин (1816–1912). В 1847 г. он, осмысливая свою исследовательскую и педагогическую деятельность, утверждал, что «в науках политических *военная сила* государства должна занимать довольно важное место» [21, с. 173].

Подход Н.В. Медема не был принят, в исследовании войны возобладали «освобожденная от политики» установка. Преемники Н.В. Медема не допускали его понимания стратегии. Позже А.А. Свечин с сарказмом описывал содержание курса стратегии: «Предложение состоявшего на русской службе Жомини создать особые кафедры политики войны и военной политики отвергалось... “Вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть политику в войне”. “Какая может быть политика там, где бьются на смерть”» [22, с. 276]. Констатируя, что с середины XIX в. в России «стратегический уровень мышления сильно упал», приведенные выше мысли А.И. Астафьева он характеризовал как «махровые цветы профессорского красноречия» [25, с. 86].

Оценивая развитие «линии Жомини» и «линии Клаузевица» и признавая, что теоретические вопросы в них часто не отделялись

от прикладных проблем, можно предположить, что создание кафедры политики войны и введение соответствующей дисциплины привело бы к постановке сложного вопроса о взаимодействии политики и стратегии, пониманию войны как политического феномена.

Ограниченный подход к пониманию войны не претерпел изменений вплоть до крушения империи. Об отсутствии изучения войны как политического явления пишет в своих воспоминаниях Б.М. Шапошников (1882–1945), обучавшийся в академии в 1907–1910 гг.: «В широком смысле слова стратегия как наука о войне нам не читалась. ...Клаузевица в академии не признавали как теоретика учения о войне...» [27, с. 137]. Политического подхода к осмыслению происходящего стала требовать и военная действительность. Так, по результатам анализа опыта русско-японской войны офицеры докладывали, что «армией можно успешно управлять лишь тогда, когда она знает политические мотивы войны» [1, с. 103]. Тем не менее теория не отреагировала на запрос практики, системного осмысления войны как политического явления не состоялось.

Попытки концептуализации высшей стратегии России, основанной на понимании войны как политического феномена, были предприняты в начале XX века. Обострение внутри- и внешнеполитической обстановки, осмысление усложняющейся военной действительности побуждали исследователей к анализу причин происходящего и оценке перспектив страны, обеспечения ее безопасности. Формировались взгляды на то, каким образом политика определяет военную организацию государства в мирное и военное время.

С учетом этого ставился и решался вопрос о соотношении политики и военной стратегии. Так, Е.И. Мартынов (1864–1937) в работе 1899 г. «Обязанности политики по отношению к стратегии» излагает ее полномочия [19, с. 13–52]. Мыслитель полагал, что стратегия должна получить свободу действий сразу после начала войны. Вместе с тем заслуживает внимания его стремление увязывать военную стратегию с долгосрочной политикой государства. Отсюда и военная сила мыслится не как автономная и замкнутая сфера, а как неотъемлемый компонент системы по-

литических ресурсов и средств. Обоснованным представляется вывод Е.И. Мартынова о том, что военная мощь находится в прямой зависимости от общего состояния дел в стране: «Военное могущество государства тогда лишь прочно, когда развитие вооруженных сил не идет в ущерб общему состоянию государственного организма, когда все отрасли народной деятельности развиваются в известной гармонии» [19, с. 47–48].

Военный теоретик Н.П. Михневич (1849–1927), описывая в 1913 г. сферу компетенции политики, полагал, что она определяет условия войны, «отношения тех государств, которые хотя и не участвуют в войне, но заинтересованы в ее исходе», «момент для начала военных действий». В отличие от Е.И. Мартынова он обосновывает, что политика «работает во все время ведения войны» [21, с. 454]. Н.П. Михневич размышляет и о связи государственного устройства и политического режима с военными успехами страны [21, с. 455]. Тем самым внутривнутриполитические обстоятельства вводятся в осмысление войны как фактор, определяющий ее результат.

В канун мировой войны стали кристаллизироваться теоретические разработки о назначении военной силы, выходящие за рамки устоявшихся взглядов. Так, А.А. Незнамов (1872–1928) в 1913 г. писал, что «можно не желать войны, но надо быть готовым к ней, чтобы не заставили воевать!» [21, с. 670]. Отсюда, по его мнению, «сильная и готовая к бою армия служит самою надежною гарантией спокойного развития государства и обеспечивает за ним право громко высказывать свое мнение по *всем* мировым вопросам: хоть и скрепя сердце, может быть, но слушать его будут и особенно противоречить не решатся» [21, с. 674]. А.А. Незнамов отстаивал гибкий подход к пониманию армии как инструмента политики, позволяющего избежать применения военной силы. Особое внимание исследователь уделял и политической подготовке войны, в том числе и подготовке общественного мнения [21, с. 694–699]. При этом он ставит вопрос о целеполагании и программировании комплексных усилий государства: «наличие определенной программы в направлении всей государственной работы позволяет... яснее и тверже ставить задачи диплома-

тии и гораздо глубже заглядывать в будущее. Это же “ближайшее будущее” в большей мере кладет свой отпечаток и на подготовку в военном отношении» [21, с. 701].

В начале XX в. в России вошло в оборот понятие «высшая стратегия», под которой понималась целенаправленная и долгосрочная политика, в рамках которой военная сила выступает как важный, но не единственный инструмент и ресурс. Встал и вопрос о наличии высшей стратегии у России. Стоит отметить, что еще П.А. Языков декларировал существование «высшей части стратегии», связанной с участием в войне не только армий, но и народа [21, с. 152]. Накануне же мировой войны выходят работы, в которых непосредственно ставится проблема высшей стратегии России.

В 1913 г. морской офицер В.Я. Новицкий (1885 – после 1939) в работе «Высшая стратегия» предпринимает попытку дать теоретическое обоснование такой стратегии. По мнению автора, «задача высшей стратегии заключается в обеспечении самостоятельного существования и дальнейшего развития государства, в соответствии с его политическими, экономическими, историческими и культурными интересами» [20, с. 1]. Средством высшей стратегии Новицкому виделась война при условии искусного обращения с ней.

В том же году увидела свет работа А.Е. Вандама (1867–1933) «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии» [4]. Руководствуясь геополитическими соображениями, автор указывал на необходимость создания коалиции сухопутных держав (России, Германии и Франции), направленной против «утонченного деспотизма» англичан.

Восприятия разработок в сфере высшей стратегии в России не состоялось. Теоретические изыскания и призывы к выработке перспективного политического курса были проигнорированы, страна была втянута в ненужную ей войну и оказалась в ситуации национальной катастрофы.

Результаты. Осмысление войны как политического феномена имеет в России длительную историю. В конечном итоге понимания войны в указанном качестве так и не про-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

изошло. Сложившаяся ситуация имела негативные последствия. С неразрешенностью существенных вопросов войны связывал сознание и поведение армии и общества военный мыслитель А.Е. Снесарев (1865–1937): «Достаточно упомянуть тот роковой момент в жизни русской армии, случившийся в феврале 1917 г., когда на голову погибавшей, разлагавшейся и сбитой с исторического пути армии упал ряд военно-философских вопросов о существовании военного начальника, об организации военной власти, о пределах государственного принуждения и т. д. И не только все офицерство, все общество России почувствовало, что в области этих вопросов нет ни заблаговременных решений, ни ясного и проникновенного ответа» [24, с. 118–119].

Изучение понимания войны как политического феномена в описываемый период познавательно в методологическом плане. Можно констатировать наличие проблемы метода, неразрешенности противоречия между объективно существующим сложным феноменом войны и его субъективным и фрагментарным осмыслением, в котором полностью или частично отсутствовал политический компонент. В исследовании войны оформились диалектический и метафизический подходы при доминировании последнего и исповедовании его представителями официальной военной науки. При этом изучение войны происходило автономно военными и гражданскими научными сообществами, синтеза и восприятия ими взаимных достижений не состоялось. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в дореволюционной России научное осмысление войны как политического феномена испытывало на себе сильное влияние немецкой военной мысли.

Дальнейшее изучение войны разворачивалось в России с учетом сложившихся теоретических достижений, но уже в иных условиях, что требует специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под военной организацией государства и общества в статье понимается «планомерное, продуманное устройство, упорядочение жизнедеятельности государства и общества на случай возможной войны» [2, с. 8].

1. Агеев, А. Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904–1905 гг. / А. Агеев // Военно-исторический журнал. – 1975. – № 8. – С. 99–104.

2. Бельков, О. А. Помнить войну / О. А. Бельков // Власть. – 2005. – № 5. – С. 3–12.

3. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке / Л. Г. Бескровный. – М.: Воениздат, 1958. – 645 с.

4. Вандам (Едрихин), А. Е. Геополитика и геостратегия / А. Е. Вандам (Едрихин) / сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.

5. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции: сборник / сост. И. В. Домнин; ред. А. Е. Савинкин. – М.: Русский путь: Военный университет, 1999. – 640 с.

6. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права). – М.: Военный университет, 1996. – 450 с.

7. Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985. – 496 с.

8. Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в.: [сб. ст. / редкол.: чл.-кор. АН СССР В. И. Шунков (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1969. – 445 с.

9. Даниленко, И. С. 200 лет органам управления военной наукой / авт. кол.: И. С. Даниленко, Ф. Ф. Дедус, С. В. Кузнецов [и др.]; под общ. ред. И. А. Шеремета. – М.: Военно-научный комитет ВС РФ, 2011. – 184 с.

10. Де Местр, Ж. Санкт-Петербургские вечера / Ж. Де Местр. – СПб.: Алетейя, 1998. – 736 с.

11. Драгомиров, М. И. Разбор романа «Война и мир» с военной точки зрения / М. И. Драгомиров. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 144 с.

12. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Госвоениздат, 1933. – Т. 3. – 212 с.

13. Коваленко, В. И. Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи / В. И. Коваленко // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2010. – № 4. – С. 101–105.

14. Корф, Н. А. Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. Этюды по философии военных наук / Н. А. Корф. – М.: URSS, 2012. – 129 с.

15. Костяшов, Ю. В. Петровское начало: Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке / Ю. В. Костяшов, Г. В. Кретьинин. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 144 с.

16. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М.: Наука, 1965. – 736 с.

17. Лобов, В. Н. Александр I и его военно-политическая деятельность / В. Н. Лобов. – М. : Логос, 2012. – 228 с.

18. Лопатин, В. С. Суворов / В. С. Лопатин. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 447 с.

19. Мартынов, Е. И. Политика и стратегия / Е. И. Мартынов. – М. : Издат. дом «Финансовый контроль», 2003. – 448 с.

20. Новицкий, В. Я. Высшая стратегия / В. Я. Новицкий. – СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1913. – 97 с.

21. Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX века / под ред. д-ра ист. наук Л. Г. Бескровного. – М. : Воениздат, 1960. – 758 с.

22. Свечин, А. А. Клаузевиц / А. А. Свечин. – М. : Журнально-газетное объединение, 1935. – 288 с.

23. Свечин, А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней / А. А. Свечин. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927–1928. – Т. 1. – 386 с.

24. Снесарев, А. Е. Философия войны / А. Е. Снесарев. – М. : ВА ГШ, 2002. – 352 с.

25. Стратегия в трудах военных классиков. – М. : Издат. дом «Финансовый контроль», 2003. – 592 с.

26. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой / примеч. Л. Д. Опульской. – М. : Худож. лит., 1983. – Т. III, IV. – 800 с.

27. Шапошников, Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды / Б. М. Шапошников. – 2-е изд., доп. – М. : Воениздат, 1982. – 574 с.

Military Law)]. Moscow, Voenny universitet, 1996. 450 p.

7. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military Stories of Ancient Russia]. Leningrad, Lenizdat, 1985. 496 p.

8. Shunkov V.I. et al., eds. *Voprosy voennoy istorii Rossii. XVIII i pervaya polovina XIX v.* [Russian Military History Issues. XVIII and First Half of the XIX Century]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 445 p.

9. Danilenko I.S., Dedus F.F., Kuznecov S.V., Sheremet I.A., Smirnova L.A., Hmelnikov S.P., Korobov Y.M., eds. *200 let organam upravleniya voennoj naukoj* [200 Years of Military Science Management]. Moscow, Voenno-nauchnyy komitet VS RF, 2011. 184 p.

10. De Maistre J. *Sankt-Peterburgskie vechera* [St. Petersburg Evenings]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 736 p.

11. Dragomirov M.I. *Razbor romana «Vojna i mir» s voennoj tochki zrenija* [Analysis of the Novel “War and Peace” from a Military Point of View]. 2nd ed. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 144 p.

12. Clauzewitz C. *O voyne* [About War]. Moscow, Gosvoenizdat, 1933, vol. 3. 212 p.

13. Kovalenko V.I. *Politicheskaja nauka i politologicheskoe obrazovanie v Rossii: osnovnye vechi* [Political Science and Political Science Education in Russia: Key Milestones]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija «Politologija»* [Science Journal of Perm State University (Review of Political Science)], 2010, no. 4, pp. 101-105.

14. Korf N.A. *Obshhee vvedenie v strategiju, ponimaemuju v obshirnom smysle. Jetjudy po filosofii voennyh nauk* [General Introduction to the Strategy, Understood in Broad Sense. Etudes on the Philosophy of Military Science]. Moscow, URSS Publ., 2012. 129 p.

15. Kostjashov Y.V., Kretinin G.V. *Petrovskoe nachalo: Kenigsbergskij universitet i rossijskoe prosveshhenie v XVIII veke* [Petritine Beginning: Konigsberg University and the Russian Enlightenment in the XVIII Century]. Kaliningrad, Yantarnyy Skaz Publ., 1999. 144 p.

16. Krizhanich Yu. *Politika* [Politics]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 736 p.

17. Lobov V.N. *Aleksandr I i ego voenno-politicheskaja dejatel'nost'* [Alexander I and His Military-Political Activity]. Moscow, Logos Publ., 2012. 228 p.

18. Lopatin V.S. *Suvorov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 447 p.

19. Martynov E.I. *Politika i strategija* [Politics and Strategy]. Moscow, Izdatelskiy dom «Finansovyy kontrol», 2003. 448 p.

20. Novickij V.Ja. *Vysshaja strategija* [Superior Strategy]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva, 1913. 97 p.

REFERENCES

1. Ageev A. *Oficery russkogo General'nogo shtaba ob opyte russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg.* [Russian General Staff Officers About the Experience of the Russo-Japanese War 1904–1905]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1975, no. 8, pp. 99-104.

2. Bel'kov O.A. *Pomnit' voynu* [Remember the War]. *Vlast'*, 2005, no. 5, pp. 3-12.

3. Beskrovnyj L.G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian Army and Navy in the XVIII Century]. Moscow, Voenizdat, 1958. 645 p.

4. Vandam (Edrihin) A.E. *Geopolitika i geostrategija* [Geopolitics and Geostategy]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2002. 272 p.

5. Domnin I.V., Savinkin A.E., eds. *Voennaja mysl' v izgnanii: Tvorchestvo russkoj voennoj jemigracii: sbornik* [Military Thought in Exile: The Creative Work of Russian Military Emigration. Collection]. Moscow, Russkiy put Publ., Voenny universitet, 1999. 640 p.

6. *Voенное zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii (Kodeks Russkogo Voennogo Prava)* [Military Legislation of the Russian Empire (Code of Russian

21. Beskrovnyi L.G., ed. *Russkaja voenno-teoreticheskaja mysl' XIX i nachala XX veka* [Russian Military-Theoretical Thought of the XIX and Early XX Century]. Moscow, Voenizdat, 1960. 758 p.

22. Svechin A.A. *Klauzevic* [Clauzewitz]. Moscow, Zhurnalno-gazetnoe obyedinenie, 1935. 288 p.

23. Svechin A.A. *Jevoljuciya voennogo iskusstva s drevnejshih vremen do nashih dnei* [Evolution of Military Art from Ancient to the Present Day]. Moscow, Leningard, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1927–1928, vol. 1. 386 p.

24. Snesev A.E. *Filosofija vojny* [Philosophy of War]. Moscow, VA GSh, 2002. 352 p.

25. *Strategija v trudah voennyh klassikov* [Strategy in the Works Military Classics]. Moscow, Izdatelskiy dom «Finansovyy kontrol», 2003. 592 p.

26. Tolstoj L.N. *Vojna i mir* [War and Peace]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. III, IV. 800 p.

27. Shaposhnikov B.M. *Vospominanija. Voenna-nauchnye trudy* [Memories. Military Scientific Works]. 2nd ed. Moscow, Voenizdat, 1982. 574 p.

Information About the Author

Vasily K. Belozerov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Информация об авторе

Василий Клавдиевич Белозёров, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>

UDC 930.272
LBC 63.3(2)

Submitted: 10.09.2020
Accepted: 25.11.2020

**MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE USSR AND THE CHSR
IN THE 30s OF THE 20th CENTURY (ACCORDING TO THE MEMOIRS
OF CHIEF DESIGNER OF ARTILLERY WEAPONS
OF THE KIROV PLANT I.A. MAKHANOV) ***

Igor O. Tyumentsev

Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alexander L. Kleitman

Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Memoirs of I.A. Makhanov, who in the 1930s was the chief designer of artillery weapons at the Kirov plant, contain unique data on the development of the military-technical thought and the defense sector of the USSR industry in the pre-war period. The published fragment of memoirs, first introduced into scientific circulation, supplements and corrects the ideas formed in historiography about the military-technical cooperation of the USSR and Czechoslovakia on the eve of World War II. *Methods and materials.* The preparation of the source text for publication is carried out taking into consideration modern requirements of archaeography. The published fragment is provided with archaeographic notes which allow reconstructing the history of creation and modification of the text by the author. The scientific commentary provides information about personalities, place names and specific terms mentioned in the text. *Analysis.* The author pointed out that despite the supply of the latest weapons from Czechoslovakia to Yugoslavia, Italy, Turkey, Latin America, the share of purchases by the USSR was 50% and had broad prospects for increasing. The German occupation of 1938 suspended and then interrupted military-technical cooperation between the countries. Nevertheless, the Czech side fulfilled all obligations to the USSR. *Results.* As the published fragment of I.A. Makhanov proves, in the 1930s Czech specialists willingly acquainted the Soviet delegation with the latest developments in artillery systems. At the same time, after the occupation of Czechoslovakia by Germany, none of these weapons were brought to a prototype. “Skoda” and “Zbroevka” plants were engaged only in the production and modernization of old weapons. Thus, the data of I.A. Makhanov confirm the hypothesis of sabotage of work for Nazi Germany by Czech designers led by V. Gromadko.

Key words: USSR, industrialization and rearmament of the Red Army, creation of new artillery systems, military-technical cooperation with the Czechoslovak Republic.

Citation. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 201-215. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ЧСР
В 30-е гг. XX в. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
ГЛАВНОГО КОНСТРУКТОРА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ВООРУЖЕНИЙ
ЗАВОДА ИМЕНИ КИРОВА И.А. МАХАНОВА) ***

Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Леонидович Клейтман

Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Мемуары И.А. Маханова, в 1930-х гг. занимавшего должность главного конструктора артиллерийских вооружений Кировского завода, содержат уникальные данные о развитии военно-технической мысли и оборонного сектора промышленности СССР в предвоенный период. Публикуемый фрагмент воспоминаний, впервые вводимый в научный оборот, дополняет и корректирует сформировавшиеся в историографии представления о военно-техническом сотрудничестве СССР и Чехословакии накануне Второй мировой войны. *Методы.* Подготовка текста источника к публикации выполнена с учетом современных требований археографии. Публикуемый фрагмент снабжен археографическими примечаниями, позволяющими восстановить историю создания и изменения текста автором. В научных комментариях приведены сведения о персоналиях, географических названиях и специфических терминах, упоминаемых в тексте источника. *Анализ.* Автор утверждает, что несмотря на поставки новейших образцов вооружений Чехословакии в Югославию, Италию, Турцию, Латинскую Америку, доля закупок СССР составляла 50 % и имела широкие перспективы для увеличения. Германская оккупация 1938 г. приостановила, а затем прервала военно-техническое сотрудничество между странами. Тем не менее чешская сторона выполнила все обязательства перед СССР. *Вывод.* Как показывает публикуемый фрагмент мемуаров И.А. Маханова, в 1930-х гг. чешские специалисты охотно знакомили советскую делегацию с новейшими разработками артиллерийских систем. При этом, после оккупации Чехословакии Германией, ни один из этих образцов вооружения не был доведен до опытного образца. Заводы «Шкода» и «Зброевка» занимались лишь выпуском и модернизацией старых образцов вооружений. Таким образом, данные И.А. Маханова подтверждают гипотезу о саботаже чешскими конструкторами во главе с В. Громадко работы на фашистскую Германию.

Ключевые слова: СССР, индустриализация и перевооружение РККА, создание новых артиллерийских систем, военно-техническое сотрудничество с Чехословацкой Республикой.

Цитирование. Тюменцев И. О., Клейтман А. Л. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 201–215. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>

Военно-техническое сотрудничество СССР с европейскими странами в 1920–1930-х гг. было одним из важных факторов, позволивших Советскому Союзу к началу Второй мировой войны разработать и наладить массовое производство новейших видов вооружения. Официальные документы, являющиеся одним из основных источников при изу-

чении истории международного военно-технического сотрудничества Советского Союза в предвоенный период, не дают возможность реконструировать и осмыслить многие важные аспекты данной темы. Мемуары И.А. Маханова, в 1930-х гг. руководившего разработкой новых видов артиллерийских вооружений на Кировском заводе, яв-

ляются одним из редких источников личного происхождения, написанных непосредственным участником событий – инженером-конструктором, членом советских делегаций, посещавших конструкторские бюро и оборонные предприятия Германии, Италии, Голландии и Чехословакии в 1930-х годах.

Иван Абрамович Маханов (1901 г., Кинешма – 1980 г., Ленинград) принадлежал к поколению «молодых большевиков», с оружием в руках борющихся за советскую власть во время Гражданской войны, занимавших ответственные посты после ее установления и попавших под колесо репрессий в конце 1930-х гг. прошлого века. В отличие от многих других представителей этого поколения ему удалось выжить и вернуться из лагерей, добиться полной реабилитации, дожить до старости и оставить достаточно подробные воспоминания о своем непростом жизненном пути.

И.А. Маханов происходил из рабочей семьи, с юношеских лет принимал участие в революционном движении, в создании комсомола. В марте 1920 г. он был призван в РККА и в декабре направлен на Дальний Восток для работы инструктором в Военно-Политическом управлении Дальневосточной демократической республики. В августе 1921 г. назначен заместителем военного комиссара артиллерии и избран секретарем парткома управления артиллерии. В ноябре 1921 г. участвовал в боях у станции Ин и штурме Волочаевска и Спасска.

В июле 1922 г. И.А. Маханов был направлен на учебу в Петроград в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского, где обучался до 1928 года. После окончания академии работал на Кировском (бывший Путиловский) заводе инженером-конструктором артиллерийских вооружений. В 1929–1939 гг. И.А. Маханов возглавлял артиллерийский опытно-конструкторский отдел Кировского завода.

В 30-х гг. XX в. И.А. Маханов неоднократно выезжал в заграничные командировки в Италию, Германию, Англию, Бельгию и Чехословакию, где в составе советских делегаций знакомился с новейшими разработками артиллерийских вооружений. Свою последнюю зарубежную поездку в Чехословакию он описал детально, дал подробные характеристики представителей принимающей сторо-

ны. Его, как и одного из авторов этой статьи, в 1986 г. покорила хорошо продуманная и эффективная организация труда, передовые конструкторские разработки, технологии и культура производства на заводах «Шкода» и «Батя». И.А. Маханов прямо говорит, что все это надо перенимать и внедрять на отечественных заводах, где знания, умения и эффективный менеджмент подменялись кустарщиной, штурмовщиной и массовым производством брака.

В соответствии с соглашением Д/7782 от 06.04.1938 г., заключенным Наркомвнешторгом с фирмой «Шкода», чешская сторона должна была поставить в СССР к исходу 1939 г. полную конструкторскую документацию и опытные образцы горного орудия 75 мм, пушки 210 мм и гаубицы 305 мм. СССР во исполнение контракта заплатил крупную сумму в валюте. Фирма «Шкода» в свою очередь в точности исполняла заключенный контракт, но из-за оккупации Чехословакии была вынуждена задержать поставки. Тем не менее к июлю 1939 г. обязательства по контрактам были полностью исполнены.

Большой интерес представляет свидетельство И.А. Маханова о новейших разработках артиллерийских систем на заводах «Шкода». Сопоставление его информации с данными об использовании артиллерийских вооружений чешского производства в вермахте обнаруживает, что на заводах «Шкода» в лучшем случае совершенствовались и производились старые системы 20-х – первой половины 30-х гг. прошлого века или велась работа над улучшением немецких артиллерийских систем. И.А. Маханов косвенно подтверждает информацию о том, что КБ заводов «Шкода» под руководством В. Громадко саботировало разработку новейших вооружений для вермахта.

На склоне лет мемуарист сокрушался, что в результате Мюнхенского сговора Чехословакия была оккупирована фашистской Германией, которая воспользовалась чешскими заводами, конструкторскими разработками, технологиями и высококвалифицированной рабочей силой. Будучи в конце жизни ярким антисталинистом, он обвинял И.В. Сталина в предательстве дела «мировой революции», в развале международного коммунистического

движения, в том, что «вождь» не оказал помощи чешскому рабочему классу и братским чешскому и словацкому народам.

27 июня 1939 г. И.А. Маханов был арестован по обвинению в участии в заговоре М.Н. Тухачевского. Прошел Лефортовскую, Сухановскую, Лубяную и Бутырскую тюрьмы. 6 июня 1941 г. был осужден по 58-й статье к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в правах. Срок отбывал в Вятлаге, Карлаге, в ОКБ 172 НКВД СССР в «Крестах» и Минлаге. В общей сложности отсидел 16 лет. После выхода на свободу привлекался в качестве свидетеля на процессе над соратниками Л.П. Берия. Н.С. Хрущев предложил ему возглавить конструкторское бюро на одном из заводов Урала, но И.А. Маханов настаивал на возвращении на должность главного конструктора артвооружений Кировского завода. Получил отказ, был отправлен на пенсию в звании подполковника и до самой смерти занимался общественной просветительской работой и писал мемуары.

Воспоминания И.А. Маханова сохранились в единственном, рукописном экземпляре в семейном архиве его сына. Они написаны в девяти типовых общих тетрадях по 96 листов каждая. Общий объем текста превышает 25 авторских листов. Рукопись дефектна. Сын автора, Станислав Иванович Маханов, вырвал и уничтожил фрагменты воспоминаний, содержавшие слишком пристрастные, зачастую беспочвенные обвинения отца в адрес матери. Исчезла тетрадь № 10, в которой автор описывал свое освобождение из ГУЛАГа. Текст в тетради № 9 обрывается на полуслове.

Подготовку мемуаров к изданию автор не завершил. В начале текст его воспомина-

ний достаточно строен и логичен, но дальше, по-видимому, начал сказываться возраст: участились повторы одних и тех же сюжетов, появились обширные дидактические отступления. Лютая ненависть к виновнику всех его бед – И.В. Сталину зачастую лишала автора объективности и приводила «большевика-ленинца» к парадоксальным заключениям. Все это потребовало значительной редакторской работы с нашей стороны с целью максимально сохранить авторский текст, при этом структурировать его и облегчить для восприятия читателем. Добились этого мы методом проб и ошибок, апробируя вырабатываемый подход в предварительных публикациях интересных фрагментов текста.

С 2017 г. нами ведется работа по изучению и подготовке к публикации мемуаров И.А. Маханова. В периодических изданиях были опубликованы два фрагмента воспоминаний И.А. Маханова и несколько статей [1; 4; 5; 6]. Данная публикация – продолжение апробации источника в рамках проекта подготовки всего текста мемуаров к научному изданию.

Все примечания И.А. Маханова, как подстрочные, так и выделенные в тексте скобками, мы вынесли в подстрочные примечания. При первом упоминании в тексте того или иного лица мы раскрывали его имя и отчество в квадратных скобках, а краткие сведения о нем поместили в алфавитном порядке в комментариях.

Мы благодарны чешскому историку Витезеславу Велимеку за помощь в разыскании материалов и ценные консультации.

В подготовке комментариев принимал участие родственник И.А. Маханова Александр Дмитриевич Вяткин.

Последняя командировка в Чехословакию

Из многочисленных заграничных командировок, в которых автору (И. А. Маханову. – *И. Т., А. К.*) пришлось бывать, следует остановиться на участии в Правительственной комиссии, которая в апреле 1937 года посетила Чехословакию, с которой Советский Союз был связан договором о взаимопомощи в случае агрессии со стороны Германии или Польши. В конце марта 1937 года комиссия под председательством начальника ГАУ комкора Н[иколая] А[лексеевича] Ефимова¹ и заместителя председателя комиссии тов[арища] Б[ориса] Л[ьвовича] Ванниковаⁱⁱ, и в составе начальника Управления материальной части ГАУ А[лександра] К[онстантиновича] Дроздоваⁱⁱⁱ, начальника Управления боеприпасов ГАУ тов[арища] В[асилия] Н[икитича] Могилевкина^{iv}, главного конструктора Пермского оружейного завода тов[арища] Ф[едора] Ф[едоровича] Петрова^v и автора выехала в Чехословакию, дружественную нам страну, над которой нависла угроза вторжения гитлеровской «коричневой» банды. Ехали мы поездом через Варшаву, Лодзь, Катовице, Богумин, Острава – Прага.

Проезжая Варшаву, мы имели несколько часов в своем распоряжении до поезда Варшава – Вена и наблюдали Варшаву, ее обитателей и читали варшавские газеты. Впечатление от Польши было самое неблагоприятное. Правители Польши почему-то были уверены, что опасность со стороны Гитлеровской Германии грозит только славянской соседке, но ни в коем случае [не] Польше. Поэтому Правители Польши радовались нависшей угрозе над братьями-чехами и планировали захват тех территорий Чехословакии, на которых было смешанное чешско-польское население. Это злопыхательство и злорадство очень дорого обошлось Польше несколько позднее^{vi}.

В Праге на вокзале «Вильсон»¹ (с. 247 об. – здесь и далее в круглых скобках приведены номера страниц рукописных тетрадей) нашу делегацию встретил генеральный директор заводов «Шкода»² доктор [Вилем (Вильям) Францевич] Громадко^{vii} и 3-военный атташе [Лев Александрович] Шнитман^{3viii} и отвезли в своих машинах нас в отель «Палас», где для нас были ими⁴ абонированы номера. Доктор [В.] Громадко говорил по-русски без акцента. Первые годы его инженерной деятельности протекали в России на Украине, на южных металлургических заводах, где он женился на русской, и, по его словам, в их семье благодаря традиционному матриархату русская речь преобладает над чешской. Доктор [В.] Громадко произвел очень хорошее впечатление на всю нашу делегацию и это впечатление с каждым днем пребывания в Чехословакии все усиливалось.

Первый день пребывания в Праге был посвящен осмотру столицы Ч[ехо]с[ловакии] с автомобилями. На первой машине восьмицилиндровой «Шкода» пана-центрального доктора⁵ [В.] Громадко ехали [Н. А.] Ефимов, [Б. Л.] Ванников, [А. К.] Дроздов, а на второй машине «Паккард», принадлежащей военному атташе СССР комкору^{ix} [Л. А.] Шнитману и им управляемой, ехали [В. Н.] Могилевкин, [Ф. Ф.] Петров и автор. По чистоте и опрятности Прага почти не уступала Берлину. Движение в Праге и по всей Чехословакии по левой стороне, как в Вене и Лондоне, и является наследием (с. 248) бывшей Австро-Венгерской монархии, куда входила Чехословакия в качестве провинции Богемии. [Л. А.] Шнитман, еще не привыкший к левому движению, часто ошибался и перескакивал с левой стороны на правую, возбуждая волнение среди публики и полисменов.

Наш военный атташе в Праге [Л. А.] Шнитман в прошлом, до дипломатической карьеры, кавалерист и лихой «рубака» активно участвовал в Гражданской войне и имел несколько орденов Красного знамени, но, в отличие от упоминавшихся мною ранее кавалеристов «Первой конной»⁶, обладал незаурядными умственными способностями. Он был тем самым исключением из правил, которое только подтверждает правило, высказанное остроумным⁷ царским генералом [Михаилом Ивановичем] Драгомировым^x: «Хороший кавалерист должен быть не умнее своей лошади!». [Л. А.] Шнитман свободно владел несколькими западноевропейскими языками⁸ и не был чужд к технике, и особенно военной. В дальнейшем [Л. А.] Шнитман всюду нас сопровождал по всей Чехословакии, и, благодаря его энергии и предприимчивости, наша миссия в Чехосло-

¹ [Названному] в честь американского президента Вудро Вильсона – автора независимой Чехословакии по Версальскому договору. – *Примеч. И. А. Маханова.*

² «Пан-центральный». – *Примеч. И. А. Маханова.*

³⁻³ Слова вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Персональный. – *Примеч. И. А. Маханова.*

⁶ И. А. Маханов крайне негативно оценивал деятельность группы командиров бывшей Первой конной армии в лице К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, С. К. Тимошенко, О. И. Городовикова.

⁷ Слово вписано над строкой.

⁸ Немецким, французским и английским. – *Примеч. И. А. Маханова.*

вакии особенно была успешной. Его помощник⁹ еще совсем молодой командир Красной Армии так же оказал (с. 248 об.) нам немало услуг. Но¹⁰ [Л. А.] Шнитман, и¹¹ тем более, его помощник, были бы совершенно бессильны, если бы нам не покровительствовал «пан-центральный» фирмы «Шкода» доктор [В.] Громадко. И, как говорили нам по секрету, в выполнении наших задач покровительствовал сам президент Чехословакии Эдвард¹² Бенеш^{xi}. Оба они пламенные патриоты Чехословакии, видевшие в сближении с Советским Союзом и в военном договоре с нами единственный путь к спасению независимости их Родины. К этому, бесспорно, примешивалась нелюбовь к немцам вообще, и тем паче к немцам, отравленным ядом расизма. Как [Э.] Бенеш, так и [В.] Громадко оба были славянофилами и германофобами. Эти чувства усиливались еще и тем обстоятельством, что на 5 миллионов чехов + 5 миллионов словаков приходилось еще 5 миллионов судетских немцев, которые ждали прихода Гитлера как Мессии, хотя их (судетских немцев) чехи и словаки не угнетали – они пользовались одинаковыми правами и скорее занимали привилегированное положение. Подстрекаемые из Берлина судетские немцы¹³, носившие практически¹⁴ униформу¹⁵, требовали аншлюса Судетии (с. 249) с Германией как минимум. В общем, небо Чехословакии во время нашего визита было затянуто тучами, предвещавшими надвигающуюся с запада грозу. Поэтому, естественно, что маленький славянский народ, веками угнетаемый немцами, с мольбой и надеждой смотрел на своего могучего союзника на востоке. Вернемся к осмотру Праги.

Осмотрели мы знаменитый памятник Яну Гусу^{xii} и очень¹⁶ популярные у туристов, и самих обывателей Праги, древние часы на Кафедральном соборе, которые в 12 часов дня демонстрируют 12 апостолов Христа. Затем посетили¹⁷ Карлов мост и замок, и поднялись на гору Стадион^{xiii} общества «Соколов». Вечером в тот же день мы были представлены¹⁸- доктором [В.] Громадко¹⁸ юридическому хозяину заводов «Шкода», представителю Французского банка «Лионский кредит»^{xiv}, в руках которого было большинство акций заводов «Шкода».

Наш визит был только долгом вежливости, на следующий¹⁹ день на автомобилях «Шкода» ([В.] Громадко) и «Паккард» ([Л. А.] Шнитман) мы отправились в Пльзень (Пильзен), город²⁰, подобно Эссену, основой которого были заводы Круппа, в основном состоял из заводов «Шкода», а жители его были рабочими и служащими этих заводов (с. 249 об.). В Пльзене мы остановились в старинном замке на окраине города, модернизированном настолько, что²¹ из замка получился²² роскошный отель, окруженный не менее роскошным парком.

На следующий день за нами приехали автомобили самого завода и доставили нас к главному зданию заводоуправления, где нас встретил директор завода²³, шеф²⁴-конструктор по артиллерии словак^{xv} пан [Ян Йозеф]^{xvi} Грушка^{xvii} и русский профессор [Николай Николаевич] Сав[в]ин^{xviii} – технический директор. Несколько лет тому назад руководство заводом «Шкода» в Пльзене было сплошь немецким, и только благодаря усилиям Эдварда Бенеша и доктора [Вилема] Громадко заводы «Шкода» были освобождены от засилья немцев. Можно представить, какое бешенство овладевало нацистским чудовищем, ставшим вождем германского народа, когда он узнавал, что его верных людей увольняют с заводов «Шкода». Но еще один из его агентов в период нашего пребывания в Пльзене оставался на посту коммерческого директора и с его стороны мы встретили явно враждебное отношение, фамилии его я [тоже] не помню^{xix}.

В здании заводоуправления, очень обширном, в отделе шеф-конструктора пана [Я. Й.] Грушка нас познакомили с проектами новых образцов (с. 250) артиллерии, которые в ближайшие годы будут изготавливаться на заводах «Шкода». Нам показаны были проекты:

⁹ Фамилии не помню. – *Примеч. И. А. Маханова.*

¹⁰ Написано над зачеркнутым словом: «Ни».

¹¹ Написано над зачеркнутым словом: «ни его...»

¹² Здесь и далее в тексте И. А. Маханов называет Бенеша: Эдуард. Исправлено нами. – *Примеч. И. Т. и А. К.*

¹³ Далее слово зачеркнуто.

¹⁴ В тексте: «почти».

¹⁵ Белые чулки и короткие шаровары. – *Примеч. И. А. Маханова.*

¹⁶ Далее несколько букв зачеркнуты.

¹⁷ В тексте: «осмотрели».

¹⁸⁻¹⁸ Слова вписаны над строкой.

¹⁹ Далее одно слово зачеркнуто.

²⁰ Написано над зачеркнутым словом.

²¹ Далее одно слово зачеркнуто.

²² Слово вписано над строкой.

²³ Фамилии не помню. – *Примеч. И. А. Маханова.*

²⁴ Написано над зачеркнутым словом.

1. 75 мм горной (вьючной) пушки «Шкода»^{xx}.
2. 75 мм зенитной полевой пушки системы «Шкода»^{xxi}.
3. 60 мм противотанковой пушки^{xxii}.
4. 75 мм танковой пушки^{xxiii}.
5. Проект тяжелого полевого орудия «Триплекс» на общем унифицированном²⁵ лафете – 210²⁶ мм пушка, 305²⁷ мм гаубица и 406²⁸ мм мортира^{xxiv}.
6. Проект 105 мм зенитной пушки^{xxv}.

По первым четырем проектам уже имелись опытные образцы, а 75 мм зенитная пушка была в серийном производстве по заказам Югославии, Румынии, Австрии и некоторых южно-американских республик.

Нашу комиссию интересовали только два образца: 75 мм горная (вьючная) пушка и проект «Триплекс» (210 мм²⁹, 305 мм³⁰ и 406 мм³¹ на унифицированном лафете). Что касается горно-вьючной пушки, то уже имелось решение нашего³² военного ведомства испытать это орудие в Татрах³³ под руководством³⁴ смешанной советско-чешской комиссии. К нашему приезду эти испытания были закончены успешно и с³⁵ фирмой «Шкода» был заключен договор о заказе на серию горно-вьючных пушек и на (с. 250 об.) покупку чертежей этого орудия и технологии его изготовления.

Тяжелый «триплекс» представлял для нас особый интерес, но³⁶ конструкция его еще не была окончательно отработана. Наша задача заключалась в том, чтобы согласовать основные тактико-технические требования нашего Военного ведомства с проектом, над которым работал отдел шеф-конструктора пана [Я. Й.] Грушки, и направить его разработку в соответствии с нашими требованиями. На это понадобилось³⁷ значительное время, около недели, чтобы окончательно сблизить параметры проекта с нашими требованиями. Фирма «Шкода» имела большой накопленный опыт в проектировании тяжелой и сверхтяжелой артиллерии. Так, знаменитая «Толстая»³⁸ Берта^{xxvi} времен Первой мировой войны, принятая на вооружение Австрийской и Германской армией и разгромившая³⁹ железобетонные форты Льежа, Намюра, Вердена, представлявшая собой 420 мм мортиру с весом снаряда около 1 000 кг⁴⁰, была детищем не только конструкции, но и изготовления фирмы «Шкода» как для австрийской, так и для германской армий.

В период нашего пребывания на заводе «Шкода» комиссия детально познакомилась с производством брони как корабельной толщиной (с. 251) от 200 до 500 мм, так и танковой. Фирма «Шкода» изготавливала корабельную броню по заказам Итальянского и Французского адмиралтейств и танковую броню⁴¹ по заказам военных ведомств Чехословакии и Югославии. Нашей комиссии были продемонстрированы испытания стрельбой корабельной брони⁴² толщиной до 406 мм⁴² на заводском полигоне близ Пльзеня, показавшие очень высокие качества этой брони. Интерес, проявленный нами к корабельной броне, был вызван тем, что наше морское ведомство вело переговоры с фирмой «Шкода» о заказе на 406 мм (16") броню для главного броневоего пояса новых советских линкоров, которые в это время только проектировались с чрезвычайной затяжкой вследствие частых изменений требований к проекту со стороны [И. В.] Сталина. В процессе ознакомления с производством шкодовской брони автору случайно удалось обнаружить, что фирма «Шкода» ведет большие экспериментальные работы над «динамической» цементацией брони и с большими успехами. Об этом мною было доложено т[оварищам Н. А.] Ефимову и [Б. Л.] Ванникову, и они решили просить доктора [В.] Громадку познакомить нас с этим замечательным открытием, на что последний ответил, что

²⁵ Слово вписано над строкой.

²⁶ Написано над зачеркнутой цифрой: 152.

²⁷ Написано над зачеркнутой цифрой: 203.

²⁸ Написано над зачеркнутой цифрой: 305.

²⁹ Написано над зачеркнутой цифрой: 152.

³⁰ Написано над зачеркнутой цифрой: 203.

³¹ Написано над зачеркнутой цифрой: 305.

³² Слово вписано над строкой.

³³ Горный хребет. – *Примеч. И. А. Маханова.*

³⁴ Слово вписано над строкой.

³⁵ Вписано над строкой.

³⁶ Далее слово зачеркнуто.

³⁷ Повтор: потребовалось.

³⁸ Написано над зачеркнутым словом.

³⁹ Несколько букв зачеркнуты.

⁴⁰ 1 тонна. – *Примеч. И. А. Маханова.*

⁴¹ Корпуса танков. – *Примеч. И. А. Маханова.*

⁴²⁻⁴² Слова вписаны над строкой.

официально без согласия французской (с. 251 об.) стороны⁴³ он не может это сделать, но без посещения лабораторий и цехов, где эта работа ведется, он может рассказать суть «динамической цементации» брони. На мой вопрос, почему эта цементация названа динамической, доктор [В.] Громадко ответил:

– Это название условное, подобно армянской загадке – «длинное, зеленое и пищит»⁴⁴, – и оно не является отражением сущности процесса. Сущность процесса заключается в том, что цементация брони происходит в момент заливки стали, в расплавленном состоянии, в форму, внутренние стенки которой выложены плитками прессованного древесного угля (или графита). Благодаря жидкому состоянию стали по мере затвердения ее, проникновение углерода в сталь и образование раствора углерода в железе происходит с большей скоростью и на большую глубину, чем при обычных способах цементации. Так, например, для корабельной брони толщиной до 406 мм удается получить цементированный слой 100–150 мм⁴⁵. Бронестойкость такой литой брони с динамической концентрацией превосходит бронестойкость броневое проката в 1,5–2,0 раза. Но⁴⁶ проблема литой брони с динамикой еще не вышла из стадии (с. 252) экспериментов, но обещает значительно снизить стоимость корабельной брони и на этом фирма «Шкода» предполагает получить большой «профит» и «бизнес». В случае успеха фирма «Шкода» может одержать большую победу над такими фирмами-конкурентами, как «Крупп»^{xxvii}, «Шнейдер»^{xxviii}, «Виккерс»^{xxix}, «Армстронг-Витворт»^{xxx}, на торгах по поставке брони для итальянских линкоров типа⁴⁷ «Витторио-Венето»^{xxx}, французских типа «Ришелье»^{xxxii} и даже английских, уже не говоря о советских линкорах, для которых вопрос о поставках брони решен положительно вне зависимости от успешного окончания эксперимента «динамической цементации».

Дальнейшее ознакомление с производством на заводе «Шкода» в Пльзене показало, что деловое сотрудничество фирмы «Шкода» с Советским Союзом к этому времени наладилось до такой степени, что более 50 % товарной экспортной продукции фирмы «Шкода» в Пльзене выполнял самый большой заказ в стоимостном выражении на железнодорожные скаты для большой Советской программы строительства товарных железнодорожных вагонов⁴⁸. Заказы на листовую и профильную сталь также были очень велики и занимали второе место (с. 252 об.) по стоимости.

Заказы Советского морского ведомства на редукторы, паровые турбины и валы для программы строительства новых крейсеров и линкоров тоже были немалые по своей стоимости. Точно такие же заказы фирма «Шкода» выполняла для Итальянского Адмиралтейства, где в то время форсировано строился большой военно-морской⁴⁹ флот. Перспективы дальнейшего роста делового сотрудничества фирмы «Шкода» с Советским Союзом на 1938 г. были самые блестящие. Так, фирма была информирована, что заказ на железнодорожные скаты и автосцепку будет увеличен в 2–3 раза. Президент Чехословакии доктор Эдвард Бенеш и его друг «пан-центральный» доктор [В.] Громадко всячески поощряли ориентацию фирмы «Шкода» на Советский Союз, даже⁵⁰ в ущерб заказам западных стран. В городе Пльзене чехи обычно дружески говорили, что все отели города заняты советскими приемщиками продукции заводов «Шкода». Поэтому не удивительно, что когда мы⁵¹ высказали желание познакомиться с производством танков на заводе «Шкода», доктор [В.] Громадко добился согласия французской стороны⁵², так как в этом отделе фирмы выполнялись заказы⁵³ Югославии и Франции⁵³ на танки. Нам показали серийное производство танкеток (с. 253) и средних танков, а также продемонстрировали ходовые испытания в различных условиях местности. Средний танк «Шкода» по своим параметрам соответствовал нашему среднему танку Т-28⁵⁴, но уступал ему в скорости (45 км в час вместо 70 км в час «Т-28») при несколько лучшем бронировании. Торсионная подвеска корпуса танка «Шкода» работала исключительно хорошо и надежно, и этот опыт мною был зафиксирован для доклада начальнику Автобронетанкового управления РККА т[оварищу] Иннокентию Андреевичу Халепскому^{xxxiii}, о чем он меня просил перед отъездом из Москвы. Кроме того, я планировал использование торсионной подвески и для ходовых частей артсистем. Забравшись в башню танка «Шкода», я воочию убедился в том, как

⁴³ Представитель банка «Лионский кредит». – Примеч. И. А. Маханова.

⁴⁴ Ответ «селедка». – Примеч. И. А. Маханова. Далее одно слово зачеркнуто.

⁴⁵ Далее слово зачеркнуто.

⁴⁶ В тексте добавлено: еще.

⁴⁷ Слово вписано над строкой.

⁴⁸ Программа 1937 года. – Примеч. И. А. Маханова.

⁴⁹ Слова вписаны над строкой.

⁵⁰ Слово вписано над строкой.

⁵¹ Далее несколько букв зачеркнуты.

⁵² Представитель «Лионского кредита». – Примеч. И. А. Маханова.

⁵³⁻⁵³ Слова вписаны над строкой.

⁵⁴ Продукция нашего Кировского завода в Ленинграде. – Примеч. И. А. Маханова.

много внимания конструктор башни уделил удобству работы личного персонала башни, командира, наводчика и заряжающего и как мало уделяли внимания этому наши отечественные конструкторы. В башне было просторно (а у нас стеснено) и вентиляция башни в боевых условиях персонала окисью углерода пороховых газов была совершенно исключена. В башне была установлена 60 мм танковая пушка с $\frac{3}{4}$ автоматическим затвором.

Несколько слов следует сказать (с. 253 об.) об уникальном оборудовании одного из цехов завода «Шкода» в Пльзене. В этом цехе площадью почти 10 000 кв. метров установлено⁵⁵ всего около одного десятка станков. Так, на одном из участков этого цеха размещены⁵⁶ два гигантских станка, а именно: станок-карусель для обточки погонов орудийных башен диаметром до 20 метров и универсальный строгально-фрезерный станок гигантских размеров. На другом участке – токарном были размещены⁵⁷ станки глубокого сверления, расточки и хопингования для стволов длиной до 30 метров. Такого уникального оборудования не имели в то время даже такие концерны, как «Крупп», «Виккерс», «Шнейдер» и др. Фирма «Шкода» в этом отношении была вне конкуренции. Все уникальные станки спроектированы и изготовлены самой фирмой. Это оборудование⁵⁸ – каждый год⁵⁸ было загружено заказами на уникальные по размерам и тоннажу изделия, для западных стран, в основном Франции, Италии и Великобритании, а также заказами по кооперации со стороны таких фирм, как «Крупп», «Шнейдер», «Виккерс», «Армстронг-Витворт», «Ансальдо», когда некоторые детали не вписываются в их оборудование. Так, при строительстве во Франции гигантского (с. 254) океанского лайнера «Нормандия» фирма «Шкода» поставила Франции все уникальные детали: форштевень^{xxxiv}, ахтерштевень^{xxxv}, гребные валы^{xxxvi} и пр. Аналогичные узлы⁵⁹ фирма «Шкода» поставила для британских лайнеров (несколько больше «Нормандии») «Квин Мэри» и «Квин Илизабет», а также для итальянских лайнеров «Рэкс» и «Контэ-ди-Савойя». Новые советские крейсера и линкоры так же входили в портфели заказов этого гигантского цеха на 1937 и 1938 годы.

Турбостроение⁶⁰ и котлостроение фирмы «Шкода» пользовалось мировой славой, и эти цехи были загружены как советскими заказами, так и заказами многих стран мира.

Дизелестроение так же было поставлено на очень высоком техническом уровне, не уступающем фирме «Крупп». Паровозо- и тепловозостроение⁶¹ работало в основном на экспорт.

Фирма «Шкода» имела в то время большой отдел (несколько цехов); электро-технический отдел с массовым производством моторостроения, изготовления любых мощностей турбо⁶²-генераторов для⁶³ паровых и гидравлических турбин, трансформаторов, электросварочного оборудования и электроаппаратуры. Все эти производства обозревались комиссией с той целью, чтобы иметь полное представление (с. 254 об.) об этом гигантском производственном механизме, который должен был занять в Советском планировании строительства и развития народного хозяйства, а также и в деле обороны СССР не последнюю роль.

Меня лично особенно интересовал филиал завода «Шкода» в Пльзене. На другой⁶⁴ окраине города [я посетил]⁶⁵ электросварочный завод, где было сосредоточено изготовление деталей и конструкций, выполняемых электросваркой. У нас на Кировском заводе электросварка была распылена по всем цехам и естественно, что в этом случае это дело не поддавалось усовершенствованию методов сварки, качества выполняемых сварных швов⁶⁶ и технический контроль сварки был на низком уровне. Постановка и технология электросварочных работ на этом филиале завода «Шкода»⁶⁷ была, по сравнению с нами, на очень высоком техническом уровне. При заводе имела научно-исследовательская лаборатория по всем видам сварки, возглавляемая доктором технических наук и оборудованная самой совершенной аппаратурой и рентгеновскими (с. 355) приборами. Этот завод выполнял, как внешние заказы на крупные и мелкие сварные конструкции, так и внутришкодовские заказы отделов и цехов Пльзеньского завода и Пражского автомобильного завода «Шкода».

⁵⁵ Слово написано над зачеркнутым словом.

⁵⁶ В тексте повтор: установлены.

⁵⁷ Повтор: «установлены».

⁵⁸⁻⁵⁸ Слова вписаны над строкой.

⁵⁹ В тексте: «То же самое».

⁶⁰ Далее несколько букв зачеркнуты.

⁶¹ Слово вписано над строкой.

⁶² Слово вписано над строкой.

⁶³ Вписано над строкой.

⁶⁴ Далее два слова зачеркнуты.

⁶⁵ В тексте: это.

⁶⁶ Далее два слова зачеркнуты.

⁶⁷ Кстати, директором этого филиала был русский инженер Воскресенский – инициатор централизации дела электросварки. – *Примеч. И. А. Маханова.*

Директор филиала Воскресенский^{xxxvii} показал нам все их⁶⁸ достижения в области электросварки и особенно арк-атомной сварки в атмосфере атомного водорода на сварке барабанов (толстостенных) для котлов высокого давления. Это было в то время для нас новинкой в технике сварки. Все швы, изготовленные на этом заводе, подвергались контролю рентгенофотографированием. Пребывание на этом заводе и общение с инженером Воскресенским расширило мой технический кругозор, открыло мне глаза на нашу отсталость в этой области и заставило меня крепко подумать над применением этих передовых методов сварки для усовершенствования технологии в артиллерийском производстве. Уже в то время на этом заводе такие детали, как станины, станки (порт-берсо), люльки изготовлялись электросваркой, а это сокращало механическую обработку на этих деталях в несколько раз. Выше я уже приводил пример азиатской технологии Грабинской пушки (с. 225 об.) Ф-22^{xxxviii}, когда хвостовая хоботовая⁶⁹ часть станин изготовлялась из большой поковки, вес которой после станочной обработки сокращался в десятки раз и потребное количество станко-часов на эту деталь превосходило потребное количество станко-часов на весь трактор «Кировец-пропашник»^{xxxix}. Это зло до сих пор (1964 г.) практикуется в нашем машиностроении, только не в таких чудовищных масштабах, как с «Ф-22».

О профессоре Савине⁷⁰ на заводах «Шкода» говорят с таким же уважением, как о президенте [Э.] Бенеше или о докторе [В.] Громадко. Профессор Савин эмигрировал в Чехию еще до Первой мировой войны и никакого отношения к белоэмиграции не имел. Он был настоящий русак и встречал советских людей с настоящим русским гостеприимством. Его первая заслуга перед фирмой «Шкода» состояла в том, что он организовал и централизовал⁷¹ инструментальное дело на заводах «Шкода», нормализовал весь инструмент и тем самым обеспечил высокое качество продукции шкодовских заводов и их мировую славу. Постановке централизованного инструментального и технологического хозяйства, организованного и разработанного (с. 256) как теоретически, так и практически профессором [Н. Н.] Савиным, приезжают учиться технологи крупнейших машиностроительных фирм Западной Европы и США. Высокая технологическая культура заводов «Шкода» – это заслуга профессора [Н. Н.] Савина.

После того как доктор [В.] Громадко показал нам производство авиационных моторов на заводе «Шкода» в Пльзене, типа «Испано-Суиза»^{xl} (12-цилиндровый) и типа «Гном-Рон»^{xli} (звездообразный)⁷², еще раз подтвердивших высокую технологическую культуру гиганта машиностроения, он⁷³ обещал познакомить нас с подготовкой квалифицированных рабочих кадров для заводов «Шкода». Это было производственно-техническое училище при главном заводе «Шкода» в Пльзене. Как правило, 99 % квалифицированных рабочих, изготавливающих продукцию с маркой «Шкода», являются воспитанниками этого училища. Все профессии многообразного производства завода «Шкода» представлены и готовятся в этом училище. Есть чему поучиться, как нужно воспитывать квалифицированные рабочие кадры, нашим руководителям производственно-технического обучения. Вот откуда идет высокая культура рабочего места, высокая производительность (с. 256 об.) рабочих⁷⁴ и высокое качество их продукции.

Перед тем как покинуть Пльзень, мы совершили экскурсию, по совету доктора [В.] Громадки, на всемирно известный завод «Пивовар», поставляющий «Пильзенское пиво» всем странам нашей планеты и являющийся самым большим пивоваренным заводом в мире. Как сказал доктор [В.] Громадко, мировая слава и популярность «Пильзенского пива» превосходит славу заводов «Шкода» и является гордостью Чехии. Территория завода «Пивовар» обращает на себя внимание посетителей такой чистотой и прибранностью, какой может позавидовать Берлин и любая самая чистоплотная хозяйка квартиры. В цехах преобладают самые светлые тона, а аппаратура покрыта белой эмалью, а это особенно покоряет чувства посетителей. Формула, олицетворяющая технологию пива на заводе «Пивовар», может быть кратко выражена словами «рука человека не прикасается к пильзенскому пиву и к его исходным продуктам». Особенно поражают посетителей подвалы «Пивовары», представляющие грандиозный подземный город, питающий и утоляющий жажду пильзенским пивом весь мир. Это действительно уникам (с. 257).

⁶⁸ Слово вписано над строкой.

⁶⁹ Слово вписано над строкой.

⁷⁰ Один из технических гениев фирмы. – *Примеч. И. А. Маханова.*

⁷¹ Слово вписано над строкой.

⁷² Далее зачеркнуто: «он».

⁷³ В тексте добавлено: «нас».

⁷⁴ Слово вписано над зачеркнутым словом.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И.А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

The work was carried out within the framework of the RFBR grant “Formation and development of scientific and technical thought and military industry in the USSR in the 1920s – 1950s (according to the memoirs of I. A. Makhanov)” (project no. 19-49-340008).

КОММЕНТАРИИ

ⁱ *Ефимов* Николай Алексеевич (06.05.1897–14.08.1937) – советский военный деятель, начальник Артиллерийского управления РККА в 1931–1937 гг., член военного совета при НКО, комкор. Арестован 22.05.1937, осужден и расстрелян в один день. Реабилитирован 30.06.1956 г.

ⁱⁱ *Ванников* Борис Львович (26.08.1897, Баку – 22.02.1962) – советский государственный деятель. В 1936–1937 гг. – начальник Главного артиллерийско-танкового, в 1937 г. – танкового управления Наркомата оборонной промышленности СССР. С декабря 1937 г. – заместитель наркома оборонной промышленности СССР. В январе 1939 – июне 1941 г. – Нарком вооружения СССР. Арестован 07.07.1941 г. Освобожден 20.07.1941 г. 16.02.1942 – янв. 1946 г. – нарком боеприпасов. Руководил атомным проектом 1945–1953 гг. Генерал-полковник инженерно-технической службы (1944), трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954), дважды лауреат Сталинской премии (1951, 1953). См.: [3].

ⁱⁱⁱ *Дроздов* Александр Константинович (1898, Москва – 01.10.1937, Донское кладбище, Москва) – русский, образование среднее, член ВКП(б), начальник отдела материальной части артиллерии в Артиллерийском управлении РККА, комбриг. Арестован 29.05.1937 г. Осужден и расстрелян в один день. Реабилитирован 27.10.1956 г. См.: <http://rosgenea.ru/?alf=5&serchcatal=%C4%F0%EE%E7%E4%EE%E2&t=>.

^{iv} *Могилевкин* Василий Никитич (1896, Кричев Могилевской губ. – ?) – белорус. Член ВКП(б) с 1918 г. Окончил Артиллерийскую академию в конце 20-х гг. XX в., бригадир, заместитель председателя Артиллерийского комитета ГАУ РККА. Арестован 10.07.1938. Содержался на Лубянке, в Лефортовской и Бутырской тюрьмах. Осужден на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в ОКБ под Москвой, в ОКБ в Перми (артиллерийский завод). В 1948 г. ОСОМГБ СССР осужден к ссылке на поселение в Северо-Ени-

сейске КК. С 1953 г. работал в Северо-Енисейске по вольному найму. В 1955 г. жил в Москве, работал в Министерстве обороны. В 1956 г. вышел в отставку по возрасту. С 1961 г. жил в Ленинграде. См.: http://www.memorial.krsk.ru/martirol/mo_mok.htm; <http://www.rkka.ru/handbook/personal/repress/briging.htm>.

^v *Петров* Федор Федорович (16 [03].03.1902–19.08.1978) – известный конструктор артиллерийских систем, генерал-лейтенант-инженер (1966), доктор технических наук (1947), Герой Социалистического Труда (1944), Лауреат Ленинской (1967) и четырех Государственных премий СССР (1942, 1943, 1946).

^{vi} И. А. Маханов имеет в виду нападение Фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., ее разгром и шестилетнюю оккупацию. – *Примеч. изд.*

^{vii} *Громатко* Вилем (Вильям) Францевич (25.03.1881, Хвалковице, окр. Вишков, Чехословакия – 07.06.1959, Прага, Чехословакия) – заместитель директора паровозостроительного отделения и начальник механического цеха на Пльзеньском заводе фирмы «Шкода» (1921–1925), директор предприятий фирмы в Пльзене (1925–1929). Перебравшись в Прагу, работал в центральном аппарате концерна «Шкода»: заместитель главного технического директора (1929–1930), главный технический директор (1930–1934), обеспечивал рационализацию производства всех предприятий фирмы. Главный (1934–1937), а затем генеральный (1937–1942) директор «Шкоды». После 1938 г. участвовал в антифашистском движении. Несколько раз был арестован. В 1937–1941 гг. много сделал для становления военной промышленности в СССР. Был лично знаком с И. В. Сталиным. См.: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gromadkow.php; <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/detail/187785/>.

^{viii} *Шнитман* Лев Александрович (1890, Минск – 28.08.1938 г.) – еврей, из рабочих, член ВКП(б) с 1918 г., образование незаконченное высшее, прапорщик. В 1919–1920 гг. – военный комиссар 2-й стрелковой дивизии, в 1921–1926 гг. – в 1-й Конной армии, комендант г. Ростов, г. Нахичевань, в 1926–1929 гг. – помощник военного атташе в Германии, в 1929–1930 гг. – военный атташе в Финляндии, в 1930–1932 гг. – начальник Особого артиллерийского КБ, 1932–1934 – помощник военного атташе в Германии, 1934–1935 – зам. нач. группы контроля при НКО СССР, 1935–1936 – в распоряжении Разведуправления РККА, 1936–1938 – военный атташе в Чехословакии, полковник (13.12.1935). Арестован 14.01.1938 г., приговорен и расстрелян 28.08.1938 г. Реабилитирован 21.01.1956 г. См.: <http://rosgenea.ru/?alf=25&serchcatal=%D8%ED%E8%F2%EC%E0%ED&t=4>.

^{ix} В 1935 г. Л. А. Шнитман был аттестован в звании полковника. В звании комкора нигде больше не упоминается.

^x *Драгомиров* Михаил Иванович (08 [20].11.1830, близ Конотопа – 15 [28].10.1905, Конотоп) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (30.08.1891). Кавалер Ордена святого апостола Андрея Первозванного (06.12.1901).

^{xi} *Бенеш* Эдвард (28.05.1884, Кожлани, Королевство Богемия, Австро-Венгрия – 03.09.1948, Сезимово-Усти, Южная Чехия, Чехословакия) – государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии). Второй президент Чехословакии.

^{xii} *Гус* Ян (1369, Гусинец, Богемия – 6.07.1415, Констанц, Баден) – чешский проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации.

^{xiii} Автор допустил неточность. Считается, что Прага расположена на 5 холмах, один из которых Страговский. На нем расположен Страговский стадион – самый современный в то время в Европе. Он имеет самую большую в мире площадь поля (63 000 м²), а трибуны могут вместить более 220 000 зрителей. Основным назначением было проведение слетов Сокольского движения.

^{xiv} *Лионский кредит* (Credit Lyonnais) – один из трех крупнейших коммерческих банков Франции. Занимает 2-е место во французской банковской системе и 16-е среди крупнейших банков мира (1972). Основан в 1863 г. в Лионе. См.: *К. А. Штром // БСЭ*.

^{xv} Это ошибка. По данным чешских коллег, это чисто чешская фамилия.

^{xvi} По данным чешских коллег, на заводах «Шкода» на руководящих должностях работали два пана Грушка Ян и Франтишек. Скорее всего, это Ян Иосиф Грушка, который всю жизнь занимался артиллерийскими установками и оружейным производством. Франтишек Грушка был начальником цеха (1936–1944).

^{xvii} *Грушка* Йозеф (13.02.1886, Сосна у Прибыслава, чешская часть Австро-Венгерской империи – ?) – вопреки утверждению И. А. Маханова, чех по национальности. Окончил Военно-технологическое училище. Поступил на работу в фирму «Шкода» в 1909 г., затем служил в Австро-Венгерской армии. Подполковник военного флота Австро-Венгрии, потом служащий оружейного отдела Министерства национальной обороны Чехословацкой Республики. С 1924 г. до выхода на пенсию в 1951 г. опять работал в «Шкоде». С 1927 до 1939 г. – директор оружейного отдела завода «Шкода» в Пльзене. Занимался артиллерийскими установками и оружейным производством.

^{xviii} *Саввин* Николай Николаевич (12.03.1877, Калуга – 09.04.1954, Нью-Йорк, США) – один из пионеров российского менеджмента, создатель динамометра для режущих машин и аппарата для быстрого измерения удельной температуры жидкостей. Окончил Санкт-Петербургский технологический институт (1900), получил звание доктора и профес-

сора механической технологии. Работал на Балтийском, Путиловском, Обуховском заводах и АЕГ в России. Преподавал в Политехническом институте (с 1904 г.). Во время Гражданской войны оказался на белом Юге. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Преподавал в Политехническом институте Загреб и являлся инженером-консультантом на заводе «Шкода» в Пльзене (с 1922 г.). Принимался в штат в 1922, 1923, 1924 гг., с перерывами как эмигрант. С 1924 г. окончательно перебрался в Пльзень. Назначен директором отделения инструментального производства в 1928 г. Член-корреспондент Славянского института АН Чехословакии (1934). После оккупации Чехословакии сотрудничал с немцами. Накануне освобождения Чехии вышел на пенсию и тайно перебрался в Австрию в Кремсмюнстер. Написал мемуары (1946–1948 гг.). В октябре 1949 г. уехал в США, где продолжал научную и общественную деятельность в Толстовском фонде и в качестве члена Русской академической группы. См.: [2].

^{xix} Нам не удалось установить фамилию этого человека. – *Примеч. И. Т. и А. К.*

^{xx} Такие пушки уже давно изготавливались заводами «Шкода»: 75-мм горная пушка Шкода М15 (1915 г.) – горная пушка использовалась в Первую мировую войну (во Вторую мировую войну в вермахте 7,5 см GebK 15 и 7,5 см GebK 259 (i)); 75-мм горная пушка Шкода М. 28, то есть образца 1928 г. во Вторую мировую войну в вермахте 7,5 cm GebK 28 (in Einheitslafette mit 9 cm GebH) или 7,5 cm GebK 285(j)). В СССР на основе 76-мм горной пушки фирмы «Шкода» под руководством Л. И. Горлицкого была создана 76-мм горная пушка образца 1938 г. (индекс ГАУ – 52-П-356). Пушка была принята на вооружение, запущена в серийное производство и активно участвовала в Великой Отечественной войне. См.: Харук А. И. Трофейные зенитные орудия вермахта. URL: <https://military.wikireading.ru/7543>.

^{xxi} В 1938 г. вермахт захватил чешские зенитные орудия образца 1933 и 1937 гг., получившие обозначения соответственно 7,65 cm Flak 33(t) и Flak 37(t) – 76,5-мм, различавшиеся длиной ствола – 50 и 52,8 калибров и 7,5 cm Flak M 37(t) – 75-мм. Никаких новых артиллерийских систем этого типа за время оккупации Чехословакии создано не было. См.: Харук А. И. Трофейные зенитные орудия вермахта.

^{xxii} Вермахт захватил после оккупации чехословацкие противотанковые пушки 3,7 cm kanon PÚV vz. 34 (обозначалась как Skoda A3) и 47-мм противотанковую пушку P.U.V. vz. 36 -34 (обозначалась как Skoda A6, в вермахте 4,7 cm PaK (t)). 60-мм противотанковая пушка во время оккупации на заводах «Шкода» произведена не была. Немцы разработали и наладили производство 50-мм противотанковой пушки на заводах Круппа. См.: Харук А. И. Трофейные зенитные орудия вермахта.

^{xxiii} В 1944 г. на заводе «Шкода» в Пльзене был налажен выпуск 75 мм танковых орудий KwK44, но эта пушка явилась развитием немецкого танкового орудия 7,5 cm KwK 42, разработанного и построенного на заводах Rheinmetall AG. См.: [https://wiki.warthunder.ru/KwK_44_\(75-%D0%BC%D0%BC\)](https://wiki.warthunder.ru/KwK_44_(75-%D0%BC%D0%BC)).

^{xxiv} В соответствии с соглашением Д/7782 от 06.04.1938 г., заключенным Наркомвнешторгом с фирмой «Шкода», была закуплена документация на 210-мм и 305-мм пушки. Мортиру 406 мм не приобрели. Перед Великой Отечественной войной в Ленинграде на заводе «Большевик» и в Сталинграде на заводе «Баррикады» на основе договора 1938 г. по документации фирмы «Шкода» были созданы самые мощные артиллерийские советские орудия, принимавшие участие в войне. Это 210-мм пушка Бр-17 (21 cm K 39 – 210-мм) и 305мм гаубица Бр-18 – обе образца 1939 года. Они составляли дуплекс орудий особой мощности, поскольку имели одинаковый лафет. К примеру, Бр-17 могла послать снаряд весом 133 кг на дальность 28 650 м. 21 cm K 39 – 210-мм пушка после оккупации изготавливалась для вермахта. О производстве 305-мм гаубицы заводами «Шкода» для германской армии нам ничего не известно. Под контролем немцев КБ «Шкоды» сосредоточилось на модернизации гаубицы 21 cm K 39 – 210-мм. См.: Харук А. И. Трофейные зенитные орудия вермахта; а также Волгоградская правда. 2018. 12 дек. // Stalingrad.vpravda.ru/stati/v-stalingrade-nakanune-voyny-sozdavalis-unikalnye-orudiya-589.

^{xxv} В германской армии использовались два типа 105-мм пушек чешской фирмы «Шкода» 10,5 cm: K 35(t) и K 339(j) образца 1935 г. Никаких новых разработок за период оккупации не появилось. См.: Харук А. И. Трофейные зенитные орудия вермахта.

^{xxvi} «Большая Берта», или «Толстушка Берта» (нем. «Dicke Bertha») – немецкая 420-мм мортира. Разработана в 1904 г. и построена на заводах Круппа в 1914 г. Основными создателями нового орудия были главный конструктор крупнейшего немецкого концерна Крупп профессор Фриц Раушенбергер и его предшественник на посту Дрегер. Они и назвали 420-мм пушку «Толстушка Берта» в честь внуки Альфреда Круппа, «пушечного короля», который и вывел фирму в лидеры. Берта Крупп к тому времени уже была официальной единоличной владелицей концерна. См.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/621452>.

^{xxvii} «Фридрих Крупп АГ», или «АГ Крупп» – крупнейший промышленный концерн в истории Германии, официально созданный в 1860 году. На протяжении своего существования занимался добычей угля, производством стали, артиллерии, военной и сельскохозяйственной техники, текстиль-

ного оборудования, автомобилей, судов и локомотивов и др.

^{xxviii} Schneider Electric – французская энергомашиностроительная компания, производитель оборудования для энергетических подкомплексов промышленных предприятий, объектов гражданского и жилищного строительства, центров обработки данных.

^{xxix} Vickers Limited («Виккерс») – известная британская компания, существовавшая с 1828 по 1927 г., основными видами деятельности которой были судостроение и производство оружия. В 1927 г. произошло слияние компании Vickers Limited с компанией Armstrong Whitworth с образованием новой компании Vickers-Armstrong Limited.

^{xxx} «Армстронг Уитурт» (англ. *Sir W G Armstrong Whitworth & Co Ltd*) – крупнейшая английская промышленная фирма середины XIX – начала XX в., занимавшаяся производством вооружений, постройкой судов, производством автомобилей и самолетов.

^{xxxi} «Витторио Венето» – итальянский линкор типа «Литорио» времен Второй мировой войны. Назван в честь победы итальянских войск над австрийцами в годы Первой мировой войны.

^{xxxii} «Ришелье» – тип линейных кораблей французского флота. Назван в честь кардинала Ришелье. Построено 2 единицы: «Ришелье» и «Жан Бар». Линкор «Клемансо» остался недостроенным, а Гасконь существовал только в проекте.

^{xxxiii} *Халенский* Иннокентий Андреевич (02 [14] 06.1893, Минусинск – 29 июля 1938, Москва) – советский государственный деятель, нарком связи Советского Союза. Член ВКП(б) с 1918 года. Командарм 2-го ранга (1935). Арестован в ноябре 1937 года. Осужден 29.07.1938 и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 08.09.1956 г. См.: <http://1937god.info>.

^{xxxiv} Форштевень – деревянная или стальная балка в носу корабля, на которой закреплена наружная обшивка носовой оконечности корпуса и которая в нижней части переходит в киль.

^{xxxv} Ахтерштевень – задняя оконечность корабля в виде жесткой балки или рамы сложной формы, на которой замыкаются вертикально киль, борт, обшивка и набор; к нему подвешивается судовой руль.

^{xxxvi} Гребной вал – концевой вал судового валопровода, на котором закреплена лопасть движитель.

^{xxxvii} Иных сведений об этом человеке найти не удалось

^{xxxviii} 76-мм дивизионная пушка образца 1936 г. – советская дивизионная полууниверсальная пушка периода Второй мировой войны. Являлась первым орудием, разработанным конструкторским

бюро под руководством В. Г. Грабина, и одним из первых орудий, полностью разработанных в СССР.

^{xxxix} В. Г. Грабин прекрасно знал об этой проблеме, но из-за сопротивления начальства, гнавшего план любой ценой, низкой технической оснащенности Нижегородского завода и отсутствия подготовленных кадров долго не мог решить ее и едва не пошел по стопам И. А. Маханова. См.: Грабин В. Г. Оружие победы.

^{xl} Испано-Сюиза 12Ybrs – французский авиационный мотор, закупленный СССР для создания его лицензионной копии – советского авиационного двигателя М-100, который устанавливался на серийных бомбардировщиках СБ, опытных самолетах И-17бис и «Сталь-7».

^{xli} Гном-Рон «Мистраль мажор» 14Kdrs (en: Gnome-Rhône Mistral Major) – французский авиационный двигатель, закупленный СССР для лицензионного производства советского авиадвигателя М-85 на заводе в Запорожье. Снят с производства в 1937 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Сухановской тюрьме. Из воспоминаний И.А. Маханова / подг. к публ. и вступ. ст. И. О. Тюменцева // Русский архив. – 2017. – № 2. – С. 167–191 ; 2018. – № 1. – С. 45–70.
2. Дмитриев, А. Л. Н. Н. Саввин и становление Тейлоризма в России / А. Л. Дмитриев // Российский журнал менеджмента. – 2014. – Т. 12, № 3. – С. 131–148.
3. Залесский, К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь / К. А. Залесский. – М. : Вече, 2000. – 608 с.
4. Клейтман, А. Л. Мемуары И. А. Маханова как источник по науке и технике / А. Л. Клейтман, И. О. Тюменцев. – Саратов : Амирит, 2019. – С. 99–102.
5. Клейтман, А. Л. Артиллерийские орудия конструктора И. А. Маханова: разработка, внедрение, боевое применение в 1930–1950-х годах / А. Л. Клейтман, И. О. Тюменцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – № 1. – С. 34–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>.
6. Тюменцев, И. О. Мемуары главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И. А. Маханова как источник по исто-

рии СССР 1917–1953 годов / И. О. Тюменцев // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. – Волгоград : Сфера, 2019. – С. 103–106.

REFERENCES

1. Tyumencev I.O., ed. V Suhanovskoj tyur'me. Iz vospominanij I.A. Mahanova [In the Sukhanov Prison. From the Memoirs of I.A. Makhanov]. *Russkij arhiv* [Russian Archive], 2017, no. 2, pp. 167-191; 2018, no. 1, pp. 45-70.
2. Dmitriev A.L. N.N. Savvin i stanovlenie TejlORIZMA v Rossii [N.N. Savvin and the Formation of Taylorism in Russia]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2014, vol. 12, no. 3, pp. 131-148.
3. Zalessky K.A. *Imperiya Stalina. Biograficheskij enciklopedicheskij slovar'* [Stalin's Empire. Biographical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Vech Publ., 2000. 608 p.
4. Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. *Memuary I.A. Mahanova kak istochnik po nauke i tekhnike* [Memoirs of I.A. Makhanov as a Source on Science and Technology]. Saratov, Amirit Publ., 2019, pp. 99-102.
5. Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. *Artillerijskie orudiya konstruktora I.A. Mahanova: razrabotka, vnedrenie, boevoe primenenie v 1930–1950-h godah* [Cannon Gunnery of Designer I.A. Makhanov: Development, Implementation, Combat Use in the 1930s – 1950s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, no. 1, pp. 34-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.3>.
6. Tyumentsev I.O. *Memuary glavnogo konstruktora artillerijskih vooruzhenij zavoda imeni Kirova I.A. Mahanova kak istochnik po istorii SSSR 1917–1953 godov* [Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov as a Source on the History of the USSR of 1917–1953]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeefikacii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th – 21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 103-106.

Information About the Authors

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Alexander L. Kleitman, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

Информация об авторах

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Александр Леонидович Клейтман, доктор исторических наук, доцент, директор, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.19>

UDC 94(47+57)“1941/1945”:341.321.1
LBC 63.3(2)622-7

Submitted: 03.11.2020
Accepted: 07.12.2020

**TRADITION IN CONDITIONS OF MILITARY EXTREMENESS:
FOLK WAYS OF UNDERSTANDING AND “OVERCOMING”
THE GREAT PATRIOTIC WAR¹**

Marina A. Ryblova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina V. Arkhipova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the study the authors consider the ways of understanding and overcoming the extreme conditions of the Great Patriotic War. The task is to define the forms and ways of “overcoming” the war conditions and its traumatizing consequences developed by Russians and to identify their connection with traditional types of worldview and folk ritual practices. *Methods and materials.* The analysis of folk stories recorded among different generations and rural Russian areas as well as memories about the wartime and the period after the Great Patriotic War compose the base of the article. According to the main task the authors use the method widely used in the Russian Ethnography which is called the “inside the tradition” view, or analysis from the position of its bearers. *Analysis.* The natural alternation of periods of prosperity and crises explains the inevitability of war, but according to popular beliefs, the impoverishment of the sacred sphere of life is the main factor of a tragedy. On the contrary, human turning to God and his / her repentance determine the possibility of overcoming a tragedy. The concept of “a rule” (and its violation) as well as the concept of “a destiny” (a shared fate) which must be restored and redistributed under the crisis according to popular beliefs play an important role in the mechanism of developing ways to “overcome” the war among the Russians during the wartime. Wartime ritual practices including baking and cutting bread, redistributing it to the front line, organizing joint meals, etc. confirm the statement. The process of the revival of religious (Orthodox) practices, and the formation of a collective memory of the war and the fallen heroes was inspired from below, from the masses. This initiative included folk forms of veneration and remembrance of the dead, the creation of sacred places associated with the war and the memory about it. Women, who became the main keepers of the tradition, who took upon themselves the functions of harmonizing the socio-psychological situation in rural areas during the difficult war and post-war years, were especially active in these processes. *Results.* The authors confirm the particular role of traditional types of worldview influencing the modern collective memory as well as social practices during both extreme conditions and everyday life. Ordinary people preferred to turn to centuries-old spiritual traditions of overcoming war traumas and to use the experience of preserving collective memory of them formed in the pre-revolutionary time within the peasant and Cossack communities.

Key words: tradition, collective memory of the war, folk, ways of “overcoming” the war, understanding the war, Great Patriotic War.

Citation. Ryblova M.A., Arkhipova E.V. Tradition in Conditions of Military Extremeness: Folk Ways of Understanding and “Overcoming” the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 216-228. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.19>

ТРАДИЦИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ: НАРОДНЫЕ СПОСОБЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И «ПРЕОДОЛЕНИЯ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Марина Александровна Рыблова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;

Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Владимировна Архипова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа народных рассказов, записанных в разное время в сельской местности России, выявляются формы и способы «преодоления» войны и ее травмирующих последствий, выработанные русским населением страны в годы Великой Отечественной войны и связанные как с мировоззренческими установками, так и с народными обрядовыми практиками. Исследование показало, что в экстремальных условиях Великой Отечественной войны русское население страны широко использовало веками наработанные духовные традиции преодоления кризисных ситуаций и опыт сохранения коллективной памяти о них, сформировавшиеся в дореволюционное время в рамках крестьянских и казачьих общин. Согласно народным представлениям, не только естественным чередованием периодов благополучия и кризисов объясняется неизбежность войны, но также оскудением сакральной сферы жизни, возможность же преодоления беды обуславливается обращением к Богу и покаянием. В механизме выработки способов «преодоления» войны в среде русского населения страны в военное время важнейшую роль играло понятие нормы (и ее нарушения), а также концепт «доли» (общей доли-судьбы), которая, по народным представлениям, в кризисной ситуации должна подвергаться обновлению и новому переделу. С этими представлениями связаны и обрядовые практики военного времени (выпечка и раздел хлебов, передача их по цепочке до линии фронта, организация совместных трапез и пр.). И в процессе возрождения религиозных (православных) практик, и в формировании коллективной памяти о войне первоначальная инициатива шла снизу, от народных масс и выражалась именно в народных формах почитания и поминовения умерших, в создании сакральных мест, связанных с войной и памятью о ней. Особую активность в этих процессах играли женщины, ставшие главными хранителями традиции, взявшими на себя функции гармонизации социально-психологической обстановки в сельской местности в тяжелые военные и послевоенные годы.

Ключевые слова: традиция, коллективная память о войне, народ, способы «преодоления» войны, осмысление войны, Великая Отечественная война.

Цитирование. Рыблова М. А., Архипова Е. В. Традиция в условиях военной экстремальности: народные способы осмысления и «преодоления» Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 216–228. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.19>

Введение. Исследователи особенностей функционирования и конструирования коллективной памяти уже неоднократно отмечали, что в современной культуре отчетливо просматриваются тенденции к возрождению и актуализации наследия традиционных сообществ, их ценностей и культурных программ. Традиционные типы мировоззрения оказывают существенное влияние как на современные нарративы коллективной памяти, так и на

социальные практики, причем это происходит и в экстремальных условиях, и в повседневных ситуациях [13, с. 115]. Обращение к опыту архаики миллионов людей особенно наглядно было проявлено в годы Великой Отечественной войны и также уже стало предметом специального исследования [11, с. 106–145; 27]. Однако основное внимание до сих пор уделялось материальным практикам, что касается духовной составляющей этой пробле-

мы, то она нуждается в дальнейшей разработке. В связи с этим была сформулирована исследовательская задача: выявить формы и способы «преодоления» войны и ее травмирующих последствий, выработанные русским населением страны в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие и связанные как с мировоззренческими установками, так и с народными обрядовыми практиками.

Актуальность этого исследования обусловлена как недостаточной степенью ее изученности (в отечественной историографии анализ народного опыта переживания и «преодоления» войны и ее последствий еще значительно уступает в количественном отношении анализу деятельности в этой сфере официальных, в том числе религиозных, структур), так и сохраняющейся в современных реалиях тенденции к архаизации мировоззренческих установок и социальных практик, к использованию традиционных механизмов формирования и функционирования исторической коллективной памяти россиян в кризисных ситуациях жизни страны.

Методы и материалы. Сформулированная нами задача обусловила и выбор метода исследования, и набор источников. Поскольку нас в первую очередь интересовали традиционные способы преодоления войны и ее последствий, мы обратились к анализу источников, исходящих от самих носителей традиции, и сосредоточились на выявлении народного понимания причин бедствий и способов их преодоления. Такой методологический прием связан с широко применяемым в отечественной этнографии подходом, который называют взглядом «изнутри традиции», или анализом с позиции ее носителей. Так, в основу анализа были положены полевые записи, сделанные в разное время в сельской местности разных регионов России в ходе фольклорных и этнографических экспедиций. Они представляют собой воспоминания русского населения страны о Великой Отечественной войне и первых послевоенных годах и отражают именно народные мировоззренческие установки и социальные практики. Также широко использовались материалы исследований, проводившихся нами в 2014–2015 гг. в рамках целевого гранта РГНФ («Дети и война:

культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны»), в ходе которого было осуществлено 264 глубинных интервью, опубликованных в двух томах [9; 10].

Анализ. Войны и другие бедствия в структуре народной памяти. В народном механизме преодоления войн и других бедствий важную роль играли традиционное восприятие времени и особенности коллективной памяти о минувших событиях. В их основе лежали представления о цикличности времени и постоянном чередовании периодов благоденствия и бедствий (кризисов), при этом последние понимались как неизбежное отклонение от когда-то (согласно народной мифологии – в момент Творения мира) заданной нормы. Постепенное старение мира воспроизводилось в циклических народных календарных праздниках и представлялось как нарушение нормы и разрушение первичных границ. Главный смысл народных обрядов заключался в преодолении кризисной ситуации путем восстановления первоначальной нормы [3]. В такой картине мира регулярно происходившие в человеческой истории войны, голодоморы, эпидемии и другие кризисные ситуации представлялись как неизбежное и естественное развитие жизни, а не как случайное стечение обстоятельств. Нарушение же нормы в русской народной традиции соотносилось с представлениями о доле (коллективной и индивидуальной), понимаемой и как жизненная сила, и как доля-судьба [2]. В обрядах, направленных на преодоление кризисной ситуации, воспроизводилась процедура обновления не только старого мира, но и той доли, которая выделялась миру высшими силами.

О сохранении такого механизма народной памяти в среде русского населения страны в предвоенное время позволяют судить многочисленные записи устных рассказов, объединенных общей темой «знамения войн». В русской народной традиции о грядущих войнах и других бедствиях свидетельствуют самые различные знаки. Они являются как на небе (огненные столбы, кресты и пр.), так и на земле; бывают связаны с природой, миром людей и сакральными сферами. Весьма показательно, что образы-знамения Великой Отечественной войны в этих рассказах неред-

ко соотносятся с теми, что были явлены и перед другими войнами: «*Вот и перед ерманской так... Сначала кресты, а потом война*» [5]. Нередко в рассказах встречаются мотивы противостояния, сражения (всадников, столбов, птиц и пр.): «*Соседка прибегает к нам: "Подите гляньте!" Мы вышли на баз – на север столбы выходили. Красные, несколько столбов огненные. И вот они вот так сойдутся и потом расходятся. Перед войной это было. И в первый год войны*» [21]. Иногда столбы в рассказах имели вид радуги [18; 22]. В одном из устных рассказов речь идет о сне, в котором представлены две стрелы, сталкивающиеся на небе близ Уральских гор. А.Ф. Балашова сопоставила эти стрелы с армиями, сравнив их с обозначениями стрелками на карте передвижения армий [5]. Интересен в связи с этим рассказ, записанный в Могилевской области, в котором речь идет о перемещении с земли на небо человеческого воинства. Там накануне войны подростки видели при заходе солнца «как бы поднимающиеся от земли образы солдат с ружьями за плечами, которые уходили на небо» [31, с. 141].

Довольно часто в рассказах о знаменьях войны, явленных на небе, встречаются образы животных: кони, птицы. Большинство из них связаны с традиционной символикой, так, кони, петухи и ястребы – с мужскими и юношескими возрастными группами. Однако предвоенное поколение нередко трактовало небесные знаменья в духе советских реалий, определяя «красные» и «белые» образы в качестве символа «своих», а черные – в качестве вражеских: «*Я в Калмыкии работала, меня война застала. Там легенда такая была. Два петуха встретились на небе. Один – красный, другой – черный. Дрались они, и вот красный победил черного. И все говорили, когда началась война, мы победим все равно*» [19]. Вместе с тем устойчиво сохраняются в народной памяти и представления о весьма архаичной цветовой триаде, в которой черный цвет противопоставлен белому как ритуально чистому и ассоциируется с нарушением традиции, грехом; белый соотносится с чистотой и бестелесностью иномира; а красный связан с мотивом избыточности жизненной силы, энергии.

В рассказах о знаменьях войны часто встречаются указания на отклонения от нормы, происходившие в земной сфере и связанные с понятиями чрезмерности, избытка. Так, повсеместно в России записывались рассказы о том, что накануне войн наблюдался необыкновенный урожай хлебов, грибов, ягод; с чрезмерностью плодились животные [5]. Нарушение нормы в сторону избытка могло происходить и в мире людей. Так, по народным представлениям, свидетельствовать о грядущей войне могло рождение больше обычного мальчиков. Приметами войны могло стать и отклоняющееся от нормы поведение людей: слишком много плясали, с озлоблением дрались на кулачных боях [20].

Примерами очевидного нарушения границ между мирами (земным и небесным) могут также служить ситуации, когда людям являлись некие персонажи (обычно женщина или волк) и просили у них ткань [6, с. 205–206; 17]. На их потустороннее происхождение указывает ряд признаков: являются путнику голыми (без одежды/без шерсти), волк наделен даром речи, и женщина и волк, получив желаемое, пророчествуют. Нередко в рассказах женщина на дороге определяется как Божья Мать; она предсказывает скорую войну. Иногда, как знак грядущей войны трактовался сам факт ее объявления перед людьми в обнаженном виде или плачущей: «*Он был шофером. И вот его послали в Нижний Дон. Он поехал. Едет, за Урюпино уже выехал, и вот тебе идет женщина вся наголо, Божья мать. Машина встала. Он говорит: "Я не останавливал, ничего, а машина встала..." Ждали после этого войну*» [21].

Иногда в устных рассказах нагота женщины, встретившейся на дороге шоферу, прямо объясняется отлучением людей от Бога и их служением «другим» силам. Так, в рассказе, записанном в Брянской области, шофер встретил на мосту женщину, которая сама разъяснила причину своей наготы: «*Вбегает женщина, совершенно наголо, останавливает машину и подает ему ведро крови и кусок сырого мяса. Шофер спрашивает: – Что это значит, почему ты голая? Она отвечает: – На кого ты сейчас служишь, отнял у нас все. – А ведро крови, это что значит? – А вот кому ты сейчас*

служишь, так льется сейчас кровь через него» [6, с. 206].

Явления плачущей Богородицы фиксировались в разных регионах страны также в период борьбы с религией и массового разрушения церквей. Так, в одной из кубанских станиц в разоренном храме, по словам очевидцев, слышался рыдающий голос, который восклицал: «Боже мой, Боже мой, что вы наделали!». Жители станицы были уверены, «что это было видением Божьей матери» [12, с. 374–375]. Как предзнаменование великих бедствий трактовались в народе и случаи мироточения икон, массово происходившие в разных регионах страны накануне Великой Отечественной войны: «...в 1940-е годы почти в каждой деревне мироточили иконы, предвосхищая огромное количество невинных человеческих жертв» [16].

Обрядовые практики преодоления войны. Для преодоления кризисных ситуаций в дореволюционной России широко использовались практики сооружения в один день (*обыденкой*) храмов, выпечки хлеба или изготовления полотна, которое называлось *обыденным*. По мнению Т.А. Бернштам, обычай изготовления в один день ткани-новины воссоздавал первичный миф – праформу творения, а значение слова «новина» восходит к мифологическому представлению о сотворении нового – молодого – взамен старого, как попытка дать новую жизнь явлению отмирающему или зараженному недугом, опасностью [7, с. 163]. В самые ответственные моменты земледельческого календаря в русских деревнях устраивались также коллективные пиры (*братчины, ссыпки*), на которых в складчину и общими усилиями готовили какое-то блюдо, символизировавшее общую долю, например, варили мед (*медовуху*), или выпекали многопудовые хлеба. Их совместное изготовление и употребление в пищу также символизировало обновление общей доли и новое ее перераспределение. Элементы этих древних обрядовых практик воспроизводились и в годы Великой Отечественной войны. Один из рассказов о такой практике записан нами в Волгограде: «Помню, как бабушка доила корову и раздавала молоко всем в деревне, по всей деревне, по баночкам. Помню, на столе у нас стояли баночки –

много-много, кастрюльки, в общем, все приносили, и бабушка разливала и раздавала соседям это молоко. Не хватало ведь ничего, хлеба не было вообще... собирались все у церкви, все люди, кто имел хоть немножечко продовольствия, все всё несли к этой церкви или относили прямо в саму церковь и в церкви еще раздавали еду. ...Взаимопомощь была необыкновенная. Как родственники все стали...» [9, с. 475].

В некоторых материалах представлены и более развернутые обрядовые действия, направленные на «преодоление» войны путем выпечки и раздачи хлебов [6, с. 207–209]. Так, согласно полевым записям, в 1943 г. в Брянской, Калужской и Смоленской областях получил распространение обычай печь хлеб всем селом и передавать его в соседнюю деревню, где он делился на кусочки и раздавался желающим. На одном из таких кусков замешивался и выпекался новый хлеб, который в свою очередь передавался дальше, в другую деревню. Ржаная мука для первых трех хлебов собиралась понемногу со всех дворов, процессу выпечки предшествовало общее моление, совершаемое «посеред деревни», а пекли хлеба на следующий день вдовы или девушки, обладающие, по народным представлениям, качествами ритуальной чистоты. Участники обряда были уверены, что когда хлеб достигнет линии фронта, немцы будут разбиты, и «война закончится: оттого, что много Богу молились» [6, с. 207]. В этом обряде также очевидна символика коллективного обновления доли и передачи ее советским воинам для обеспечения победы – как обновлялась и сила-энергия связанного семантически с воинством волка за счет передачи ему красной ткани. В селах Калужской области влияние православной традиции на обрядовые действия с хлебом выражалось в том, что по деревням молодые девушки носили «святой хлеб», представлявший собой пасхальные куличи, о которых говорили: «...пасхальный, якобы святой хлеб от Пасхи, посвященный якобы каким-то патриархам или попам...». Его также нужно было донести до линии фронта, чтобы обеспечить победу советским войскам [25, с. 24]. Опубликовавшая и прокомментировавшая часть этих материалов О. Белова отмечала, что в традиционном

крестьянском быту подобное разделение хлеба или закваски с последующим их распространением по соседним деревням считалось действенным способом противостояния любым стихийным бедствиям, эпидемиям, мору скота [6, с. 207]. Таким образом, речь должна идти об использовании для «преодоления» войны русским сельским населением страны хорошо известных (традиционных) обрядовых практик, широко применявшихся и в других кризисных ситуациях.

Иногда в народных рассказах речь идет о таких обрядах, реальность осуществления которых легче опровергнуть, чем подтвердить, однако они также укладываются в вышеприведенные модели народного мировоззрения и практик «преодоления» войны. К числу таких рассказов можно отнести свидетельства о том, что во время войны представители военной и политической элиты страны обходили (или облетали на самолете) с иконами советские фронты и осажденные города. Так, фольклористы приводят рассказы о том, как Сталин ходил по фронтам с иконой в руках [30, с. 8]. Согласно народным преданиям, Ленинград также облетали с иконой на самолете во время блокады [30, с. 8]. В народной памяти до настоящего времени устойчиво сохраняются предания о «воздушных крестных ходах» над Сталинградом и Москвой. В последнем случае речь идет о легенде, согласно которой в конце 1941 г. в разгар битвы за Москву по приказу Сталина город облетел самолет с иконой Богородицы, что способствовало успеху советских войск. Затем облет с иконой Казанской Божьей Матери был совершен вокруг сражающегося Сталинграда. В вариантах последней легенды речь идет о том, что икона эта находилась затем на правом берегу Волги посреди советских войск, «шла» с войсками до границ СССР.

Эти рассказы также уходят корнями в древние обрядовые практики русских крестьян и казаков. Повсеместно в дореволюционной России в кризисные ситуации совершали обходы поселений и полей с иконами для обеспечения хорошего урожая и благополучия людей. При этом наиболее действенными считались такие, в которых принимали участие высокие церковные чины (архиереи). Процесс передачи «святости» иконы от поселения к

поселению воспроизводится, например, в описании обряда, родившегося в хуторе Арпачинском (Область войска Донского) в год «губительной моровой язвы» и исполнявшегося впоследствии ежегодно: «... в хуторе Арпачинском издавна совершается крестный ход 9 августа в Старочеркасскую станицу и обратно. Из Старочеркасской станицы с крестным ходом приносится в хутор чудотворная икона Аксайской Божией Матери, и, при совершении пред ней молебного пения с акафистом во святом храме, притч обходит с этой святой иконой дома прихожан. Обхождение совершается в течение трех дней, именно с 9 по 12 августа, а затем в хутор Арпачинский является крестный ход из станицы Манычской, с которым святая икона переносится в сказанную станицу» [32, с. 183].

Что касается военного времени, то исследователи уже анализировали происходивший в годы Великой Отечественной войны взрыв религиозности среди населения страны и отмечали, что этот процесс шел снизу, инициатива исходила от народных масс, а официальные структуры в большинстве случаев вынуждены были лишь удовлетворять народный запрос. Так, в неурожайный 1946 г. сами крестьяне возродили традицию крестных ходов и молебнов на полях о даровании дождя; во время войны осуществляли в своих домах обряды крещения (*погружения*), отпевания, собирались в жилых домах для молений и пр. [26, с. 124]. Все послевоенное время во многих поселениях страны сохранялась традиция престольных (храмовых) праздников, которые проходили в том числе и в тех местах, где уже не было ни церквей, ни священнослужителей [1].

«Свои» могилки и народная память о погибших. Исследователи проблем коллективной памяти россиян о войне уже отмечали, что она имела два пласта, два уровня: собственно народный, связанный с «живой» и постоянно воспроизводимой коллективной памятью, и официальный, исходивший от государственных и партийных структур [28, с. 125]. Последний формировался в виде постоянного реконструирования и символизации памяти о Великой Отечественной войне, воплощавшихся в создании пантеонов героев, мемориалов,

установке памятников, в разработке ритуалов официального празднования дня Победы и пр. Что касается собственно народной памяти о войне, то она опередила по времени официальные инициативы и отличалась от них по формам и содержанию. Т. Тимофеева рассмотрела различия этих двух пластов исторической памяти на примере памятников, устанавливаемых в честь погибших на войне или непосредственно на могилах. Она обратила внимание на то, что именно в сельской местности стали первоначально возникать простые и дешевые бетонные стелы-кенотафы со списками имен павших земляков, которые в большинстве случаев строились на средства местных жителей [28, с. 128]. Именно к этим памятникам стали приходить односельчане не только в День Победы, но и в поминальные дни христианского календаря. В первые послевоенные годы, когда День Победы еще не был официально утвержденным праздником, именно в кругу ближайших родственников и односельчан происходили поминовения павших воинов, нередко – в соответствии с христианскими и народными традициями.

В тех случаях, когда не было возможности прийти на могилу погибших родственников в силу отсутствия информации о месте их захоронения, возникали традиции создания мест коллективной памяти и почитания павших, вполне укладывающиеся в систему народного культа предков. Так, в военном Сталинграде местом почитания павших на фронтах и погибших в самом городе стала река Волга: *«Пле в Волгу бросали цветы – так его и поминали»* [10, с. 196]. Сталинград стал местом погребения его мирных жителей и солдат, не получивших, однако, отдельных могил и памятных знаков. В городе не возникло кладбища военного времени, так как мертвых закапывали в бомбовые воронки, хоронили во дворах и на улицах, стертых впоследствии масштабной перепланировкой. Однако потребность горожан в «родных могилах» была огромной, и еще до того как местом коллективных поминовений станет Мамаев курган, жители создавали свои собственные места памяти и скорби. Одним из таких мест стал Парк вдов, первое дерево в котором было посажено в 1965 г. работницей Волгоградского Тракторного завода в честь мужа,

погибшего при обороне Сталинграда. Вслед за ней сотни женщин города высаживали здесь деревья в память о погибших мужьях и детях [14]. Традиция посадки деревьев в память умерших или по обету была широко распространена на Юге России, где в дореволюционное время повсеместно почитались «священные деревья». Так, жители хутора Рыбинский (Серафимовичский р-н Волгоградской обл.) рассказывали нам историю дерева, растущего на вершине Рыбинской горы: *«Жил тут Василий Иванович. Во время войны попал в немецкий плен и обрётся: если спасется, то посадит на Рыбинской горе дерево»* [23].

Возникали народные места памяти и на самом Мамаевом кургане, ставшем главным символом Победы в городе и стране. Однако, не довольствуясь только официальными церемониями, многие ветераны войны, участники Сталинградской битвы на одном из склонов устроили собственное место памяти, куда приходили каждый год 9 мая: *«Как раз на этом склоне Мамаева кургана, если мысленно провести ось от Родины-матери к проспекту Ленина к углу завода ТДН, еще в 1980-х годах было несколько захоронений с простейшими деревянными обелисками, там всегда на 9 мая собирались участники Сталинградской битвы, поминали»* [8].

Известны также случаи, когда женщины брали под особую опеку могилы неизвестных им людей, когда могил их близких не сохранилось: *«...тетя моя, когда вернулась с эвакуации, она нашла труп советского солдата, рассказывала, при нем был медальон, она его сдала в военкомат, но так никто и не нашелся из родственников... И она его на своем огороде похоронила, недалеко от колодца. Могилка всегда у него вся в цветах была, она засаживала ее многолетними цветами, такие они громфончиками были... И всегда могилка была ухоженная, и всегда она его поминала на День Победы»* [24]. Подобные случаи не были редкими, фиксировались исследователями и в других регионах страны. Иногда такие могилы становились со временем местами особого почитания и паломничества. Так, в деревне Латыши Калужской области фольклористы записали рассказ о могиле неизвестного лет-

чика, ставшей со временем сакральным местом: «В 1950-е годы на нее натолкнулась Валентина Афанасьевна Михайлова и стала с тех пор ухаживать за могилкой, каждое лето навещала ее. Шло время, и о могилке летчика стали слагаться таинственные и необъяснимые истории. И сама могила стала превращаться в некое мистическое и сакральное место. Сюда обязательно заходят случайные путники, грибники и ягоdniки, оставляют на могиле конфеты, печенье, ягоды и яблоки. Постепенно зародилось поверье, что летчик помогает, дает силы» [25, с. 23].

Описанная выше сакрализация могилы неизвестного летчика на первый взгляд может быть трактована как простое почтение памяти героя войны, однако существенным здесь является указание на то, что в народе верили: «летчик помогает, дает силы». Это поверье уходит корнями в древние народные представления о том, что жизненная сила-доля человека, умершего «до срока» (прежде времени, насильственной смертью), остается до конца не истраченной, а потому может подлежать новому перераспределению среди живых посредством символического обмена (отсюда приношение на могилу конфет, печенье и пр.). Наиболее ярким обрядовым подтверждением этого может служить, например, повсеместно распространенная в России традиция установки *голубцов* (деревянных поминальных часовенок) на месте насильственной смерти какого-либо человека. Прохожие также оставляли на голубцах «поминные угощения», полагая, что взамен получают силу и поддержку погибшего.

Сооружение голубцов на месте погребения воинов и использование их в культовых целях было известно во многих регионах дореволюционной России. Так, в начале XX в. Р.Л. Марков записал рассказ об обряде, совершаемом жителями села Красная Поляна Курской области на месте битвы между русскими и ногайцами, состоявшейся в 1709 году. По рассказам местных жителей, в войске ногайцев находился «престрашный великий богатырь», который был повержен в бою. Ему отсекли голову, и на этом месте выступили «капли целебной воды, темной, как кровь». Позднее здесь был сооружен голубец «о трех

скатах, на трех развилочках». Голову богатыря многократно прокатали вокруг голубца, а затем уложили на его развилки. По словам Р.Л. Маркова, «это первое катание головы вокруг голубца легло в основу всех последующих обрядов»: такие «обкатывания» стали производиться здесь ежегодно и даже по несколько раз в год (от обряда до обряда голова лежала в развилках голубца) [15]. Очевидно, что голубец почитался курянами как место сохранения неистраченной жизненной силы ногайского богатыря: часть ее воплотилась в целебной воде, другая должна была переходить земле посредством ежегодных «обкатываний» для усиления ее плодородной силы. Отголоски этих представлений наглядно просматриваются и в почитании могилы неизвестного летчика из д. Латыши, и в сложившейся в послевоенное время традиции приходить на могилы неизвестных солдат, например, в дни бракосочетаний, которая в народной среде воспринималась и как отдание почести павшим, и как их особое «благословление» семейной паре.

В послевоенной российской деревне, потерявшей на войне огромное количество мужчин, главными хранителями памяти о них стали женщины-вдовы. О роли овдовевших женщин в гармонизации социально-психологической обстановки в сельской местности в тяжелые военные и послевоенные годы писала Л.А. Тульцева, отметившая, что они были представителями наиболее информированного в области ритуальных практик поколения. Исследовательница отмечала, что обычным явлением крестьянского общественного быта послевоенной деревни стали вдовы-чернички, которых в народе называли также «читалками» и «монашками», так как они организовывали религиозную жизнь жителей деревень: читали жития святых, молитвы, Псалтырь и другие богослужебные книги на общих собраниях верующих. В частых ситуациях отсутствия в деревнях и селах действующих церквей вдовы-чернички справляли на дому религиозные обряды и помогали своими знаниями и советом справить службу и поминки по убитым воинам в соответствии с религиозным канонам и местной традицией [29, с. 24].

Отметим, что и в дореволюционной России существовали сообщества вдов, которые

брали на себя функции сохранения памяти об умерших или погибших мужьях и передачи ее молодому поколению. Нередко вдовы пытались взять на себя и обрядовые функции своих погибших мужей, исполняя «мужские» песни. Вместе с тем существовал и особый вдовский репертуар: набор песен с сюжетами о гибели на войне милого/мужа. Л.А. Тульцева указала на формирование особого женского (в том числе вдовского) фольклора в советское послевоенное время, включавшего в себя и частушки (с мотивами об убитом «дролечке» и женском «сиротстве»), и другие жанры [29, с. 21]. Многие советские вдовы прилагали огромные усилия для того, чтобы разыскать могилы погибших мужей и «навестить» их.

Именно в народной среде будет закладываться и традиция празднования Дня Победы. Основой этого народного праздника была поминальная трапеза, но обряд ею не ограничивался, давая возможность его участникам выхлестывать накопившиеся эмоции, причем именно в коллективных формах: *«Собираются женщины... Выпьют, потом начинают плакать. Вот знаете, все плакали, буквально все женщины. Ну, кто вспоминает мужа, кто сына, кто брата. Но отмечали праздники таким образом. Потом выпили по второй. У кого что было, приносили на общий стол. Закусили, потом начинали песни петь. Вот тут уже начинался настоящий праздник, когда запевали. Но песни пели тоже все военных лет»* [10, с. 264]. О массовых посещениях кладбищ на Пасху, Троицу и в так называемые «родительские поминные дни» рассказывали многие наши информанты-сталинградцы.

Результаты. Проведенное исследование показало, что в экстремальных условиях Великой Отечественной войны русское население страны широко использовало веками наработанные духовные традиции преодоления кризисных ситуаций и опыт сохранения коллективной памяти о них, сформировавшиеся в дореволюционное время в рамках крестьянских и казачьих общин. В сознании людей, переживших период борьбы с религией и массовое отлучение от церкви и веры, существовало собственное понимание причин грядущей войны. Согласно народным представлениям, не только естественным чередовани-

ем периодов благополучия и кризисов объясняется неизбежность войны, но также оскудением сакральной сферы жизни, началом служения «иным силам»; возможность же преодоления беды обуславливается обращением к Богу и покаянием.

Анализ народных рассказов о знаменьях/предсказаниях войны показал, что в осмыслении причин бедствий и способов их «преодоления» в среде русского населения страны в военное время важнейшую роль играло понятие нормы (и ее нарушения), а также концепт «доли» (общей доли-судьбы), которая, по народным представлениям, в кризисной ситуации должна подвергаться обновлению и новому переделу. С этими представлениями связаны и обрядовые практики военного времени, направленные на то, чтобы каждый участник обряда мог внести свою «долю» в общую долю-судьбу с последующей передачей ее на фронт советским солдатам (то есть с обновлением и новым перераспределением).

А.Ф. Балашова, исследовавшая народные рассказы о знаменьях Великой Отечественной войны, отметила, что для этого жанра характерен коммуникативный посыл из прошлого в современность, от одного поколения к другому: *«Сохраняется связь и взаимная переводимость мировоззрений старшего поколения с традиционным видением мира современного (подвергшегося влиянию газет, телевидения, Интернета, массовой культуры) человека, но интерпретирующего мир с помощью той же образной и понятной сетки»* [4, с. 238]. Тем более можно говорить о степени воздействия мировоззрения старшего поколения на общие жизненные установки и поведенческие практики советского общества в предвоенное и военное время. Несмотря на влияние советской идеологии на трактовки образов знамений грядущей войны, в них устойчиво сохранялись элементы той самой «образной и понятной сетки» традиционного восприятия экстремальных ситуаций, осмысления их причин и способов преодоления.

О возрождении религиозности, о взаимоотношениях церковных организаций и государственных органов в годы войны написано немало работ. Наше исследование показало, что инициативы в этой сфере шли снизу, от народных масс, и выражались именно в народных

формах почитания и поминовения умерших, в создании сакральных мест, связанных с войной и памятью о ней.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

The research was supported by the South Scientific Center of the Russian Academy of Science № АААА-А20-120122990111-9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЗ – полевая запись.
Г.р. – год рождения.
Д. – деревня.
Обл. – область.
Р-н – район.
С. – село.
Ст-ца – станица.
Хут – хутор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосов, Н. О вреде религиозных праздников / Н. Амосов // Колхозный активист. – 1954. – № 68 (25 авг.).
2. Байбурин, А. К. Обрядовое перераспределение доли у русских / А. К. Байбурин // Судьба традиционной культуры. – СПб. : РАН : Рос. ин-т истории искусств, 1998. – С. 78–82.
3. Байбурин, А. К. *Ритуал* в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 237 с.
4. Балашова, А. Ф. Коммуникативная природа народных рассказов на примере текстов о Великой Отечественной войне в небесных знамениях / А. Ф. Балашова // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 1. – С. 233–240.
5. Балашова, А. Ф. Природные и метеорологические приметы войны / А. Ф. Балашова // Фольклор и постфольклор : сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorhttps://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.html> (дата обращения: 01.09.2020). – Загл. с экрана.
6. Белова, О. Рассказы о знамениях войны из Брянской области: к вопросу о типологии сюжетов / О. Белова // Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. (Брянск, 28–30 нояб.

2013 г.) : материалы II Междунар. науч. конф. / ред. С. И. Михальченко, А. А. Чубур. – Брянск : Изд-во БГУ, 2013. – С. 203–211.

7. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 277 с.

8. Был ли на Мамаевом кургане парк Сталинградских вдов // Город героев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://gg34.ru/surprised/26290-by-li-v-volgograd-park-stalingradskikh-vdov.html> (дата обращения: 01.06.2020). – Загл. с экрана.

9. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М. А. Рыбловой. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – 512 с.

10. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города / под ред. М. А. Рыбловой. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. – 360 с.

11. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, Е. В. Архипова, И. И. Курилла, М. П. Назарова. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. – 336 с.

12. Крестная ноша / сост. и коммент. В. Сидоров // Трагедия казачества : сборник / ред.-сост. Л. Барыкина. – М. : Молодая гвардия, 1994. – 606 с.

13. Кузмин, Н. Н. Особенности коллективной памяти в традиционных обществах / Н. Н. Кузмин // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2017. – Т. 3 (69), № 2. – С. 114–124.

14. Ланский, М. Вырубка парка вдов стала последней каплей / М. Ланский // Волга – Каспий. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://volga-kaspiy.ru/society/vyrubka-parka-vdov-stalaposledney-kapley.html> (дата обращения: 08.09.2020). – Загл. с экрана.

15. Марков, Р. А. Голубец на Красной Поляне / Р. А. Марков // Труды Курской Губернской Архивной Комиссии. Вып. 1. – Курск : Типография Курского губернского земства, 1911. – С. 138–163.

16. Отец Михаил. Грандиозное мироточение в Твери – знамение Небесной Мирротвери // Сайт Общины Православной церкви Державная г. Твери. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://mirotver.ru/features/90-grandioznoe-mirotochenie-v-tveri.htm> (дата обращения: 08.10.2020). – Загл. с экрана.

17. Петров, Н. Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР

/ Н. Петров // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / сост. А. Архипова. – М. : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 188–199.

18. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант Е.Г. Великанова, 1930 г.р. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ // Личный архив М.А. Рыбловой.

19. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант Е.Ф. Арбузова, 1920 г.р. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ // Личный архив М.А. Рыбловой.

20. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант Р.Ф. Кривова, 1912 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.

21. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант М.П. Усачева, 1921 г.р. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ // Личный архив М.А. Рыбловой.

22. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикинской. Информант П.В. Кондрашова, 1929 г.р. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ // Личный архив М.А. Рыбловой.

23. ПЗ автора в хут. Рыбинском Серафимовичского р-на Волгоградской обл. // Личный архив М.А. Рыбловой.

24. ПЗ М. Пономаревой 2013, г. Волгоград. Информант А.В. Склярова, 1948 г.р., г. Сталинград // Личный архив М.А. Рыбловой.

25. Рассказы о войне в Калужской области / предисл. и публ. Л. Ф. Мирониной // Живая старина. – 2010. – № 2. – С. 23–26.

26. Редькина, О. Ю. Народная религиозная культура в 1940-х гг.: на примере Сталинградской области / О. Ю. Редькина, С. В. Мордвинов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 1 (21). – С. 121–126.

27. Рыблова, М. А. Практики «преодоления войны» мирными жителями послевоенного Сталинграда / М. А. Рыблова // Татьяна Павловна Хлынина in *memoiam*. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2017. – С. 530–548.

28. Тимофеева, Т. Историческая память и ее памятники (на примере материалов Великой Отечественной войны) / Т. Тимофеева // Россияне и немцы в эпоху катастроф. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 122–135.

29. Тульцева, Л. А. Вдовья доля (заметки этнографа) / Л. А. Тульцева // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 3. – С. 20–26.

30. Фольклор военных лет / публ. Е. А. Самоделовой // Живая старина. – 2005. – № 2. – С. 8–13.

31. Фурсова, Е. Ф. Чудесные видения/знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е. Ф. Фурсова // Вестник Томского госу-

дарственного университета. История. – 2017. – № 49. – С. 128–131.

32. Церковно-приходские летописи Донской и Новочеркасской епархии / сост., автор коммент. А. В. Шадрина. – Ростов н/Д : Донской издательский дом, 2019. – 304 с.

REFERENCES

1. Amosov N. O vrede religioznykh prazdnikov [On the Dangers of Religious Holidays]. *Kolkhoznyy aktivist*, 1954, no. 68, August 25.

2. Bayburin A.K. Obryadovoye pereraspredeleniye doli u russkikh [Ritual Redistribution of the Share of Russians]. *Sud'ba traditsionnoy kul'tury* [Fate of Traditional Culture]. Saint Petersburg, RAN. Rossiyskiy institut istorii iskusstv, 1998, pp. 78-82.

3. Bayburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rituals]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p.

4. Balashova A.F. Kommunikativnaya priroda narodnykh rasskazov na primere tekstov o Velikoy Otechestvennoy voyne v nebesnykh znameniyakh [The Communicative Nature of Folk Stories on the Example of Texts About the Great Patriotic War in Heavenly Signs]. *Kommunikativnyye issledovaniya*, 2014, no. 1, pp. 233-240.

5. Balashova A.F. Prirodnye i meteorologicheskie primety vojny [Natural and Meteorological Signs of War]. *Fol'klor i postfol'klor: sayt* [Folklore and Postfolklor: Website]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorhttps://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm> (accessed 1 September 2020).

6. Belova O. Rasskazy o znameniyah vojny iz Brjanskoj oblasti: k voprosu o tipologii szuzhetov [Stories About the Signs of War from the Bryansk Region: To the Question of the Typology of Stories]. Mihal'chenko S.I., Chubur A.A., eds. *Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnoshenijah X-XX vv. (Brjansk, 28–30 nojabrja 2013 g.): materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [The Western Region of Russia in International Relations of the 10th – 20th Centuries (Bryansk, November 28–30, 2013). Proceedings of the II International Scientific Conference]. Bryansk, Izd-vo BGU, 2013, pp. 203-211.

7. Bernshtam T.A. *Molodezh' v obrjadovoj zhizni russkoj obshhiny XIX–XX vv. Polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury* [Youth in the Ritual Life of the Russian Community of the 19th – 20th Centuries. Gender and Age Aspect of Traditional Culture]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1988. 277 p.

8. Byl li na Mamaevom kurgane park Stalingradskih vdov [Was there a Park of Stalingrad Widows on Mamayev Kurgan]. *Gorod geroev* [City of Heroes]. URL: <http://gg34.ru/surprised/26290-byli-v-volgograde-park-stalingradskikh-vdov.html> (accessed 1 June 2020).

9. Ryblova M.A., ed. *Deti i vojna: Stalingradskaja bitva i zhizn' v voennom Stalingrade v vospominaniyah zhitelej goroda* [Children and War: the Battle of Stalingrad and Life in Military Stalingrad in the Memories of City Residents]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2014. 512 p.

10. Ryblova M.A., ed. *Deti Stalingrada: 10 let posle vojny. Vospominaniya zhitelej goroda* [Children of Stalingrad: 10 Years After the War. Memories of City Residents]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2015. 360 p.

11. Ryblova M.A., Krinko E.F., Khlynina T.P., Arkhipova E.V., Kurilla I.I., Nazarova M.P. *Detstvo i vojna: kul'tura povsednevnosti, mehanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v uslovijah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)* [Childhood and War: Culture of Everyday Life, Mechanisms of Adaptation and Survival Practices of Children in the Conditions of the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2015. 336 p.

12. Sidorov V., ed. *Krestnaja nosha* [God's Burden]. *Tragedija kazachestva: sbornik* [Tragedy of the Cossacks: Collection]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1994. 606 p.

13. Kuzmin N.N. Osobennosti kollektivnoj pamjati v tradicionnyh obshhestvakh [Features of Collective Memory in Traditional Societies]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*, 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 114-124.

14. Lanskiy M. Vyrubka parka vdov stala poslednej kaplej [Cutting Down the Park of Widows Was the Last Straw]. *Volga – Kaspij* [Volga-Caspian]. URL: <https://volga-kaspij.ru/society/vyrubka-parka-vdov-stala-posledney-kaplej.html> (accessed 8 October 2020).

15. Markov R.A. Golubec na Krasnoj Poljane [The Golubec in Krasnaya Polyana]. *Trudy Kurskoj Gubernskoj Arhivnoj Komissii. Vyp. 1* [Proceedings of the Kursk Provincial Archival Commission. Iss. 1]. Kursk, Tipografiya Kurskogo gubernskogo zemstva, 1911, pp. 138-163.

16. O. Mihail. Grandioznoe mirotochenie v Tveri – znamenie Nebesnoj Mirrotveri [A Grand Occurrence in Tver – A Sign of Heavenly Mirrolure]. *Sajt Obshhiny Pravoslavnoj cerkvi Derzhavnaja g. Tveri* [Website of the Community of the Orthodox Church Derzhavnaya in Tver]. URL: <http://mirotver.ru/features/90-grandioznoe-mirotochenie-v-tveri.htm> (accessed 8 October 2020).

17. Petrov N. Kak baba v belom vojnu predskazala: jeshatologicheskie nastroenija v SSSR [How the Woman in White Predicted the War: Eschatological Moods in the USSR]. Arkhipova A., ed. *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological Models and Ritual Behavior in the Soviet and Post-Soviet Space]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2013, pp. 188-199.

18. PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant E.G. Velikanova, 1930 g.r. Materialy etnograficheskoy praktiki studentov VolGU [Field Record of 1997 in Tepikinskaya Stanitsa. Informant E.G. Velikanova, Born in 1930. Materials of Ethnographic Practice of Volgograd State University Students]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

19. PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant E.F. Arbuzova, 1920 g.r. Materialy etnograficheskoy praktiki studentov VolGU [Field Record of 1997 in Tepikinskaya Stanitsa. Informant E.F. Arbuzova, Born in 1920. Materials of Ethnographic Practice of Volgograd State University Students]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

20. PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant R.F. Krivova, 1912 g.r. [Field Record of 1997 in Tepikinskaya Stanitsa. Informant R.F. Krivova, Born in 1912]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

21. PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant M.P. Usacheva, 1921 g.r. Materialy etnograficheskoy praktiki studentov VolGU [Field Record of 1997 in Tepikinskaya Stanitsa. Informant M.P. Usacheva, Born in 1921. Materials of Ethnographic Practice of Volgograd State University Students]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

22. PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant P.V. Kondrashova, 1929 g.r. Materialy etnograficheskoy praktiki studentov VolGU [Field Record of 1997 in Tepikinskaya Stanitsa. Informant P.V. Kondrashova, Born in 1929. Materials of Ethnographic Practice of Volgograd State University Students]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

23. PZ avtora v khut. Rybinskom Serafimovichskogo r-na Volgogradskoy obl. [Field Record in Rybinsky Khutor in Serafimovich District of Volgograd Oblast]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

24. PZ M. Ponomarevoy 2013, g. Volgograd. Informant A.V. Sklyarova, 1948 g.r., g. Stalingrad [Field Record by M. Ponomareva, 2013, Volgograd. Informant A.V. Sklyarova, Born in 1948, Stalingrad]. *Lichnyy arkhiv M.A. Ryblovoy* [Personal Archive by M.A. Ryblova].

25. Mironihina L.F., ed. Rasskazy o vojne v Kaluzhskoj oblasti [Stories About the War in the Kaluga Region]. *Zhivaja starina*, 2010, no. 2, pp. 23-26.

26. Red'kina O.Yu., Mordvinov S.V. Narodnaya religioznaya kultura v 1940-kh gg.: na primere Stalingradskoy oblasti [National Religious Culture in the 1940s: The Stalingrad Oblast Case Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnyye tekhnologii* [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2012, no. 1 (21), pp. 121-126.

27. Ryblova M.A. Praktiki «preodoleniya vojny» mirnymi zhiteljami poslevoennogo Stalingrada [Practices of “Overcoming the War” by Civilians of Post-War Stalingrad]. *Tat'jana Pavlovna Hlynina in memoriam*. Rostov-on-Don, YuNTz RAN, 2017, pp. 530-548.

28. Timofeeva T. Istoricheskaja pamjat' i ee pamjatniki (na primere materialov Velikoj Otechestvennoj vojny) [Historical Memory and Its Monuments (On the Example of Materials of the Great

Patriotic War)]. *Rossijane i nemcy v jepohu katastrof* [Russians and Germans in the Era of Catastrophes]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 122-135.

29. Tul'ceva L.A. Vdov'ja dolja (zametki jetnografa) [Widow's Destiny (Ethnographer's Notes)]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 3, pp. 20-26.

30. Fol'klor voennyh let [Folklore of the War Years]. *Zhivaja starina*, 2005, no. 2, pp. 8-13.

31. Fursova E.F. Chudesnye videnija/znamenija nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Wonderful Visions / Signs on the Eve of the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2017, no. 49, pp. 128-131.

32. Shadrina A.V., ed. *Cerkovno-prihodskie letopisi Donskoj i Novoчеркасской епархии* [Parish Chronicles of the Don and Novoчеркассk Diocese]. Rostov-on-Don, Donskoy izdatelskiy dom, 2019. 304 p.

Information About the Authors

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Kazachestvo Laboratory, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Traditional Culture and Folk Instrumental Performance, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Tsiolkovskogo St, 4, 400001 Volgograd, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Ekaterina V. Arkhipova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arkipovakv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-5586>

Информация об авторах

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры традиционной культуры и народного инструментального исполнительства, Волгоградский государственный институт искусств и культуры, ул. Циолковского, 4, 400001 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Екатерина Владимировна Архипова, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arkipovakv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-5586>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.20>

UDC 94(47+57)“1938/1943”:658
LBC 63.3(2P-4Bor)622,67

Submitted: 27.09.2020
Accepted: 11.11.2020

ON DAMAGES INFLICTED UPON THE STALINGRAD SECTION OF THE LOWER VOLGA STEAMSHIP LINE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR¹

Olesya A. Gomanenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper reviews the Lower Volga shipping industry before the Great Patriotic War and after the Battle of Stalingrad. The goal is to establish the loss inflicted by the invaders upon the facilities of the Stalingrad section of the Lower Volga Steamship Line that suffered most from the hostilities. *Methods and materials.* The study is based on the objectivity principles and applies general scientific as well as specific historical methods. The paper is based on unpublished archival materials as well as on scientific publications on the Lower Volga Steamship Line. *Analysis and results.* The Lower Volga Steamship Line was created in 1934. It was a big economic entity. The territory of its operation stretched along the Volga from Kamyshin down to Lagan. The Steamship Line comprised two basic sections – the Stalingrad and Astrakhan ones. Before the Second World War the Steamship Line included five production establishments (ship repairing yards and workshops), 17 transit piers, a passenger river-boat station, two local piers with registered fleet, three crossings and other facilities. The Stalingrad section was the largest. Within its boundaries the principal Steamship Line unit was situated – the Stalingrad transit pier. 90 percent of it was destroyed in the Battle of Stalingrad. The Stalingrad section of the Steamship Line suffered most from the hostilities. The total amount of damage of the Steamship Line has been established.

Key words: Stalingrad, Second World War, Battle of Stalingrad, Volga, river transport, facilities, damage.

Citation. Gomanenko O.A. On Damages Inflicted upon the Stalingrad Section of the Lower Volga Steamship Line in the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 229-237. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.20>

УДК 94(47+57)“1938/1943”:658
ББК 63.3(2P-4Bor)622,67

Дата поступления статьи: 27.09.2020
Дата принятия статьи: 11.11.2020

К ВОПРОСУ О ПОСТРАДАВШИХ ОБЪЕКТАХ ХОЗЯЙСТВА СТАЛИНГРАДСКОГО УЧАСТКА НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Олеся Александровна Гоманенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается состояние речного хозяйства Нижней Волги в довоенный период и после Сталинградской битвы. Нижневолжское речное пароходство (НВРП) было образовано в 1934 г. и являлось крупной хозяйственной единицей. Территориальные границы его простирались по Волге от Камышина до Лагани. Пароходство состояло из двух основных участков – Сталинградского и Астраханского. На протяжении второй половины 1930-х гг. происходило развитие речной инфраструктуры с ее многочисленными объектами. Накануне Второй мировой войны в структуру НВРП входили пять промышленных предприятий (судоремонтные заводы и мастерские), 17 транзитных пристаней, пассажирский вокзал, две местные пристани с приписанным флотом, три переправы и др. Сталинградский участок являлся наиболее крупным. В его границах располагался главный пункт пароходства – Сталинградская транзитная

пристань (порт), 90 % которой было уничтожено в ходе сражения. Цель настоящей работы заключается в выяснении ущерба, нанесенного противником объектам Сталинградского участка пароходства, как наиболее пострадавшего от военных действий. Подробно рассматривается состояние портово-пристанского хозяйства до и после боевых действий. Таким образом, больше всего пострадал Сталинградский участок пароходства, который интенсивнее подвергался бомбардировкам. Береговое хозяйство Астраханского участка вовремя было эвакуировано, поэтому наибольшая часть его оборудования, механизации и материалов сохранилась. Установлен общий ущерб, причиненный объектам Нижневолжского речного пароходства в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Сталинград, Вторая мировая война, Сталинградская битва, Волга, речной транспорт, объекты хозяйства, ущерб.

Цитирование. Гоманенко О. А. К вопросу о пострадавших объектах хозяйства сталинградского участка Нижневолжского речного пароходства в ходе Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 229–237. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.20>

Введение. Нижневолжское речное пароходство (далее – НВРП) в 1930–1940-е гг. являлось одним из крупных хозяйствующих субъектов на Волге. Территориальные рамки НВРП с момента его образования в 1934 г. и до реорганизации в 1948 г. простирались от Камышина в верхнем течении реки и до Лагани в ее низовьях. Сюда входила и дельта Волги с выходом в Каспийское море. На протяжении второй половины 1930-х гг. происходило развитие речной инфраструктуры. Цель статьи – выяснить урон, нанесенный противником объектам Сталинградского участка пароходства как наиболее пострадавшего от военных действий.

Методы и материалы. Настоящее исследование основывается на принципах объективности и историзма. В работе применялись общенаучные и специальные исторические методы (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный). Статья базируется на неопубликованных документах федеральных и региональных архивов. Историографию составили труды по исследованию деятельности Нижневолжского речного пароходства накануне и в годы Великой Отечественной войны, в том числе вопросы по установлению ущерба речному хозяйству [7–9].

Анализ. В течение второй половины 1930-х гг. структура Нижневолжского речного пароходства менялась. Так, накануне Второй мировой войны в границах НВРП находилось два технических участка пути, которые перестали принадлежать пароходству, а подчинялись Бассейновому управлению пути.

Сталинградский участок пути располагался от Камышина до Черного Яра, Астраханский – от Черного Яра до Астрахани соответственно. Технические участки водного пути обеспечивали должное содержание всего водного пути [12, л. 4 об., 62, 92].

Территориально с этими участками совпадали Сталинградский и Астраханский диспетчерские пункты НВРП по руководству движением флота. К ним относились и два замкнутых пункта пристаней – Красноармейск и Владимировка [6, л. 7 об.]. Накануне Великой Отечественной войны общее руководство работой флота от пристани Камское Устье (Татарская АССР) до Астрахани осуществлялось диспетчерами Управления НВРП. В 1941 г. Наркомат речного флота ввел новое положение, которое сохранялось на протяжении всей войны. Руководство движением флота стало осуществляться по более мелким участкам от Иловатки (на границе с Саратовской областью) до Астрахани.

Диспетчерское управление флотом производилось с помощью технических средств связи, которые в довоенный период были недостаточно развиты. В ходе Сталинградского сражения эта ситуация осложнилась. В результате бомбардировок и пожаров сгорел дом связи пароходства. Вместе с ним было уничтожено оборудование местной междугородней станции «Река» и телеграф. Помимо этого, пострадало 70 км столбовой линии электропередачи, длинноволновая радиостанция и др. Ущерб, нанесенный средствам связи НВРП, составил 1 млн руб. [18, л. 2; 21, л. 78 об.].

В структуру пароходства входили промышленные предприятия, осуществлявшие капитальный, а также средний и текущий ремонт местного и транзитного флота. Новые суда промпредприятия НВРП не строили. На левом берегу Волги в Красной Слободе напротив г. Сталинграда располагался Сталинградский судоремонтный завод (далее – ССЗ). Ниже по течению Волги на правом берегу реки находились Красноармейские судоремонтные мастерские, примыкавшие к одноименной пристани. В июле 1941 г. в Красноармейск эвакуировался Гомельский судостроительный судоремонтный завод. Через месяц на его базе и на месте мастерских был основан Красноармейский судостроительный судоремонтный завод (далее – КССЗ) [10, л. 8]. На правом берегу Волги в 170 км ниже Сталинграда во Владимировке располагались судоремонтные мастерские. В Астрахани работали судоремонтный завод им. Урицкого и ремонтные мастерские им. Сергеева [19, л. 21 об.–22].

С началом военных действий в Сталинграде производился демонтаж оборудования заводов и их отправка на другие промышленные предприятия страны. Так, завод им. Урицкого был эвакуирован в г. Гурьев (порт на Каспийском море, Казахская ССР) на Гурьевский судоремонтный завод [17, л. 1]. Часть оборудования Сталинградского судоремонтного завода также была перевезена в г. Гурьев. Часть мощностей ССЗ в сентябре 1942 г. была отправлена за 10 км от Волги в колхоз им. Фрунзе. В декабре 1942 г. Сталинградский завод переехал в Булгаковский затон, который находился в 70 км от Сталинграда вниз по течению реки [22, л. 2].

В ходе Сталинградской битвы Сталинградскому судоремонтному заводу был нанесен урон в размере 4 млн рублей [14, л. 2 об.]. Полностью погиб жилой и служебный фонд, лесопильный цех и др. Частично были разрушены литейный и котельный цехи. Несмотря на разрушения, завод продолжал функционировать и во время боевых действий. Так, только за сентябрь 1942 г. было отремонтировано 8 воинских паромов и 11 речных судов. Не переставая работать в течение всей навигации, ССЗ осуществил ремонт более 120 единиц. Свыше половины отремонтированного

флота пришлось на период бомбардировки завода [2, с. 114–117].

Красноармейский судостроительный судоремонтный завод меньше пострадал от военных действий, чем ССЗ. Оборудование и кадры КССЗ в августе 1942 г. были эвакуированы на судоремонтный завод в г. Чистополь (Татарская АССР) [15, л. 43]. Не все заводы и мастерские демонтировались и вывозились. В результате боевых действий был нанесен значительный ущерб промышленным предприятиям НВРП.

К началу войны пароходству Нижней Волги принадлежало 17 транзитных пристаней. На самостоятельном балансе стоял пассажирский вокзал. Помимо этого, две пристани (Сталинградская и Астраханская) были с приписным к ним местным флотом. Все пристани делились по разрядам в соответствии с их грузооборотом. Перворазрядными пристанями являлись: Сталинград транзитная, Сталинград местного флота, Астрахань транзитная, Астрахань местного флота, Красноармейск, Владимировка. Ко второму разряду принадлежала пристань Камышин. К промежуточным транзитным пристаням третьего разряда относилось еще 12 причальных пунктов. НВРП принадлежали переправы через Волгу у пристаней Сталинград, Камышин и Дубовка. В Астрахани переправа находилась в ведении Астраханского Горсовета [12, л. 3 об.].

Небольшие пристани НВРП пострадали менее всего от военных действий, так как имели минимальное пристанское оборудование и удаленное местоположение. В основном на таких пристанях страдали дебаркадеры, выполнявшие причальную функцию, и суда, стоявшие на рейде. В результате бомбардировок и пожаров погибали инвентарь стоечного флота и грузы, располагавшиеся на нем. Так, на пристанях Енотаевск, Каменный Яр, Быковы Хутора, Замьяны часть дебаркадеров получили повреждения. На пристанях Даниловка, Никольское, Черный Яр и др. сгорело все причальное оборудование [8, с. 62–63].

Более крупные пристани пострадали больше. В частности, на пристани Камышин повреждены были первый (железнодорожный) и второй участки. В целом Камышинское береговое пристанское хозяйство не было раз-

рушено. Владимировской пристани был нанесен ущерб более чем на 3 млн рублей. В результате военных действий сгорели пассажирский вокзал, грузовой склад и другие береговые объекты. Кроме того, частично были разрушены судоремонтные мастерские во Владимировке [4, л. 39; 18, л. 2].

В целом Астраханский участок НВРП не так сильно пострадал от боевых действий, как Сталинградский. Астраханская транзитная (порт) и местная пристани понесли ущерб значительно меньший, чем Сталинградский порт и местная пристань. Наибольшая часть оборудования, механизированных установок и различных материалов Астраханских пристаней сохранилась. Береговое хозяйство успели демонтировать и эвакуировать в г. Гурьев.

Сталинградская транзитная пристань (Сталинградский порт) являлась самым крупным и главным пунктом Нижневолжского пароходства. Протяженность пристани, располагавшейся на правом берегу Волги, составляла 5,2 км от Лесогаски Горлесозаводов до хлебосоляного участка. Длинная береговая полоса в ширину доходила до 600 м (подход к причалам) [12, л. 3, 7, 25].

Сталинградский порт объединил в себе три основные функции. Во-первых, он являлся угольной базой для снабжения судов топливом. Во-вторых, сама пристань располагалась на трехэтажном деревянном дебаркадере № 120, который служил транзитным вокзалом и обслуживал пассажиров. В-третьих, порт обладал большим водным пространством для рейдового флота. Пристань осуществляла пассажирские и грузовые водные и смешанные (перевалка грузов с железной дороги на реку и обратно) перевозки. Ко всем грузовым причалам порта подходили железнодорожные пути. К двум городским участкам пристани были проложены вымощенные булыжником шоссевые дороги, требовавшие ремонта. Тяжеловесный причал, участок № 5 и Угольная база Сталинградского порта имели грунтовые подъезды, с которых производилась перевалка грузов смешанных перевозок. Пристань обслуживала две большие железнодорожные станции – Соляную и Волжскую [12, л. 7–7 об.].

Водная и общая береговая площадь Сталинградской транзитной пристани насчитыва-

ла по 3 000,0 тыс. м² соответственно. Порт располагался в центре г. Сталинграда, что ограничивало его территорию. С одной стороны пристань соприкасалась с городскими постройками, с другой – крутым берегом Волги. На территории порта располагались пять производственных участков, где осуществлялись погрузочно-разгрузочные операции и хранение грузов. На всех участках находились склады для хранения грузов (лабазы). Их не хватало, а имевшиеся (в основном деревянные) нуждались в существенной модернизации. Накануне Великой Отечественной войны грузооборот транзитной пристани составлял 7 000,0 тыс. тонн в год [12, л. 7].

Каждый производственный участок Сталинградского порта имел свою специализацию. Так, участок № 1 (хлебосоляной) и № 5 (лесной) главным образом предназначались для переработки грузов малой скорости (нескорпортящиеся). Участки № 2 (городской), № 3 (городской) и № 4 (волгодонский) специализировались в основном на грузах большой скорости (требующих быстрой доставки). При этом второй и третий участки осуществляли перевалку грузов с железнодорожных вагонов на суда и наоборот вне зависимости от назначения груза (большой или малой скорости).

Первый участок имел три механизированных причала. На них производилась перевалка сыпучих грузов (соль, хлеб, химикаты) с реки на железную дорогу и обратно. Из Владимировки и Баскунчака прибывала соль. Остальные грузы поступали с верховьев Волги и Камы [11, л. 1 об., 4].

На втором участке располагались два механизированных причала для погрузочно-разгрузочных операций штучных грузов. Участок принимал поступающую продукцию в Сталинград с верхнего течения Волги. Далее грузы отправлялись в низовье реки. Прием грузов, следовавших с низовьев в верховья Волги, осуществлял третий участок [12, л. 10, 11 об.].

Четвертый участок находился на мощном камнем откосе и имел три механизированных причала для перевалки штучных грузов с железной дороги на реку и обратно. На причалах перерабатывались металлы и различные металлические изделия, а также грузы, находившиеся в мешках и ящиках, маши-

ны, станки и другие штучные грузы весом до 2 тонн [12, л. 3].

На пятом участке, имевшем четыре механизированных причала, происходила перевалка леса с судов в вагоны. Участок находился рядом с тяжеловесным причалом и Угольной базой. Последняя использовалась для бункеровки топливом всего транзитного и местного волжского флота (в том числе технического). Угольная база имела ручные и механизированные причалы для переработки угля (из Донбасса), поступавшего по железной дороге [12, л. 18 об., 19].

Часть причальных пунктов г. Сталинграда принадлежала промышленным предприятиям и хозяйственным организациям (клиентуре). Такие причалы обслуживали только эти объекты. К ним относились крупные промышленные Сталинградские заводы: тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь», № 91, шпаллопропиточный. Помимо этого, лесопромышленные организации и предприятия Народного комиссариата путей сообщения (далее – НКПС) также имели причальные пункты. Свои причалы были и у клиентуры (Заготзерно, Главсоль, Облрыбтрест, Консервный завод, Торгплодоовощ и Гастроном) [3, л. 3, 57].

Причалы в основном представляли собой деревянные эстакады и временные мостики. Исключение составляли капитально сооруженные причалы НКПС, волгодонского участка и Красноармейского затона. Многие расположенные на причалах полувековые дебаркадеры требовали ремонта или замены [6, л. 3 об., 4].

Накануне войны пароходство Нижней Волги имело 34 грузовых причала большой и малой скорости. Кроме этого, на балансе стояло семь плавучих и 18 береговых полупортальных и железнодорожных кранов, более 3,0 тыс. м транспортеров и около 32,0 тыс. м² крытых складов. Всего насчитывалось 57 единиц различных механизмов [5, л. 8 об.; 13, л. 18]. В частности, в Сталинградском порту находилось 15 грузовых причалов большой и малой скорости, 15 береговых и пять плавучих кранов, более 1,1 тыс. м транспортной линии и 7,3 тыс. м² крытых складов. Различный ремонт механизмов (в том числе перегруженных) и инвентаря на участках транзитной пристани осуществлялся в центральной

механической мастерской на Сталинградском судоремонтном заводе. Материально-техническая база НВРП нуждалась в мощной реконструкции, однако ее слабый рост был фактически приостановлен с началом Второй мировой войны.

В пределах порта располагались торговая сеть и предприятия общественного питания Сталинградского отделения нижеволжской конторы «Торгводтранс». Так, на транзитном вокзале находились магазин, хлебо-бакалейная лавка, бакалейный и овощной ларьки, плавучая хлебо-бакалейная база (магазин № 6), павильон с прохладительными напитками, три плавучих лавки с промышленными и продуктовыми товарами. На территории порта располагались два плавучих ресторана и столовая № 2 с пропускной способностью 2 800 чел. в сутки [12, л. 33–33 об.].

С началом боевых действий в Сталинграде некоторое оборудование портово-пристанского хозяйства НВРП было эвакуировано. Однако значительная часть погибла в результате бомбардировок противника и пожаров. Так, в начале августа 1942 г. в Куйбышев, Ульяновск и другие регионы эвакуировались материальные ценности склада Сталинградского порта на общую стоимость около 139,0 тыс. рублей. Кроме того, было демонтировано и отправлено вверх по Волге механизированное оборудование хлебного и соляного причалов. Однако по пути следования баржа с портовыми механизмами была разбомблена. В течение 23–25 августа на Сталинградской транзитной пристани сгорели все портовые сооружения, в том числе механизированное оборудование, погрузочно-разгрузочный инвентарь. Служебные помещения и жилищные постройки были разрушены. При пожаре погибло до 90 % имущества порта. Уничтожено было 18 причалов с 15 дебаркадерами, 14 груженых складов, погибло и повреждено 18 кранов, 1,5 тыс. м береговых стационарных транспортеров, а также 57 жилых построек и другое оборудование, инвентарь [23, л. 135–135 об.]. Сталинградский порт потерял имущество на 18 млн руб. [20, л. 29].

Между вторым хлебосоляным и третьим городским участками порта располагалась территория пристани Сталинградского местного флота протяженностью 500 м с пасса-

жирским вокзалом. В качестве причала использовался дебаркадер для Городской переправы. Местная пристань Сталинграда имела один грузовой участок, к которому были проложены железнодорожные пути, обеспечивавшие перевалку грузов с железнодорожных вагонов на суда и обратно. К причалам подходили грунтовые подъездные пути. Местный флот перевозил, соответственно, грузы местного значения [12, л. 37].

Сталинградская местная пристань обслуживала 12 линейных пристаней, которые располагались вверх по Волге от Сталинграда до Камышина (Красный Октябрь, Тракторный, Рынок и др.) и пять внизу по течению до Солодников (Светлый Яр, Райгород и др.). Пять причальных пунктов находилось на реке Ахтубе. Помимо этого, четыре пристани (Городская переправа Сталинград – Красная Слобода, Культбаза, Бакалда, Тумак) относились к пригородному сообщению. Причалное оборудование этих линейных пристаней составляли лишь дебаркадеры, которых и до войны не хватало [6, л. 4].

В ходе Сталинградской битвы все пристанское оборудование местной пристани Сталинград погибло. Ущерб составил 1,5 млн рублей. В частности, сгорел пассажирский вокзал (дебаркадер № 108), грузовой дебаркадер № 150, склады горючего и лесных материалов и др. Документация и инвентарь Управления местной пристани также были уничтожены [8, с. 61].

В первых числах августа 1942 г. часть пристанского оборудования Красноармейска была демонтирована и отправлена в г. Камбарку (Удмуртская АССР). В результате бомбардировок 75 % хозяйства пристани было уничтожено. Урон составил 3 млн рублей. В пожаре сгорели служебные и жилые постройки. Менее всего пострадали лишь деревянные эстакады транспортных линий [15, л. 43; 23, л. 115].

Результаты. Помимо береговых объектов, пострадало огромное количество флота НВРП. Значительная часть судов (около 25 %) погибла [9, с. 293–321]. Ущерб, нанесенный подвижному составу Нижней Волги, превысил 60 млн руб. [16, л. 16]. Свыше 73 млн руб. составил урон остальному имуществу пароходства, включая служебные, жи-

лые, хозяйственные постройки, оборудование и др. [1, л. 109–112]. Общий ущерб, причиненный противником всему хозяйству Нижневолжского пароходства за годы Великой Отечественной войны, по разным сведениям доходил до 114 млн руб. [7, с. 120]. Больше всего пострадал Сталинградский участок НВРП. Именно на его объекты хозяйства пришелся разрушительный удар военных действий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках научного проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as research project no. 0633-2020-0004 “Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты о причиненном немецко-фашистскими захватчиками ущербе предприятиям НКРФ СССР. 1944 г. // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 9469. – Оп. 1. – Д. 488.
2. Волгари в боях за Сталинград / А. А. Кантор, А. Т. Тажурзин (сост.). – Сталинград : Сталинградское книжное издательство, 1961. – 186 с.
3. Генеральная схема Гипроречтранса НКРФ о развитии Сталинградского речного порта (записки и чертежи). 1944 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. 557. – Оп. 19. – Д. 10.
4. Годовой отчет об эксплуатационной деятельности НВРП за 1943 г. // РГАЭ. – Ф. 9469. – Оп. 6. – Д. 47.
5. Годовой отчет об эксплуатационной деятельности НВРП за 1945 г. // РГАЭ. – Ф. 9469. – Оп. 6. – Д. 98.
6. Годовой отчет УНВРП за 1940 г. // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 11. – Д. 1025.
7. Гоманенко, О. А. Навигация 1943 года: битва за Волгу продолжается / О. А. Гоманенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 115–125.
8. Гоманенко, О. Нижневолжское речное пароходство в Великой Отечественной войне. 1940–

1945 г. / О. Гоманенко. – Saarbrücken : LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011. – 256 с.

9. Гоманенко, О. А. Новые данные о потерях речного флота в ходе Сталинградской битвы / О. А. Гоманенко // Стрелец : науч. ежегодник. – Вып. 3. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 293–321.

10. Доклад директора Красноармейского судостроительного и судоремонтного завода г. Сталинграда. 1942 г. // ГАВО. – Ф. 5513. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 7–15.

11. Контрольные цифры работы НВРП на 1937 г. // Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). – Ф. 2345. – Оп. 1. – Д. 232.

12. Краткое описание НВРП и Сталинградского речного порта за 1940 г. // ГАВО. – Ф. 557. – Оп. 19. – Д. 1.

13. Материал для секретаря ОК ВКП(б) т. А.С. Чужанова, председателя Исполкома Сталинградского облсовета депутатов трудящихся т. И.Ф. Зименкова, секретаря ГК ВКП(б) т. И.А. Пиксина от Уполномоченного Госплана при СНК СССР по Сталинградской области т. Короткова «Об итогах восстановления г. Сталинграда за два года (апрель 1943 г. – апрель 1945 г.)» // ГАВО. – Ф. Р-686. – Оп. 20. – Д. 56.

14. Протокол № 24 закрытого партсобрания парторганизации Сталинградского судоремонтного завода «Об итогах навигации 1942 г.». 19 декабря 1942 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 14. – Д. 165.

15. Сведения для зам. председателя СНК т. М.З. Сабурова от зам. председателя Госплана т. Зеленовского об эвакуации Красноармейского судоремонтного завода. 17 сентября 1942 г. // РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 847.

16. Сводный отчет по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, хозяйству НКРФ СССР. 1944 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 7021. – Оп. 2. – Д. 356.

17. Список начальника технического отдела НКРФ т. Леонтьева с перечнем эвакуированных предприятий НКРФ. 3 мая 1943 г. // РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 43. – Д. 775.

18. Справка начальника НВРП т. Коченина «О восстановлении и подготовки к навигации 1943 г. хозяйства НВРП». 2 февраля 1943 г. // ЦДНИВО. – Ф. 11418. – Оп. 1. – Д. 31.

19. Справка о современном состоянии Астраханского речного порта. 1938 г. // ГААО. – Ф. 2348. – Оп. 1. – Д. 99.

20. Справка секретарю Сталинградского ГК ВКП(б) т. И.А. Пиксину от начальника Сталинградского речного порта т. Матурина «О подготовке к навигации 1943 г. и восстановлении хозяйства Сталинградского речного порта». 29 марта 1943 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 2. – Д. 125. – Л. 29.

21. Справка секретарю Сталинградского ОК ВКП(б) т. А.С. Чужанову от секретаря ОК ВКП(б) по транспорту т. И. Сидорова «О степени разрушения железнодорожного и водного транспорта и мероприятиях по восстановлению». Сентябрь 1943 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 2. – Д. 76.

22. Справка Уполномоченному комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Сталинградской области т. И.А. Ягодкину от начальника НВРП т. Коченина и начальника политотдела НВРП т. Ширманова «О работе НВРП в условиях фронта в 1942 г.». 7 февраля 1943 г. // ЦДНИВО. – Ф. 11418. – Оп. 1. – Д. 27.

23. Справки отдела и секретарей парторганизаций, начальников речного порта и железной дороги о восстановлении и работе железнодорожного и речного транспорта, о состоянии партийно-политической работы. Февраль – август 1943 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 2. – Д. 125.

REFERENCES

1. Akty o prichinenom nemecko-fashistskimi zahvatchikami usherbe predpriyatijam NKRF SSSR. 1944 g. [Acts on the Damage Inflicted by the Nazi Occupants upon the People's Commissariat for River Fleet Facilities. 1944]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (dalee – RGAE)* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 1, d. 488.

2. Kantor A.A., Tazhurizin A.T., eds. *Volgari v bojah za Stalingrad* [Volgari in the Battles for Stalingrad]. Stalingrad, Stalingradskoe knizhnoe izdatelstvo, 1961. 186 p.

3. General'naja shema Giprorechtransa NKRF o razvitii Stalingradskogo rechnogo porta (zapiski i chertezhi). 1944 g. [General Scheme of Development of the Stalingrad River-Boat Station (Notes and Drawings). The Scheme Was Produced by the Giprorechtrans of the People's Commissariat for River Fleet. 1944]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoj oblasti (dalee – GAVO)* [State Archive of Volgograd Region], f. 557, inv. 19, d. 10.

4. Godovoj otchet ob jekspluatacionnoj dejatel'nosti NVRP za 1943 g. [Annual Report on the Lower Volga Steamship Line Operations in 1943]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 6, d. 47.

5. Godovoj otchet ob jekspluatacionnoj dejatel'nosti NVRP za 1945 g. [Annual Report on the Lower Volga Steamship Line Operations in 1945]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 9469, inv. 6, d. 98.

6. Godovoj otchet UNVRP za 1940 g. [Annual Report of the Lower Volga Steamship Line for 1940]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 11, d. 1025.

7. Gomanenko O.A. Navigacija 1943 goda: bitva za Volgu prodolzhaetsja [The Navigation of 1943: The Battle for the Volga Goes On]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 3, pp. 115-125.

8. Gomanenko O. *Nizhnevolzhskoe rechnoe parohodstvo v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1940–1945 gg.* [Lower Volga River Steamship Line in the Great Patriotic War. 1940–1945]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 256 p.

9. Gomanenko O.A. Novye dannye o poterjah rechnogo flota v hode Stalingradskoj bitvy [New Data on Losses of the River Fleet During the Battle of Stalingrad]. *Strezhen': nauch. ezhegodnik* [Annual "Strezhen'"]. Iss. 3. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2003, pp. 293-321.

10. Doklad direktora Krasnoarmejskogo sudostroitel'nogo i sudoremontnogo zavoda g. Stalingrada. 1942 g. [Report of the Director of the Krasnoarmejsky Ship-Building and Ship-Repairing Factory of Stalingrad. 1942]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. 5513, inv. 2, d. 3, l. 7-15.

11. Kontrol'nye cifry raboty NVRP na 1937 g. [Check Figures of the Lower Volga Steamship Line for 1937]. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoy oblasti (dalee – GAAO)* [State Archive of Astrakhan Region], f. 2345, inv. 1, d. 232.

12. Kratkoe opisanie NVRP i Stalingradskogo rechnogo porta za 1940 g. [Short Review of the Lower Volga Steamship Line and Stalingrad River Port in 1940]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. 557, inv. 19, d. 1.

13. Material dlja sekretarja OK VKP(b) t. A.S. Chujanova, predsedatelja Ispolkoma Stalingradskogo oblsobeta deputatov trudjashihhsja t. I.F. Zimenkova, sekretarja GK VKP(b) t. I.A. Piksina ot Upolnomochennogo Gosplana pri SNK SSSR po Stalingradskoj oblasti t. Korotkova «Ob itogah vosstanovlenija g. Stalingrada za dva goda (aprel' 1943 g. – april' 1945 g.)» [Materials from the State Planning Commission Plenipotentiary Korotkov for Secretary of the Stalingrad Oblast Party Committee A.S. Chuyanov, Chairman of the Stalingrad Oblast Executive Committee I.F. Zimenkov, and Secretary of the Stalingrad Party Committee I.A. Piksin "On the Results of the Stalingrad Restoration Program for Two Years (April 1943 – April 1945)"]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-686, inv. 20, d. 56.

14. Protokol № 24 zakrytogo partsobranija partorganizacii Stalingradskogo sudoremontnogo zavoda «Ob itogah navigacii 1942 g.». 19 dekabrja 1942 g. [Proceedings No. 24 of the Secret Meeting of the Party Organization of the Stalingrad Ship Repairing

Factory "On the Results of the 1942 Navigation". 19 December 1942]. *Tsentr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (dalee – TsDNIVO)* [Center for Documentation of the Modern History of Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 165.

15. Svedenija dlja zam. predsedatelja SNK t. M.Z. Saburova ot zam. predsedatelja Gosplana t. Zelenovskogo ob jevakuacii Krasnoarmejskogo sudoremontnogo zavoda. 17 sentjabrja 1942 g. [Information for Deputy Chairman of the Council of People's Commissars of the Soviet Union M.Z. Saburov from Deputy Chairman of the State Planning Commission Zelenovsky on the Evacuation of the Krasnoarmejsky Ship-Repairing Factory. 17 September 1942]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 4372, inv. 42, d. 847.

16. Svodnyj otchet po uchetu ushherba, prichinennogo nemecko-fashistskimi zahvatchikami i ih soobshhnikami, hozjajstvu NKRF SSSR. 1944 g. [The Summary Report on Accounting of the Damage Caused by Fascist Aggressors and Their Accomplices, to Economy of the Lower Volga Steamship Line of the USSR. 1944]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. 7021, inv. 2, d. 356.

17. Spisok nachal'nika tehničeskogo otdela NKRF t. Leont'eva s perechnem jevakuirovannyh predpriyatij NKRF. 3 maja 1943 g. [A List of the Evacuated Facilities of the Lower Volga Steamship Line Made Up by Head of the Technical Section of the Lower Volga Steamship Line Leontyev. 3 May 1943]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 4372, inv. 43, d. 775.

18. Spravka nachal'nika NVRP t. Kochenina «O vosstanovlenii i podgotovki k navigacii 1943 g. hozjajstva NVRP». 2 fevralja 1943 g. [Memorandum by Head of the Lower Volga Steamship Line Kochenin "On Restoration of the Lower Volga Steamship Line Facilities and Their Preparation for the 1943 Navigation". February 2, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of Volgograd Region], f. 11418, inv. 1, d. 31.

19. Spravka o sovremennom sostojanii Astrahanskogo rechnogo porta. 1938 g. [Memorandum on the Current Condition of the Astrakhan River-Boat Station. 1938]. *GAAO* [State Archive of Astrakhan Region], f. 2348, inv. 1, d. 99.

20. Spravka sekretarju Stalingradskogo GK VKP(b) t. I.A. Piksina ot nachal'nika Stalingradskogo rechnogo porta t. Maturina «O podgotovke k navigacii 1943 g. i vosstanovlenii hozjajstva Stalingradskogo rechnogo porta». 29 marta 1943 g. [Memorandum by Head of the Stalingrad River-Boat Station Maturin to Secretary of the Stalingrad City Party Committee I.A. Piksin "On Preparation for the 1943 Navigation and Restoration of the Stalingrad River-Boat Station".

29 March 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of Volgograd Region], f. 71, inv. 2, d. 125, l. 29.

21. Spravka sekretarju Stalingradskogo OK VKP(b) t. A.S. Chujanovu ot sekretarja OK VKP(b) po transportu t. I. Sidorova «O stepeni razrushenija zheleznodorozhnogo i vodnogo transporta i meroprijatijah po vosstanovleniju». Sentjabr' 1943 g. [Memorandum by Secretary for Transport of the Stalingrad Oblast Committee of the Communist Party I. Sidorov to Secretary of the Stalingrad Oblast Committee of the Communist Party A.S. Chuyanov "On the Amount of Damage of Railway and Water Transport and on the Measures for Their Restoration". September 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of Volgograd Region], f. 71, inv. 2, d. 76.

22. Spravka Upolnomochennomu komissii partijnogo kontrolja pri CK VKP(b) po Stalingradskoj oblasti t. I.A. Jagodkinu ot nachal'nika NVRP t. Kochenina i nachal'nika politotdela NVRP t. Shirmanova «O rabote NVRP v uslovijah fronta v

1942 g.». 7 fevralja 1943 g. [Memorandum by Head of the Lower Volga Steamship Line Kochenin and Head of the Political Section of the Lower Volga Steamship Line Shirmanov to Plenipotentiary of the Party Control Commission I.A. Yagodkin "On Operations of the Lower Volga Steamship Line in the Front Conditions of 1942". 7 February 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of Volgograd Region], f. 11418, inv. 1, d. 27.

23. Spravki otdela i sekretarej partorganizacij, nachal'nikov rechnogo porta i zheleznoj dorogi o vosstanovlenii i rabote zheleznodorozhnogo i rechnogo transporta, o sostojanii partijno-politicheskoj raboty. Fevral' – avgust 1943 g. [Memoranda by the Department and Secretaries of Party Organizations and Heads of the River Ship-Station and the Railway Line on Restoration and Operations of Railway and Water Transport and on Party and Political Propaganda. February – August 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Modern History of Volgograd Region], f. 71, inv. 2, d. 125.

Information About the Author

Olesya A. Gomanenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

Информация об авторе

Олеся Александровна Гоманенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.21>

UDC 94(47).084.6-084.8
LBC 63.3(2)

Submitted: 15.10.2020
Accepted: 27.11.2020

HISTORICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE OF VOLGOGRAD: ICONIC OBJECTS OF THE SQUARE OF FALLEN FIGHTERS OF PRE-WAR AND WAR STALINGRAD¹

Irina N. Litvinova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Oksana A. Karagodina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article analyzes the history of the creation of architectural objects surrounding the main square of the city – the Square of Fallen Fighters in the pre-war period of 1928–1938. The sequence of development of the square with new buildings of the era of “industrial constructivism”, as well as the reconstruction of houses built in Tsaritsyn, is covered in detail. *Methods and materials.* The study is based on the objectivity principles and applies general scientific as well as specific historical methods. The authors pay attention to the facts related to solving the problems of transforming pre-war Stalingrad into a “socialist city” – the center of industry and culture in the Lower Volga region. Separate events of the first period of the assault on Stalingrad related to the defense of iconic buildings in the central part of the city, which turned into nodes of resistance of the Soviet troops in the September street battles, are considered. Buildings and structures of the pre-war period of the city’s life that represented the appearance of the urban environment of Stalingrad, including the Square of Fallen Fighters, were forever lost to posterity. The purpose of the work is to analyze the historical architectural features of the main square and the surrounding area for subsequent computer modeling of the lost historical and cultural objects of pre-war Stalingrad based on the methodology of 3D reconstruction of structures. This approach to the historical heritage, which the city lost during the years of harsh atheistic propaganda and war, is partly able to recreate for contemporaries and subsequent generations various stages of life in Volgograd, with a characteristic appearance and features that reflect the characteristics of the city’s environment. Historical and analytical material is necessary for compositional modeling, which will allow reconstructing architectural objects of pre-war Stalingrad for further research and use in the development of a virtual tour.

Key words: Square of Fallen Fighters, pre-war Stalingrad, “socialist city”, architecture, buildings, street fighting.

Citation. Litvinova I.N., Karagodina O.A. Historical and Architectural Heritage of Volgograd: Iconic Objects of the Square of Fallen Fighters of Pre-War and War Stalingrad. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 238-252. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.21>

УДК 94(47).084.6-084.8
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 15.10.2020
Дата принятия статьи: 27.11.2020

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ г. ВОЛГОГРАДА: ЗНАКОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ПЛОЩАДИ ПАВШИХ БОРЦОВ ДОВОЕННОГО И ВОЕННОГО СТАЛИНГРАДА¹

Ирина Николаевна Литвинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Оксана Александровна Карагодина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется история создания архитектурных объектов, окружавших главную площадь города – Павших Борцов в довоенный период (1928–1938 гг.). Подробно освещена последовательность застройки Площади новыми зданиями эпохи «индустриального конструктивизма», а также реконструкция домов царицынской постройки. Авторы уделяют внимание фактам, связанным с решением задач по превращению довоенного Сталинграда в «социалистический город» – центр индустрии и культуры в Нижнем Поволжье. Рассматриваются отдельные события первого периода штурма Сталинграда, связанные с обороной знаковых зданий центральной части города, превратившихся в узлы сопротивления советских войск в сентябрьских уличных боях. Здания и сооружения довоенного периода жизни города, представлявшие облик городской среды Сталинграда, включая площадь Павших Борцов, были навсегда утрачены для потомков. Цель работы – необходимость исторического анализа архитектурных объектов главной Площади и ближней территории для последующего компьютерного моделирования утраченных историко-культурных объектов довоенного Сталинграда на основе методологии 3D-реконструкции сооружений. Данный подход к историческому наследию, которого город лишился в годы жесткой атеистической пропаганды и войны, отчасти способен воссоздать для современников и последующих поколений различные этапы жизни Волгограда с характерными для них обликом и чертами, которые отражают особенности окружающей среды города. Историко-аналитический материал необходим для композиционного моделирования, что позволит реконструировать архитектурные объекты довоенного Сталинграда для их дальнейшего анализа и использования в разработке виртуальной экскурсии. Авторы И.Н. Литвинова и О.А. Карагодина занимаются исследованиями в сфере социальной истории Царицына и Сталинграда, городской среды, историко-культурными особенностями досоветского и довоенного периодов развития Волгограда. В данной статье И.Н. Литвинова анализировала процесс становления Сталинграда как «социалистического города», то есть успешного индустриального и культурного центра Нижневолжского края; занималась визуальной реконструкцией историко-архитектурных объектов площади Павших Борцов. Автор О.А. Карагодина исследовала историю строительства Сталинградского универмага на главной Площади, а также оборонительные бои советских войск в сентябре 1942 г. за знаковые здания центральной части города и сохранившиеся после боев архитектурные объекты площади Павших Борцов.

Ключевые слова: площадь Павших Борцов, довоенный Сталинград, «социалистический город», архитектура, здания, уличные бои.

Цитирование. Литвинова И. Н., Карагодина О. А. Историко-архитектурное наследие г. Волгограда: знаковые объекты площади Павших Борцов довоенного и военного Сталинграда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 238–252. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.21>

Введение. Авторами статьи обосновывается идея познавательного потенциала, который содержит ретроспективная информация о некогда новых методах создания особого типа социалистических городов и экспериментальных подходах к архитектурному проектированию в стиле конструктивизма. Передовые практики применялись в гражданском (в том числе жилищном) строительстве «умного» и успешного социалистического города, носившего имя вождя, в частности, в создании типовых домов в рабочих поселках северной промзоны и «штучном» проектировании жилья для квалифицированных специалистов и административных зданий в Центральном, Краснооктябрьском, Ворошиловском районах города.

Важным аспектом в градостроительстве являлось отношение к созданию архитектурного ансамбля на главной площади города, который не был представлен в едином стиле, но отличался новизной и оригинальностью решений проектировщиков, включая сохранение части зданий дореволюционной поры с достройкой их верхними этажами. Данные вопросы имеют непосредственное отношение к востребованной ныне тематике исследований по локальной истории, социальной истории и актуальной проблеме информационно-культурного развития общества, так как предоставленный историко-аналитический материал необходим для 3D-реконструкции историко-архитектурных объектов довоенного и военного Сталинграда.

Методы и материалы. Работа основывается на принципах историзма, научной объективности и системности. Для исследования истории архитектурного наследия Волгограда привлечены как общенаучные, так и специальные методы. Метод системного анализа применялся для возможности рассмотрения общего, единого культурного пространства мирного Сталинграда, формировавшегося в рамках нового направления в архитектуре – конструктивизма. Метод исторической и логической реконструкции позволил воссоздать облик архитектурного комплекса на площади Павших Борцов и прилегающих к ней улиц.

В работе используются информационно-справочные материалы досоветского и советского периода, местные газеты, содержащие ценную информацию по истории строительства и работы Сталинградского универмага; архивные материалы фонда государственного архива Волгоградской области Ф. № Р-278 («Управление Сталинградского губернского инженера при Сталинградском губернском исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губинж), г. Сталинград»). Для визуального воссоздания общей картины площади Павших Борцов предвоенного и военного периодов авторы использовали фотоматериалы из фондов личного происхождения ГАВО – Ф. № Р-790 («Конов Лев Иванович – фотокорреспондент»). Основой для работы послужили научные труды отечественных авторов, посвященные градостроительству Сталинграда и особенностям архитектурных объектов главной площади города. Это монографии и статьи профессора П.П. Олейникова – исследователя проблемы исчезающей архитектуры Царицына и Сталинграда [14; 15], Н.П. Назаровой [13] и других авторов.

Анализ. Центральная площадь во все времена истории города являлась символическим, знаковым местом для горожан. В наши дни на городской площади проводятся социальные, общественно-политические, торжественные, а иногда – торговые мероприятия и парады. Главная площадь Волгограда относится к разновидности мемориальных площадей с установленным памятным обелиском на братской могиле погибших бойцов Красной армии в период Гражданской войны.

Площадь обрела новый современный облик после восстановительных работ в городе, продолжавшихся с 1943 г., когда начали восстанавливать корпуса заводов северной части Сталинграда, вплоть до 1953 г., когда завершилось восстановление и строительство новых объектов жилищного фонда. Здания и сооружения довоенного периода жизни города, в том числе площади Павших Борцов, были навсегда утрачены в период бомбардировки 23 августа 1942 г., артобстрелов осажденного города и во время уличных боев. В мае 1943 г., согласно заключению Комиссии, рассматривающей вопросы восстановления Сталинграда, было решено провести перепланировку центра города, на отдельной его части приблизительно в 4 га [6, л. 66–67]. Это территория – от набережной Волги до железнодорожного вокзала. При этом перепланировка затронула большую, чем планировалось, часть центра города. По новому Генплану, в Сталинграде стали возводить монументальные здания, которые отражали мемориально-триумфальную тему в архитектуре города-героя.

Сегодня, благодаря новому потенциалу IT-технологий и методики виртуальной 3D-реконструкции исторических объектов, у волгоградских исследователей появилась возможность виртуально восстановить архитектурный ансамбль главной площади города, а также некоторых примеров 3D-сцен микрорайонов довоенного Сталинграда и знаковых историко-культурных объектов Царицына с целью детального изучения, создания виртуальных экскурсий и размещения в сети Интернет для общего доступа.

Перед началом рассмотрения исторических объектов, находившихся по периметру главной площади довоенного города, следует обратиться к истории создания всего архитектурного ансамбля площади. В целом ее облик сформировался на основе бывшей Александровской площади Царицына. Свое название площадь получила от строившегося с 1901 вплоть до 1918 г. на данной территории одноименного собора в честь Святого князя Александра Невского, служившего прихожанам до 1932 года.

За 17 лет строительства храма территория вокруг преобразилась за счет двух скве-

ров, разбитых около него: в сторону железнодорожного вокзала уходил Гоголевский сквер с памятником писателю, а в южной стороне, ближе к Дому науки и искусств находился Городской сквер. В свое время площадь называлась Городской, а еще ранее – Базарной, так как рядом с ней находился основной базар центральной части Царицына, второй же по величине действовал в Зацарицынской части города. В царицынских рекламных объявлениях, а также в справочной литературе, причем выпуска одного года, часто указывались разные адреса проживания горожан и нахождения торговых домов на этой центральной территории. Например, в Справочнике за 1911 г. для «Второго общества взаимного кредита» (дом Н.И. Лапшина) и магазина И.С. Сивякова указывалось расположение – Александровская площадь; дом исправника В.А. Брецинского находился уже на Городской площади, еще более доходчиво был указан адрес Александровской мужской гимназии – «против городского сквера» [2, с. 86, 33, 113, 75].

Доминантой в архитектурном ансамбле площади Царицына, конечно, являлся Александро-Невский собор, занимавший 1/17 ее пространства. Размеры храма были впечатляющими для города, застроенного двух-, трехэтажными зданиями. В частности, высота собора соответствовала 57,5 м, что сравнимо с высотой 18-этажного здания, длина – 51 м, ширина – 47,5 м [8, с. 184]. Собор, построенный на народные средства – дары и пожертвования православных – был единственным в городе, созданном в русско-византийском стиле, но являлся основной достопримечательностью уездного центра. Возведен он из красного кирпича, фасад украшала полосатая и узорчатая кладка, причем кладка стен выстраивалась в четыре кирпича, а стены фундамента из тесаного камня достигали двух метров. При возведении собора характерна была основательность в расчетах и прочность в технологиях, с которыми его строили на века. Данное обстоятельство не помешало уничтожить храм в марте 1932 г. в угоду атеистических принципов жизни социалистического государства. Общественные богослужения в храме, который не отапливался с 1921 г., проводились до 1927 г., затем, до разрушения, здание приспособили под гараж.

Название «Павших борцов революции» площадь получила 8 февраля 1920 г., когда было решено переименовать ее после захоронения в братской могиле погибших бойцов Красной армии в дни обороны Царицына. В их честь через три года здесь был установлен деревянный памятный обелиск, который в 1925 г. был заменен каменным, высотой с двухэтажный дом [24]. С этого же года город стал носить имя Сталина.

Обелиск в то время находился напротив трехэтажной гостиницы «Столичные номера», ранее принадлежавшей маслозаводчику, коммерсантам и благотворителям Ворониным.

Следует обозначить те изменения, которые касались всего градостроительства и благоустройства довоенного Сталинграда, а не только его главной площади. Интенсивно градостроение началось в конце 1920-х гг., в связи с поставленными задачами концепции по индустриализации страны и градостроительной политики. Сталинград входил в число 12 городов по созданию, а точнее – по реконструкции уже существующего в новый «социалистический город» – крупный индустриальный и культурный Нижневолжский центр, с тем, чтобы соответствовать новому социалистическому обществу [11, с. 244]. В связи с этим Сталинград 1928–1931 гг. стал грандиозной стройкой промышленных предприятий, прежде всего, первенца пятилетки – тракторного завода и его рабочих поселков. Среди других важных промышленных объектов отметим строительство в южных районах Сталинграда ГРЭС и Красноармейской судовой верфи. В это же время проводилась реконструкция крупных лесозаводов, техническая модернизация машиностроительного завода «Баррикады» и металлургического завода «Красный Октябрь», так как Сталинград оставался центром металлургии в Нижнем Поволжье и 9 % всей выпускаемой стали в регионе производилось здесь [11, с. 242].

В целом для периода довоенного Сталинграда характерны крупные масштабы градостроительства как общественных, производственных, так и жилых объектов. Жилые комплексы строились в рабочих поселках Краснооктябрьского района и завода «Баррикады», Кировского района для трудящихся химического комби-

ната, тоже являвшегося первенцем пятилетки. Например, согласно Генплану, по проекту архитекторов братьев А.А. и Л.А. Весенных вся протяженность территории города вдоль Волги была разделена на пять районов, как бы образующих отдельные города, каждый из которых состоял из 4–5 жилых комбинатов или домов-коммун. В коммунах, рассчитанных на 1,5–3,5 тыс. населения, были предусмотрены максимальные удобства для проживания советских людей с развитой системой бытового обслуживания. Согласно Генплану, в Сталинграде обеспечивалась хорошая связь «между жилищем и местами приложения труда (около 10–15 минут)» [3].

Разумеется, градостроительная концепция «социалистического расселения» утверждала главенство организуемой производственной деятельности, а «жизнь» и социум рассматривались как обслуживающие, обеспечивающие производство [12, с. 118].

Тем не менее автор концепции социалистического города, сотрудник Генплана СССР Л.М. Сабсович уделял большое значение построению социалистического общества в новых и «социалистически реконструируемых городах», как например, Сталинград. Экономист отмечал следующее: «Мы создадим условия для невиданного подъема коллективной самодеятельности массы во всех областях производственной и общественной работы, для выработки из каждого трудящегося нового человека, члена, творца нового социалистического, общества» [19, с. 122]. Необходимые условия создавались посредством специфики гражданского строительства, предусматривающего максимум необходимых удобств для самих строителей социалистического города. Именно с 1930-х гг. стала применяться поквартальная планировка и застройка жилых домов, предусматривающая все необходимые условия для проживания горожан как в рабочих поселках северной и южной промзон, так и в центральной части города. В частности, рядом с жилыми кварталами работников промышленных предприятий, а также ведомственными жилыми комплексами для ИТР в обязательном порядке располагались объекты коммунально-бытового хозяйства, медицинских служб, школ, садов, яслей и зеленых зон для отдыха горожан. До-

кументальный анализ источников свидетельствует о том, что важным являлся санитарно-гигиенический аспект, предписывающий в обязательном порядке иметь рядом с кварталами жилой застройки общественную прачечную, баню, а также «все дворы снабдить мусорными ящиками и провести древонасаждение» [17, л. 117–119]. Уделялось серьезное внимание работе прачечных и бань для населения. Так, в Сталинграде в 1932 г. действовало 26 бань, что на 10 единиц больше, чем в Саратове, но недостаточно было прачечных [23, с. 363–366].

В проектах жилых домов для рабочих промышленных объектов учитывались, к примеру, такие нюансы, как направление улиц, «дабы по возможности избежать их направления с запада на восток в целях правильного освещения жилищ», а значит, и экономии электричества [7, л. 4–5].

В обязательном порядке поблизости от жилой зоны располагались столовая и кулинария. Строительство «квартир с кухнями и всеми прочими удобствами, для ведения домашнего хозяйства» продолжалось как и прежде, так как предполагалось, что в социалистическом обществе семьи «быть может, не все сразу откажутся от самостоятельной варки пищи, то на ряду с общественной столовой в каждой квартире устроена небольшая газовая кухня» [19, с. 109]. Однако, согласно мнению идеолога концепции социалистического города, кухни в новой жизни являлись буржуазным пережитком и должны были уйти в прошлое, чтобы не отвлекать женщин от занятий общественно-производительным трудом [19, с. 102]. В связи с этим горожанам необходимы столовые и кулинарии.

В 1928 г. город стал центром округа в составе Нижневолжской области, а в 1932 г., в соответствии с постановлением ВЦИК – центром Нижневолжского края [4, с. 447; 18, л. 258]. Данный период жизни сталинградцев был связан с ответственным этапом по переводу и размещению всех организаций и структур административного аппарата из Саратова в Сталинград, которых было около 200 [14, с. 63, 65]. Эти обстоятельства сильно повлияли на всю жизнь города, так как изыскать площади для размещения и нормального функционирования двух сотен учреждений, а также

возможности для организации приемлемого жилья переезжавшим в город сотрудникам со своими семьями было делом ответственным и хлопотным. В итоге в 1934 г. Нижневолжский край был разделен на Сталинградский с центром в г. Сталинграде и Саратовский край с центром в г. Саратове, что значительно облегчило задачи партийному, хозяйственному руководству города и строителям по размещению организаций и новых сталинградцев [20, с. 43].

Генеральный план градостроительства Сталинграда был разработан в 1930 г. институтом «Гипрогор». История этого института связана с советским градостроением – от первых городов-новостроек: Кузбасса, Магнитки, Урала – до современного комплексного проектирования крупнейших административных и научных центров [9]. В частности, в 1930 г. конкретизация градостроительного проекта получила поддержку по предложениям строительства братьев А.А. и Л.А. Весниных (представителей института), являвшихся лидерами направления «конструктивизм» в советской архитектуре, которое особенно было популярно в первой половине 1930-х гг. [3].

Несмотря на недостаточность жилого фонда и возникшие проблемы с размещением технических специалистов и рабочих, необходимо отметить имевшиеся особенности в проектировке новых домов и реконструкции старых. Для довоенного Сталинграда, особенно для центра, было свойственно «штучное», а не серийное строительство однотипных зданий, имевших функциональное значение и различную ведомственную принадлежность. С последним нередко было связано название жилых и административных зданий, например, – здание Военведа, здание Легпрома, Дом грузчиков (построен для докеров речного порта), Дом коммунальщиков, Дом книги, дома специалистов, Дом просвещенцев и далее.

Особое отношение проявлялось к обеспечению жильем инженерно-технических кадров, профессорско-преподавательского состава сталинградских механического, медицинского, педагогического вузов и представителей других интеллигентных профессий. В частности, в 1930-х гг. были построены три жилых дома для ИТР (центр города), дом медиков (центр), дом профессуры Механического

института (Тракторозаводской р-н), жилой дом работников искусств (центр). Выстроены и другие жилые объекты для представителей различных ведомств – дома НКВД, дома для работников облпотребсоюза. Ставший легендарным в период битвы за город дом сержанта Павлова – это жилой дом облпотребсоюза, в котором до бомбовых ударов конца августа 1942 г. еще жили семьи работников органа потребительской кооперации. Часть имевшихся зданий для жилья квалифицированных специалистов были отстроены вновь после войны.

Квартальная застройка в довоенном городе решала еще одну задачу – убиралась мелкая сеть старых улиц. Например, в центре города, сформировалась планировка с новой улицей Новосоветской и продолжением Октябрьской улицей, соответственно убиралась 12 «мелких» улиц» [14, с. 90].

В 1930 г. ленинградскими архитекторами-художниками был разработан генплан новой центральной части социалистического города Сталинграда [14, с. 8]. Было представлено 4 варианта проекта, в том числе согласно одному из них предполагалось превратить площадь 9 января в центральную. Однако не свершилось, и статус площади Павших Борцов остался важнейшим и центральным в городской среде. Это обстоятельство повлияло на кардинальное изменение облика главной городской площади. Начало формирования нового архитектурного комплекса площади Павших Борцов исследователи относят к 1928 г., так как в этом году вместо снесенного здания пожарной охраны было начато строительство первого пятиэтажного жилого дома Горко (городского коммунального отдела) на углу улицы Пушкинской и площади Павших Борцов. Сдан в эксплуатацию новый объект в 1930 г., а годом позднее к нему пристроили еще одно здание. Впоследствии Горко стал называться вторым домом Советов, но в довоенное и военное время больше был известен как Дом летчиков из-за пристройки к нему в 1931 г. училища летчиков [14, с. 150]. Именно это название объекта обозначено в некоторых военных картах. Дом летчиков находился на месте современного медуниверситета.

Обозначим, что с сооружением Дома летчиков и началось применение нового для

Сталинграда архитектурного стиля – конструктивизма. Для данного архитектурного течения, особо оказавшегося по нраву советским архитекторам братьям А.А. и Л.А. Весниным, В.М. Гинзбургу, К.С. Мельникову, характерны «строгость, геометризм, лаконичность форм и функциональность зданий», а также контрастность сочетания больших площадей остекления зданий с фоном глухих поверхностей стен [1].

Ранее была отмечена проблема, возникшая в связи с необходимостью размещения двух сотен организаций и поселения семей сотрудников этих учреждений. Ситуация требовала значительного расширения строительных площадей и новаторских решений архитекторов и проектировщиков, которые не заставили себя ждать. Например, в центральной части города проектировщики предложили надстроить верхними этажами двух-трехэтажные здания царицынской постройки, что значительно увеличило полезные площади и «осовременило» городскую среду.

Проектированием городов в крае занимался институт «Крайпрогор», главным архитектором которого в начале 1930-х гг. был архитектор Ф. Дюженко. Оригинальным решением архитектора стало проведение реконструкции бывшей гостиницы «Столичные номера», которая к тому времени называлась «Сталинградская». По проекту трехэтажное здание гостиницы было надстроено четвертым этажом [15]. Со временем в нем расположились универсам и кинотеатр «Комсомолец», ставший популярным в довоенном Сталинграде.

Охват и ширина застройки Площади изменили и ее планировку, особенно после уничтожения Александро-Невского собора, находившегося в ее центральной части. Новые формы планировки появились у зеленого сквера, так как его территория значительно расширилась. Памятник-обелиск и братскую могилу, оказавшиеся в результате перепланировки ближе к гостинице, то есть на оси бывшей улицы Московской, перенесли на новое место, где они сейчас и находятся. Перенос обелиска являлся тайной операцией, происшедшей ночью [15].

Рядом с Драмтеатром им. Горького (бывший Дом Науки и Искусств), в северо-западной части Площади, в начале 1930-х гг. было

построено четырехэтажное здание общежития крайисполкома. Сегодня это месторасположение соответствует трибунам площади.

По соседству с общежитием находилось одно из самых эффектных и красивых зданий Царицына, где ранее размещалось торговое товарищество Артемия Яблокова, которое впоследствии было отдано под Дом Красной армии. Здание стояло на углу улицы Гоголя и Площади и отличалось оригинальными архитектурными деталями крыши со своеобразными башенками, шпилями, свойственными застройке города конца XIX столетия. В сети Интернет можно найти цветную открытку Царицына времен Первой мировой войны с изображением этого эффектного здания. По проекту архитекторов П. Калиниченко и И. Иващенко этот дом был надстроен двумя этажами. Следует отметить, что проектировщикам удалось сохранить самобытность этого царицынского дома. Относительно полезных площадей: «...на четвертом этаже здания были размещены ясли на 100 детей и комнаты для кружковой работы семей начсостава. На третьем этаже – библиотека, читальня, лекционный зал на 250 человек и кабинеты для индивидуальных занятий. На втором этаже оборудуется зрительный зал на 350 человек, танцевальный зал на 100 человек, фойе, кафе и бильярдная» [15]. В этом же здании работал детский клуб юнармейцев.

Перспектива улицы Гоголя уходила на северо-запад и замыкалась на привокзальной площади с вокзалом Сталинград I. Здание не было подвергнуто радикальной реконструкции: сохранилось в историческом виде со времен его постройки для Грязе-Царицынской железной дороги левое крыло вокзала, но был достроен второй этаж вокзала и большое правое крыло в 1930-х годах.

Именно Центральный вокзал Сталинград I и прилегающие к нему дома и сооружения стали эпицентром оборонительных боев в центральной части города, с середины до конца сентября 1942 г. (14.09–26.09.1942 г.). Вокзал, серьезно поврежденный авиацией и артиллерией, все еще оставался важным стратегическим объектом осажденного города, который некоторое время был способен функционировать. В боях за вокзал и прилегающие к нему территории и здания особо отличились бойцы

1-го батальона 42-го Гвардейского стрелкового полка 13-й Гвардейской стрелковой дивизии, комбатом которого вначале был старший лейтенант З.П. Червяков. После его тяжелого ранения командование батальоном взял на себя старший лейтенант Ф.Г. Федосеев [10, с. 110].

Напротив привокзальной площади находились музей Оборона Красного Царицына и гвоздильный завод «Красная застава», который построен еще царицынскими коммерсантами братьями Серебряковыми. Район обороны батальона после тяжелых боев протянулся от вокзала до здания универмага, включая гвоздильный завод и высотный Дом коммунальщиков. Эти объекты являлись узлами сопротивления в сентябре 1942 года. К истории появления красивой высотки – Дома коммунальщиков – вернемся позднее.

В довоенном Сталинграде на противоположной от Дома Красной армии территории, через дорогу улицы Гоголя, в 1935 г. была построена самая крупная гостиница в городе – «Большая Сталинградская» (вторая гостиница, ныне на этом месте находится здание Главпочтамта). Ее фасад выходил к ГУМу, построенному в 1938 году. Гостиница была рассчитана на 230 номеров, рядом, по улице Гоголя, находилась гостиница «Люкс» царицынской постройки. Здание «Большой Сталинградской» несло еще и смысловую нагрузку в архитектурном оформлении Площади, отличаясь своими объемами и монументальностью строения. По соседству со строившимся зданием универмага одновременно возводилась гостиница «Интурист» (1-я гостиница), немногим уступая «Большой Сталинградской» по количеству номеров. Вплотную с ней построили здание Облместпрома (Легпрома), где впоследствии расположились и администрация, и жилые квартиры сотрудников [15].

Подобно бывшему дому А. Яблокова, двумя этажами был надстроен и бывший особняк мецената А.А. Репникова, находившийся ранее на центральной ул. Царицына – Александровской, напротив Александровской площади. В Сталинграде в этом уже четырехэтажном здании на улице Октябрьской разместили Главпочтамт, учреждения Наркомтяжпрома и Пищепрома. На углу улиц Московской и Октябрьской, на одной оси с Глав-

почтамтом был возведен новый Дом книги. Судя по фотоматериалам, за этими двумя зданиями начинался выход к верхнему ярусу центральной Набережной.

Фотографические источники и документы кинохроники позволяют понять, что вновь построенные здания, создавшие архитектурный ансамбль главной городской площади, также были выполнены в стиле конструктивизма и отличались строгостью оформления фасадов, редкими украшательскими деталями, большим количеством окон, что производит впечатление их монументальности, но в то же время просматривается своеобразная «пролетарская» эстетика, которая в целом характерна для индустриальной культуры центра Нижнего Поволжья. Тем не менее в целом архитектурный ансамбль создает впечатление благоустроенности центральной части довоенного Сталинграда (см. рис. 1).

Ранее было отмечено, что многие здания в строившемся социалистическом городе возводились не по типовым, а по индивидуальным проектам, с использованием передовых технологий того времени. Более того, в Краснооктябрьском, Центральном и Ворошиловском районах города была построена группа домов, композиционно выделявшихся на фоне других, – с округленным фасадом или углом, с повышенной угловой частью, иногда завершавшейся ротондой. Как правило, скругленный объем был характерен для угловых зданий. К примеру, это ГУМ, Дом грузчиков, Дом консервщиков (построен для работников консервного завода), Облисполком, Дом просвещенцев, Дом гидролизного завода и другие.

Особенно оригинальным, красивым и самым высоким в городе был семиэтажный Дом коммунальщиков, также выполненный в стиле «провинциального» конструктивизма (1937 г.). Согласно мнению волгоградского архитектора П.П. Олейникова, высказанному в интервью, этот Дом считался не только одним из красивейших в довоенном Сталинграде, но и был самой крупной постройкой на Нижней Волге. «На его полукруглом парадном фасаде красовались колонны, изящные балкончики. На крыше находилась площадка для отдыха» [5]. Здание было расположено по соседству с гвоздильным заводом, рядом с музеем Оборона Красного Царицына, то есть

территориально – недалеко от железнодорожного вокзала и площади Павших Борцов.

Как отмечено ранее, в период уличных боев в городе, с середины сентября 1942 г. это здание находилось в эпицентре сражения за железнодорожный вокзал, но и впоследствии оставшиеся от здания руины сыграли свою положительную роль как прикрытие в наступательный период при окружении немецких войск в январе 1943 года.

Стоит отметить, что и взорванный на Площади «собор» смог послужить людям в военном Сталинграде, так как использовались остатки его кирпичей, щебень и каменная крошка при строительстве уличных баррикад возле зданий на Площади. В частности, баррикады из камней и щебня загораживали подходы к Универмагу, гостинице «Сталинградской», улицам Островского, Гоголя. Осколки кирпичей, камня, бетона в значительном количестве остались после взрыва собора и служили в качестве подушки для дороги на окружавших Площадь улицах и скверах [8, с. 181].

В дальнейшем вся нечетная сторона домов улицы Гоголя, включая Дом Красной армии, сильно пострадала от августовских бомбежек 1942 г. и артобстрелов во время боев за город.

В городе довоенной поры перестроенная Площадь обрела архитектурно оформленный общий вид уже к лету 1936 г., хотя строительство некоторых объектов продолжалось. В Городском сквере подросли молодые деревья и кустарники, появились новые дорожки, ограды и фонари, скамейки и парковые украшения; заработали два фонтана [21]. Формирование ансамбля Площади продолжилось: в западной части Площади, в начале бывшей ул. Первомайской, было возведено четырехэтажное здание для Крайисполкома (в дальнейшем облисполкома). Объект введен в эксплуатацию 1937 г., композиционно также был решен в стиле конструктивизма, с округленным углом, увенчанным ротондой [15].

Завершен архитектурный ансамбль площади Павших Борцов был в 1938 г. с возведением нового здания универмага. Этот объект, в подвале которого был пленен командующий 6-й полевой армии генерал-фель-

дмаршал Ф. Паулюс и его штаб, и сегодня остается одним из символов города-героя. В наши дни старый универмаг скрыт за стеклянным фасадом волгоградского центрального универмага.

Здание универмага, выполненное в стиле конструктивизма с элементами историзма, с округленным углом, увенчанным ротондой, являлось по меркам социалистического города «долгостроем». Его постройка продолжалась более двух лет из-за недостатка квалифицированных рабочих-строителей, стройматериалов и техники. Не хватало также оборудования для магазина, но проблема была решена собственными силами, что было особо отмечено в местной газете: «...в подвалах универмага организовали столярные мастерские, где мастера профессионально изготовили необходимое оборудование, мебель и прилавки» [21].

Долгожданное открытие Показательно-го Универмага состоялось в июне 1938 г. Здание с полукруглым фасадом выделялось на фоне других, но эффектно смотрелось рядом с Домом Красной армии, который находился напротив, через ул. Ломоносовскую, и также имел закругленный фасад. Малое крыло универмага примыкало к гостинице «Интурист» и выходило на площадь Павших Борцов [22].

Работа нового Сталинградского универмага по своим основным показателям приравнялась к 6 лучшим в СССР, которых на тот момент всего было 21. В универмаге насчитывалось около 500 сотрудников, а некоторые товары, поступающие в продажу, например, модельную обувь, можно было заказать лишь в четырех магазинах страны [21].

С возведением здания универмага архитектурный ансамбль Площади был завершен (см. рис. 2). Как отмечает архитектор П.П. Олейников, с 1928 по 1938 гг. на площади Павших Борцов было построено 8 новых зданий и реконструировано 4 здания царичинской архитектуры [15].

После августовского массированного удара немецкой авиации по Сталинграду многие здания, в том числе на площади Павших Борцов, были разрушены, выгорели. У автора Е. Кобякова имеется упоминание о пребывании в начале сентября в осажденном городе корреспондентов и редактора газеты «Крас-

ная Звезда» Д. Ортенберга, писателей К. Симонова, В. Коротева и фотографа В. Темина. Газетчики, пройдя по мертвым улицам к привокзальной площади, сделали несколько снимков, в том числе фонтана на привокзальной площади – «гипсовые дети посреди изуродованного города производили жуткое впечатление» [10, с. 96].

В середине сентября, когда вокзал у немцев был отбит на несколько дней, немецкая авиация также методично бомбила и здание вокзала, и близлежащие кварталы. Сильно пострадали Дом коммунальщиков, Облисполком и его общежитие, Легпром, Дом книги, школа летчиков – все объекты находились рядом с площадью Павших Борцов.

26 сентября 1942 г. был закончен первый штурм Сталинграда. Частями 6-й армии генерала Паулюса и 4-й танковой армии генерал-полковника Гота были захвачены южный (Ворошиловский р-н, пос. Купоросный) и Центральный районы города [10, с. 158]. На административных партийных и советских зданиях Площади были вывешены флаги противника. Бои за город продолжались, но переместились в северную промзону и рабочие поселки заводов.

В послевоенное время, 16 февраля 1943 г., когда было снято осадное положение в городе, необходимо было приводить в норму санитарное состояние – захоронение трупов, разгребание завалов, разбор руин и постоянное разминирование территории. Большую роль на данном этапе сыграли общественные организации и добровольцы. Так, к июню 1943 г. в основном силами горожан было освобождено от мусора и нечистот 800 тыс. м² улиц, площадей, садов, разобрано 2 100 м³ баррикад, засыпано 600 шт. помойных ям, свалок, старых уборных, построены 45 общественных уборных и 31 мусорный ящик [16, с. 68]. Работы по захоронению трупов и разбору завалов продолжались долго. Центральная часть города – административные и жилые здания строились после восстановления промышленных объектов.

Результаты. Здания и сооружения довоенного Сталинграда, представлявшие облик городской среды социалистического города, включая площадь Павших Борцов, были навсегда утрачены для потомков. В централь-

ной части города фактически остались одни руины, которые были снесены – это разрушенные коробки здания облисполкома, его общежития, Дома Красной армии и многих других. Следует отметить, что восстановлено было здание универмага, которое в дни битвы за город имело выгодное местоположение. После жестоких боев, в октябре 1942 г. в его больших подвальных помещениях разместился штаб 71-й дивизии вермахта, расквартировав свои полки в центре города. Против них держала линию фронта 13-я гвардейская дивизия, занимавшая позиции ближе к Волге и домам специалистов [10, с. 128]. В январе 1943 г. подвалы универмага занял штаб 6-й армии и ее командующий Ф. Паулюс, где и был пленен 31 января бойцами 38-й мотострелковой бригады 64-й армии под командованием И.В. Бурмакова.

Весь довоенный ансамбль Площади необходимо было создавать заново. По этой причине в восстановительный период жизни города руины зданий были разобраны, за основу восстановления, вернее строительства нового города был взят Генеральный план Сталинграда академика архитектуры К. Алабяна. Центральная часть города, включая площадь Павших Борцов, ул. Мира, набережную Волги, отстраивалась по проекту В.Н. Симбирцева – главного архитектора послевоенного города [13, с. 24].

Архитектурный облик послевоенной застройки Площади значительно изменился, конструктивизм ушел в прошлое, в облике города-героя появилось новое мемориально-триумфальное архитектурное направление. Как отмечено выше, сохранено было здание универмага и в меньшей степени изменению подвергся Дом коммуны. На фундаментах этого дома впоследствии была построена пятиэтажная гостиница «Волгоград», реконструировано и здание бывшего драмтеатра.

Тем не менее следует отметить оригинальность новых практик, применявшихся в проектировании и строительстве города 1930-х гг., в частности, жилых домов и гражданских объектов. Если не акцентировать внимание на идеологической составляющей концепции «социалистических городов», то существенным и актуальным даже в наши дни является подход архитекторов и

проектировщиков к процессу формообразования Сталинграда, который рассматривался в трех аспектах: функциональном, композиционном и образном.

Утраченные историко-культурные объекты довоенного Сталинграда, в частности, ансамбль главной городской Площади, вокзал, набережная, будут воссозданы волгоградскими исследователями вновь, но в виртуальном виде, на основе методологии 3D-реконструкции сооружений. Данная работа необходима для современников и последующих поколений, чтобы знать о различных этапах жизни Волгограда с характерными для них обликом и

чертами, всегда отражающими особенности окружающей среды города.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as research project no. 0633-2020-0004 “Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Панорама площади Павших Борцов со стороны улицы Октябрьской (ныне проспект им. Ленина, обелиск воинам установлен на противоположной стороне площади), 1939–1940 гг.

Fig. 1. Panorama of the Square of Fallen Fighters from the side of Oktyabrskaya St (now Prosp. Lenina, the obelisk to soldiers is installed on the opposite side of the square), 1939–1940

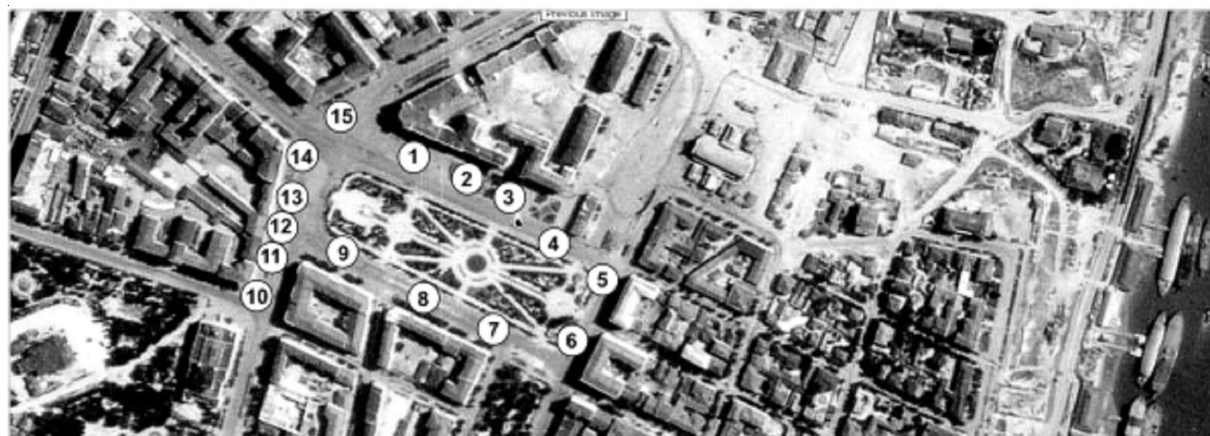

Рис. 2. План центральной части города. Ансамбль площади Павших Борцов в 1942 г.:

- 1 – ЦУМ; 2 – гостиница Интурист; 3 – здание Легпрома; 4 – швейная мастерская;
5 – здание Уполнаркомпищепрома; 6 – Главпочтамт; 7 – школа летчиков; 8 – Дом летчиков; 9 – Дом Советов;
10 – здание облисполкома; 11 – жилой дом (бывшая аптека Забелина); 12 – здание Военведа;
13 – общежитие облисполкома; 14 – Дом Красной армии; 15 – гостиница «Большая Сталинградская»

Fig. 2. Plan of the central part of the city. The ensemble of the Square of Fallen Fighters in 1942:

- 1 – Central Department Store; 2 – Intourist hotel; 3 – building of light industry; 4 – sewing workshop;
5 – Upolnarkompishcheprom building; 6 – Central post office; 7 – pilot school; 8 – Pilot House; 9 – House of Soviets;
10 – building of the Regional Executive Committee; 11 – dwelling house (former Zabelin pharmacy); 12 – building of Voened; 13 – dormitory of the Regional Executive Committee; 14 – House of the Red army; 15 – “Bolshaya Stalingradskaya” hotel

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектурный стиль: конструктивизм. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.regent-decor.ru/lib/articles/architecture/konstruktivizm.html> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.
2. Весь Царицын. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду за 1911 г. – Царицын : Царицынская мысль, 1911. – 113 с.
3. Генеральный план Сталинграда. А. и Л. Веснины. 1930 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://arx.novosibdom.ru/node/2384> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.
4. Государственный архив Волгоградской области : Путеводитель / Е. В. Булюлина [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 572 с.
5. Гречухина, Ю. В Волгограде открыта выставка «Здания – крепости Сталинграда» / Ю. Гречухина // Волгоградская правда. – 2019. – 27 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vpravda.ru/kultura/v-volgograd-otkryta-vystavka-zdaniya-creposti-staljingrada-75421> (дата обращения: 15.09.2020). – Загл. с экрана.
6. Докладная записка секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуюнова и председателя Сталинградского облисполкома И. Ф. Зименкова Г. М. Маленкову и Н. А. Вознесенскому с предложениями по планировке центральной части Сталинграда от 25 мая 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 195. – Л. 66–67.
7. Заключение по Акту приемки поселка им. А. И. Рыкова от 5 января 1926 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. 278. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 4–5.
8. Иванов, С. М. Православие на волгоградской земле: храмы Царицына – Сталинграда – Волгограда / С. М. Иванов, В. И. Супрун. – Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2003. – 240 с.
9. Из истории института «Гипрогор». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.giprogor.ru/about/history> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.
10. Кобяков, Е. Неизвестный Сталинград / Е. Кобяков. – М. : Яуза-каталог, 2020. – 320 с.
11. Липатов, А. В. Социалистическое преобразование города в 1930-е гг.: Сталинград как социально-экономический центр Нижнего Поволжья / А. В. Липатов, Ф. А. Такташева // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Вып. 18. – С. 241–246.
12. Меерович, М. Г. Градостроительная доктрина России. Исторические предпосылки / М. Г. Меерович // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2003. – № 1 (13). – С. 116–123.

13. Назарова, М. П. Исчезнувший и возрожденный: архитектура Сталинграда до и после Сталинградской битвы / М. П. Назарова, П. П. Олейников // Социология города. – 2013. – № 1. – С. 20–26.
14. Олейников, П. П. Архитектурное наследие Сталинграда / П. П. Олейников. – Волгоград : Издатель, 2012. – 560 с.
15. Олейников, П. П. Формирование градостроительного ансамбля площади Павших Борцов в довоенном Сталинграде / П. П. Олейников [и др.] // Интернет-вестник ВолГАСУ. Серия: Политематическая. – 2011. – Вып. 1 (15). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://vestnik.vgasu.ru/attachments/OleinikovAntyufeyev-2011_1\(15\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attachments/OleinikovAntyufeyev-2011_1(15).pdf) (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.
16. Пищулина, С. Ю. Восстановление Сталинграда в 1943–1945 гг.: проблема формирования и распределения трудовых ресурсов / С. Ю. Пищулина, О. Ю. Редькина // Экономическая история. – 2017. – № 38. – С. 64–77.
17. План поселков Большая и Малая Франция на заводе «Красный октябрь». 1926 г. // ГАВО. – Ф. 278. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 117–119.
18. Протокол № 33Д. № АУ 715/14 от 10 января 1932 г. «О переводе центра Нижневолжского края из г. Саратова в г. Сталинград» // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 258.
19. Сабсович, Л. М. Социалистические города. Госиздат РСФСР / Л. М. Сабсович. – М. : Московский рабочий, 1930. – 124 с.
20. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). – 1934. – № 5. – Ст. 34. – С. 43.
21. Сталинградский Показательный Универмаг // Сталинградская битва. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://stalingrad-battle.ru/projects/employee-writes/2014/4021> (дата обращения: 12.09.2020). – Загл. с экрана.
22. Сталинградский универмаг // Сталинградская правда. – 1936. – 7 нояб. – С. 3.
23. Статистический справочник Нижней Волги (1929–1933). Сталинград, 1934 / Нижневолжский Крайплан – Крайунху. – Сталинград : Изд. журнала «Нижнее Поволжье», 1934. – 459 с.
24. Тогда и сейчас: эволюция площади Павших Борцов // Блокнот. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://bloknot-volgograd.ru/news/togda-i-seychas-evolyutsiya-ploshchadi-pavshikh-bo-917904> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Arhitekturnyj stil': konstruktivizm* [Architectural Style: Constructivism]. URL: <https://www.regent-decor.ru/lib/articles/architecture/konstruktivizm.html> (accessed 10 September 2020).

2. *Ves' Caricyn. Spravochnik po gor. Caricynu i Caricynskomu uezdu za 1911 g.* [All Tsaritsyn. Reference Book on the City of Tsaritsyn and Tsaritsyn Uyezd for 1911]. Tsaritsyn, Tsaritsynskaya mysl Publ., 1911. 113 p.

3. *General'nyj plan Stalingrada. A. i L. Vesniny. 1930 g.* [General Plan of Stalingrad. A. and L. Vesnins. 1930]. URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/2384> (accessed 10 September 2020).

4. Bulyulina E.V., Garskov I.V., Kadashova V.M. et al. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti: Putevoditel'* [State Archive of Volgograd Region: Guide]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. 572 p.

5. Grechuhina Ju. V Volgograde otkryta vystavka «Zdaniya – kreposti Stalingrada» [The Exhibition “Buildings – Fortresses of Stalingrad” Is Open in Volgograd]. *Volgogradskaja Pravda*, 27 August 2019. URL: <https://vpravda.ru/kultura/v-volgograde-otkryta-vystavka-zdaniya-kreposti-stalingrada-75421/> (accessed 15 September 2020).

6. Dokladnaja zapiska sekretarja Stalingradskogo obkoma VKP(b) A.S. Chujanova i predsedatelja Stalingradskogo oblispolkoma I.F. Zimenkova G.M. Malenkovu i N.A. Voznesenskomu s predlozhenijami po planirovke central'noj chasti Stalingrada ot 25 maja 1943 g. [Report of the Secretary of the Stalingrad Regional Committee of the CPSU(b) A.S. Chujanov and the Chairman of the Stalingrad Regional Executive Committee I.F. Zimenkov to G.M. Malenkov and N.A. Voznesensky with Proposals for Planning the Central Part of Stalingrad Dated May 25, 1943]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, inv. 121, d. 195, l. 66-67.

7. Zakljuchenie po Aktu priemki poselka im. A.I. Rykova ot 5 janvarja 1926 g. [Conclusion on the Act of Acceptance of the Settlement Named After A.I. Rykov of January 5, 1926]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of Volgograd Region], f. 278, inv. 1, d. 35, l. 4-5.

8. Ivanov S.M., Suprun V.I. *Pravoslavie na volgogradskoi zemle: khramy Tsaritsyna – Stalingrada – Volgograda* [Orthodoxy on Volgograd Land: Churches of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd]. Volgograd, Izd-vo VGIPK RO, 2003. 240 p.

9. *Iz istorii instituta «Giprogor»* [From the History of “Giprogor” Institute]. URL: <http://www.giprogor.ru/about/history> (accessed 10 September 2020).

10. Kobyakov E. *Neizvestnyj Stalingrad* [Unknown Stalingrad]. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2020. 320 p.

11. Lipatov A.V., Taktasheva F.A. *Socialisticheskoe preobrazovanie goroda v 1930-e gg.: Stalingrad kak social'no-jekonomicheskij centr Nizhnego Povolzh'ja* [Socialist Transformation of the City in the 1930s: Stalingrad as the Socio-Economic Center of the Lower

Volga Region]. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': sb. nauch. tr.* [Document. Archive. History. Modernity. Collection of Scientific Works]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, 2018, iss. 18, pp. 241-246.

12. Meerovich M.G. *Gradostroitel'naja doktrina Rossii. Istoricheskie predposylki* [Urban Planning Doctrine of Russia. Historical Prerequisites]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2003, no. 1 (13), pp. 116-123.

13. Nazarova M.P., Oleynikov P.P. *Ischeznuvshij i vozrozhdenyj: arhitektura Stalingrada do i posle Stalingradskoj bitvy* [Disappeared and Revived: The Architecture of Stalingrad Before and After the Battle of Stalingrad]. *Sociologija goroda* [Sociology of the City], 2013, no. 1, pp. 20-26.

14. Oleinikov P.P. *Arkhitekturnoe nasledie Stalingrada* [Architectural Heritage of Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 560 p.

15. Oleinikov P.P., Antyufeev A.V., Ptichnikova G.A., Sharyga N.P. *Formirovanie gradostroitel'nogo ansamblja ploshhadi Pavshih Borcov v dovoennom Stalingrade* [Formation of the Urban Planning Ensemble of the Square of the Fallen Fighters in Pre-War Stalingrad]. *Internet-vestnik VolgGASU. Seriya: Politematicheskaja* [Internet Bulletin of VolgGASU. Series: Polythematic], 2011, iss. 1 (15). URL: [http://vestnik.vgasu.ru/attachments/OleinikovAntyufeyev-2011_1\(15\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attachments/OleinikovAntyufeyev-2011_1(15).pdf) (accessed 10 September 2020).

16. Pishchulina S.Yu., Redkina O.Yu. *Vosstanovlenie Stalingrada v 1943–1945 gg.: problema formirovanija i raspredelenija trudovyh resursov* [Restoration of Stalingrad in 1943–1945: The Problem of the Formation and Distribution of Labor Resources]. *Jekonomicheskaja istorija* [Economic History], 2017, no. 38, pp. 64-77.

17. *Plan poselkov Bol'shaja i Malaja Francija na zavode «Krasnyj oktjabr'».* 1926 g. [The Plan of the Villages of Bolshaya and Malaya France at the Red October Plant]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. 278, inv. 1, d. 112, l. 117-119.

18. *Protokol № 33D. № AU 715/14 ot 10 janvarja 1932 g. «O perevode centra Nizhnevolzhskogo kraja iz g. Saratova v g. Stalingrad»* [Protocol No. 33D. No. AU 715/14 Dated January 10, 1932 “On the Transfer of the Center of the Lower Volga Region from Saratov to Stalingrad”]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 68, l. 258.

19. Sabsovich L.M. *Socialisticheskie goroda. Gosizdat RSFSR* [Socialist Cities. State Publishing House of the RSFSR]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1930. 124 p.

20. *Sobranie uzakonenij RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Legislation of the RSFSR], 1934, no. 5, art. 34, p. 43.

21. Stalingradskij Pokazatel'nyj Univermag [Stalingrad Demonstration Department Store]. *Stalingradskaja bitva* [Battle of Stalingrad]. URL: <https://stalingrad-battle.ru/projects/employee-writes/2014/4021/> (accessed 12 September 2020).

22. Stalingradskij univermag [Stalingrad Department Store]. *Stalingradskaja Pravda*, 1936, November 7, p. 3.

23. *Statisticheskij spravochnik Nizhnej Volgi (1929–1933)*. Stalingrad, 1934 [Statistical Handbook

of the Lower Volga (1929–1933). Stalingrad, 1934]. Stalingrad, Izd-vo zhurnala «Nizhnee Povolzh'ye», 1934. 459 p.

24. Togda i sejchas: jevoljucija ploshhadi Pavshih Borcov [Then and Now: Evolution of the Square of Fallen Fighters]. *Bloknot*. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/togda-i-seychas-evolyutsiya-ploshchadi-pavshikh-bo-917904> (accessed 10 September 2020).

Information About the Authors

Irina N. Litvinova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Spatial Analysis of Data, Historical Reconstruction and Modeling, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, litvinova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0611-336X>

Oksana A. Karagodina, Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher, Laboratory of Spatial Analysis of Data, Historical Reconstruction and Modeling, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, karagodina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-4942>

Информация об авторах

Ирина Николаевна Литвинова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории пространственного анализа данных, исторической реконструкции и моделирования, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, litvinova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0611-336X>

Оксана Александровна Карагодина, кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории пространственного анализа данных, исторической реконструкции и моделирования, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, karagodina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-4942>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.22>UDC 94(47+57)“1941/1945”(045)
LBC 63.3(2)622-08я4Submitted: 18.10.2020
Accepted: 11.12.2020

**V INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“MILITARY HISTORY OF RUSSIA: PROBLEMS, SEARCH, DECISIONS”
DEVOTED TO THE 75th ANNIVERSARY OF THE VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (SEPTEMBER 11–12, 2020, VOLGOGRAD)**

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents information about the V International scientific conference “Military history of Russia: problems, search, solutions” held in Volgograd on September 11–12, 2020, dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. The conference was held at Volgograd State University. The conference was informative and representative in its composition: more than 220 representatives of scientific institutions of the Russian Academy of Sciences, civil and military universities and centers, archives, museums and libraries in 48 cities of Russia, Azerbaijan, Belarus, Great Britain, Kazakhstan, USA, Turkmenistan and Ukraine. Among the participants of the conference there was a corresponding member of RAE, 39 doctors and 82 candidates of sciences. Along with professors and associate professors, the conference was attended by young scientists: assistant lecturers, postgraduate students, master students, students and schoolchildren. The article analyzes the work of the plenary session, sections, round tables and the discussion platform. The mainstream sections were the following: “Patriotic War: history and modernity”, “National economy of the USSR during the Great Patriotic War”, “Social history of the Great Patriotic War”, “Lower Volga and the Don during the Great Patriotic War”, “Source base for the study of the Great Patriotic War”, “Problems of historiography of the Great Patriotic War”. The permanent sections presented reports on military history in ancient times, the middle ages, modern and contemporary times, social protection of the population in wartime, and international aspects of the Battle of Stalingrad. The round tables discussed issues of military and political security of society and the state, problems of military memorial tourism in the Russian Federation, and international aspects of military conflicts. The discussion platform was dedicated to patriotic education of children and youth.

Key words: scientific conference, Great Patriotic War, military history, military art, World War II, social protection of the population, military and political conflicts, international relations, patriotic education.

Citation. Sidorov S.G. V International Scientific Conference “Military History of Russia: Problems, Search, Decisions” Devoted to the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (September 11–12, 2020, Volgograd). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 253-260. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.22>

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(11–12 СЕНТЯБРЯ 2020 г., г. ВОЛГОГРАД)**

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена информация о проведенной 11–12 сентября 2020 г. в г. Волгограде V Международной научной конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Конференция проведена в Волгоградском государственном университете. Она была содержательной и представительной по своему составу: свыше 220 представителей научных учреждений РАН, гражданских и военных вузов и центров, архивов, музеев и библиотек 48 городов России, Азербайджана, Белоруссии, Великобритании, Казахстана, США, Туркменистана и Украины. Среди участников конференции член-корреспондент РАО, 39 докторов и 82 кандидата наук. Наряду с профессорами и доцентами в работе конференции приняли участие молодые ученые: ассистенты, аспиранты, магистранты, студенты и школьники. В статье проанализирована работа пленарного заседания, секций, круглых столов и дискуссионной площадки, центральными из которых были секции «Великая Отечественная война: история и современность», «Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны», «Социальная история Великой Отечественной войны», «Нижняя Волга и Дон во время Великой Отечественной войны», «Источниковая база по изучению Великой Отечественной войны», «Проблемы историографии Великой Отечественной войны». В постоянных секциях были представлены доклады о военной истории в древности, средневековье, новом и новейшем времени, социальной защите населения в условиях военного времени, международных аспектах Сталинградской битвы. На круглых столах рассмотрены вопросы военно-политического обеспечения безопасности общества и государства, проблемы военно-мемориального туризма в Российской Федерации, международные аспекты военных конфликтов. Дискуссионная площадка была посвящена патриотическому воспитанию детей и молодежи.

Ключевые слова: научная конференция, Великая Отечественная война, военная история, военное искусство, Вторая мировая война, социальная защита населения, военно-политические конфликты, международные отношения, патриотическое воспитание.

Цитирование. Сидоров С. Г. V Международная научная конференция «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (11–12 сентября 2020 г., г. Волгоград) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 253–260. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.22>

V Международная научная конференция «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, состоялась в Волгоградском государственном университете 11–12 сентября 2020 года. Организаторами конференции выступили ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Центр коллективного пользования «Военная история России», Центр по изучению Сталинградской битвы, ФГУБК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник “Сталинградская битва”», ГКУВО «Государственный

архив Волгоградской области», Центр документации новейшей истории Волгоградской области, Волгоградское региональное отделение Российского исторического общества, Волгоградское региональное отделение Российского военно-исторического общества, Волгоградское региональное отделение Академии военных наук РФ, Волгоградское региональное отделение Российского общества политологов, Научный центр Российской академии образования на базе Волгоградского государственного университета, Комитет образования, науки и молодежной политики Волгоградской области.

Из-за ограничений конференция проходила в дистанционном формате на площадке Zoom. В работе конференции приняли участие свыше 220 российских и зарубежных представителей. Среди зарубежных ученых – научные работники из Азербайджана (Институт истории им. А.А. Бакиханова НАНА, Бакинский государственный университет), Республики Беларусь (Брестский государственный технический университет), Великобритании (University of York), Казахстана (Казахская академия транспорта и коммуникации им. М. Тынышпаева, Казахская академия труда и социальных отношений, Академия гражданской авиации), США (Кливленд), Туркменистана (Туркменский государственный университет им. Махтумкули), Украины (Луганский национальный университет).

Из Российской Федерации участвовали ученые 40 городов: Астрахани, Балашихи, Брянска, Верхней Пышмы, Владимира, Волгограда, Волжского, Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Камышина, Керчи, Кирова, Краснодара, Курска, Луги, Майкопа, Москвы, Нижнего Новгорода, Новороссийска, Оренбурга, Орла, Пензы, Перми, Ростова-Дону, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Севастополя, Симферополя, Смоленска, Сургута, Сызрани, Твери, Тольятти, Элисты, Южно-Сахалинска, Ярославля.

Участники конференции представляли более 90 различных научных организаций и высших учебных учреждений, архивов, библиотек и музеев:

– подразделения РАН: Институт Российской истории, Институт социологии ФНИСЦ, Калмыцкий научный центр, Уральское отделение;

– Московский им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственные университеты;

– федеральные университеты: Уральский, Южный;

– национальные исследовательские университеты: ИТМО, Самарский им. академика С.П. Королева, Саратовский;

– государственные университеты: Адыгейский, Астраханский, Башкирский, Брянский, Владимирский, Волгоградский, Волгоградский социально-педагогический, Волгоградский технический, Вятский, Кубанский,

Кубанский технический, Московский медицинский, Нижегородский лингвистический, Оренбургский аграрный, Оренбургский педагогический, Пензенский, Поволжский сервиса, Российский гуманитарный, Рязанский, Самарский, Самарский медицинский, Самарский социально-педагогический, Самарский технический, Санкт-Петербургский морского и речного флота, Санкт-Петербургский телекоммуникаций, Сахалинский, Севастопольский, Сургутский педагогический, Тольяттинский, Тверской технический, Финансовый университет при Правительстве РФ (Новороссийский филиал);

– государственная академия: Российская академия народного хозяйства и государственной службы;

– негосударственное высшее учебное заведение: Европейский университет в Санкт-Петербурге;

– военные академии, училища и центры: Военная академия ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, Ярославское высшее военное училище ПВО, ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;

– другие высшие учебные заведения и научные центры, колледжи, лицеи и школы;

– архивы: Государственный архив Волгоградской области, Государственный архив Курской области, Российский государственный архив фонодокументов, Центр документации новейшей истории Волгоградской области;

– музеи: Волгоградский краеведческий музей, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», Государственный музей-заповедник «Старая Сарепта», Государственный музей политической истории России, Музей военной техники (г. Верхняя Пышма), Севастопольский военно-исторический музей-заповедник.

Участниками конференции стали членкорреспондент РАО, 39 докторов и 82 кандидата наук. Наряду с профессорами и доцентами в работе конференции приняли участие молодые ученые: ассистенты, аспиранты, магистранты, студенты и школьники, которые внесли свой вклад в освещение проблем конференции.

До начала работы конференции издательство Волгоградского государственного университета выпустило сборник материалов в трех частях «Военная история России: проблемы, поиски, решения» общим объемом свыше 76 п. л. [1].

Пленарное заседание конференции состоялось 11 сентября. Оно было открыто приветствиями участникам конференции проректора по учебной работе и инновационным технологиям Д.Ю. Ильина и руководителя Центра коллективного пользования «Военная история России» доктора исторических наук, профессора С.Г. Сидорова, директора института истории, международных отношений и социальных технологий ВолГУ доктора социологических наук Е.Н. Васильевой.

Д.Ю. Ильин отметил, что начиная с 2014 г. в стенах Волгоградского государственного университета проводится уже пятая международная научная конференция, посвященная военной истории России. Первая конференция была посвящена 100-летию Первой мировой войны, вторая – 70-летию победы в Великой Отечественной войне, третья – 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг., четвертая – 75-летию победы в Сталинградской битве. Международная конференция, проводимая в этом году, посвящена 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Проректор университета подчеркнул историческое значение победы над гитлеровской Германией и особо отметил, что сегодня, в условиях, когда в ряде стран пытаются пересмотреть итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн, события тех грозных лет заслуживают дальнейшего внимательного изучения.

С.Г. Сидоров ознакомил участников конференции с деятельностью ЦКП «Военная история России» и огласил сведения о количестве докладчиков, их научной квалификации, о представляемых ими государствах, учреждениях и организациях.

Доктор исторических наук, профессор В.Н. Парамонов (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева) представил на пленарном заседании доклад на тему «Народ и власть в СССР: 1941–1945: особенности взаимоотношений». Докладчик рассмотрел особенности взаимоотношений населения и власти в СССР

в чрезвычайных условиях войны 1941–1945 гг., включая жесткую централизацию, усиление этикетизации, восприятие гражданами лидеров страны, формы и методы учета настроений населения партийно-государственным аппаратом, увеличение количества писем во власть. Автор обосновал вывод о доминировании единства народа и власти как фактора победы в войне.

На пленарном заседании также был заслушан доклад доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского В.Н. Данилова «Централизация власти и общественная мобилизация в годы Великой Отечественной войны». Выступающий показал процесс усиления централизации власти, за счет чего было обеспечено эффективное управление страной в чрезвычайных условиях. Стержнем властной системы, по мнению докладчика, являлись аппарат и организации Коммунистической партии. В выступлении подчеркивалось, что централизация власти сочеталась с мобилизацией общества, движущей силой и основой которой являлась вера народа в победу над агрессором.

На конференции в период с 11 по 12 сентября работало 9 секций. Центральное место в работе конференции было отведено секциям «Великая Отечественная война: история и современность», «Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны», «Социальная история Великой Отечественной войны», «Нижняя Волга и Дон во время Великой Отечественной войны», «Источниковая база по изучению Великой Отечественной войны», «Проблемы историографии Великой Отечественной войны», в которых были представлены 73 доклада на самые различные темы военного, социально-экономического, политического и международного характера.

В первой секции «Великая Отечественная война: история и современность» было представлено 17 докладов, в том числе 5 докторами и 9 кандидатами наук.

Доклад А.А. Чемшит, доктора политических наук, профессора Севастопольского государственного университета, посвящен месту и роли Верховного главнокомандующе-

го в Великой Отечественной войне. Автор отметил, что в начальный период войны сказывалась недостаточность его оперативно-стратегической подготовки, что Сталин «на ходу» овладевал искусством полководца. После Сталинградской и Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Возглавив Ставку Верховного главнокомандования, Сталин установил эффективный и деловой стиль ее работы. Под непосредственным руководством Верховного главнокомандующего советские Вооруженные силы выстояли в оборонительных кампаниях и победоносно провели все наступательные операции. В итоге докладчиком сделан вывод о том, что Сталин в статусе Верховного главнокомандующего сыграл выдающуюся роль в разгроме вермахта Красной армией.

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны С.Г. Осьмачко представил доклад «Эвакуация материально-производственных и людских ресурсов в годы Великой Отечественной войны». В нем обобщены результаты эвакуации производительных сил СССР, преимущественно военно-промышленного комплекса, в первом периоде войны (1941–1942 гг.), выделены две волны эвакуации: вторая половина 1941 г. и вторая половина 1942 г., связанные с военной активностью оккупантов. Автором показаны объемы, пути и способы эвакуации материальных и людских ресурсов, рассмотрена руководящая деятельность военно-политического руководства СССР в отношении эвакуации и сделаны выводы относительно степени готовности страны и экономики к войне.

Доклад Е.М. Малышевой, доктора исторических наук, профессора Адыгейского государственного университета, на тему «Нюрнбергский трибунал о преступлениях германского нацизма на оккупированной территории СССР: забытые уроки истории» направлен против попыток пересмотра приговора Международного Нюрнбергского трибунала, осудившего виновных в военных преступлениях против человечества и мира, развязавших масштабную акцию истребления народов по политическим, расовым и другим мотивам.

В выступлении попыткам ревизии оценок и итогов Второй мировой войны противопоставлена основанная на архивных документах историческая реальность.

М.С. Зинич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, в своем докладе рассмотрела проблему перемещенных культурных ценностей по трем аспектам: вывоз фашистами культурного наследия России; возвращение в Отечество похищенных сокровищ; перемещение в СССР европейских коллекций. Автор показал масштабы уничтожения и расхищения российского национального достояния в период Великой Отечественной войны, назвал основные немецкие организации, осуществлявшие эти преступные акции. Докладчик отметил, что у Германии культурные ценности изымались не в качестве военных трофеев, а как форма ответственности государства-агрессора.

Доклад кандидатов исторических наук, доцентов Казахской академии транспорта и коммуникации им. М. Тынышпаева М.М. Айтказиной и А.С. Абдирайымовой на тему «Воспитание мужества: опыт Великой Отечественной войны» раскрывает богатое военнополитическое и духовное наследие Героя Советского Союза Баурджан Момыш-улы.

Героям Советского Союза – шести выпускникам ФЗУ № 1 им. Комсомольской правды города Сталинграда посвящен доклад кандидата исторических наук Е.В. Лихомановой (г. Волгоград).

Ряд докладов участников секции раскрывал деятельность различных родов войск в операциях Великой Отечественной войны. Так, заведующий музеем Военной академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого В.Ф. Лишик и адъюнкт этой академии А.Н. Чистяков рассмотрели совершенствование применения советской артиллерии в преддверии битвы под Сталинградом. О.Е. Ащеулов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории Института российской истории РАН, свое выступление посвятил артиллерии 1-го Белорусского фронта в Бобруйской наступательной операции советских войск 1944 года. Э.И. Савенков, аспирант Саратовского национального исследовательского государственного

ного университета им. Н.Г. Чернышевского, на примере 47-й и 50-й гвардейских танковых бригад Саратовского формирования рассмотрел особенности применения танковых бригад в Берлинской наступательной операции.

Доклады второй секции «Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны» посвящены работе советского тыла, транспорта, участию населения в оказании помощи фронту, восстановлению освобожденных районов, помощи союзников. Так, доклад Н.Н. Мельникова, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург), и С.В. Рузаева, заместителя директора Музея военной техники (г. Верхняя Пышма), отразил танковое броневое производство в восточных регионах СССР в годы войны. О.Н. Аргунов (к.и.н., г. Курск) остановился на организации и проведении заготовок продовольствия на территории Курской области (1943–1945 гг.). И.В. Невзорова (к.и.н., г. Оренбург) показала развитие стахановского движения Оренбургской области в годы Великой Отечественной войны. И.А. Лысенко (к.э.н., г. Волгоград) свое выступление посвятила промысловой кооперации Сталинградской области в 1942–1943 годах.

В докладе И.В. Быстровой, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, профессора кафедры новейшей истории России Российского государственного гуманитарного университета, показаны поставки по ленд-лизу, имевшие важнейшее значение для снабжения Красной армии продовольствием, предметами интендантского снабжения, автотранспорта. Эти поставки способствовали повышению боевой готовности советских войск и успешному решению ими боевых задач.

16 докладов третьей секции посвящены социальной истории Великой Отечественной войны. Н.В. Чернышова (к.и.н., г. Киров) проанализировала детскую и младенческую смертность в Волго-Вятском регионе РСФСР. А.Ю. Клековкин (г. Сызрань) раскрыл особенности формирования образа врага в сознании участников Великой Отечественной войны. Д.С. Аннаоразов (к.и.н., г. Ашхабад, Туркменистан) осветил деятельность артистических бригад из Туркменистана на фронтах

Великой Отечественной войны. Е.Ю. Шакирова (д.филос.н., г. Сызрань) в своем докладе отразила начало сотрудничества английских и советских летчиков осенью 1941 года. В.А. Смирнова (к.и.н., г. Москва) рассмотрела доступ оstarбайтеров и военнопленных к медицинской помощи во время пребывания в Третьем рейхе.

Несколько выступлений подготовлено на основе материалов Сталинградской области. Так, С.Ю. Пищулина (к.и.н., г. Волгоград) показала повседневную жизнь сталинградцев и продовольственное снабжение населения. Д.К. Кадуцков (г. Волгоград) рассмотрел деятельность учреждений здравоохранения в дни Сталинградской битвы. В.Н. Василевский (г. Волгоград) и А.Е. Епифанов (д.ю.н., г. Волгоград) раскрыли организационные и правовые основы изблечения гитлеровских поработителей. С.М. Иванов (к.филос.н., г. Волгоград) показал историю тех православных храмов и священнослужителей г. Сталинграда и области, которые уцелели от антирелигиозных гонений к 1941 году.

Доклады четвертой секции «Нижняя Волга и Дон во время Великой Отечественной войны» посвящены как военным операциям и деятельности отдельных родов войск на территории региона, так и истории отдельных районов области в военные годы. А.В. Луночкин (к.и.н., г. Волгоград) рассмотрел борьбу за плацдармы в Малой излучине Дона в августе – ноябре 1942 года. В.О. Терентьев (к.и.н., г. Санкт-Петербург) показал бои зенитной артиллерии Саратовско-Балашовского дивизионного района ПВО с люфтваффе осенью 1942 года. С.Г. Сидоров (д.и.н., г. Волгоград) охарактеризовал влияние Сталинградской битвы на состояние и развитие Светлоярского района Волгоградской области. О.В. Тузова (д.и.н., г. Самара) показала основные направления и условия деятельности Сталинградской филармонии в 1939–1945 годах.

13 докладов пятой секции «Источниковая база по изучению Великой Отечественной войны» представлены как работниками архивов, так и исследователями, и знакомят с новыми источниками военного периода.

Е.Л. Храмова (д.и.н., г. Самара) проанализировала потенциал документов и материалов, посвященных участнику Сталинградс-

кой битвы, Герою Советского Союза Владимиру Михайловичу Михееву (1915–1986), которые хранятся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории, архиве Самарского государственного социально-педагогического университета и в музее истории органов внутренних дел Культурного центра Главного управления МВД России по Самарской области. Н.В. Потапова (д.и.н., г. Южно-Сахалинск) оценила возможности материалов Российского государственного архива Военно-морского флота в раскрытии подготовки Японии к войне на Тихом океане. Е.В. Терентьева (к.и.н., г. Санкт-Петербург) показала освещение в прессе различных групп французских периодических изданий оккупированной Франции (немецких франкоязычных, умеренно коллаборационистских и движения Сопротивления) капитуляции немецких войск и фельдмаршала Паулюса под Сталинградом в январе – феврале 1943 года. Н.А. Насонова (г. Волгоград) показала возможности ЦДНИВО в освещении истории оккупации Сталинградской области.

Проблемы источниковой идентификации захоронений периода войны 1941–1945 гг. на территории Сталинграда затронуты в выступлении И.В. Котовой (г. Волгоград). В.В. Каплюков (к.и.н., г. Екатеринбург) свой доклад посвятил документам ЦДООСО, отражающим помощь Среднего Урала в восстановлении разрушенного Сталинграда. А.В. Горшенин (к.и.н., г. Самара) исследовал источниковедческие аспекты деятельности ученого-микробиолога Зинаиды Виссарионовны Ермольевой.

11 докладов шестой секции «Проблемы историографии Великой Отечественной войны» затронули такие темы, как опыт изучения войны и концептуальные основы советской исторической науки 1960 – первой половины 1980-х гг. (Л.А. Сидорова, д.и.н., г. Москва), освещение причин Второй мировой войны в современной историографии ФРГ (Б.А. Ночвина, к.и.н., г. Нижний Новгород), освещение участия азербайджанцев в Сталинградской битве в азербайджанской советской историографии (Ш.К. Мовсумов, к.и.н., г. Баку), новейшая отечественная историография о положении и деятельности Русской православной церкви и изменении государственно-церковных отношений в годы войны (В.Н. Якунин, д.и.н., г. Тольятти) и др.

В период работы конференции действовали и постоянные секции.

На секции «Военная история в древности, средневековье, новое и новейшее время» был представлен 21 доклад, в их числе об истории военного противостояния в IX–X вв. хазаров и торков (Е.Н. Шумилов, к.и.н., г. Пермь), о военных действиях в Крыму в IX в. по сюжетам из Жития Константина Философа (Ю.М. Могаричев, д.и.н., г. Симферополь).

Значительная часть докладов посвящена истории XIX в.: социальному значению военной реформы Александра II (А.С. Орлов, к.и.н., г. Орел), роли боевого коня в повседневной жизни казака (Е.В. Годовова, д.и.н., г. Оренбург), дворянскому ополчению и «земскому войску» Смоленской губернии в войне 1812 г.» (К.В. Купченко, к.и.н., Н.В. Никитина, к.и.н., г. Смоленск), взглядам известного предпринимателя и общественного деятеля И.С. Блюха на милитарную политику России во второй половине XIX в. (Н.Ю. Николаев, к.и.н., г. Волжский).

В ряде докладов затронуты проблемы XX в.: образ Германии в российской прессе во время Первой мировой войны (О.В. Пименов, аспирант, г. Волгоград), взаимоотношения Азербайджана и Горской Республики в 1918–1919 гг. и их попытка создать Конфедерацию Кавказских Республик (С.О. Мустафаева, к.и.н., г. Баку) и др.

На секции «Социальная защита населения в условиях военного и послевоенного времени» представлено 9 докладов. Д.Н. Округин (г. Санкт-Петербург) затронул проблему оказания американской помощи России в годы Первой мировой войны. Т.В. Юдина (д.и.н., г. Волгоград) проанализировала социально-экономическое и политическое положение в Нижнем Поволжье после Первой мировой и Гражданской войн.

Ряд докладов посвящены периоду Великой Отечественной войны и ее последствиям. А.П. Фернандес (г. Москва) рассмотрела проблему эвакуации испанских детских домов из Москвы, Подмосковья и Украины в тыловые районы страны, Л.А. Болокина (к.и.н., г. Тверь) раскрыла причины ухудшения продовольственной ситуации в Калининской области в годы войны, Е.Г. Олейникова (д.и.н., г. Волгоград) и С.С. Симонова (к.ю.н., г. Волгоград)

исследовали формы и методы государственной политики восстановления социальных объектов Сталинграда в 1943–1945 гг., О.Е. Андрющенко (к.социол.н., г. Волгоград) остановилась на формировании пенсионного законодательства в СССР в послевоенные годы.

В рамках работы конференции проведено три круглых стола, посвященных военно-политическому обеспечению безопасности общества и государства, военно-мемориальному туризму в Российской Федерации и роли СМИ и общественной дипломатии в разрешении международных военных конфликтов.

На состоявшейся дискуссионной площадке была рассмотрена проблема патриотического воспитания детей и молодежи. Модераторами площадки выступили В.В. Сериков, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва), И.В. Власюк, доктор педагогических наук, профессор (г. Волгоград) и Н.М. Борытко, доктор педагогических наук, профессор, директор НИЦ РАО ВолГУ (г. Волгоград).

В ходе пленарного и секционных заседаний, круглых столов и на дискуссионной пло-

щадке проводилось широкое обсуждение как указанных, так и других докладов, высокий уровень которых был отмечен участниками конференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 11–12 сент. 2020 г. В 3 ч. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2020. – Ч. 1. – 436 с. ; Ч. 2. – 477 с. ; Ч. 3. – 395 с.

REFERENCES

1. *Voyennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy V Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne, Volgograd, 11–12 sent. 2020 g. V 3 ch.* [Military History of Russia: Problems, Search, Decisions: Proceedings of the V International Scientific Conference Devoted to the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, Volgograd, September 11–12, 2020. In 3 Pts.]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020, pt. 1. 436 p., pt. 2. 477 p., pt. 3. 395 p.

Information About the Author

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 2494 руб. 50 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 2494.50 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

